

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научной конференции
с международным участием

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

ЗАДОКУМЕНТИРОВАННОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО

27–28 октября 2020 г.
Петрозаводск

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ЗАДОКУМЕНТИРОВАННОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО»
(Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.)

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2020

УДК 811.511.1(063) + 061.12:009(063)

ББК 81.2

М34

Рецензенты:

А. П. Родионова, кандидат филологических наук

В. А. Кирьянов, кандидат исторических наук

Отв. редактор: *И. П. Новак*

Публикация подготовлена при поддержке грантов РФФИ

№ 18-012-00034 А «Особенности сохранения культурного и языкового наследия Заонежья»,

№ 18-012-00117 А «Проблемы создания корпусов языков малочисленных народов России на примере Открытого корпуса вепсского и карельского языков»,

№ 19-012-00068 А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций»,

№ 19-59-04004 Бел_мол_а «Механизмы сохранения языка и этнокультурной идентичности титульных этносов Карелии и Беларуси: молодежные инициативы»,

№ 20-012-00171 А «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX – начала XXI вв. в условиях приграничья».

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием
М34 «**Бубриховские чтения: задокументированное народное слово**» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.) [Электронный ресурс] / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» ; Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – 1 CD-ROM. – Систем. требования : PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Microsoft Windows, MAC OSX ; 256 Мб (RAM); Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8021-3789-5

Электронная публикация включает материалы, подготовленные к конференции «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Конференция посвящена 130-летию со дня рождения основателя отечественного финно-угроведения профессора Д. В. Бубриха, а также 90-летию Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, у истоков которого он стоял. Организаторами конференции являются Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН и кафедра прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета.

УДК 811.511.1(063) + 061.12:009(063)
ББК 81.2

ISBN 978-5-8021-3789-5

© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2020
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2020
© Петрозаводский государственный университет, 2020
© Трифанова А. Н., обложка, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Традиции Бубриховской школы в современном финно-угроведении	7
© Колтакова Н. Н. Д. В. Бубрих: помним и чтим (к 130-летию со дня рождения)	8
© Поляков О. Е. Д. В. Бубрих – исследователь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков	11
© Андронов А. В., Попов М. Б. Рукопись Д. В. Бубриха «К вопросу о происхождении севернорусского цоканья и некоторых других явлений того же порядка» (1942) в контексте истории науки	14
© Томеллери В. С., Гордиенко Г. В. Д. В. Бубрих и догерманский субстрат: статья «О языковых следах финских тевтонов-чуди» (1926) и ее неопубликованные варианты	21
© Новак И. П. К 130-летию Д. В. Бубриха: кластеризация в подтверждение единства карельского языка	30
© Мызников С. А. Новые финно-угорские этимологии по данным русских говоров Беломорья	34
© Агранат Т. Б. Сето в Сибири	38
© Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные явления в падежных парадигмах эрзянских говоров Новомалыклинского района Ульяновской области	42
© Кошелева М. В. <i>Tehta</i> или <i>tehtaaha</i> : дистрибуция синтаксических ролей I и III инфинитивов в вепском языке	46
© Минвалеев С. А. К вопросу об этнической идентификации карелов-людиков	51
© Жуков А. Ю. Брачные связи в Тулмозерской волости Карелии и этническая консолидация тулмозерских ливвиков (конец XVII – середина XVIII вв.)	55
Языковой образ мира: слово как отражение народной культуры	71
© Егоров С. Б. Отражение исторической памяти вепсов в преданиях	72
© Жукова О. Ю. Лексические и структурно-стилистические особенности вепских заговорных текстов от укуса змеи	76
© Пеллинен Н. А. Обозначение ребенка грудного возраста в карельском языке: этнолингвистический аспект	79
© Рывкина Г. В. Традиционные средства передвижения карелов сквозь призму карело-финского эпоса	83
© Каракин Е. В. Бранная и обценная лексика в диалектных словарях карельского языка	86
© Ракин А. Н. Номинация возвышенного ландшафта в коми-пермяцком языке	89
© Соловьев И. В. К вопросам семантики музыкально-этнографической терминологии в музыкальной традиции саами (междисциплинарный аспект изучения)	93
© Афанасьева А. А. «Сележная» ойконимия Сямозерья: хронология и ареал	97
© Захарова Е. В. Становление официальной системы ойконимов Ведлозерья по данным письменных источников	101
© Кузьмин Д. В. О начальном этапе формирования ойконимии южной Карелии	105
Художественное слово в ареале языкового и этнического пограничья	109
© Громова Л. Г. К 200-летию тверских переводных памятников карельской письменности начала XIX столетия	110
© Евсеева Е. В. «Калевала» в композиции О. В. Куусинена: создание, перевод, издания (по документам Национального архива Республики Карелия)	115
© Сойни Е. Г. Образ Финляндии в критике С. П. Дягилева в контексте русско-финских культурных взаимоотношений XX в.	118

© Новикова Я. В. Речь детей в военном романе Кауко Рёухкя «Maan korvessa kulkevi»	123
© Сумароков Г. Ю. Жанр городского фэнтези в контексте современной литературы Финляндии и России на примере романа Йоханны Синисало «Тролль» и цикла повестей «Лабиринты Ехо» Макса Фрая	127
© Маташина И. С. Русские мотивы в романе Челя Вестё «Мираж 38»	131
От картотеки до языкового корпуса	135
© Максимов В. Н. Волжский говор на страницах марийского диалектного словаря Öдöна Бэке (заимствованная лексика)	136
© Бойко Т. П. О некоторых тенденциях современного словообразования в новописьменном карельском языке	139
© Бойко Т. П. Материалы диалектных словарей как платформа для создания нормированной лексики в словарях новописьменного карельского языка	143
© Мосина Н. М. Семантика глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке (на материале языкового корпуса MokshEr)	147
© Чемышев А. В. Создание корпуса образцов марийской речи	151
© Абукаева Л. А. Опыт создания словарей на основе национального корпуса марийского языка (Словарь сравнений и Словарь эпитетов)	154
© Крижановская Н. Б., Крижановский А. А. От корпуса ВепКар к лингвистической платформе	157
Языковая политика, языковое планирование и преподавание финно-угорских языков в условиях межкультурной коммуникации	160
© Рунтова А. Н. «Терминологическое строительство» у тверских карелов в 30-е гг. XX в.	161
© Строгальщикова З. И. «Записана речь, ей забвения нет» (из истории вепсской и ижорской письменностей)	165
© Литвин Ю. В., Кундозерова М. В., Липницкая С. В., Изергина Е. Н., Шевченко (Кнурева) Я. С. Карельский и белорусский языки в киберпространстве: социовозрастной и этнопсихологический портрет языковых активистов (опыт сравнительного анализа)	171
© Шемерова Н. Н. Особенности усвоения дошкольником лексико-семантической стороны второго (эрзянского) языка	174
© Киркина Е. Н. Мордовский детский фольклор как средство ознакомления дошкольников с народной культурой	177
© Сайконен А. А. Функциональный подход в обучении финскому языку	180
© Пекшиева М. В. Аудиотекст в преподавании финского языка	183
© Karhu Anna Maija. Käännöskurssin teho: tekstikonventioiden omaksuminen käännöskurssin aikana	186

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская научная конференция с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» посвящена 130-летию со дня рождения известного русского лингвиста Дмитрия Владимировича Бубриха (1890–1949), стоявшего у истоков отечественного финно-угроведения, а также 90-летию юбилею старейшего научно-исследовательского учреждения Карелии – Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Свой первый визит в Карелию Д. В. Бубрих совершил в 1928 г. В Обществе изучения Карелии он сделал доклад о необходимости исследования особенностей карельского языка и сбора лингвистического материала. Первая организованная им экспедиция по собиранию материала по финско-карельским говорам состоялась в июле – августе 1930 г. В сентябре того же года было принято постановление об организации Карельского научно-исследовательского института, в котором выделилось этнографо-лингвистическое подразделение, что привело к началу целенаправленного и планомерного изучения языков и культур прибалтийско-финских народов Карелии.

В середине 1930-х гг. в республике развернулась работа по созданию письменности для карелов и вепсов. Политическая и этноязыковая ситуация определила основные направления работы института: сбор диалектного материала и теоретическое исследование прибалтийско-финских языков, нормирование младописьменных карельского и вепского языков, составление грамматик и учебных пособий. К этой работе активно подключился и Д. В. Бубрих. В августе 1937 г. в Петрозаводске на Карельской лингвистической конференции он представил предложения по разработке грамматики единого карельского языка. В том же году им была развернута масштабная работа по созданию «Диалектологического атласа карельского языка» (1997), ставшего фундаментальным трудом по карельской диалектологии. В 1948–1949 гг. Дмитрий Владимирович руководил работой Карело-финского научно-исследовательского института культуры – предшественника Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. В ходе многолетней плодотворной работы в Карелии Д. В. Бубрихом был накоплен уникальный языковой материал, владение которым позволило ему написать ряд основополагающих работ по прибалтийско-финским языкам и этногенезу прибалтийско-финских народов. Дмитрий Владимирович уделял особое внимание и подготовке квалифицированных кадров, результатом чего стало создание силами нескольких поколений школы прибалтийско-финского языкознания в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Для самой конференции «Бубриховские чтения» 2020 год также является юбилейным. Решение о ее проведении было принято в 2000 г. За эти годы дискуссионная площадка выросла из межвузовской молодежной школы во всероссийскую конференцию, собирающую исследователей и преподавателей целого ряда дисциплин, связанных с финно-угорской тематикой. В конференции традиционно, наряду с ведущими учеными, докторами наук, профессорами из Карелии и других субъектов Российской Федерации, а также из Финляндии и Эстонии, принимают участие молодые специалисты и аспиранты. Таким образом, научная конференция, поддерживающая лучшие традиции Бубриховской школы, стала эффективным инструментом для развития исследований в области прибалтийско-финской филологии и культуры на Северо-Западе России, обмена опытом и мнениями, а также роста молодых кадров. Итоги этой работы опубликованы в виде восьми сборников материалов (2002, 2005, 2008, 2009, 2011, 2015, 2016, 2020 гг.).

Конференция «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» объединила исследователей из тех субъектов Российской Федерации, в которых работал Д. В. Бубрих и с которыми были связаны его научные интересы (Санкт-Петербурга, Москвы, республик Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Тверской и Свердловской областей), а также из Финляндии, Италии, Республики Беларусь. В форматах пленарных и секционных заседаний, круглых столов обсужден целый ряд фундаментальных и прикладных проблем языков, литератур и культур финно-угорских народов России.

Финно-угорское языковое сообщество занимает важное место на языковой карте России. Из всего круга проблем финно-угорского языкознания в центр внимания вынесена фундаментальная проблема слова как элемента лексической системы языка и предмета лексикологического исследования. Ее актуальность вызвана вниманием современного финно-угроведения, с одной стороны, к сбору и сохранению/документированию национальной лексики в условиях глобализирующегося мира, с другой – к отражению и сохранению в языке национальных особенностей ментальности и культуры.

Сборник материалов конференции открывает цикл «Традиции Бубриховской школы в современном финно-угроведении». Наряду со статьями, посвященными жизни и деятельности основателя российского финно-угроведения Д. В. Бубриха, в нем представлены новейшие результаты исследований фонетических, морфологических, синтаксических и лексических систем финно-угорских языков и севернорусских говоров, осуществленных в традициях сравнительно-исторического языкознания с применением современных методов исследования. В разделе представлены статьи, анализирующие вопросы этногенеза финно-угорских народов, а также итоги экспедиционной деятельности по изучению их языков и культур.

Раздел сборника «Языковой образ мира: слово как отражение народной культуры» представлен статьями, освещающими проблемы и результаты исследования языков Северо-Запада России (вепского, карельского, коми-пермяцкого и саамского) в контексте этнолингвистики, лингвофольклористики, лингвокультурологии и этномузыкологии. Отдельный блок цикла составляют статьи, посвященные формированию ойконимической системы южной Карелии.

Проблемы литературоведческого характера на основе анализа карело-, финно- и шведоязычной литературы, в том числе переводной, рассматриваются в цикле статей «Художественное слово в ареале языкового и этнического пограничья».

В статьях раздела «От картотеки до языкового корпуса» представлен путь от традиционных словарей и коллекций материалов образцов диалектной речи и фольклорных текстов на финно-угорских языках к современным языковым корпусам. В статьях поднимаются вопросы организации и наполнения корпусов, а также создания на их основе электронных словарей.

Сборник завершает цикл статей, посвященных анализу проблем языковой политики, языкового планирования, нормирования и преподавания финно-угорских языков (карельского, финского и мордовского) в условиях межкультурной коммуникации.

**ТРАДИЦИИ БУБРИХОВСКОЙ ШКОЛЫ
В СОВРЕМЕННОМ ФИННО-УГРОВЕДЕНИИ**

Д. В. БУБРИХ: ПОМНИМ И ЧТИМ
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Всё дальше от нас время, когда жил и работал Д. В. Бубрих, однако интерес к научному наследию и внимание к личности этого талантливого ученого и замечательного человека растет. В чем секрет? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на результаты собственных исследований, на некоторые новые и уже известные факты биографии Д. В. Бубриха.

Ключевые слова: письма, студент, будущий ученый, Санкт-Петербургский университет.

Наступает время очередного юбилея, связанного с именем члена-корреспондента АН СССР профессора Д. В. Бубриха. За последние полвека многое написано о жизни и научной деятельности этого необыкновенно одаренного человека. В центре внимания исследователей – научное наследие ученого, ведется поиск его неопубликованных трудов. Не ослабевает интерес и к личности Д. В. Бубриха, появляются новые публикации, в основе которых материал архивных документов [Мандрик 2018] и иных источников [Колпакова 2018]. Статья основана на материале писем Д. В. Бубриха, датируемых сентябрем 1911 – мартом 1912 гг. и переданных его родственниками более полутора десятков лет назад Л. И. Сувиженко, в то время заведующему кафедрой финно-угорской филологии СПбГУ. Позднее Л. И. Сувиженко отдал папку с письмами мне. Я не сразу решила прочесть их, а тем более рассказать об их содержании, поскольку такой материал требует исключительно тактичного отношения. Однако то обстоятельство, что эти письма были собраны, подшиты в виде тетради, сохранены, а потом переданы моему уважаемому коллеге, говорит о том, что они не могут быть преданы забвению. Прочесть и полностью расшифровать текст этих писем, каждая страница которых пронумерована карандашом, было непросто. В процессе чтения приходилось учитывать не только орфографические нормы, актуальные для того времени, но и особенности почерка Д. В. Бубриха, который писал, что никто, как правило, не понимает его почерк, из-за чего даже в университете часто неправильно пишут его фамилию (337 – здесь и далее в скобках даются номера страниц, обозначенные карандашом в подшивке писем. – *Н. К.*).

В письмах представлен очень большой (425 страниц) и разнообразный по содержанию материал. Они касаются, прежде всего, личных взаимоотношений 21-летнего студента 3-го курса славяно-русского отделения С.-Петербургского Императорского университета Д. В. Бубриха и его невесты, 19-летней Марии Федоровны Софоновой, ставшей вскоре его женой. В это время отец, мать и младший брат Д. В. Бубриха, Лев, живут в Риге. Там же живет и уже работает машинисткой («на пишущей машине») на центральной почте и «барышня», в которую Д. В. Бубрих страстно влюбился и сердце которой, как свидетельствуют письма, ему было очень непросто завоевать, поскольку она была очень хороша собой, пользовалась успехом на балах, была умна и обладала жестким характером. В этот период Д. В. Бубрих учился в С.-Петербурге и снимал вместе с младшим братом Николаем, тоже студентом университета, комнату на Васильевском острове. Роман с Марией Федоровной развивался столь стремительно, что венчание состоялось уже 1 апреля 1912 г., для чего молодому человеку пришлось преодолеть немало препятствий: нелегко было получить согласие родителей Дмитрия Владимировича, было важно преуспеть в учебе. Непростым было и его материальное положение, и юноша, строя планы на будущее, в письмах невесте неоднократно подчеркивает, что сначала они будут жить бедно и им придется нелегко. Как показывают письма, этот период сыграл очень важную роль в дальнейшей судьбе и в становлении личности будущего ученого.

По содержанию письма очень разнообразны. Здесь идет речь о жизни простых петербуржцев, о беспорядках в университете и об их причинах, о повседневном быте студентов, об их взаимоотношениях с преподавателями и друг с другом, о балах, о культурной жизни столицы, и даже

имеются очень точные сведения о погоде. Очевидно, что в рамках небольшого доклада не представляется возможным рассказать обо всем. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на тех фрагментах писем, которые имеют непосредственное отношение к их автору.

Как жил и чем занимался, кроме учебы, петербургский студент Д. В. Бубрих? Как и всякий молодой человек, он ходил в кинематограф. С братом Колей (так он его называет в письмах) часто танцевал на балах и вечерах в университете, в Женском педагогическом институте (166, 188, 199), у студентов-медиков (213). Его внимание привлекали барышни, молоденькие курсистки, «медички». Нередко ему приходилось «подежурить ночью» у Мариинского театра, например, чтобы послушать Шаляпина (71). Каждое воскресенье он ходил с братом к бабушке и там с удовольствием и подолгу играл «на рояли» (189), а его брат, обладавший хорошим голосом, много пел. Всё это не мешало Д. В. Бубриху успешно учиться и добиться стипендии (103). Каждый день утром он занимался, в частности, самостоятельно учил санскрит, которым очень увлекался, после 11–12 часов до 8 часов вечера (с перерывом на обед) занимался «в филологической читальне» (99, 143, 149–150). По собственной инициативе записался и был «принят в философский семинарий», который вел профессор А. И. Введенский (91) и который студент усердно посещал каждую субботу с 8 до 10 часов вечера, иногда задерживаясь там допоздна (115, 154–155). Самое большое внимание в этот период будущий лингвист уделял именно философии, планировал стать философом и даже был принят в философское общество С.-Петербурга, что для студента было редкостью (172). Как свидетельствуют письма, он был занят также еще двумя «просеминариями» (184), один из которых – по древнерусскому языку (185).

Именно в это время, а точнее в феврале 1912 г., незадолго до отъезда Д. В. Бубриха в Ригу на свадьбу, на него обращает серьезное внимание А. А. Шахматов. Д. В. Бубрих принимает решение досрочно написать «сочинение» по древнерусскому языку у А. А. Шахматова и таким образом несколько облегчить себе жизнь, поскольку профессор не требовал от студентов больших сочинений (338, 362). В последнем письме перед отъездом в Ригу Д. В. Бубрих не без гордости упоминает о том, что его работа по древнерусскому языку («Славянские племена Восточной Европы в IX в.») оказалась самой удачной из всех представленных. Причем профессор (очевидно, что это был А. А. Шахматов) целых две лекции уделил ее анализу. Перед отъездом также состоялся обстоятельный разговор с профессором о планах на будущее (411–412). Видимо, этот эпизод и положил начало развитию взаимоотношений между А. А. Шахматовым и Д. В. Бубрихом.

Как свидетельствуют дальнейшие события, родители молодого студента напрасно опасались, что столь ранний брак помешает его учебе и карьере. Как раз наоборот, невеста, а в дальнейшем жена, Мария Федоровна обладала многими качествами, которых не хватало Дмитрию Владимировичу, и сыграла очень большую роль в его жизни. Он сразу увидел в ней не только красавицу, за которой ухаживали многие, но и умного человека с твердым характером и практическим взглядом на жизнь (388–389). (В этом отношении, вероятно, уместно вспомнить о том, что великие люди часто и во многом своими успехами обязаны женам.)

Почти обо всем Д. В. Бубрих писал с юмором. Чувство юмора не изменило ему даже когда его брат Николай был наказан за участие в студенческой сходке двухмесячным тюремным арестом без исключения из университета. Пытаясь успокоить маму, Д. В. Бубрих просит невесту сказать ей, что ничего страшного в этом не видит, поскольку учебники передавать в тюрьму разрешается, а более удобного места для подготовки к экзаменам нет (359). В это время Д. В. Бубрих, к сожалению, уже заядлый курильщик. Стремясь, хотя бы в шутку, оправдать эту вредную привычку, он пишет невесте, что когда не курил, мог выучить в день 40 страниц, а курение позволяет ему выучить 80 страниц, и вообще папироса помогает ему во всех случаях жизни (успокоиться, согреться, не уснуть во время чтения ночью) (191–192). Между тем в письмах он часто жалуется на головную боль. Интересно также, что одинаково с юмором Д. В. Бубрих пишет и о полицейских, заполнивших университет во время февральских волнений, и об участниках беспорядков. Бунтари у него не вызывают симпатий. Например, обитателей тюрьмы, где отбывает наказание брат, он называет «арестантиками», а в письме к невесте выражает надежду на то, что она не станет революционеркой и не будет посылать его на подвиг (366). (Из этого видно отношение Д. В. Бубриха к участию в революционном движении.)

Готовясь вступить в брак, Д. В. Бубрих строит планы на будущее. Ему предстоит еще полтора года учиться и отбывать воинскую повинность (8 месяцев). Дальше он планирует сразу приступить к преподавательской деятельности, сдать магистерские экзамены, защитить магистерскую диссертацию, а через год и докторскую, после чего продолжить карьеру преподавателя, писать научные статьи и готовиться стать профессором. Таким образом, он надеялся поправить и материальное положение, поскольку преподаватель со степенью неплохо зарабатывал и мог надеяться на более выгодное место (352–353). Как мы знаем, приблизительно так всё и произошло. Однако этот процесс занял гораздо больше времени, так что магистерские экзамены Д. В. Бубрих сдал только в 1920 г. и после этого смог приступить к преподавательской деятельности в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и в Петроградском университете. Что же не позволило претворить в жизнь планы в первоначально предполагаемые сроки? Препятствием этому послужил целый ряд событий: в 1913 г. умирает отец Д. В. Бубриха, в 1914 г. начинается Первая мировая война, в 1917 г. происходит Октябрьская революция, затем начинается Гражданская война, в 1918 г. умирает мать Д. В. Бубриха, а в 1920 г. не стало А. А. Шахматова.

Время, в которое происходила переписка между Д. В. Бубрихом и его невестой, обозначено четко и охватывает очень небольшой период, несколько месяцев: сентябрь 1911 – март 1912 гг. Поскольку письма Д. В. Бубрих писал очень часто, а начиная с конца декабря 1911 г. почти каждый день, подробно рассказывая о том, как протекала его жизнь, они представляют исключительно богатый источник самых разнообразных сведений. Мы имеем уникальную возможность, читая письма, практически прожить вместе с их автором этот период его жизни. Он был страстно влюблен, а убедившись в ответных чувствах Марии Федоровны, – безмерно счастлив и полон надежд на лучшее, несмотря на непростое материальное положение. В дальнейшем он перевыполнил свои планы, став не только профессором, но и членом-корреспондентом АН СССР, основоположником научного направления – финно-угроведения – в Советском Союзе. Научное наследие Д. В. Бубриха огромно, однако собрано и опубликовано не всё, и с уверенностью можно сказать, что этот талантливый, разносторонне одаренный, но так рано ушедший из жизни ученый мог бы создать еще много полезного и интересного.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что обаяние личности Д. В. Бубриха испытали на себе не только те, кто его знал, но, несомненно, ощущают и все, кто хоть немного познакомился с его биографией, а потому последнее слово о нем еще не сказано.

Литература и источники

Колпакова Н. Н. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) // У истоков российской скандинавистики: портреты филологов и переводчиков / сост., вступ. ст. и коммент. Е. Дорофеевой. СПб.: Коло, 2018. С. 121–127.

Мандрик М. В. Лингвист Д. В. Бубрих: материалы к биографии и обзор фонда (№ 1112), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. д.и.н. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 628–643.

Письма Д. В. Бубриха 1911–1912 гг. Личный архив Н. Н. Колпаковой.

N. N. Kolpakova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. V. BUBRIKH: WE REMEMBER AND HONOR (TO THE 130th ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

The time when D. V. Bubrikh lived and worked is getting further and further behind us, but interest in his scientific heritage and attention to the personality of this talented scientist and remarkable man is growing. What's the secret? We will try to answer this question using the results of our own research, some new and well-known facts of D. V. Bubrikh's biography.

Keywords: letters, student, future scientist, St. Petersburg University.

Д. В. БУБРИХ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ

Д. В. Бубрих – член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР – является основателем советского финно-угроведения, основателем кафедры финно-угроведения при Ленинградском университете. Большую роль он сыграл в изучении мордовских языков, провел несколько лингвистических экспедиций на территории проживания мордвы. По материалам экспедиций написал несколько работ, в которых впервые решал вопросы мордовского языкознания, например: классифицировал эрзянские диалекты, исследовал историю гласных первого слога слова, выявил историю развития эрзянского ударения. Ученый участвовал в разработке вопросов мордовской орфографии.

Ключевые слова: Д. В. Бубрих, мордовские языки, мокшанский язык, эрзянский язык, финно-угорские языки, лингвистическая экспедиция, диалект.

Дмитрий Владимирович Бубрих – член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки Карело-Финской ССР, родился 130 лет назад в г. Санкт-Петербурге. В этом же городе в 1925 г. по его инициативе была организована кафедра финно-угорской филологии, которой он руководил в течение всей своей жизни. По сути он считается основателем советского финно-угроведения.

Известный финно-угровед уроженец Мордовии профессор Д. В. Цыганкин считает, что интерес к финно-угроведению у Д. В. Бубриха связан с именем выдающегося исследователя русского языка академика А. А. Шахматова, автора известного труда по мордовскому языкознанию «Мордовский этнографический сборник» (1910). Ценность работы заключается в том, что А. А. Шахматов в этот сборник поместил глубокий содержательный очерк звуковой системы и морфологии эрзянских сел Оркино и Сухой Карбулак Саратовской губернии. Познакомившись с работой А. А. Шахматова, Д. В. Бубрих заинтересовался мордовскими языками.

Д. В. Бубрих не случайно считается основателем советского финно-угроведения. Он, кроме мордовских языков, исследовал и карельский, и финский, и коми, и удмуртский языки. Однако современных финно-угроведов огорчает тот факт, что лингвист в своих работах не мог в полной мере опереться на сравнительно-исторический метод, поскольку его научное творчество совпало с годами, когда в советском языкознании господствующее положение занимало «новое учение о языке», категорически выступающее против сравнительно-исторического метода при изучении родственных языков. Поэтому в истории мордовского языкознания появилась работа Д. В. Бубриха «Историческая грамматика эрзянского языка» (Саранск, 1953). А без влияния «нового» псевдоучения о языке появилась бы работа «Историческая грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков». Несмотря на «новую теорию», как в данной работе, так и в других исследованиях Д. В. Бубриха просматриваются факты и явления, полученные путем сравнения с другими финно-угорскими языками. В то время нельзя было игнорировать этот метод, поэтому работы замечательного ученого в определенной мере были обеднены в своей значимости.

Д. В. Бубрих – организатор лингвистических экспедиций в места проживания финно-угорских народов. В 1927–1928 гг. такие экспедиции были проведены и на территории Мордовии, изучались диалекты мордовских языков. Материалы полевой работы позволили ученому впервые классифицировать эрзянские диалекты на три типа: простейший, прогрессивно-ассимилятивный, регрессивно-ассимилятивный. Известно, что мордовские экспедиции были проведены в 11 эрзянских селах (Кученяево, Суродеевка, Санеевка, Алово, Каналейка, Каласево, Луныга, Манадыши, Пилесево, Козловка, Турдаково). На основе их материалов Д. В. Бубрих написал несколько работ, среди которых более известная «Звуки и формы эрзянской речи.

По говору с. Козловка» (1930). Эта работа сыграла большую роль в выборе диалектной основы эрзянского литературного языка. В ней впервые делается попытка выяснить историю гласных первого слова и дается классификация эрзянских говоров по системе гласных; подробно исследованы грамматические категории эрзянского языка; рассмотрены части речи в мордовских языках.

После работы «Звуки и формы...» в 1947 г. выходит еще одна не менее значимая для мордовского языкознания работа – «Эрзя-мордовская грамматика минимум». Здесь Д. В. Бубрих описывает особенности употребления определенного и неопределенного склонения, уточняет количество падежей в мордовских языках. В своей работе он вводит новые термины, напр.: «глаголы видовой направленности», «абсолютная форма». В других языках этих терминов не было.

Материалы мордовских экспедиций послужили основой для написания ученым таких значимых для мордовского языкознания работ, как «Мордовская система фонем» (1941), «О былом эрзянском ударении» (1951). И снова многие вопросы мордовских языков Д. В. Бубрих решает впервые. Например, он не только выявляет и классифицирует состав фонем, но и пытается решить вопрос их происхождения, выявляет фонетические закономерности в фонетической структуре мордовского слова. До сегодняшнего дня неоспоримы его выводы относительно употребления заднеязычного носового $\underset{\text{Г}}{\text{н}}$: хотя этот согласный употребляется только в некоторых эрзянских диалектах, но в общемордовский период он был характерен для всей мордовской речи. В настоящее время ударение в эрзянском языке разноместное: *кунсоломс* – *кунсоломс* – *кунсолóмс* «слушать», а в мокшанском языке оно падает на первый слог: *ва́номс* «смотреть», *кэ́ромс* «отрубить», *сы́момс* «выпить» и т. д. Д. В. Бубрих доказал, что мокшанская речь сохранила то ударение, которое было характерно и для эрзянской речи.

Д. В. Цыганкин настоящим открытием считает вывод Д. В. Бубриха, сделанный им в работе «Из истории мордовского вокализма» (1937), о том, что в эрзянских диалектах когда-то в первом слоге употреблялись только гласные *а*, *у*, *и* [Цыганкин 1966].

Д. В. Бубрих принимал участие и в разработке вопросов мордовской орфографии. К первой языковой конференции (Саранск, 1933) он написал специальные тезисы «Фонетический или этимологический принцип письма», где упор сделан на фонетический принцип письма. На конференции ему, к сожалению, не пришлось выступить, но его мысли поддержали некоторые мордовские ученые.

Под руководством Д. В. Бубриха подготовлена довольно большая группа мордовских языковедов: Т. П. Миронов (первый кандидат наук из мордвы), М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов, С. Г. Потапкин, М. М. Талабаев, Р. А. Заводова, А. И. Бочкаева, О. И. Чудаева и др. Все они о своем учителе высказывались так: «Работать с ним было большое счастье!».

И в заключение отметим: Д. В. Бубрих внес очень большой вклад в развитие мордовского языкознания. Многие проблемы мокшанского и эрзянского языков он ставил и решал в науке впервые.

На идеи и методологические труды Д. В. Бубриха опираются современные языковеды – К. И. Ананьина, Г. С. Иванова, В. М. Имярекова, М. А. Келин, А. Н. Келина, Т. И. Ломакина, М. В. Мосин, О. Е. Поляков, В. И. Щанкина, А. П. Феоктистов и другие [Поляков 1991, 1993; Поляков, Мосин 1995; Ананьина и др. 2000; Иванова и др. 2018; Поляков, Леткина 2020].

Литература и источники

Ананьина К. И., Иванова Г. С., Имярекова В. М., Келина А. Н., Ломакина Т. И., Щанкина В. И., Келин М. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. Мокшень кяль. Морфология: вузоль мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихненди учебник / Серматф-тиф Н. С. Алямкинонь кядяла. Саранск, 2000. 236 с.

Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебраткина И. Я. Исторические изменения в фонетическом составе гласных первого слога в мокшанском языке // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 301–307.

Поляков О. Е. Атянь-атяньке и синь кяльсна. Саранск, 1991. 68 с.

Поляков О. Е. Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов – взаимоотношения языков. Саранск, 1993. 140 с.

Поляков О. Е., Леткина Н. В. Типология фонетических систем мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 2. С. 130–135.

Поляков О. Е., Мосин М. В. Мордовские языки // Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 524–551.

Цыганкин Д. В. Лексические особенности мордовских говоров // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1966. Т. 4. С. 354–370.

O. E. Polyakov

*National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)*

**D. V. BUBRIKH – RESEARCHER OF THE MORDOVIAN
(MOKSHA AND ERZYA) LANGUAGES**

D. V. Bubrikh – corresponding member of the USSR Academy of Sciences, honored scientist of the Karelo-Finn SSR is the founder of the Soviet Finno-Ugric studies, the founder of the Department of Finno-Ugric studies at Leningrad University. He played a major role in the study of Mordovian languages. He conducted several linguistic expeditions in the territory of the Mordovians. Based on the materials of the expeditions, he wrote several works in which he first solved the problems of Mordovian linguistics, for example: he classified the Erzya dialects, studied the history of the vowels of the first syllable of a word, and revealed the history of the development of the Erzya accent. The scientist participated in the development of Mordovian spelling issues.

Keywords: D. V. Bubrikh, Mordovian languages, Moksha language, Erzya language, Finno-Ugric languages, linguistic expedition, dialect.

**РУКОПИСЬ Д. В. БУБРИХА
«К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕВЕРНОРУССКОГО ЦОКАНЬЯ
И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯВЛЕНИЙ ТОГО ЖЕ ПОРЯДКА» (1942)
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НАУКИ**

В работе, написанной Д. В. Бубрихом во время эвакуации в г. Сыктывкаре (объем более 1 а. л.), рассматривается материал языков ареала Балтийского моря и соседних территорий (прибалтийско-финских, саамских, балтийских, славянских, германских). Многообразие вариантов соотношения свистящих и шипящих анализируется автором в исторической и ареальной перспективе. В настоящей статье взгляды Д. В. Бубриха будут представлены в контексте других объяснений происхождения цоканья.

Ключевые слова: научное наследие Д. В. Бубриха, цоканье, циркумбалтийские языки, история языка.

Научное наследие Д. В. Бубриха по замыслу главного исследователя его творчества Г. М. Керта могло бы быть обобщено в пяти томах, «однако все усилия по практическому осуществлению задуманного не привели к желаемому результату» [Керт, Сувиженко 2005: 5]. В рамках проекта кафедры общего языкознания СПбГУ «Лингвистика утраченная и обретенная» ведется работа по систематизации сведений о неопубликованных трудах ученого (см. раздел *Personalia* на сайте проекта: <http://genling.nw.ru/llf/>). Финансовая поддержка Российского научного фонда (2016–2018 гг., грант № 16-18-02042) позволила нам посетить практически все организации, в архивах которых имеются материалы Д. В. Бубриха. В частности, в 2016 и 2017 гг. был детально изучен фонд Д. В. Бубриха в Научной библиотеке НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в г. Саранске. Предметом настоящей статьи является неизвестная ранее работа Д. В. Бубриха из саранской коллекции – «К вопросу о происхождении севернорусского цоканья и некоторых других явлений того же порядка» [Бубрих 1942] (далее в тексте цитаты даются с указанием листа рукописи в квадратных скобках).

I.

Работа была написана Д. В. Бубрихом в г. Сыктывкаре, куда он был эвакуирован и назначен заведовать кафедрой Коми педагогического института 23 сентября 1941 г. [Попов 2015: 76 (3)]. Г. В. Гордиенко указала нам на упоминания этого исследования в подготовленном Бубрихом «Плане сборника статей по языку, составляемого кафедрами русского языка и коми языка и литературы Коми педагогического института (к 1.1.1942 г.)» [НА Коми, д. 323: 70–73], где отмечается, что оно «актуально как работа, ставящая вопрос из истории русского языка в широком плане славянских, литво-латышских, германских и угрофинских языков и кладущая конец различным вредным высказываниям испотетического порядка по данному вопросу» [НА Коми, д. 323: 72]. В своем отчете о работе в первом семестре 1941/1942 уч. г. Д. В. Бубрих писал, что материалы для статьи собраны [НА Коми, д. 357: 36 об.], а в отчете о НИР кафедры коми языка и литературы в 1941–1942 acad. году 25 июля 1942 г. сообщал [НА Коми, д. 232: 113]: «Работа выполнена, листаж представлен несколько выше запланированного» (планировался приблизительно 1 п. л.). На последнем листе рассматриваемой рукописи рядом с подписью Д. В. Бубриха имеется дата: «Сыктывкар, 25.V.42».

Рукопись поступила в Саранск из Ленинграда от родственников ученого в составе его обширного архива (в фонде Бубриха [СПбФРАН] есть список переданных материалов (188 позиций), составленный Верой Дмитриевной Бубрих 25 мая 1964 г.). Написанный довольно трудно читаемым почерком Бубриха текст (51 лист формата примерно 22 × 15 см; большей частью это обложки местных изданий, использованные как оборотки) содержит немало поправок (вычеркиваний, подтирок и исправлений разными чернилами), но в целом

может быть признан законченным вариантом работы (на оборотах листов встречаются фрагменты более ранней редакции текста). Общий объем рукописи в компьютерном наборе составил около 45 тыс. знаков.

Композиционно работа разделена на 22 параграфа, отличается подчеркнутой последовательностью изложения. Кратко реферируем ее содержание.

После определения предмета исследования (проблема смешения свистящих и шипящих щелевых и аффрикат – § 1) автор коротко характеризует высказывавшиеся объяснения происхождения данного явления (прибалтийско-финское либо польское влияние – § 2), отмечая, что «гипотезы этого рода мало обоснованы. Они уклоняются от рассмотрения вопроса в широком плане языков бассейна Балтийского моря и соседних мест. А в бассейне Балтийского моря и в соседних местах разнообразные явления смешения свистящих и шипящих представлены чрезвычайно богато» [7–8]. Далее он переходит к рассмотрению систем шипящих и свистящих в циркумбалтийских языках.

В § 3 характеризуется разделение **индоевропейских** языков на группы *satəm* (где «мы находим громадное обогащение системы сибилантов с выходами в направлении противопоставления свистящих и шипящих» – не только в результате преобразования палатовелярных, но и вследствие изменений древнего щелевого по правилу «руки» Педерсена [11]) и *centum* (которые «в своих древнейших письменных отражениях... держатся еще одного сибиланта с с его „двойником“ з» [11]; Бубрих использует в статье исключительно кириллическую транскрипцию).

§ 4 посвящен **балтийским** языкам (в отличие от литовского, «в латышском и древнепрусском, *ж* и *ш* перешли в *з* и *с*, в связи с чем оказались налицо лишь *з* и *с*, которым не противостоят никакие шипящие» [13]).

В § 5–7 рассматриваются системы **славянских** языков, где в результате палатализаций «получилась довольно богатая система сибилантов»: *з*, *с*, *ж'* (< *дж'*), *ч'*, *ш'*, *з'* (< *дз'*), *ц'*, *с'* [14]; «Создавшееся таким образом положение вещей в местах, связанных с Балтийским морем, испытало сдвиги в направлении смешения мягких свистящих и шипящих» [15]. § 6 обобщает сведения о **северных и северо-западных русских говорах**, уже представленные в начале статьи: на севере смешались аффрикаты *ц'* и *ч'* (Бубрих называет их «смычными сибилантами» [15]), на северо-западе к ним прибавляется неразличение щелевых *з'/ж'*, *с'/ш'*. В § 7 представлена ситуация в **западнославянских** языках. Глухие щелевые рефлексy 1-й и 2-й палатализаций заднеязычных здесь давно смешались: *с' × ш' = ш'* (звонкие не были затронуты ввиду сохранения аффрицированности рефлекса *дз'*). В **нижнелужицком** смешались глухие аффрикаты: *ц' × ч' = ц'*, которое позже отвердело, превратилось в *ц* («явление, в точности напоминающее севернорусское цоканье» [18]). В **полабском** языке в позднее время шипящие (уже отвердевшие) перешли в свистящие: *ч × ц > ц*, *ж × з > з*, *ш × с > с* («явление, только поверхностно напоминающее известное нам северо-западнорусское < у Бубриха ошибочно: северо-восточнорусское >, а по существу совсем иное» [19]). «**Мазуракающие**» **говоры польского языка** делятся на два типа: в архаическом «все мягкие свистящие и шипящие смешались в мягких шепелявых или шипящих» [19] («явление, в точности напоминающее северо-западнорусское смешение всех мягких свистящих и шипящих» [20]), рефлексами в одной части говоров являются *ч'* и *ж'*, *ш'*, в другой – *ц'* и *ж*, *ш*; мазураканье нового типа аналогично ситуации в полабском языке.

§ 8–15 посвящены **финно-угорским** языкам: «Угрофинская речь, в противоположность индоевропейской, в древности была очень богата сибилантами. Это одно из основных фонетических различий между угрофинской и индоевропейской речью. В древнем общеугрофинском языке различались три ряда сибилантов: твердые свистящие (*с*, *з*), мягкие свистящие или шепелявые (*ц'*, *с'*, *з'*), твердые шипящие (*ч*, *ш*, *ж*)» [21] (мы сохраняем терминологию Бубриха, под «мягкими» имеющего в виду среднеязычные). Автор отмечает, что «богатство сибилантов в большинстве группировок угрофинских языков в той или иной мере сохранилось. Явления падения богатства сибилантов резко замечаются только в соседстве Балтийского моря: у саамов (лопарей) и прибалтийских финнов» [21–22]. **Саамский** материал

представлен в § 9: здесь «в глубокой древности произошла последовательная замена твердых шипящих через твердые свистящие» ($ч > ц, ш \times ж > с$) [22], а «в относительно позднее время на саамской почве произошел переход мягких свистящих в шепелявые, а далее и в шипящие» ($ц' > ч', с' > ш$) [23].

§ 10 характеризует ситуацию в **прибалтийско-финских** языках, которые долго сохраняли древнее разнообразие сибилантов, однако «после нашей эры на прибалтийско-финской почве возникло бурное упрощение системы сибилантов» [24] ($ш > х, ч > х$ или $т, з > х$), в результате которого остались лишь два свистящих: $с$ ($< с \times с'$) и $ц'$ («оба они могли приобретать шепелявый или даже шипящий оттенок, как это ясно из последующих их судеб» [25]). Бубрих указывает, что «исчезновение этого древнего богатства сибилантов хронологически более или менее совпадает с продвижением части прибалтийско-финских племен к северу от 60° северной широты на территории, где раньше кочевали саамы» [24], и отмечает, что «в большинстве прибалтийско-финских языков сложившаяся таким образом бедность системы сибилантов не претерпела существенных изменений». Далее он характеризует системы сибилантов в **ливском** (§ 11), **вепском** (§ 12) и **карельском** (§ 13–15) языках, подчеркивая, однако, что «эти явления поздние и по сути дела не имеют отношения к интересующей нас проблеме, но в них есть моменты, которые могут сбивать, и на них поэтому необходимо остановиться» [26]. Описание карельского материала было позже развернуто Бубрихом в специальной работе [Бубрих 1948], однако рассматриваемая рукопись содержит не вошедшую в публикацию наглядную карту «Употребление $с, з$ и $ш, ж$ в карельском языке (группы и подгруппы диалектов)» [29].

С § 16 Бубрих переходит «к исследованию взаимосвязи различных явлений смешения свистящих и шипящих», подчеркивая, что «около Балтийского моря издавна сталкивались языки различных систем и группировок» [38]: «Нашу задачу мы видим в том, чтобы разобраться в источниках и последовательном развёртывании тех явлений, которые нас в настоящей статье интересуют» [39].

В § 17 формулируется предположение: «Мы полагаем, что саамская, или, вернее, **не-угро-финская до-саамская**, речь, с одной стороны, и **германская**, с другой, составляют два „очага“ интересующих нас в настоящей статье явлений» [40], поскольку именно эти языковые группировки «издревле не знали противопоставления свистящих и шипящих» [39].

§ 18 посвящен событиям начала новой эры, когда, с одной стороны, «прибалтийские финны перешли 60° северной широты и стали распространяться в пределах совр. Финляндии, Карелии и в соседних местах» (то есть на территорию саамов), а с другой, «началось весьма интенсивное воздействие германских языков на прибалтийско-финские» [41] (связанное с усилением экономического и культурного веса германцев, попавших в сферу непосредственных интересов Римской империи). Таким образом, «трудно не связывать... перемещение прибалтийских финнов на территории, где раньше звучала саамская речь, не знавшая шипящих, с одной стороны, и „падение“ шипящих в прибалтийско-финской речи, с другой» [41] и «трудно не допустить, что воздействие германских языков поддержало процесс „падения“ шипящих, начавшийся в прибалтийско-финских языках под другим воздействием» [42]. Итак, в начале новой эры «кроме двух первичных „очагов“ незнакомства с шипящими, германского и саамского, сложился вторичный, **прибалтийско-финский**» [42].

В § 19 рассматривается воздействие прибалтийско-финских языков «в **севернорусском** и приморском **литво-латышском** направлении» [43], имевшее место в 1-м тысячелетии н. э. «Трудно не связать, с одной стороны, распространение восточного славянства за счет прибалтийских финнов, а с другой стороны, некоторых явлений „падения“ различия свистящих и шипящих в восточнославянской среде на Севере» [43].

Существование в **восточнославянских** говорах двух систем неразличения свистящих и шипящих (смешение как в области аффрикат, так и в области щелевых и смешение лишь в области аффрикат) Бубрих объясняет не только степенью территориальной близости к прибалтийским финнам, но и следующим соображением: «Не невозможно, что оно <смешение> не захватило $з'$ и $ж'$, $с'$ и $ш'$ в той или иной связи с тем, что отдельность $з'$ от $ж'$, $с'$ от $ш'$ поддерживалась существованием $з, с$, которые ни в каком смешении не участвовали» [44].

Причину совпадения шипящих рефлексов индоевропейских палатовелярных с древними свистящими в **балтийских** языках (латышском и древнепрусском) Бубрих видит в воздействии ливов, занимавших территорию по побережью Балтийского моря («Не коснулось исчезновение шипящих только литовцев, обитавших в основном в глубине страны, далеко от моря» [45]). При этом ввиду имевшихся экономических и культурных контактов «не невозможно, что описанные явления у восточных славян на Севере и у литво-латышей в местах, близких к морю, поддерживали друг друга» [45].

В § 20 автор возвращается к материалу западнославянских языков (ср. § 7): «Древнее западнославянское смешение *с'* и *ш'* в одном звуке, *ш'* – если оно было вызвано теми или иными иноязыковыми воздействиями – может быть обязано положению западных славян между германцами, не различавшими свистящие и шипящие, и древними пруссами, с некоторых пор утратившими различие между свистящими и шипящими» [45–46]. (В целом «приморский литво-латышский язык» Бубрих склонен рассматривать как «третичный „очаг“ интересующих нас явлений» [45].) В связи с западнославянским интересен следующий комментарий: «Почему древнейшее западнославянское явление смешения свистящих и шипящих пошло по линии мягких щелевых сибилантов, *с'* и *ш'*, сказать трудно. Возможно следующее. Соседи, как германцы, так и древние пруссы, из свистящих знали только щелевые, *с*, *з*. Воздействие соседей поэтому могло сказаться прежде всего именно по линии щелевых. Западнославянские *с*, *з*, не имевшие при себе твердой шипящей параллели, естественно, остались в стороне от смешения» [46].

Формирование нижнелужицкой и полабской систем сибилантов Бубрих приписывает германскому (немецкому) влиянию, а источник возникновения «архаического мазураканья» видит в древнепрусском (новое мазураканье объясняется как подражание архаическому) [47].

§ 21 посвящен вопросу о взаимодействии севернорусского цоканья и карельских систем сибилантов. По утверждению Бубриха, «при ближайшем рассмотрении оказывается, что карельский язык не мог не прийти к той системе сибилантов, какая в нем налицо, – совершенно независимо от отношений с соседним языком» [49] (отмечается, что в подвергшемся такому же русскому влиянию вепском языке не обнаруживается «ничего похожего на цоканье» [50]). Вместе с тем «нет никаких оснований думать, что имело место обратное явление – воздействие карельского „цоканья“ на севернорусскую речь. Современная картина карельских сибилантов возникла отнюдь не рано» [50] (не ранее начала XVII в. [51]).

§ 22 (вычеркнутый автором) в общих выражениях подводит итог работы: «Мы проследили в сжатом обзоре явления, касающиеся отношений между свистящими и шипящими (кроме самых поздних явлений), и видели, к каким сложным результатам привело тут языковое взаимодействие» [51].

Как видим, Д. В. Бубриха интересовал весь комплекс вопросов смешения свистящих и шипящих. Севернорусское цоканье было только «зацепкой», чтобы рассмотреть целый ряд «других явлений того же порядка» – смежных как в географическом, так и в историческом отношении: тех, где смешение происходило позже, чем в русском (карельский), или вне связи с русским («мазураканье»). Таким образом, ученый показал, как должен быть организован материал перед тем, как переходить к построению гипотез, его объясняющих.

Может возникнуть вопрос, в чем же отличие взглядов Д. В. Бубриха от тех гипотез о прибалтийско-финском влиянии на развитие севернорусского цоканья, которые он в начале своей работы (§ 2) назвал мало обоснованными? По-видимому, исследователь возражал не против самого объяснения, а против отсутствия сколько-нибудь компетентной его детализации, которая должна была бы основываться на учете всего релевантного материала столь разнообразных циркумбалтийских языков. Возможно, если бы не скоропостижная кончина ученого, он еще вернулся бы к этой теме и доработал заключительную часть статьи перед публикацией.

II.

Происхождение севернорусского цоканья издавна привлекало внимание исследователей, ему посвящена обширная литература, но до сих пор проблема не решена и представляет интерес не только в конкретно-историческом, но и теоретическом отношении. До середины XX в.,

то есть в то время когда Бубрих писал свою статью, господствовала так называемая *субстратная* гипотеза, сторонники которой рассматривали цоканье как явление, вызванное контактами восточных славян с финно-угорским населением. Неразличение шипящей и свистящей аффрикат считалось одной из особенностей прибалтийско-финского консонантизма, которая была привнесена в северо-западные древнерусские говоры вследствие ассимиляции восточными славянами носителей прибалтийско-финской речи [Бодуэн де Куртенэ 1901: 369; Чернышев 1902; Трубецкой 1925/1987: 147–148; Селищев 1931/1968: 600–602]. Впрочем, учитель Д. В. Бубриха А. А. Шахматов, по совету которого тот стал изучать финно-угорские языки, первоначально связывал возникновение цоканья с западнославянским («ляшским») субстратом [Шахматов 1915: 318].

С 1930-х гг. начинает выкристаллизовываться *спонтанная* гипотеза, которая рассматривает цоканье как результат фонологического изменения, вызванного внутрисистемными факторами [Трубецкой 1933/1987: 176; Орлова 1959: 118–140; Shevelov 1964: 624]. Показательна трансформация взглядов Н. С. Трубецкого, сначала трактовавшего цоканье как изолированное заимствование из западнофинских языков, в которых *č* и *ć* совпали, в то время как *š* и *ś* продолжали различаться [Трубецкой 1925/1987: 148], но через несколько лет отказавшегося от этой гипотезы в пользу собственно фонологического объяснения: «Противопоставление *č* и *ć*, сохраняющееся до сих пор в коми и удмуртском языках, так же как и в некоторых диалектах марийского, очень рано исчезло в западнофинских, хотя еще долго сохранялось различие *š* : *ś*. Ввиду этого допущение какого-либо западнофинского влияния на северновеликорусский в этом отношении крайне маловероятно. Но даже если какой-либо западнофинский язык послужил образцом для севернорусского при совпадении *č* и *ć*, причиной имитации такого образца являлась необходимость устранения корреляции по „смычности“» [Трубецкой 1933/1987: 176].

Обе конкурирующие гипотезы имели свои недостатки. Субстратная гипотеза не отвечала на вопрос, почему при столкновении славянских и финно-угорских говоров цоканье возникает не везде. В свою очередь, спонтанная гипотеза не могла объяснить, почему цоканье возникло именно и прежде всего в новгородско-псковском ареале, где восточные славяне контактировали с финнами, хотя внутрисистемные условия для него имелись и в других говорах. Отсутствие ответа на этот вопрос заставляло ученых вновь и вновь обращаться к субстратной гипотезе, основным достоинством которой (как и всякой субстратной гипотезы) была невозможность ее опровергнуть. Впрочем, под воздействием успехов диахронической фонологии многие сторонники субстратной гипотезы всё больше склонялись к компромиссной точке зрения, согласно которой в случае новгородско-псковского цоканья прибалтийско-финское влияние выступало в качестве «спускового крючка» для приведения в действие факторов, уже заложенных в поздне-пращлавянской фонологической системе. Такими факторами в развитии цоканья обычно считают артикуляционно-акустическую близость палатальных аффрикат *č* и *ć* и слабую функциональную нагрузку противопоставления реализуемых ими фонем [Аванесов 1949: 226–227].

Новый импульс дискуссия о генезисе псковско-новгородского цоканья получила в конце 1960-х гг., когда С. М. Глушкина открыла отсутствие 2-й палатализации в древнем псковско-новгородском диалекте, а также предположила неосуществление в нем 3-й палатализации, а значит и отсутствие свистящей аффрикаты *ć*. В соответствии с этими положениями С. М. Глушкина выдвинула новую гипотезу происхождения цоканья: цоканье возникло в процессе контактов новгородско-псковского диалекта, имевшего только одну – шипящую – аффрикату с теми восточнославянскими диалектами, которые осуществили 2-ю палатализацию и поэтому располагали двумя аффрикатами [Глушкина 1968: 37–41]. Гипотеза С. М. Глушкиной, таким образом, переносит акцент с восточнославянско-финского взаимодействия на внутривосточнославянское, хотя и не отрицает возможность финского влияния на генезис цоканья. О некоторых противоречиях, с которыми сталкивается ее гипотеза, и о возможных путях их преодоления см. в [Попов 1997, 2017].

Статья выдающегося слависта и финно-угроведа Д. В. Бубриха, написанная в 1942 г., рассматривает генезис севернорусского цоканья на широком циркумбалтийском фоне и выходит далеко за пределы темы, обозначенной в заголовке рукописи. Широкими мазками

исследователь объединяет в один впечатляющий процесс языкового взаимодействия, казалось бы, разрозненные фонетические явления разных родственных и неродственных языков. К сожалению, статья Д. В. Бубриха так и не была опубликована. Однако появившись эта статья в свое время, она несомненно придала бы дискуссии о происхождении цоканья совершенно новое измерение и масштаб. Характерно, что в одной из сравнительно новых обобщающих работ, посвященных севернорусскому цоканью, оно рассматривается именно как циркумбалтийская псковско-новгородская черта, возникшая под прибалтийско-финским влиянием [Секмонас 2001: 339–359], однако несмотря на наличие отдельных ссылок на конкретные работы Д. В. Бубриха, посвященные описанию финно-угорских языков, общая его концепция происхождения цоканья, естественно, осталась В. Н. Чекмонасу неизвестной.

В 1937 г. Л. В. Щерба в своей рекомендации к избранию в члены-корреспонденты АН СССР Д. В. Бубриха писал о его книге «Севернокашубская система ударения» (1922): «Как бы ни относиться к конечным выводам автора, но с ними должны будут считаться все, кто будет заниматься этими вопросами. Что касается кашубского, то мы до сих пор ничего не можем противопоставить зданию, построенному Д. В. и являющемуся наглядным свидетелем его твердых знаний фактов и изумительного комбинаторного дарования» [Щерба 1937: 28]. Эти слова замечательно перекликаются с мнением Н. С. Трубецкого, высказанным в письме 1925 г. Р. О. Якобсону: «Книга Бубриха... обладает несомненными и явными признаками гениальности, – несмотря на то, что м. б. теории Бубриха придется отвергнуть. Нравится мне и его пренебрежение библиографией и критикой чужих взглядов, и его „алгебраичность“» [Трубецкой 2004: 81]. Удивительно согласные независимые мнения двух великих ученых в полной мере применимы и к неопубликованной статье Д. В. Бубриха, посвященной происхождению цоканья.

Литература и источники

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры: материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 226–227.

Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков (1901) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1. М.: АН СССР, 1963. С. 362–372.

Бубрих Д. В. К вопросу о происхождении севернорусского цоканья и некоторых других явлений того же порядка // Научная библиотека Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск), шифр: Я-227 (рукопись, автограф 25 мая 1942 г., 51 л.).

Бубрих Д. В. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // Советское финноугроведение. I. Л., 1948. С. 129–159. (Ученые записки ЛГУ. 1947. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2).

Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Труды Второй Псковской диалектологической конференции 1964 г. Псков, 1968. С. 20–43.

Керт Г. М., Сувиженко Л. И. Лингвистическое наследие Д. В. Бубриха // Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 3–6.

НА Коми – Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 323.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М.: АН СССР, 1959. 211 с.

Попов В. А. Деятельность Д. В. Бубриха в Коми пединституте (к 125-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха) // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2015, № 9 (сентябрь). С. 74–82 (1–9). <http://e-koncept.ru/2015/15309.htm>

Попов М. Б. К вопросу о происхождении цоканья // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. 1997. С. 34–42.

Попов М. Б. Гипотеза С. М. Глушкиной о происхождении новгородско-псковского цоканья // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС, 2017. С. 199–208.

Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках (1931) // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 584–604.

СПбФАРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1112. Оп. 1. № 54.

Трубецкой Н. С. К истории задненебных в славянских языках (1933) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 168–179.

Трубецкой Н. С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства (1925) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143–167.

Трубецкой Н. С. Письмо Р. О. Якобсону от 10/III 1925 // Письма и заметки Н. С. Трубецкого / подготовлено к изданию Р. Якобсоном. М.: Языки русской культуры, 2004.

Чернышев В. И. Как произошла мена *ц* и *ч* в русских говорах? (Вопрос лингвистам) // Русский филологический вестник. Т. XLVII. 1902. № 1–2. С. 117–118.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915.

Щерба Л. В. Отзыв о научной деятельности проф. Д. В. Бубриха // Архив ИЛИ РАН. Оп. 2 (Личные дела сотрудников). Ед. хр. 20 (Д. В. Бубрих). Л. 27–31. (Неавторизованная машинопись, на первой странице помета: «Послано! <подпись неразборчиво> 2/III 37 г.»).

Čekmonas V. On Some Circum-Baltic Features of the Pskov-Novgorod (Northwestern Central Russian) Dialect // The Circum-Baltic Languages. Vol. 1: Past and Present / Edited by Östen Dahl and Maria Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 339–359.

Shevelov G. Y. A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg: Winter, 1964.

A. V. Andronov, M. B. Popov
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

**DMITRY BUBRIKH'S MANUSCRIPT
"ON THE ORIGIN OF NORTH RUSSIAN *COKAN'E*
AND SOME OTHER PHENOMENA OF THE SAME SORT" (1942)
IN A HISTORICAL LINGUISTIC CONTEXT**

Bubrikh's paper investigates the areal distribution and history of the systems of sibilant fricatives and affricates in Circum-Baltic languages (Balto-Finnic, Saami, Baltic, Slavic, Germanic). The manuscript (ca. 45,000 signs) was composed in Syktyvkar during WW2 and is preserved in Saransk. The present article explores this hitherto unknown work of the distinguished scholar and discusses it in the context of other theories of the origin of *cokan'e*.

Keywords: Bubrikh's legacy, *cokan'e*, Circum-Baltic languages, historical linguistics.

В. С. Томеллери
Университет г. Мачерата (Мачерата, Италия),
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Г. В. Гордиенко
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Д. В. БУБРИХ И ДОГЕРМАНСКИЙ СУБСТРАТ:
СТАТЬЯ «О ЯЗЫКОВЫХ СЛЕДАХ ФИНСКИХ ТЕВТОНОВ-ЧУДИ» (1926)
И ЕЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВАРИАНТЫ**

В первой части настоящей статьи кратко представлен научный контекст, в котором возникла гипотеза о финно-угорском субстрате в германских языках, ставшая одним из факторов обращения научных интересов Д. В. Бубриха от славяноведения к финно-угроведению. Во второй части описываются содержание, структура и судьба шести тесно связанных между собой текстов (в основном рукописей), содержащих данную гипотезу.

Ключевые слова: Д. В. Бубрих, догерманский субстрат, финно-угроведение, архивные материалы.

Выпускник Рижской Николаевской гимназии, Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Ученик акад. Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), в молодые годы он занимался (в основном) русской диалектологией и сравнительно-историческим изучением славянских языков, достигнув своими исследованиями мировой известности, как читаем в его краткой автобиографии:

«В качестве приложений к диссертации¹ вышли работы „Праславянская акцентологическая система“ и „Праиндоевропейская система интонаций слога“. Диссертация и приложения к ней вызвали целый ряд положительных отзывов, в частности, совершенно исключительный отзыв возглавителя западно-европейской лингвистики А. Мейе в *Revue des études slaves* 1926 г. С этих пор я стал постоянным приглашенным на все западно-европейские обще-лингвистические и славистические конгрессы. Ни на один из них я, впрочем, не ездил» [Бубрих 1934: 10–11]².

Обобщенно говоря, по свидетельству самого автора, можно выделить два главных периода в его исследовательской деятельности:

- 1) славянский период (1914–1929): русская диалектология, славянское языкознание, балто-славянская акцентология;
- 2) финно-угорский период (со второй половины 1920-х гг.): финно-угорские языки, сравнительное финно-угроведение [Сенкевич-Гудкова 1950: 186; Колпакова 2015: 8].

При этом возникает закономерный вопрос: «<...> почему именно с 1925 г. и сразу столь интенсивно Д. В. Бубрих начинает заниматься финно-угорскими языками. Этому сопутствует целый ряд обстоятельств. Очевидно, что на судьбу, работу, научную карьеру Д. В. Бубриха оказали влияние различные, порой драматические события, происходившие как в жизни страны, так и в жизни людей, окружавших его» [Колпакова 2015: 8].

В первую очередь, немалое значение имела смерть его учителя и научного руководителя А. А. Шахматова, от которого он воспринял интерес к историческому изучению языковых явлений [Сенкевич-Гудкова 1950: 186] и мордовским языкам [Бубрих 1947: 446].

Кроме этого, после окончательной победы Октябрьской революции перед наукой были поставлены новые задачи, и сложились совсем новые условия для исследовательской работы.

¹ Диссертация «Северно-Кашубская система ударения» была опубликована в 1924 г. (Известия Отделения русского языка и словесности АН (1922). Т. 27. С. 1–194).

² Авторы благодарят А. В. Андронову за копии архивных материалов из Института лингвистических исследований РАН, а также за ценные замечания по всему тексту статьи.

Всё более сильное внимание обращалось на достижение практических целей в ходе создания литературных языков и разработки систем письма [Бубрих 1928: 123] при установлении нового общественного строя. Таким образом, нельзя считать резкий поворот в научных интересах странным или даже нелогичным, ведь, по мнению самого Бубриха, деятельность его учителя представляла собой «блестящий этап развития российского финноугроведения и полноценный исток той работы по финноугорским языкам, которая развертывается в СССР. Разрабатывая вопросы русского языка со свойственной ему полнотой, широтой и глубиной, А. А. Шахматов не мог не интересоваться финноугорскими языками, географически и исторически тесно связанными с русским языком» [Бубрих 1947: 435].

Третьим фактором, который может оказаться недостающим звеном для понимания разностороннего творческого пути Д. В. Бубриха, является обсуждаемая в настоящем докладе статья («О языковых следах финских тевтонов-Чуди»), относящаяся как раз к промежуточному периоду между двумя названными этапами. О ней сам автор неоднократно упоминал:

«Именно в плане борьбы против „арийской спеси“ в Германии были построены первые доклады Бубриха по финно-угорским языкам в тогдашнем Неофилологическом обществе при Университете. Эти доклады отражены впоследствии в статье „О языковых следах финских тевтонов-чуди“ (ж. Язык и литература 1, 1926). Основная мысль статьи – что германцы никак не могут быть признаны какими-либо „чистыми арийцами“, т. к. в их сформировании приняли, по-видимому, важное участие финноидные племена» ([СПбФАРАН], цит. по статье [Мандрик 2018: 631, прим. 21]).

См. также из отзыва Л. В. Щербы (1937) о научной деятельности Д. В. Бубриха:

«В середине 20-х годов Д. В. снова переменял курс. Увлёкшись теорией субстрата, он вспомнил свои старые интересы к финно-угорским языкам, шедшие ещё от Шахматова по линии русско-финских отношений, и занимаясь, как индоевропейскими, балтийскими и германскими языками, построил гипотезу финского субстрата германских языков, что и отразилось в большой статье „О языковых следах финских тевтонов-Чуди“ (Язык и литература, 1926). Хотя эта гипотеза и не нашла себе всеобщего признания, и хотя я не знаю, как к ней сейчас относится сам автор, однако, в своё время мне она казалась приемлемой и хорошо обоснованной по крайней мере в качестве гипотезы. Во всяком случае, в этой связи Д. В. Бубрих должен был основательно ознакомиться с германистикой для того, чтобы свободно маневрировать её фактами, и усвоить себе финские языки. Это последнее обстоятельство являлось поворотным пунктом в научной истории Д. В.» [Щерба 1937: 29–30].

Статья «О языковых следах финских тевтонов-Чуди», вышедшая в первом томе серийного издания Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете (ИЛЯЗВ; о деятельности этого института см. [Brandist 2008: 173–176]), отражает дискуссии о спорной корреляции между языком и этносом. Одноименный доклад автор прочитал 6 июля 1923 г. в Яфетическом институте (Из деятельности 1923: vii)³. Сам автор видел актуальность проблемы в современном ему языкознании:

«В начале двадцатых годов создались особые условия для усиления интересов докладчика в финно-угроведческом направлении. В то время во всем мире оживленно дискутировалась т. н. германская проблема. Большинство немецких ученых настаивало на индоевропейской или, как они предпочитали говорить, арийской чистоте германцев вообще, и немцев в особенности. Часть немецких ученых и их немецкие ученики держались совершенно иной точки зрения. Указывалось, что германская речь, резко отходящая от средней индоевропейской „нормы“, по всей видимости, является по существу речью не индоевропейского, а относительно поздно индоевропеизованного населения. Встал вопрос о неиндоевропейском субстрате германской речи» ([Бубрих 1948: 136–137]; см. также [Хямляйнен 1961: 4]):

«К середине двадцатых годов стал особенно интересоваться финно-угорскими языками. Толчок был следующий. Работая по славянским языкам, занялся и германскими, а работая по германским языкам, столкнулся с проблемой происхождения германцев. В этой проблеме стал

³ 11 января 1935 г. он прочитал еще один подобный по тематике доклад под названием «К вопросу об „арийской“ чистоте германцев» [Доклады и сообщения 1936: 345].

на точку зрения не-арийского происхождения германцев и провел исследование в направлении испытания финно-угорских возможностей в проблеме происхождения германцев. Результатом была большая статья „О языковых следах финских тевтонов – Чуди“, написанная в 1924 г. и вышедшая в 1926 г. Утвержденный в 1925 г. в качестве профессора по финно-угорскому языкознанию в ЛГУ, отдал финно-угорскому языкознанию все силы. Кроме научного интереса, к этому меня побуждало желание быть полезным национальностям Союза, не имеющим достаточных лингвистических кадров» [Щерба 1937: 10–11].

Главная цель рассматриваемой работы заключалась не (с)только в идеологическом разоблачении немецкой расистской идеи о превосходстве арийцев и об их этнической чистоте, сколько в лингвистическом выявлении влияния более конкретного, а именно финского субстрата на возникновение прагерманского языка⁴. Автор исходит из гипотезы о «неиндоевропейской подоснове германской речи», на которую указывал в ряде работ немецкий языковед еврейского происхождения Зигмунд Файст (1865–1943), который пытался объяснить не только перебой согласных, но и присутствие в лексическом фонде германских языков большого количества изолированных корней⁵. В советской науке «мысль о неиндоевропейском участии» в формировании фонетических и лексических особенностей прагерманского языка [Бубрих 1926: 54–55] развивали Н. Я. Марр и Ф. А. Браун, обнаруживавшие в германских фонетических и морфологических явлениях яфетические, то есть кавказские элементы [Марр 1922; Braun 1922]. Д. В. Бубрих не останавливается на обсуждении этих двух работ, поясняя, что первая не принимается им во внимание из-за ее неполноты, а явные недостатки второй уже подвергались жестокой критике как на Западе, так и в Советском Союзе [Бубрих 1926: 55]⁶. Он предлагает перенести фокус внимания с географически далекого Кавказа к более близкому балтийскому региону, где обитали соседствовавшие с германцами финские племена.

Прежде чем перейти к обсуждению статьи Д. В. Бубриха, стоит сжато изложить марровскую теорию о яфетическом субстрате в германских языках, нашедшую продолжение в книге Ф. А. Брауна. В начале статьи Н. Я. Марр называет свои главные источники: 1) доклад «Состав и характер неразъясненных элементов в германских языках», прочитанный В. А. Бримом в Институте яфетидологических изысканий 9 декабря 1921 г. [Марр 1922: 43] и опубликованный во втором выпуске институтского органа [Брим 1923]; 2) находившуюся тогда еще в печати книгу проф. Ф. А. Брауна, отдельные положения которой излагались в одноименном докладе «Die Urbbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» (21 мая 1922 г.).

Н. Я. Марр отмечает в сванском языке то же богатство гласных, которое отличает германские языки [Марр 1922: 46]. Кроме этого, он выдвигает гипотезу о яфетическом происхождении первого общегерманского перебора согласных, не только дающую ключ к лингвистической интерпретации явления, но и позволяющую также сделать важные этнологические выводы. Исходя из постулированного, но никогда не доказанного родства яфетических языков с семитическими, Марр приписывает причины фонетического изменения – германского передвижения согласных – функциональному распределению между согласными, несущими лексическую информацию, и гласными, служащими для выражения морфологических значений:

«Однако, самый факт, что первый общегерманский „перебой“ затронул исключительно согласные, представляет не только лингвистический, притом общеяфетический, но в связи с ним и этнологический интерес. Дело в том, что вообще в яфетических языках есть резкое функциональное деление, как и в семитических языках, между гласными и согласными: согласные – это

⁴ История разработки проблемы догерманского субстрата и взгляды современных исследователей анализируются в работах Ю. К. Кузьменко (см. [Кузьменко 2011, 2013]).

⁵ На с. 55 Бубрих бегло упоминает несколько его работ, в частности: Feist 1912, 1913, 1917 и 1924.

⁶ «Выступление Н. Я. Марра недостаточно полно. Выступление Ф. А. Брауна полнее, но обладает недостатками, которые вызвали жестокую отповедь на Западе, а отчасти и у нас» [Бубрих 1926: 55]. Указывая на отрицательные отзывы об этой монографии, которая спустя два года вышла также в русском переводе [Браун 1924], Д. В. Бубрих, к сожалению, не упоминает ни одного автора, советского или зарубежного. Среди положительных или хотя бы нейтральных отзывов можно привести отзывы кавказоведов [Wardrop 1923] и [Bleichsteiner 1926], тогда как другие кавказоведы [Schmidt 1924] и все индоевропеисты [Wiget 1922; Bork 1923; Much 1923; Ranke 1924; Sköld 1924] отрицательно отозвались о «смелой» гипотезе Брауна.

корни, грубо говоря, лексический материал, а гласные – форма, морфологические характеры. Потому-то яфетиды сравнительно легко усваивали чужеродные слова, т. е. корни или согласные, но цепко держались за родную огласовку слов, их формы: расставание с ней являлось последним делом. Следовательно, если изменение в индоевропейски оправдываемой системе звуков германских языков прежде всего коснулось согласных и несколько или менее всего гласных, то возникает презумпция, что процесс перерождения индоевропейских звуков произошел в устах яфетидов, а не индоевропейцев, что масса населения в районе скрещения индоевропейского с яфетическим была яфетическая, и яфетиды, усвоив индоевропейскую речь, естественно, не только подвергли ее известным звуковым перерождениям, наблюдаемым в таких поучительных для нас языках, как языки Армении и этрусский язык, да и сванский, но соблюли природную для яфетидов психологическую потребность сохранять огласовку, допуская изменения в согласных. Уточнение и углубление этой стороны изысканий может помочь лингвистическому решению этнологического вопроса, именно вопроса о том, какой из двух типов, черного и светлого, был многочисленнее в странах германского индоевропейско-яфетического скрещения и какой антропологический тип следовательно был яфетическим» [Marra 1922: 46–47] (частично переведено на английский язык в статье [Conrad 1963: 285–286]).

Отталкиваясь от не совсем убедительных попыток Н. Я. Марра и Ф. А. Брауна, Д. В. Бубрих предлагает решать вопрос о неиндоевропейском характере германских языков, передвигая поиск языковых аргументов и материалов в регион Балтийского моря. Выявление «неиндоевропейских элементов в индоевропейских языках» стало очень актуальным при разработке вековой проблемы причины фонетических изменений [Бубрих 1926: 53]. Среди возможных причин исследователями приводилась субституция звуков в результате смешения с чужим этническим элементом: завоеванные племена или народы несовершенно («не во всей чистоте», по словам Д. В. Бубриха) усваивают язык поработивших их завоевателей, перенося в него свои артикуляционные навыки. Таким образом, германский перебой согласных получил бы новую интерпретацию как результат языкового (этнического) контакта. Позиция Д. В. Бубриха хорошо вписывается в контекст советского языкознания того времени, вместе с тем показывая определенную независимость и лингвистическое чутье ученого, который при отождествлении финских фонетических и лексико-семантических элементов не отказывался от применения «строжайшей системы звуковых соответствий» [Бубрих 1926: 57].

Итак, гипотеза о финно-угорском субстрате в германских языках, по всей видимости, является первым серьезным обращением Д. В. Бубриха к финно-угорской тематике. Нам известны шесть текстов, в которых представлена эта гипотеза, – пять статей (из которых опубликована лишь одна) и машинописные тезисы доклада⁷ (см. «Источники»):

«Über die Spuren der finnischen Teuten-Чудь» (=Б1)

«Finnisches im Urgermanischen» (=Б2)

«О языковых следах финских тевтонов-Чуди» (=Б3)

«К вопросу об „арийской чистоте“ германцев» (=Б4)

«Еще к вопросу об „арийской чистоте“ германцев» (=Б5)

«Арийская чистота германцев перед судом языкознания» (=Б6)

Первые версии работы Д. В. Бубрих написал по-немецки, рассчитывая на отклик мировой научной общественности. Рукопись Б1 хранится в Национальном архиве Финляндии, поскольку была отправлена Д. В. Бубрихом в Финно-угорское общество в Хельсинки. К рукописи Б2, хранящейся в Санкт-Петербурге в фонде Н. Я. Марра, приложено сопроводительное письмо Бубриха на имя секретаря РАН (С. Ф. Ольденбурга):

«Обращаюсь в Академию Наук с просьбой напечатать в Известиях Академии мою работу „Finnisches im Urgermanischen“ (в рукописи 31 стр.). В этой работе я в сжатом виде подвожу итоги своего исследования, предпринятого еще с 1922 г., относительно неиндоевропейской подосновы германской речи.

⁷ Финансирование работы с материалами Д. В. Бубриха в архивах осуществлялось в рамках проекта «Лингвистика утраченная и обретенная (уроки языкового строительства в СССР)», поддержанного грантом Российского научного фонда № 16-18-02042 (2016–2018).

Неиндоевропейская подоснова германской речи оказывается финской. Перед нами богатые языковые следы громадного финского народа, Древней Чуди, который когда-то владел Балтийским морем от Ютландии до Финляндии. За счет этого народа приходится отнести те достижения конца каменного века и начала бронзового века в районе Балтийского моря, которые археологическая наука до сих пор приписывала германцам. Сами германцы ничто иное как та же Древняя Чудь, покоренная некоторыми группами индоевропейцев *centum* и ими индоевропеизированная».

Далее в сопроводительном письме Д. В. Бубрих сообщает о том, что уже представлял данную теорию в Финно-угорском обществе в Гельсингфорсе в письменном докладе (очевидно, имеется в виду Б1) и получил отклик «самый сочувственный», а также указания на некоторые промахи, исправленные в новой версии работы. Он также пишет, что хотел бы опубликовать статью на родине, но не может ждать больше года, и если публикация в течение этого времени невозможна, то будет предпринимать «другие шаги в деле напечатания работы». Как видно, ученый возлагал на свою теорию большие надежды. Она действительно должна была произвести своего рода взрыв как в индоевропеистике (решение германской проблемы), так и в финно-угристике. Но дискуссии не последовало, хотя публикация (Б3) на русском языке состоялась через год и три месяца (только не в Известиях АН, а в сборнике ИЛЯЗВ).

В 1926 г. Д. В. Бубрих обратился к Н. С. Трубецкому через Р. О. Якобсона с просьбой содействовать публикации статьи на Западе. Об этом упоминается в XXVI письме Трубецкого от 18.02.1926:

«Рукопись Бубриха получил. Очень интересно, но по-моему, совершенно неубедительно. Написал Meillet краткое изложение этой рукописи с указанием ее объема и жду ответа. Т. к. Meillet сам высказывал предположение, что германские языки получились в результате „индоевропеизации“ неиндоевропейских аборигенов Северной Европы, то возможно, что статья его заинтересует. Тогда пошлю ему и рукопись» [Jakobson 1985: 87].

Далее в письме XXVII от 19.09.1926 Н. С. Трубецкой пишет:

«Статью Бубриха (о финских элементах в прагерм.) я переправил к Meillet, который обещал „сделать всё возможное“, но в то же время высказал слегка скептическое суждение о содержании этой работы [Jakobson 1985: 91].

Возможно, со скептической оценкой со стороны столь видных лингвистов связано то, что сам Д. В. Бубрих, характеризуя Б3 спустя два года после ее появления, выражал неудовлетворенность публикацией. На основных положениях гипотезы он, однако, настаивал:

«Статья, напечатанная через год после написания, в настоящий момент не удовлетворяет автора. Но основные идеи этой статьи он до сих пор поддерживает полностью. Они сводятся к следующему. Финноугорская речь до эпохи, когда у берегов Балтийского моря распространилась ее разновидность – прибалтийско-финская речь, была речью малодоступной окраины Европы. А речь малодоступных местностей часто бывает речью реликтовой, эхом речи, господствовавшей некогда на хорошо доступных территориях, в среде людей других расовых особенностей и других культурных укладов. Ничто не мешает допускать для прошлого финноугорской речи самые широкие возможности. В этой обстановке особый интерес приобретает наличие в германской речи явлений, близко напоминающих финноугорские. Дело не только в германской фонетике с ее консонантизмом (построенным на тех же основаниях, что и финноугорский), с ее ударением. Дело и в германском словаре, где как будто немало слов, сопоставленных с финноугорскими (и притом, с финноугорскими, распространенными по всему финноугорскому миру). Слова эти подходят под определенную систему звуковых соответствий, как будто обрисовывающих фонетику определенного финноугорского языка, ныне не имеющего потомков, и, кроме того, группируются около определенных систем понятий, напр., около системы понятий низшей религии. Не невозможно, что прагерманская речь есть индоевропейская речь, привитая народности, пользовавшейся речью финноугорского происхождения» [Бубрих 1928: 126–127, прим. 2].

Обратимся к предварительному сравнению немецкоязычных рукописей и опубликованной статьи. Они представляют собой три различных, хотя во многом совпадающих текста, посвященных одной теме – предполагаемому происхождению прагерманского языка и самих

германцев в результате ассимиляции индоевропейскими племенами финно-угорского племени Чудь. Для доказательства этой гипотезы используются примеры лексических совпадений и строгих фонетических соответствий согласных, кроме того, рассматривается происхождение названий стран и народов Северной Европы.

К Б1 отсутствуют какие-либо сопроводительные документы. Статья состоит из двух больших разделов без названий, но с римской нумерацией. В первой части после небольшого вступления о теории неиндоевропейского субстрата в германских языках рассматривается теория яфетического субстрата в версии Ф. А. Брауна. Далее анализируется схожесть процессов исторического развития систем согласных в германских и финских языках, вопрос об ударении, затем морфологические (аффиксальные) соответствия. На листе 14 начинается общая для всех текстов часть о звуковых соответствиях в области «шумных-не-сибилянтов» в середине слова (Б2: л. 1; Б3: с. 60; Б5: л. 2) и в начале слова (Б2: л. 3; Б3: с. 61; Б5: л. 2) с примерами. На листе 23 начинается вторая часть, посвященная названиям народов и стран Северной Европы (Б2: л. 18; Б3: с. 83). В деле также находятся обложка и последняя страница восьмистраничной рукописи «Финнизмы в прагерманской лексике» – название совпадает с названием второй главы в Б2.

Б2 отличается по структуре (в ней, в частности, отсутствует вступление о существовании теории и рассмотрение яфетического подхода), но имеются третья часть под названием «Финнизмы в прагерманской фонетике» (л. 28–30), а также дополнение (л. 30–31).

Русскоязычная публикация (Б3) сокращена в количестве примеров и рассмотренных фонетических соответствий. Сам автор сообщает об этом на с. 60, объясняя относительную краткость изложения и малое число примеров предназначением работы для круга читателей «без специальных знаний». В тексте полностью отсутствует сопоставление аффиксов, но он несколько расширен за счет вступительной общетеоретической части.

После публикации 1926 г. Бубрих на время оставил эту тему. Однако она вновь стала актуальной во время войны, когда ученый был эвакуирован в Сыктывкар и в период с октября 1941 по август 1944 гг. заведовал кафедрой коми языка и литературы в Коми пединституте (КГПИ), см. [Попов 2015].

В отчете о научно-исследовательской работе кафедры коми языка и литературы в 1942 г. Д. В. Бубрих пишет:

«...написал следующие работы: 1) Языковые свидетельства против „арийской чистоты“ германцев, 1 печ. л. – Работа написана по поручению Антифашистского комитета советских ученых. В настоящее время печатается в двух изданиях: а) в Казани (в Академии наук СССР), б) в Англии» [Бубрих 1942: 60].

Хотя указанное название не совпадает ни с одним из названий известных нам версий, судя по хронологии, здесь может идти речь о статье Б4.

В отчете кафедры коми языка и литературы Коми пединститута за 1942/1943 уч. год сказано: «...надо добавить, что по линии Всесоюзного Антифашистского комитета советских ученых проф. Д. В. Бубрих написал статью „Еще к вопросу об «арийской чистоте» германцев“ (первая статья на ту же тему, отправленная Комитетом для напечатания в Англию, написана на грани прошлого и отчетного годов)» [Бубрих 1943а: 47–48].

Из названия следует, что имеется в виду Б5.

Наконец в отчете о выполнении научно-исследовательских работ за первое полугодие 1943 г. Д. В. Бубрих пишет, что сверх плана им написана статья «Арийская чистота германцев перед судом языкознания» (прибл. $\frac{3}{4}$ печатных листа). Название совпадает с названием четырехстраничных тезисов Б6, но текст самой статьи (объемом $\frac{3}{4}$ печатных листа) в архивах не обнаружен. Далее в том же отчете говорится:

«Обсуждение фашистского тезиса об „арийской чистоте“ германцев с языковедческой точки зрения до сих пор не предпринималось, между тем как языковедческая критика этого тезиса дает очень много: германские языки оказываются наименее чистыми индоевропейскими языками. В 1942 г. проф. Д. В. Бубрих <...> написал уже две статьи по этому вопросу. В первом полугодии 1943 он написал по этому вопросу третью статью» [Бубрих 1943б : 78].

Машинописная копия Б5, кроме архива КНЦ УрО РАН, содержится в архиве СПбФАРАН в фонде Н. С. Державина. Она была направлена Державину в Казань (на конверте стоит отметка о получении 2 мая 1943 г.), очевидно, с целью напечатания в издании Академии наук, но опубликована не была. Державин был председателем Антифашистского комитета советских ученых, имевшего связь с зарубежными организациями. Целью деятельности комитета была антигитлеровская пропаганда среди стран-союзников, в том числе идеологическое разоблачение фашизма [Петрова 1999: 146]. Теория Д. В. Бубриха, развенчивающая идею расового превосходства немцев, идеально подходила под задачи комитета, но попали ли рукописи ученого в Англию, авторам пока неизвестно.

Что касается содержания поздних работ, то, по свидетельству архивистов, «в целом тексты <Б4 и Б5> идентичны» [Роцевская, Лисевич 2014: 225]. Однако в Б5 Д. В. Бубрих, кратко пересказывая содержание Б4, указывает, что в ней рассматривалось фонетическое сходство германской речи с угро-финской («существовало совершенно одинаковое чередование двух рядов шумных, с германской стороны называемое грамматическим чередованием согласных, а с угрофинской стороны чередованием ступеней согласных») и формулировалось предположение о финском субстрате. В Б5 рассматриваются уже не фонетические, а лексические соответствия: приводятся некоторые этимологии, например, слов со значением ‘прорицательница’, ‘эльф’, ‘общественный порядок’, ‘женщина’. Малое количество примеров автор объясняет недоступностью научных работ. Но также указывается, что этимологий не может быть много «из-за сложных судеб угрофинских языков», лексический состав групп которых значительно различается между собой, и количество общих финно-угорских слов исчисляется лишь сотнями.

Б5 отличается от опубликованной Б3, в частности, меньшим количеством приведенных этимологий и отсутствием главы о названиях стран и народов Северной Европы. Кроме того, в Б3 приведенные этимологии сопровождаются фонетическими замечаниями, здесь же информация о фонетических соответствиях приводится только в общем виде в начале статьи.

Интересно, что Д. В. Бубрих вообще не упоминает в Б5 свои работы 1920-х гг. Он также отказывается от условного обозначения языка субстрата как древне-чудского, говоря просто о некоей угро-финской речи, не входящей ни в одну из существующих подсемей языков.

Доклад на Ученом совете КГПИ 1943/1944 г., как видно из Б6, был скорее идеологическим, чем научным. Главная мысль – частные научные дисциплины, такие, как лингвистика, должны бороться с расистской теорией германцев, и в этом может помочь сравнительное языкознание, которое показывает отличие германской речи от индоевропейской. Вероятным субстратом здесь Д. В. Бубрих называет уже не финно-угорский, а некий язык «гипербореяского типа»: то есть схожий с «угрофинскими, самодийскими и им подобными».

В данной статье представлены лишь предварительные материалы к исследованию этого аспекта многогранного творчества Д. В. Бубриха. В дальнейшем требуются подробное сравнение содержания текстов, их издание и компетентная оценка гипотезы о финно-угорском субстрате в германских языках.

Источники

Б1 «Über die Spuren der finnischen Teuten-Чудь» (Петроград, 14.02.1923), 28 л., рукопись // Национальный архив Финляндии: архив Финно-угорского общества: Kotelo (дело) 784: D. V. Bubrih.

Б2 «Finnisches im Urgermanischen» (1925), 31 л., рукопись // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: ф. 800 (Н. Я. Марр), оп. 6, д. 98.

Б3 «О языковых следах финских тевтонов-Чуди» // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л.: ИЛЯЗВ, 1926. С. 53–92.

Б4 «К вопросу об „арийской чистоте“ германцев» (1942), 6 л. (12 с.), машинопись // Архив Коми научного центра УрО РАН: ф. 1, оп. 11, д. 45, л. 1–6.

Б5 «Еще к вопросу об „арийской чистоте“ германцев» (01.03.1943), 11 л. (22 с.) и 22 л., машинопись // Архив Коми научного центра УрО РАН: ф. 1, оп. 11, д. 45, л. 7–17; СПбФАРАН: ф. 827 (Н. С. Державин), оп. 5, д. 18. 22 л.

Б6 «Арийская чистота германцев перед судом языкознания» (тез. докл., 1943/1944), 4 с., машинопись // Национальный архив Республики Коми (НА РК): ф. Р-194, оп. 1, д. 352, л. 33–34 об.

Литература

- Браун Ф. А.* Первобытное население Европы, с 4 таблицами рисунков. Берлин: Эпоха, 1924.
- Брим В. А.* Состав и характер неразъясненных элементов в германских языках // Яфетический сборник – *Recueil Japhétique* 2, 1923. С. 18–31.
- Бубрих Д. В.* О языковых следах финских тевтонов-Чуди // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л.: ИЛЯЗВ, 1926. С. 53–92.
- Бубрих Д. В.* Финноугорское языкознание в СССР // Финноугорский сборник [Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 15]. Л.: АН СССР, 1928. С. 77–134.
- Бубрих Д. В.* Жизнеописание Дмитрия Владимировича Бубриха // Архив ИЛИ РАН. Оп. 2 (Личные дела сотрудников). Ед. хр. 20 (Д. В. Бубрих). Л. 10–12об. 14 декабря 1934 г.
- Бубрих Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе кафедры коми языка и литературы в 1942 г. // НА РК. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 323. Л. 60–60об. [1942].
- Бубрих Д. В.* Отчет кафедры Коми языка и литературы Коми пединститута за 1942–1943 уч. год // НА РК. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 351. Л. 45–49. [1943].
- Бубрих Д. В.* Отчет о выполнении научно-исследовательских работ по кафедре коми языка и литературы Коми пединститута за первое полугодие 1943 года // НА РК. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 350. Л. 78–78об. [1943].
- Бубрих Д. В. А. А. Шахматов как финноугровед // А. А. Шахматов (1864–1920). Сборник статей и материалов [Труды комиссии по истории Академии Наук СССР / под общ. ред. академика С. И. Вавилова, вып. 3] / под ред. академика С. П. Обнорского. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 435–455.*
- Бубрих Д. В.* 30 лет советского финно-угорского языкознания // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск: Карело-Финская научно-исследовательская база АН СССР, 1948. С. 134–142.
- Доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях кабинетов ИЯМ с 1 сентября 1934 г. по 1 июля 1935 г. // Язык и мышление – *Le langage et la mentalité*. 6–7, 1936. С. 343–345. [Перепечатано в *Материалы* 2013: 372–377].
- Из деятельности Яфетического института за время с 1 марта 1922 по 1 сентября 1923 гг. // Яфетический сборник – *Recueil Japhétique* 2, 1923. С. v–vi [Перепечатано в *Материалы* 2013: 94–97].
- Колпакова Н. Н. Д. В. Бубрих: открывая заново (к 125-летию со дня рождения): материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г.).* Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2015. С. 5–9.
- Кузьменко Ю. К.* Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Кузьменко Ю. К.* К вопросу о неиндоевропейских субстратах в германском // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (Чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2013. С. 511–535.
- Мандрик М. В.* Лингвист Д. В. Бубрих: материалы к биографии и обзор фонда (№ 1112), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: материалы II международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 628–643.
- Марр Н. Я.* К вопросу об яфетидизмах в германских языках // Яфетический сборник – *Recueil Japhétique* 1, 1922. С. 43–56.
- Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН 1921–1934 гг. (от Института яфетидологических изысканий до Института языка и мышления им. Н. Я. Марра) / сост. А. Н. Анфертьева. СПб.: Наука, 2013 [Acta linguistica Petropolitana // Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 9. Ч. 1].
- Петрова Н. К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999.
- Попов В. Я.* Деятельность Д. В. Бубриха в Коми пединституте (к 125-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха) // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2015, № 9 (сентябрь). С. 74–82 (1–9). <http://e-koncept.ru/2015/15309.htm>
- Роцевская Л. П., Лисевич Н. Г.* Документы Д. В. Бубриха в Научном архиве Коми науч. центра УрО РАН о создании единого литературного коми языка: V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.): материалы / отв. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2014. С. 222–225.
- Сенкевич-Гудкова В. В. Д. В. Бубрих как исследователь финно-угорских языков // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 9, 1950, 3. С. 186–195.*

Хямяляйнен М. М. Дмитрий Владимирович Бубрих // Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха / отв. ред. М. М. Хямяляйнен и А. А. Беляков. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 3–9.

Щерба Л. В. Отзыв о научной деятельности проф. Д. В. Бубриха // Архив ИЛИ РАН. Оп. 2 (Личные дела сотрудников). Ед. хр. 20 (Д. В. Бубрих). Л. 27–31. (Неавторизованная машинопись, на первой странице помета: «Послано! <подпись неразборчиво> 2/III 37 г.»).

Bleichsteiner R. Отзыв о книгах Braun 1922 и Marr 1923 // *Anthropos* 21, 1926, 5/6. P. 1057–1060.

Bork F. Отзыв о книге Braun 1922 // *Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte* 15, 1923. P. 174–178.

Brandist C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILJAZV) 1921–1933 // *Russian Literature* 63, 2008, 2–4. P. 171–200.

Braun F. Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen (Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, herausgegeben von F. Braun und N. Marr, 1). Berlin – Stuttgart – Leipzig: Verlag von W. Kohlhammer, 1922.

Conrad J. L. N. Ja. Marr on the Origin of the Germanic Languages // *Texas Studies in Literature and Language* 5, 1963, 2. P. 283–293.

Feist S. Noch einmal zur germanischen und hochdeutschen Lautverschiebung // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 37, 1912. P. 112–121.

Feist S. Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen. Berlin: Weidmann, 1913.

Feist S. Die germanische und die hochdeutsche Lautverschiebung // *Neophilologus* 2, 1917, 1. P. 20–34.

Feist S. Indogermanen und Germanen. Ein Beitrag zur europäischen Urgeschichtsforschung. Halle (Saale): Niemeyer, 1924.

Jakobson R. (ed.). N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for publication by R. Jakobson (*Janua linguarum, series maior*, 47). Berlin – New York – Amsterdam: Mouton, 1985.

Marr N. Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, aus dem Russischen übersetzt von F. Braun (Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, im Auftrage des Japhetischen Forschungsinstituts der Russischen Akademie der Wissenschaften, herausgegeben von F. Braun und N. Marr, 2). Berlin – Stuttgart – Leipzig: Verlag von W. Kohlhammer, 1923.

Much R. Отзыв о книге Braun 1922 // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 42, 1923, 3/4. S. 97–98.

Ranke F. Отзыв о книге Braun 1922 // *Orientalistische Literaturzeitung* 27, 1924, 4. S. 177–179.

Schmidt G. Отзыв о книгах Braun 1922 и Marr 1923 // *Neuphilologische Mitteilungen* 25, 1924, 4/8 (Hugo Suolahti zum fünfzigsten Geburtstag – 7.10.1924 von Kollegen und Freunden dargebracht). S. 221–230.

Sköld H. Отзыв о книгах Braun 1922 и Marr 1923 // *Litteris. An International Critical Review of the Humanities* 1, 1924. P. 165–178.

Wardrop O. Отзыв о книге Braun 1922 // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 4, 1923. P. 630–635.

Wiget W. Отзыв о книге Braun 1922 // *Literarisches Zentralblatt für Deutschland* 73, 1922, 26 (1. Juli). S. 489–490.

V. S. Tomelleri

University of Macerata (Macerata, Italia)

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

G. V. Gordienko

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

**D. V. BUBRIKH AND THE GERMANIC SUBSTRATE HYPOTHESIS:
THE ARTICLE "ON THE LINGUISTIC TRACES OF THE FINNISH TEUTON-CHUD" (1926)
AND ITS UNPUBLISHED VERSIONS**

The first part of the present article briefly examines the scientific context in which the hypothesis about the Finno-Ugric substratum in the Germanic languages arose; this was one of the factors in turning D. V. Bubrikh's scientific interest from Slavic to Finno-Ugric studies. The second part describes the content, structure and fate of six closely related texts (mainly manuscripts) containing this hypothesis.

Keywords: D. V. Bubrikh, Germanic substrate hypothesis, Finno-Ugric studies, archives.

К 130-ЛЕТИЮ Д. В. БУБРИХА: КЛАСТЕРИЗАЦИЯ В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЕДИНСТВА КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Доклад посвящен истории создания основополагающего для карельской диалектологии труда Д. В. Бубриха – «Диалектологического атласа карельского языка» (1997), а также анализу возможностей применения не утративших своей актуальности материалов, собранных в процессе его подготовки, для решения важнейших вопросов диалектного членения исследуемого языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, диалектологический атлас, лингвистическая география, кластерный анализ.

Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) сыграл важнейшую роль в процессе сложения академической лингвистической школы Карелии, основав такое ее направление, как прибалтийско-финское языкознание.

В конце 1920-х гг. Д. В. Бубрих приступил к работе по практическому освоению языков бесписьменных финно-угорских народов с целью создания для них письменностей. Первый свой визит в Карелию языковед совершил в 1928 г. В Обществе изучения Карелии он сделал доклад о необходимости исследования особенностей карельского языка и сбора лингвистического материала. В том же году вышла в свет подготовленная им «Инструкция к собиранию материала по финско-карельским говорам» [Бубрих 1928]. Первая экспедиция в составе 12 человек состоялась в июле – августе 1930 г. Были обследованы четыре региона: Ухтинский, Паданский и Олонецкий районы, а также полоса людиковских говоров. Таким образом, в Карелии с непосредственным участием Д. В. Бубриха началась планомерная работа по теоретическому изучению карельского языка.

К созданию карельской письменности в Карелии приступили в 1936 г. В августе 1937 г. в Петрозаводске на Карельской лингвистической конференции Дмитрий Владимирович представил разработки относительно правил и норм единого карельского языка, которые были единогласно приняты [Бубрих 1937]. В процессе работы над грамматикой требовало уточнения диалектное представительство отдельных фонетических явлений и грамматических категорий, в связи с чем особо ценной оказалась параллельно развернутая работа над «Диалектологическим атласом карельского языка» [ДАКЯ].

В 1937 г. был издан первый вариант «Программы для собирания материала для диалектологического атласа карельского языка» [Программа 1937], подготовленной Д. В. Бубрихом. Она включила 1785 вопросов, из которых 27 социолингвистических, 1088 – по фонетике, 342 – по морфологии, 328 – по лексике. К концу года на основе программ, заполненных в 150 населенных пунктах Карельской АССР, языковедом было составлено более 200 рабочих карт, позволивших получить довольно полное представление о диалектном членении карельского языка.

Работа над атласом была возобновлена в 1946 г. На основе переработанной программы [Программа 1946] производились проверка и дополнение полученного ранее материала. Было обследовано еще 50 пунктов Карелии и 20 пунктов Калининской области. Работа над картами атласа осуществлялась Н. А. Анисимовым, Н. И. Богдановым, А. А. Беляковым под руководством Д. В. Бубриха, над оформлением карт работали В. Д. Смирнова-Бубрих и Г. М. Керт. В общей сложности к 1948 г. было составлено свыше 800 пробных карт, на основе которых к концу 1949 г. подготовлено 130 сводных карт из запланированных 250.

На основе анализа пробных карт Д. В. Бубрихом была разработана диалектная классификация карельского языка: «Карельский язык содержит три наречия: собственно-карельское (в Средней и Северной Карелии, а также Калининских и соседних местах), ливвиков-

ское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, невдалеке от Онежского озера). Эти наречия разбиваются на диалекты: а те в свою очередь – на говоры)» [Бубрих 1948: 44].

Одного из важнейших результатов своей научной деятельности в законченном виде Дмитрий Владимирович так и не увидел. После его ухода работа над атласом была продолжена его учеником А. А. Беляковым при участии Н. А. Анисимова и Г. Н. Макарова, редакторами выступили Н. И. Богданов и М. М. Хямляйнен. В общей сложности к 1956 г. было подготовлено 209 карт по 150 пунктам Карелии. В основу карты было положено районное деление Карельской АССР 1950-х гг. Однако в связи с целым рядом причин атлас был напечатан только спустя 41 год. Это позволило собрать и включить в него материалы по тверским карельским говорам, изначально предполагаемые Д. В. Бубрихом в виде второго выпуска. В 1956–1958 гг. Г. М. Макаровым были организованы экспедиции к тверским карелам (программы заполнены в 60 населенных пунктах). В 1970–1973 гг. А. В. Пунжина занималась уточнением и дополнением этих материалов, а также заполнила программы еще по 6 пунктам, а в 1991–1992 гг. подготовила карты по тверским говорам (36 пунктов). Кроме того, перед изданием атласа была произведена замена основы карты на карту волостного деления Карелии начала XX в. [Керт, Рягоев 1997: 4].

Ценность материалов атласа отмечена составителями его предисловия Г. М. Кертом и В. Д. Ряговым: «Данные „Диалектологического атласа карельского языка“ имеют непреходящее значение не только для выявления всего многообразия карельской речи в пространстве, но и для прослеживания исторических судеб карельского языка» [Керт, Рягоев 1997: 3]. Достоверность представленного в нем материала не вызывает сомнений, поскольку каждый вопрос программы заполнялся по каждому пункту вопросника от нескольких носителей и многократно перепроверялся. За каждой включенной в атлас картой стоит несколько рабочих карт, анализирующих явление в аналогичной позиции в других лексемах.

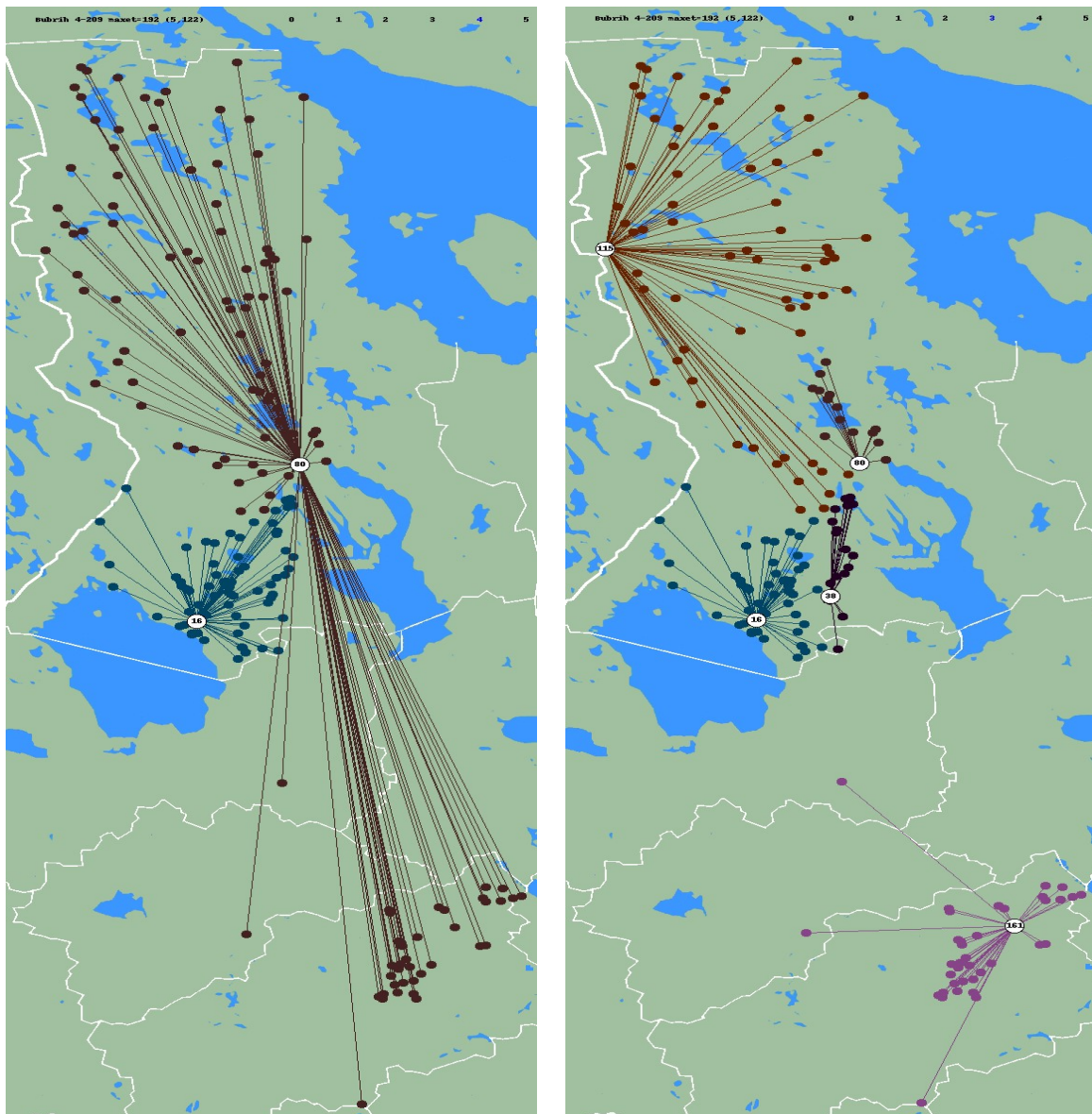
Полевой материал, собранный для атласа 50–80 лет назад, и по сей день не утратил своей актуальности для решения проблем карельской диалектологии. Первой попыткой его визуализации является исследование финляндского лингвиста Калеви Виика «Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus» (2004), в котором методом составления таблиц, в процентном отношении отражающих, насколько говоры отдельных пунктов отличаются друг от друга, были намечены границы между наречиями, диалектами и группами говоров карельского языка [Wiik 2004: 58–61].

Развитие идеи К. Виика было произведено Мартти Пенттоненом в рамках международного проекта «Vertaileva karjalan kielipöppi» путем применения к закодированным материалам атласа статистического агломеративно-иерархического метода кластеризации и визуализации ее результатов в виде кластерных карт. Компьютерная программа сравнивает между собой материалы интересующих карт атласа и объединяет говоры, обнаруживающие минимальное число отличий, в одну группу – кластер. От уровня к уровню кластеры объединяются в более крупные, тем самым производится проведение изоглосс [Новак и др. 2019: 40–41].

Результаты кластеризации различного тематического материала атласа позволяют сделать ряд выводов относительно диалектной классификации карельского языка и наметить пути решения ее важнейших проблем. Одной из таковых является определение статуса людиковских говоров, относительно которых существуют две традиции. Согласно первой, восходящей к работам Д. В. Бубриха, людиковские диалекты относятся к карельскому языку [Бубрих 1947, 1948; Зайков 2000; Родионова и др. 2017]. Согласно второй, доминирующей в Финляндии, людиковские диалекты представляют самостоятельный прибалтийско-финский язык [Virtaranta 1972; Rahomov 2017].

Сводная кластерная карта, визуализирующая весь используемый в атласе диалектный материал, позволяет сделать важный вывод о единстве карельского языка. Четвертый уровень сводной карты (рис.: левая карта) указывает на наличие в карельском языке двух крупных групп: собственно карельской и ливвиковско-людиковской, обнаруживающих между собой

существенное число отличий на всех языковых уровнях. На третьем уровне (рис.: правая карта) собственно карельский кластер разделился на три, а ливвиковско-людиковский на два: ливвиковский и людиковский. Это, в свою очередь, указывает на то, что ливвиковские и людиковские говоры отличаются друг от друга не больше, чем отдельные группы говоров собственно карельского наречия. Таким образом, согласно результатам кластеризации материалов атласа, нет лингвистических оснований для выделения людиковских говоров в самостоятельный язык.

Четвертый и третий уровни сводной кластерной карты

Получить более точное представление о границах наречий и диалектов карельского языка возможно путем расширения базы кластеризации за счет заполненных в ходе работы над атласом материалов программ, объем диалектных данных которых в разы превышает объем материала, вошедшего в атлас, а также за счет привлечения аналогичных данных из близкородственных языков. Использование метода кластерного анализа к материалам, собранным под руководством Д. В. Бубриха, таким образом, могло бы быть положено в основу лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка.

Примечание

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

Литература и источники

- Бубрих Д. В.* Инструкция по собиранию материалов по финско-карельским говорам // Труды краеведческой комиссии ЛОИКФУН. № 2. Л., 1928. С. 1.
- Бубрих Д. В.* Грамматика карельского языка. Петрозаводск: КНИИК, 1937. 79 с.
- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.
- Бубрих Д. В.* Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской базы Академии наук СССР. № 3. 1948. С. 42–50.
- ДАКЯ – Диалектологический атлас карельского языка / Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 к.
- Зайков П. М.* Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 294 с.
- Керт Г. М., Рягоев В. Д.* Предисловие к «Диалектологическому атласу карельского языка» // Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. С. 1–4.
- Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.* Карельский язык в грамматиках. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
- Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В.* Людики: вопросы сохранения языка и культуры. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 169 с.
- Программа 1937 – Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка / под ред. Д. В. Бубриха. Петрозаводск: КНИИК, 1937. 98 с.
- Программа 1946 – Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка / под ред. Д. В. Бубриха. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1946. 175 с.
- Pahomov M.* Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 312 s.
- Virtaranta P.* Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. № 8. 1972. С. 1–15.
- Wiik K.* Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus // Fenno-Ugristica. N 26. Turku: Ellibs, 2004. S. 239–302.

I. P. Novak

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

TO THE 130th ANNIVERSARY OF D. V. BUBRIKH: CLUSTERIZATION IN CONFIRMATION OF THE UNITY OF THE KARELIAN LANGUAGE

The report is devoted to the history of the creation of the fundamental for the Karelian dialectology work of D. V. Bubrikh – "Dialectological atlas of the Karelian language" (1997), as well as the analysis of the possibilities of using the materials collected in the process of its preparation, which have not lost their relevance to solve the most important issues of dialect division of the studied language.

Keywords: Karelian language, dialectology, dialectological atlas, linguistic geography, cluster analysis.

НОВЫЕ ФИННО-УГОРСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ ПО ДАННЫМ РУССКИХ ГОВОРОВ БЕЛОМОРЬЯ

В статье представлены новые этимологии и этимологические версии на основе материалов, полученных в ходе диалектологических экспедиций в Беломорье. Анализируются данные прибалтийско-финского и саамского происхождения.

Ключевые слова: Беломорье, диалект, карельский, саамский, этимология.

Данная статья представляет собой результат работы на территории Беломорья (Мурманская, Архангельская области и прибрежные районы Карелии). К настоящему времени основной состав лексики финно-угорского происхождения выявлен и проанализирован в многочисленных трудах по данной проблеме. Однако последние полевые данные предлагают новые материалы для анализа. Кроме того, были использованы источники XIX – начала XX вв., которые ранее не попадали в сферу внимания этимологов.

В Беломорье в настоящее время сосуществуют несколько уральских этносов: саамы, карелы, коми-ижемцы, ненцы. На территории Мурманской области карелы проживают в окрестностях г. Кандалакши в н.п. Колвица, Лувеньга (в основном переселенцы из Колвицы), Княжая Губа. В последней, по архивным данным на 1960 г., из 200 дворов только в 70 проживали русские, остальные являлись карельскими. В н.п. Колвица до настоящего времени можно фиксировать карельскую речь: *У нас ба'бушка ста'ренькая, па'пина мама, она' раска'зывала нам фсё время, по-карельски, и папа у нас рассказывал нам фсем де'тям. Мы на печку русскую ве'чером заберё'мсе, осо'бенно когда' вы'пьет немно'шко бра'шки, раньшеэ жэ бра'шку вари'ли. О, ребята, давайте заберите'сь, я вам расскажу' ска'ску Про Ваньку и Ваську. Э'то я на фсю жысь запо'мнила. По-карельски я не умею. Elettih kakšy vellii. Yhte kučutti Van'a, toista kučutti Vas'a. И вот пошли они в лес с отцом. Lähetih hyö meččä на охоту. А мачеха, была у них мачеха, она была очень, не любила этих двойняшэк. Как жэ мачеху-то по-карельски. Oli heillä tuato, я не знаю как назвать мачеху. Oli heillä tuato vieraš. Ei oma tuato ku vieraš. Hän šano omalle mehelle, jotta vie nämä pojat meččä. Anna hyö jahat meččä, kuolla niin kuolla, heilä mitä. No läksi mieš vei niet pojat i jätti meččä. А yksi poika oli oikea viisani, see ku läksi koesta, pani kormanoho surmia, но там надэ горох, но горох не переводитса, так surmia. I kuni hyö kuletti sielle mečässä hän aivaa lue, vähäni proidita, vähäni männä, vom jotta jais jalkihe. Nu i nii hyö tilthe meččä, tatto šanoo nyt istukka vähäni, a siitä mie tulee teita käämme i mäni. Mäni hän kodi, a pojat jäti sinnä mečässä. Jo vara... rupei, как жэ потемнело-то?*

Под влиянием карельского языка в н.п. Княжая Губа отмечается оглушение некоторых звонких согласных: **лоточка** 'лодочка', **фунтамент** 'фундамент'; причем такого рода оглушение присутствует даже перед звонкими и сонорными согласными: **сдесь** 'здесь', **рематисм** 'ревматизм', **усатьба** 'усадьба'.

Фиксируются различные лексические проникновения, в ряде случаев они образуют синонимический ряд, например: **Ки'вко, пи'йси, комелё'к** 'открытый очаг': *Ки'вко, пи'йси или комелё'к, сюда' зимо'й ве'чером ло'жат коко'рник или су'щник и поджыга'ют. Дым вытяга'ет в трубу'. Све'ту мно'го, бо'льше, чем от ла'мпы кероси'новой. Ковда. Пи'зи:* – В кухне устраивается большая неуклюжая печь. На шестке печи устраивается небольшая топка – пизи. Подужемье.

Ср. кар. *kivipäčči* 'печь-каменка' [ССКГК: 219]; кар. *piisi, piizi* 'открытый очаг': *ennein potakkuu keitetih piisillä* – раньше картошку варили на открытом очаге [ССКГК: 440].

Значительная часть проникновений фиксируется в текстах, посвященных описанию карельского быта.

Ки'запирти 'вечеринка': – По вечерам молодежь собирается на вечеринки – кизапирти, где под песни или звуки или звуки губной гармоники устраиваются танцы. Подужемье [ИАОИРС].

Ср. кар. *kisapirt't'i*, *kiz'apert't'i*, *kizapirt't'i* 'дом, в котором проводились вечеринки' [ССКГК: 216].

Ко'рво 'ушат для воды' Княжая Губа [ПЛГО].

Ср. кар. *korvo* 'ушат' [ССКГК: 227].

Ла'пшесками 'приспособление для ребенка, который учится ходить, в виде стула, скамейки с отверстием посередине': – Тут бродил в лапшесками широко расставляя ноги и удерживаясь от падения в круглом отверстии, босоногий мальчик, в грязной ситцевой рубашке. Подужемье [ИАОИРС].

Ср. кар. *lapši* 'ребенок' [ССКГК: 278], *skami* 'скамейка'.

Ри'кки 'кремень' Кем. [Бубновский 1914].

Вероятно, автор перепутал семантику слов **рикки**, при кар. *rikki* 'сера' [ССКГК: 511], при кар. *rii* 'кремень', с фиксацией **ний** 'кремень': – Вспоминаю, что у меня в чемодане есть рикки, тулирауда, тагла, ний. Кем. [Бубновский 1914].

Ту'лирауда 'огниво': – Почтенный дед подарил мне на память тулирауда. Машезеро [Бубновский 1914].

Ср. кар. *tul'irauta*, *tul'irauda* 'огниво' [ССКГК: 638].

Та'гла 'трут': – Кормщик берет рикки [кремень] и ударяет им о тулирауда (железо), сбoku держит тагла – кусочек древесной просушенной губы. Кем. [Бубновский 1914].

Ср. кар. *takla*, *tagla* 'трут' [ССКГК: 605].

Ки'ра 'сглаз; проклятие': – Кира – это значит, кто-то про них плохо сказал, или пастуху что-то плохое сделал. Кира – это сглазили или как проклятье. Колвица [Горяшко].

Ср. кар. *kiro* 'брань, ругань, проклятие' [ССКГК: 215].

Фиксируются лексемы, которые ранее отмечались вне севернорусского контекста в тверских говорах (другой карельской контактной зоне). (О результатах влияния на русские говоры языка тверских карел см.: [Мызников 2009, 2011, 2012, 2017]). Напр., **ва'кка** 'корзина для хлеба' Княжая Губа [ПЛГО]; ср. **ва'кка** 'мера' Твер., 1820 [СРНГ, 4: 18]. Ранее исходя из единственной фиксации, сопоставлялась с данными карельских тверских диалектов, ср. кар. твер. *vakka* 'мера, единица измерения сыпучих веществ (весом около пуда)' [СКЯП: 323], при ливв. *vakka* 'посуда, сплетенная из бересты или из древесных корней; мера зерна (примерно 20 литров)', водск. *vakka* 'лукошко', эст. *vakk* 'лукошко (так же, как мера)', морд. эрз. *vaḱan* 'посуда', 'чашка, миска' [SKES: 1611]. В настоящее время имеется возможность сопоставить беломорские данные с кар. *vakka* 'корзина, коробка, лукошко' [ССКГК: 318].

В ряде случаев новые данные трудно однозначно трактовать как заимствования или как единицы исконного происхождения, например: **Куль**, м. Прозвище колдуна. Умба. Ср. коми диал. *куль* 'водяной, обитатель вод' [ССКЗД: 39].

В наших материалах впервые были зафиксированы лексические единицы, которые ранее не были представлены в источниках. Довольно часто они не имеют прозрачной внутренней формы, что на начальных этапах их анализа требует весьма серьезной этимологической разработки. Вот некоторые лексемы такого рода:

Ку'йва, м. Большой камень в форме человеческой фигуры. *Ку'йва там был, камень какой-то как человек. Здалека-то как челове'к, ку'йвой называли. Окамене'фший человек по-саамски.* Ловозеро.

Ср. саам. *куйй* 'муж' [Куруч 1985: 131].

У'йжо, ср. Сильный мороз. *Пришли в Калгачиху, уйжо стало, а как домой попа'си. Два дня говорят у'йжо стоит.* Нюхчозеро.

Неясно, на какой почве следует рассматривать данное слово.

Фиксируются также новые данные, которые весьма легко этимологизируются на прибалтийско-финской, саамской почве, напр.:

Ко'рдя 'карельские сани': – Дорога – карта. Точно на крыльях летитт кордя. Слева пышный, нетронутый лес, справа – море снега. Кем. [Бубновский 1914].

Ср. кар. *kord'a, korja, kor'ja* 'бричка; карета' [ССКГК: 225].

Хя'кки 'приспособление на дровнях для перевозки сена в виде клетки': – *Зимой'то прие'дешь, дак надо, што'бы от заро'да ско'ко-нибудь нагрузи'ть, хя'кки таки'е бы'ли... на дро'вни ло'жылсэ как я'щич тако'й. Ис на'лочок зде'ланы э'ти и пото'м пери'льца таки'е, ну как я'щичком зде'лали.* Княжая Губа.

Ср. кар. *häkki* 'клетка для сена, повозка, на которой возили сено': – *Hein'ät häkkil'öil'l'ä veit't'ii, što ei siduo pie* (Сено в клетках возили, чтобы не завязывать) [ССКГК: 122].

Тела'тка 'ворот, используемый для подледного лова неводом': – *Тела'тки они' таки'е, ну кро'ги и верё'фку нама'тываешь на тако'й бараба'н, ну вот тут на ко'злах дак как ко'злы, и вот кру'тишь э'ту тела'тку, она натя'гивает, сюда' таки'е ручки и кру'тишь и тела'тка натя'гивает верё'фку с не'вода, э'то подо льдом.* Колвица.

Ср. кар. *tela, t'ela, t'elat* 'каток' [ССКГК: 614].

Ки'нгище, ср. Место, где раньше находилось какое-либо жилище. *Ста'рые жылы'е мес-та', ну ки'нгищя, ну ки'нгищя таки'е, ну се'но ростё'т, ну площа'тка, э'то значит ки'нгище ко-гда'-то бы'ло, кто-то жыл.* Ловозеро.

Ср. саам. *киннт* 'место постоянной стоянки жилищ' [Куруч 1985: 110].

На'нвэй. Прозвище коми саамами. *А ко'ми приши' ма'лицу ужэ' фсё вме'сте. Из-за э'тово и коми назвали-то на'нвэй, это по-саамски – приши'тая голова'.* Ловозеро.

Ср. саам. *няммэ* 'приклеивать что-либо к чему-либо' [Куруч 1985: 227] и саам. *вуэйв* 'голова' [Куруч 1985: 60].

По'двэй. Прозвище саамов у коми. *А ко'ми приши' ма'лицу ужэ' фсё вме'сте. Из-за э'тово и коми назвали-то на'нвэй, это по-саамски – приши'тая голова'. А они подвэй, што одде'льная голова'.* Ловозеро.

Ср. саам. *пуатткэ* 'разрывать' [Куруч 1985: 268], саам. *вуэйв* 'голова' [Куруч 1985: 60].

Следует отметить, что имеются данные, зафиксированные на исследованной территории в севернорусских говорах, которые напрямую возводятся к результатам влияния коми-ижемского диалекта, а также ненецкого языка, причем в ряде случаев сходные данные отмечаются в русских сибирских говорах, вероятно, это результат поздних миграций русского населения.

Литература и источники

Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу / ред. А. Горяшко. СПб., 2014.

Бубновский М. Контур Архангельской Карелии. Возникновение интереса к Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 402–412; № 14. С. 427–440; № 15. С. 458–466; 1915. № 1. С. 13–23; № 6. С. 171–176; № 8. С. 270–276; № 10. С. 356–361; № 11. С. 417–421; № 12. С. 466–472.

ИАОИРС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909–1919.

Куруч Р. Д. Саамско-русский словарь. М., 1985. 568 с.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в тверских говорах // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 74–85.

Мызников С. А. Карельский языковой субстрат в русском языке и возможности его дифференциации // Тверские карелы: история, язык, культура: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Общества культуры тверских карел (Тверь, 29–30 октября 2010 г.). Тверь, 2011. С. 110–116.

Мызников С. А. Об этимологии некоторых лексем молодежских говоров // Стратегии исследования языковых единиц. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 124–129.

Мызников С. А. Лексический карельский (тверской) субстрат в смежных русских говорах // Тверские карелы: 400 лет на Тверской земле: тезисы международной научно-практической конференции. (Лихославль, 18–19 мая 2017 г.). Лихославль, 2017. С. 10–11.

ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2019.
- ССКГК – Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. 350 с.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

S. A. Myznikov
Institute of Slavic Studies RAS
(Moscow, Russia)

NEW FINNO-UGORSK ETHYMOLOGIES ACCORDING TO THE DATA OF RUSSIAN SPEAKS OF BELOMORYE

The article presents new etymologies and etymological versions based on data obtained during dialectological expeditions in the White Sea region. The data of the Baltic-Finnish and Sami origin are analyzed.

Keywords: White Sea region, dialect, Karelian, Sami, etymology.

СЕТО В СИБИРИ

В статье речь идет о потомках носителей идиома сето, переселившихся по аграрной реформе Столыпина из западной части Российской империи в Сибирь. По материалам экспедиций в населенные пункты в Красноярском крае, где в настоящее время еще компактно проживают сето, исследуется сохранность идиома, делаются выводы о некоторых причинах утраты языка.

Ключевые слова: сето, переселение в Сибирь, сохранность языка, языковые контакты, языковой сдвиг.

Сето – небольшая этническая группа, носители прибалтийско-финского идиома, близкородственного эстонскому языку; автохтонное население Печорского района Псковской области и юго-восточной части Эстонии. Согласно переписи населения 2010 г., в России проживает 214 сето, 123 из них – в Псковской области, в местах традиционного проживания, 75 живут в Красноярском крае, остальные дисперсно расселены в других регионах Российской Федерации. Этим цифрам нельзя полностью доверять, так как некоторые сето назвали себя эстонцами, а поскольку эстонцы также проживают в России, невозможно определить реальное число проживающих в России сето. В частности, в Красноярском крае в ходе экспедиций 2019 и 2020 гг. выявлено существенно больше этнических сето. В Печорском районе Псковской области также больше сето, чем засвидетельствовано в Переписи; о языке, культуре и традициях печорских сето по полевым данным см. подробно [Агранат 2019].

В Красноярский край сето переселялись по аграрной реформе Столыпина с конца XIX в. до начала XX в. В Государственном архиве Красноярского края хранится довольно много любопытных документов по переселению крестьян из европейской части Российской империи в Сибирь: переселенческие листы, копии паспортов переселенцев, протоколы заседаний комиссий по образованию переселенческих участков и др.

На западе России плотность населения была большой, размер земельных наделов не всем позволял прокормить семью, кроме того, на северо-западе почвы не очень плодородны. В Сибири переселенцам выделяли намного больше земли и на продолжительное время освобождали от налогов. Многие от безысходности устремились на восток. Первые переселенцы по железной дороге могли доехать только до Челябинска, где находился переселенческий пункт, пока не был построен следующий участок Транссибирской магистрали. Из Челябинска они отправлялись на свои переселенческие участки на лошадях. Переселенческие участки вырубались в тайге. Существовала специальная комиссия по переселенческим участкам; учитывался размер земельного надела, плодородность почвы, при недостаточности этих факторов для нормального уровня жизни иногда в расчет принималось в качестве компенсации наличие реки с большим количеством рыбы. После заселения переселенческого участка тем количеством семей, под которое он выделялся, участку присваивался статус деревни и жители получали наделы в собственность. Среди переселенцев были, разумеется, не только сето; участки заселялись по этническому признаку. Нередко название деревне давали первые переселенцы по тому населенному пункту, из которого они приехали, сохранились топонимы: Эстония, Новая Печера и др. Деревня Хайдак, в которой лучше всего в настоящее время сохраняется язык сето, изначально называлась Хайдакюля (сето «деревня Хайда»), затем внутренняя форма потерялась, название редуцировалось.

Сето жили в нескольких районах к востоку и югу от Красноярска. В настоящее время они компактно проживают в двух деревнях в Партизанском районе (Хайдак и Булатновка) и в одной деревне в Рыбинском районе (Новая Печера).

Расселение по этническому признаку и, соответственно, сохранность этнических языков при слабом владении русским оставались вплоть до начала коллективизации. Эстонцы и сето первых поколений переселенцев, будучи представителями разных конфессий, не вступали

в браки друг с другом. По свидетельству информантов, в деревне Новая Печера был забор, разделяющий два конца: сето и эстонский. В отличие от проживающих в Печорском районе Псковской обл., у красоярских сето русские имена и фамилии; это их до сих пор отличает от эстонцев. Дело в том, что у сето не было фамилий, печорские сето получили эстонские фамилии в 1920-е гг., когда территория их проживания входила в состав буржуазной Эстонии. Красоярские сето при переселении, как и было положено православным в Российской империи, получили русские фамилии. Несмотря на осознаваемое неотождествление сето с эстонцами, отсутствие литературного языка и письменности на сето вынуждало обучать детей сето в эстонских школах. Школы появились не сразу, первое поколение переселенцев было неграмотным. Затем были приглашены учителя-эстонцы.

В 1930-е гг. почти все учителя-эстонцы были расстреляны, эстонские учебники уничтожены, языком преподавания как для сето, так и для эстонских детей стал русский. Тем не менее языком общения среди сето оставался сето. До поступления в школу большинство детей не говорили по-русски. Часто учительница была носителем сето и использовала этот язык как вспомогательный, пока дети не овладевали русским. Информанты 1960-х г. р. говорят, что не знали русского языка до школы. При отсутствии учителей-сето пришлось открыть подготовительный класс для обучения русскому языку. В школе и в колхозе велась пропаганда перехода на русский язык, впрочем, не очень успешная, поскольку, по свидетельству информантов, еще в 1980-е гг. языком общения в деревнях с населением сето продолжал оставаться сето.

После Великой Отечественной войны забор, разделяющий эстонский и сетоский концы в деревне Новая Печера, разрушили. Языком бытового и производственного общения был сето, при этом его престиж не был ниже, чем престиж эстонского, несмотря на отсутствие письменности и обучение в школе на эстонском языке в недавнем прошлом. Сложилась парадоксальная ситуация: эстонцы, жившие в окружении сето, переходили на сето, и сето в конце концов вытеснил эстонский язык. В настоящее время в этой деревне по-эстонски не говорят, а среди носителей сето есть люди, носящие эстонские фамилии. При этом сето называли свой язык эстонским. В деревне с середины 1950-х вплоть до середины 1980-х гг. была восьмилетняя школа, в библиотеке хранится «Алфавитная книга записи учащихся», в которой имеются сведения обо всех учениках, когда-либо учившихся в этой школе. Особый интерес для нас имеет графа «родной язык». В самых ранних записях у подавляющего большинства учеников в качестве родного языка значится эстонский, при этом надо понимать, что имеется в виду сето, по крайней мере в ряде случаев. Иногда у сиблингов различаются родные языки: у одних – эстонский, у других – русский. Причем необязательно эстонский у более старших, а русский – у тех, кто моложе. Если бы была такая корреляция, можно было бы предполагать, что постепенно происходил заметный сдвиг в сторону русского языка, но в действительности, скорее всего, записывали со слов учеников, и дети-билингвы в одной и той же семье по-разному оценивали соотношение своих языков, что, впрочем, необязательно прямо соответствовало уровню владения. С 1967 по 1970 г. спорадически вместо родного языка в данной графе стала записываться национальность, а с 1971 г. родной язык уже полностью подменяется национальностью. Таким образом, у нас имеются наиболее достоверные сведения о выборе родного языка у родившихся до 1960 г., то есть записанных в 1 класс до 1967 г.

Языковой сдвиг информанты связывают с ликвидацией колхозов и необходимостью уезжать в города на заработки. Дети, которые уезжали с родителями, а потом возвращались, пожив в городе, язык утрачивали. Традиционно воспитанием детей в сообществе сето занимаются бабушки, поскольку они, в отличие от родителей, уже не заняты в производстве. В настоящий момент лучше всех сохраняют язык те, кого воспитывали бабушки. Часто бывает так, что младшие сиблинги, уже не заставшие бабушек, языка не знают, в то время как старшие – хорошо владеют языком. В таких случаях родители общаются со старшими детьми на сето, а младшие не могут поддержать разговор. В местах компактного проживания пассивно владеют сето практически все. Самая молодая полноценная носительница 1990 г. р. Языковая лояльность по отношению к сето очень высокая даже у тех, кто практически не владеет языком. Все невладеющие сожалеют о том, что им не удалось выучить язык, и надеются восполнить пробел.

Полевая работа с исчезающими языками часто провоцирует находки общетеоретического плана. Работа с идиомом сибирских сето не исключение.

Многие исследователи исчезающих идиомов пытались систематизировать причины исчезновения и факторы жизнеспособности языков. Видимо, наибольшее число факторов – 33 – приведено в [Edwards 1992]. Однако, как показано в [Grenoble & Whaley 1998], этих параметров также недостаточно. В частности, авторы предлагают различать макро- и микроуровни при анализе факторов, влияющих на сохранность каждого конкретного языка. Например, говоря о языках постсоветского пространства, они указывают, что на исчезновение последних на макроуровне повлияло усвоение русского языка в ущерб остальным языкам. Тем не менее фактическая жизнеспособность каждого отдельного языка может также рассматриваться как следствие локальных переменных и быть результатом микропеременных [Grenoble & Whaley 1998: 49]. В работе приводятся примеры некоторых параметров, описанных в [Edwards 1992], которые необходимо рассматривать как на макро-, так и на микроуровнях. Однако вопрос под номером 1 «Численность и концентрация носителей языка?» («Numbers and concentration of speakers?») с этой точки зрения не рассматривается. Всё же пример сибирских сето говорит о важности и перспективности изучения данного параметра на микроуровне.

Деревня Хайдак, в прошлом переселенческий участок, вырубленный в тайге, представляет собой одну улицу протяженностью 1100 м. В центральной части исторически в послевоенное время находились административные здания: клуб, школа, фельдшерский пункт. Учителя и в особенности медицинские работники были приезжими и, естественно, не знали языка сето. Поскольку общаться с местным населением можно было по-русски, приезжая интеллигенция не учила язык. Как правило, они приезжали с детьми, которые, конечно же, тоже не говорили на сето. Жили в казенных домах недалеко от рабочих мест. Местные дети-дошкольники, проживавшие в центральной части деревни, играли с приезжими детьми и усваивали от них русский язык. Приходя в школу, они уже умели говорить по-русски, в отличие от их сверстников, живших в других концах деревни, которые приходили в 1 класс, не зная ни одного слова по-русски. Таким образом, концентрацию целесообразно рассматривать на микроуровне.

Еще один пример демонстрирует концентрацию на микроуровне как фактор жизнеспособности идиома. В Партизанском районе Красноярского края в недавнем прошлом сето сохранялся в деревне Крестьянск. В ходе экспедиции выяснилось, что пожилые люди, относительно недавно использовавшие сето в повседневной жизни и бывшие полноценными носителями, совершенно забыли язык. Сдвиг в пользу русского языка произошел очень быстро и для некоторых настолько незаметно, что они были удивлены своей неспособностью породить хоть какое-то высказывание на сето. Другие же четко отрефлексовали момент перехода на русский язык. Сето был языком домашнего общения и средством коммуникации односельчан. С течением времени в деревню приезжало все больше и больше русскоязычного населения. В конце концов преобладающим языком вне семьи стал русский. Поскольку русский язык стал использоваться очень часто, он вытеснил сето и в сфере домашнего общения. Таким образом, из-за уменьшения концентрации носителей сето идиом исчез.

Что касается собственно лингвистических характеристик идиома сибирских сето, то надо отметить, во-первых, его очень большую вариативность, что объяснимо, поскольку предки сегодняшних носителей переселялись из разных мест и были носителями разных говоров. Во-вторых, этот идиом обладает более архаичными чертами, чем язык сето на автохтонной территории. К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет остановиться на описании языка.

В заключение надо сказать, что сибирские сето не теряют культурных связей с исторической родиной, обмениваются визитами, участвуют в праздниках, в целом сохраняют исконную культуру, о которой подробно см. [Агранат 2019].

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-012-00802).

Литература и источники

Агранат Т. Б. Язык, культура и традиции печорских сето // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 219–226.

Edwards John. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: towards a typology of minority language situations // Maintenance and loss of minority languages / Edited by Willem Fase, Koen Jaspaert, and Sjaak Kroon. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1992. P. 37–54.

Grenoble Lenore A. & Whaley J. Lindsay. Towards a typology of language endangerment // Endangered languages: language loss and community response / Edited by Lenore A. Grenoble and Lindsay J. Whaley. Cambridge University Press, 1998. P. 23–54.

T. B. Agranat

*Institute of Linguistics RAS
(Moscow, Russia)*

SETO IN SIBERIA

The article deals with the descendants of speakers of the Seto idiom who moved from the Western part of the Russian Empire to Siberia during Stolypin's agrarian reform. Based on the recent expeditions to localities in the Krasnoyarsk territory, where Seto still live compactly, the preservation of the idiom is investigated, and conclusions are drawn about some of the reasons for the loss of the language.

Keywords: Seto, migration to Siberia, language preservation, language contacts, language shift.

АРХАИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПАДЕЖНЫХ ПАРАДИГМАХ ЭРЗЯНСКИХ ГОВОРОВ НОВОМАЛЫКЛИНСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Изолированное проживание эрзи Новомалыклинского района Ульяновской области от основной массы эрзянского населения способствовало сохранению архаичных явлений в падежных парадигмах. Анализ языкового материала выявил различия в падежных парадигмах исследуемого ареала от соответствующих парадигм кодифицированного языка. Структура анализируемых падежных форм единственного числа определенного склонения является наиболее последовательной и логичной.

Ключевые слова: эрзянский язык, кодифицированный язык, морфема определенности, говоры, парадигма, падеж, архаичные явления.

В XVII–XVIII вв. происходила постепенная миграция мордвы на новые земли в Заволжье. К концу XIX в. мордва расселилась на большой территории среди русских, чувашей и татар. В Ульяновской области мордва-эрзя проживает в основном в Инзенском, Николаевском, Ново-спасском, Новомалыклинском, Павловском, Старомайском и Сурском районах.

Эрзянские диалекты и говоры Ульяновской области были сформированы выходцами из разных мест проживания. В настоящее время эти диалекты и говоры в языковом отношении характеризуются весьма глубокой дифференциацией. На одной территории встречаются несколько эрзянских диалектных типов, что говорит о языковой неоднородности переселенцев на территорию исследуемого ареала. Так, говоры сел Инзенского, Николаевского, Павловского и Сурского районов являются смешанными (эрзя-мокшанскими) и их можно отнести к юго-восточному диалектному типу на территории Республики Мордовия. Эрзянские говоры Новомалыклинского района по своим языковым особенностям близки к северо-западному диалекту восточной части Республики Мордовия. Основателями эрзянских сел этого района были выходцы из Нижегородской губернии предположительно в конце XVII – начале XVIII вв. Позднее здесь же самовольно обосновались переселенцы и беглые из различных мест Правобережья Волги и Казанской губернии [УСЭ 2004: 281–282].

Новомалыклинский район расположен в восточной части Ульяновской области, на левом берегу реки Волги. На севере район граничит с Республикой Татарстан, на северо-востоке – с Самарской областью, на юго-западе – с Мелекесским районом Ульяновской области. В этом районе проживают татары (31,6 %), эрзя (28 %), русские (21,8 %), чуваша (18,6 %) и другие национальности (1 %).

Эрзянскими селами в Новомалыклинском районе являются Новая Малыкла (эрз. Од Малыкла), Александровка (эрз. Лёксяндровка), Новая Бесовка (эрз. Од Бесовка), Старая Бесовка (эрз. Ташто Бесовка), Высокий Колок (эрз. Колка или Тимошкань Тошк), Старая Малыкла (эрз. Ташто Малыкла), Старая Куликовка (эрз. Ташто Куликовка), Новая Куликовка (эрз. Од Куликовка), Якушка.

Падежная система в эрзянском языке и его диалектах является весьма сложной и своеобразной. Каждый диалектный тип обладает разным составом падежей, особенностями оформления отдельных падежей, различиями падежных значений [Агафонова, Рябов 2018: 3–11]. Одни падежи по своему происхождению относятся к финно-угорскому языку-основе, другие образовались в финно-волжский период, третьи – в прамордовский. Не исключением являются и падежные парадигмы эрзянских говоров Новомалыклинского района Ульяновской области. Наш диалектный материал свидетельствует о наличии ряда архаичных явлений в системе падежей неопределенного, определенного и притяжательного склонений имени существительного.

Особый интерес в исследуемом ареале представляет парадигма определенного склонения единственного числа, структура словоформ которой едина как в единственном, так и во множественном числе: основа слова + морфема определенности + падежный суффикс. Структура словоформ единственного числа определенного склонения приведена в таблице.

Падеж	н.м.л.к.	э. л.	рус.
ном.	<i>kilev-e-s</i> <i>šakš-o-s</i> <i>vele-s</i>	килесь чакшось велесь	та береза тот горшок то село
ген.	<i>kilev-e-z-i-n</i> <i>šakš-o-z-i-n</i> <i>ve le-z-i-n</i>	килеенть чакшонтъ велентъ	той березы того горшка того села
акк.	<i>kilev-e-s-t</i> <i>šakš-o-s-t</i> <i>vele-s-t</i>	килеенть чакшонтъ велентъ	ту березу тот горшок то село
дат.	<i>kilev-e-z-ñe</i> <i>šakš-o-z-ñe</i> <i>vele-z-ñe</i>	килеентень чакшонтень велентень	той березе тому горшку тому селу
аблат.	<i>kilev-e-z-d'e</i> <i>šakš-o-z-d'e</i> <i>vele-z-d'e</i>	килейдентъ чакшонтъ веледентъ	о той березе о том горшке о том селе
инес.	<i>kilev-e-s-ñe</i> <i>šakš-o-s-ñe</i> <i>vele-s-ñe</i>	килейсэнтъ чакшсонть велесэнтъ	в той березе в том горшке в том селе
элат.	<i>kilev-e-z-d'e</i> <i>šakš-o-z-d'e</i> <i>vele-z-d'e</i>	килейстэнтъ чакшстонть велестэнтъ	из той березы из того горшка из того села
иллат.	<i>kilev-e-z-ñe</i> <i>šakš-o-z-ñe</i> <i>vele-z-ñe</i>	килеентень чакшонтень велентень	в ту березу в тот горшок в то село
пролат.	<i>kilev-e-z-ga</i> <i>kileveziñ ezga</i> <i>šakš-o-z-ga</i> <i>šakš-o-z-i-n ezga</i> <i>vele-z-ga</i> <i>vele-z-i-n ezga</i>	килейгантъ чакшканть велеванть	по той березе по тому горшку по тому селу
комп.	<i>kilev-e-z-e-ška</i> <i>kileveziñ ejška</i> <i>šakš-o-z-e-ška</i> <i>šakš-o-z-i-n ejška</i> <i>vele-z-e-ška</i> <i>vele-z-i-n ejška</i>	килейшканть чакшошканть велешканть	с ту березу с тот горшок с то село
абес.	<i>kilev-e-z-i-n-t'eme</i> <i>kilev-e-s-t'eme</i> <i>šakš-o-z-i-n-t'eme</i> <i>šakš-o-s-t'em'e</i> <i>vele-z-i-n-t'eme</i> <i>vele-s-t'eme</i>	килейтементъ чакштомонтъ велевтементъ	без той березы без того горшка без того села

В приведенной парадигме в говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области нами зафиксированы следующие архаичные явления:

1. Морфема определенности единственного числа во всей парадигме представлена единым морфологическим маркером *-s/-z-*, который в структуре всех падежных форм употребляется перед падежным суффиксом. В эрзянском кодифицированном языке в соответствующей парадигме наличествуют три морфемы определенности: *-сь*, *-ть*, *-нтъ*, которые в структуре словоформ находятся после падежных суффиксов, исключением являются формы датива и иллатива [Агафонова, Рябов 2011: 108–115].

2. Падеж генитив имеет морфологический маркер *z-i-n*: *tora-z-i-n* 'этого мужчины', *lotaiñ-e-z-i-n* 'этого человека', *ekakš-e-z-i-n* 'этого ребенка'. Формы генитива с морфемой определенности *-s/-z* диахронно восходят к древней указательной местоименной основе **sy-*. В интервокальной позиции суффикс *-s-* перешел в *-z*: **ilev-e-z-i-n* 'этой березы', *kudo-z-i-n* 'этого дома', *vele-z-i-n* 'этого села', *viir-e-z-i-n* 'этого леса', *lej-e-z-i-n* 'этой реки', *pat'a-z-i-n* 'этой старшей сестры'. В анализируемых говорах морфема генитива *-z-i-n* прозрачна и последовательна по своей структуре: морфема определенности + интерфикс + падежный суффикс генитива.

3. Падеж аккузатив имеет морфологический маркер *-ś-t'*: *t'ora-ś-t'* 'этого мужчину', *lomań-e-ś-t'* 'этого человека', *ękakš-e-ś-t'* 'этого ребенка'. По своей структуре морфема аккузатива определенного склонения состоит из двух древних указательных местоименных морфем: 1) *-ś-* – морфема определенности единственного числа, которая восходит к древней указательной местоименной основе **sy-*, и 2) *-t'* – морфема аккузатива, которая восходит к древней указательной местоименной основе **ty-*.

Необходимо отметить, что в исследуемом ареале в речи информантов зачастую происходит смешение семантики генитива и аккузатива.

4. Морфологический маркер датива *-ź-ńe* в исследуемом ареале является усеченной формой суффикса *-ńeń*: *kudo-ź-ńe* 'этому дому', *úir-e-ź-ńe* 'этому лесу', *řiks-e-ź-ńe* 'этой веревке', *lej-e-ź-ńe* 'этой реке', *lomań-e-ź-ńe* 'этому человеку'.

Усеченная форма датива зафиксирована как в неопределенном, так и в определенном и притяжательном склонениях, напр.: *saraz-ne* 'курице', *t'ejt'er-ńe* 'девушке'; *tuvo-ź-ńe* 'этой свинье', *řebe-ź-ńe* 'этой овце'; *t'ora-ńe* 'моему сыну', *ava-t'e* 'твоей матери', *paťa-ns-te* 'его старшей сестре'. Усеченная форма датива встречается также в эрзянских говорах сел Большеигнатовского района Республики Мордовия, Чувашской Республики и в нижнепьянских говорах Нижегородской области [Надькин 1972: 63].

5. Падежи аблатив и элатив определенного склонения имеют одинаковый морфологический маркер *-ź-d'e*. Произошла омонимия двух падежных форм. Сравните:

аблат.: *řek majšil narodoś t'e bojar-o-ź-d'e* 'Очень маялся этот народ от этого барина' (в.клк.); *jarsak t'e kaša-ź-d'e* 'Ешь эту кашу' (ст.бск.)

элат.: *t'e kudo-ź-de kĳak eź liše* 'Из этого дома никто не вышел' (ст.бск.); *od t'ejt'erťńejak ešť kadovo ve jono t'e staka ška-ź-d'e* 'И эти молодые девушки не оставались в стороне в это тяжелое время' (в.клк.)

В эрзянском литературном языке и в большинстве диалектов и говоров формы аблатива и элатива по своим формальным признакам не совпадают:

аблат. э.л. *кудо-до-нть*, д.ф. *kudu-du-ńt'*, *kudo-do-śt'* 'об этом доме';

элат. э.л. *кудо-сто-нть*, д.ф. *kudu-stu-ńt'*, *kudo-sto-śt'* 'из этого дома'.

В исследуемом ареале омонимичность аблатива и элатива объясняется, на наш взгляд, наличием в обоих падежах древнего суффикса аблатива **-ta/*-tä* в обеих падежных формах. Известно, что аблатив восходит к древнему суффиксу аблатива **-ta/*-tä*, а падеж элатив образовался от двух древних падежных суффиксов: **-s* (латив) и **-ta/*-tä* (аблатив) > **-sta/*-stä* [Szinnyeĳ 1910: 79; Серебренников 1967: 22–23]. В анализируемых говорах в элативе произошло наложение древней морфемы определенности **-ś* и форманта **-s* древнего латива суффикса **-sta/*-stä*.

6. Падеж инессив определенного склонения представлен маркером *-ś-ńe*: *kileb-e-ś-ńe* 'в этой березе', *kudo-ś-ńe* 'в этом доме', *vele-ś-ńe* 'в этом селе', *úir-e-ś-ńe* 'в этом лесу', *lej-e-ś-ńe* 'в этой реке'. В структуре этого морфологического маркера, в отличие от других падежей этой парадигмы, сохранился глухой вариант морфемы определенности *-ś-*. В анализируемой парадигме глухой вариант морфемы определенности *-ś-* зафиксирован в номинативе, аккузативе и абессиве. В кодифицированном языке эта морфема встречается только в номинативе.

Падежным маркером инессива в этих словоформах является суффикс *-ńe*, восходящий к древнему локативу **-na/*-nä*. Известно, что в мордовских языках падеж инессив образовался из двух древних суффиксов: **-s*-ового латива и **-n*-ового локатива: **-s* (латив) + **-na/*-nä* (локатив) > **-sna/*-snä* (инессив). В кодифицированном языке и во многих диалектах и говорах эрзянского языка инессив представлен только древним **-s*-овым формантом латива *-so/-se/-sa*, тогда как в анализируемых говорах в суффиксе инессива определенного склонения сохранился только древний локативный формант **-na/*-nä*. Напротив, в парадигмах неопределенного склонения в исследуемом ареале в словах с основой на шипящий, свистящий и сонорный согласный встречается суффикс инессива *-sne*, восходящий к древнему суффиксу инессива **-sna/*-snä*: *řiks-(s)ne šulmiž* – 'привязали веревкой', *on-sneńejija* 'видел его во сне', *avtobus-(s)ne šijñ* – 'приехал на автобусе', *pojes-(s)ne ardińek* 'ехали на поезде'.

7. Падеж абессив на паритетных началах имеет две словоформы определенного склонения: *kilev-e-ž-i-ń-t'eme* / *kilev-e-š-t'eme* 'без этой березы'; *vele-ž-i-ń-t'eme* / *vele-š-t'eme* 'без этого села', *kudo-ž-i-ń-t'eme* / *kudo-š-t'eme* 'без этого дома'. Первая словоформа образована на основе генитива и имеет морфему определенности -ž-. Вторая словоформа образуется от формы номинатива определенного склонения и имеет морфему определенности -š-. Это явление также характерно для других диалектов и говоров Заволжья и Южного Урала.

Анализ диалектного материала эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области показал, что структура падежных словоформ парадигмы определенного склонения единственного числа является наиболее последовательной и логичной по сравнению с парадигмами эрзянского кодифицированного языка и многих других диалектов и говоров. На наш взгляд, сохранение архаичных явлений в падежных парадигмах этих говоров является следствием изолированного проживания носителей этого диалекта от основного эрзянского населения.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00323).

Список сокращений и условных обозначений

абес. – абессив, аблат. – аблатив, акк. – аккузатив, в.клк. – говор с. Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, ген. – генитив, дат. – датив, д.ф. – диалектная форма, иллат. – иллатив, инес. – инессив, комп. – компаратив, н.млк. – говор с. Новая Малыкла Новомалыклинского района Ульяновской области, ном. – номинатив, пролат. – пролатив, рус. – русский язык, ст.бск. – говор с. Старая Бесовка Новомалыклинского района Ульяновской области, э.л. – эрзянский литературный язык, элат. – элатив, эрз. – эрзянский.

Литература и источники

Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Варьирование падежных форм датива в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический аспект) // Вестник Чувашского государственного университета. 2018. № 3. С. 3–11.

Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 108–115.

Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Вып. 42. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 61–68.

Серебрянников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

УСЭ – Ульяновская – Сибирская энциклопедия. Т. 2 / ред. и сост. В. Н. Егоров. Ульяновск: Сибирская книга, 2004. 592 с.

Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910. 156 s.

N. A. Agafonova, I. N. Ryabov

National Research Oragev Mordovia State University

(Saransk, Russia)

ARCHAIC PHENOMENA IN CASE PARADIGMS IN THE ERZYA DIALECTS OF NOVOMALYKLINSK DISTRICT IN ULYANOVSK REGION

The fact that the Erzyans of the Novomalyklinsk district of Ulyanovsk region lived isolated from the bulk of the Erzya people contributed to the preservation of archaic phenomena in case paradigms. The analysis of the linguistic material revealed differences between the case paradigms of the Erzya dialects in the area under studying and the corresponding paradigms of the codified language. The structure of the analyzed case forms of the definite declension singular is the most consistent and logical.

Keywords: the Erzya language, codified language, morpheme of certainty, dialects, paradigm, case, archaic phenomena.

ТЕНТА ИЛИ ТЕНМАНА: ДИСТРИБУЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ РОЛЕЙ I И III ИНФИНИТИВОВ В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются случаи употребления конструкций с двумя продуктивными инфинитивными формами в вепском языке: формой I инфинитива, выполняющей адвербиальную функцию, и иллативной формой III инфинитива. Целью исследования является анализ общих семантических закономерностей и поиск отличий в употреблении указанных форм в традиционных говорах и письменной норме языка. Для исследования были использованы образцы вепской речи, записанные в разные годы финляндскими и отечественными учеными, а также литературные художественные и публицистические тексты на вепском языке.

Ключевые слова: синтаксис, инфинитивы, вепский язык, I инфинитив, III инфинитив.

Особенность прибалтийско-финского синтаксиса состоит в его глагольности, и предикат (сказуемое), являясь главным членом предложения, определяет синтаксические функции других его членов. В вепском языке активно используются различные модальные конструкции, одним из членов которых является инфинитив. Особой продуктивностью отличаются конструкции, в которых форма I инфинитива и иллативная форма III инфинитива являются дополнением к финитному (модальному) глаголу.

Так, форма I инфинитива по широте и универсальности своих синтаксических функций сходна с инфинитивом индоевропейских языков [Дубровина 1972: 9]. Она может самостоятельно формировать предложение, в котором нет финитных глаголов, а также выступать в роли дополнения к финитному глаголу [Grünthal 2015: 150], то есть к глагольному сказуемому. Основными функциями I инфинитива являются функции объекта или субъекта. Однако он может также употребляться для выражения цели действия, выполняя адвербиальную функцию, которая и рассматривается в данной статье: *Käveltihe hö metsha ohvotitsa ühtes* 'Пошли они (куда?) в лес охотиться вместе' [Setälä, Kala 1951: 8].

В свою очередь, форма III инфинитива всегда выступает в связке с финитным глаголом. Сочетаясь с непереходными глаголами, иллативная форма III инфинитива выражает действие, в которое включается субъект основного финитного глагола. Такие инфинитивы называют субъектными: *No hän silii mäni guleimaha pristanile* 'Но он тогда пошел гулять на пристань' [Sovijärvi, Peltola 1982: 12]. По функции иллативная форма III инфинитива сопоставима с инфинитивом русского и ряда других индоевропейских языков. Иллативная форма III инфинитива отчетливо воспринимается как форма иллатива, так как в ее употреблении есть много общего с иллативом имен существительных.

Синтаксическая роль иллативной формы III инфинитива в предложении зависит от переходности или непереходности основного глагола: в интранзитивном предложении форма иллатива выражает действие, исполняемое субъектом основного непереходного глагола, а в транзитивном предложении – действие, исполняемое объектом основного переходного глагола. Таким образом, конструкция с иллативной формой III инфинитива может выступать как в роли субъектной, так и в роли объектной [Дубровина 1972: 141].

Самая многочисленная группа непереходных глаголов, употребляемых с формой III инфинитива, – глаголы движения и перемены положения: *mända* 'идти', *lähtta* 'отправляться', *astta* 'шагать', *tulda* 'приходить', *ajada* 'ехать': *Necile sole garbüüt sömha kurged laskeškanzihesoi* 'На это болото журавли отправлялись есть клюкву' [ОВР: 18]¹. *Astun hebon voruimaha, astun prihašt voruimaha* 'Пойду лошадь воровать, пойду парня воровать' [ОВР, 19]. *Tuliba kasmaha, ka soudat magadab* 'Пошли посмотреть, а солдат спит' [ОВР: 23].

¹ Здесь и далее арабской цифрой обозначается номер текста в сборнике.

Анализ вепсского языкового материала показал большее сходство синтаксических функций обеих форм инфинитива, а в некоторых случаях одновременное использование этих форм. Это обусловлено тесными контактами вепсов с русскими, в языке которых, как уже было сказано ранее, есть только одна форма инфинитива, которая тождественна форме I инфинитива прибалтийско-финских языков.

Рассматриваемые формы являются самыми продуктивными во всех прибалтийско-финских языках инфинитивами [Ylikoski 2004: 234]. Взаимоотношения между двумя этими формами довольно сложны, и лучше всего рассматривать их с точки зрения их диахронического развития. Обе инфинитивные формы возникли из падежных форм направления движения более ранних отглагольных существительных. I инфинитив является более древним, первоначальная семантика в прибалтийско-финских языках утрачена, хотя убедительно просматривается в исторической лативной форме [Nakulinen, Karlsson 1995]. Форма III инфинитива, по всей видимости, появилась позже [Ylikoski 2004: 234], в ней четко просматриваются как инфинитивный показатель *-ma*, так и окончание иллатива *-ha*. Поскольку оба инфинитива в значительной степени соответствуют единственной форме инфинитива во многих других языках, их можно охарактеризовать как своего рода дистрибуцию. С другой стороны, тесная взаимосвязь этих форм также может быть замечена в том факте, что некоторые глаголы могут принимать оба инфинитива в качестве своих дополнений [Ylikoski 2004: 235].

В статье анализируются отношения между двумя названными формами, демонстрирующими значительное синтаксическое сходство. Для анализа были выбраны часто используемые финитные глаголы, в сочетании с которыми употребляется форма I и III инфинитива: *lähtta* ‘отправляться’, *mända* ‘идти’, *opeta* ‘учить’, *zavodida* ‘начинать’.

1) *Mända* ‘идти’. Практически во всех говорах вепсского языка глагол *mända* выступает в связке с III инфинитивом.

Ср. вепс. *Vellenke ühten kerdan mänimei mectamaha mii kahten kesken* ‘С братом однажды пошли мы охотиться вдвоем’ [ОВР: 7]. *Konz osttas kondjan, mändas necida kondjad samha* ‘Когда покупают медведя, идут за ним (получать его)’ [ОВР: 8]. *Mäni sinna avaidamha* ‘Пошел туда открывать’. *Tuli srok, i mäni poigad ecmähä* ‘Пришел срок, и пошел сыновей искать’. *Ühten kerdan Van’ka mäni gul’aimaha* ‘Однажды Ванька пошел гулять’. *A en ku pästa ika vesüü viikoihudem mäneb kündmaha* ‘А если не пущу, на всю неделю пойдет пахать’.

Сев. вепс. *Väznu oled ka mäne houdmahaze* ‘Если устал, то иди попарься’ [ВНС 1996: 109], *Mäni avaidamha* ‘Пошел открывать’ [ВНС: 62], *Ei veinu mända služmaha* ‘Не мог пойти служить’.

Юж. вепс. *Joghe män’ pezmaazhe* ‘На реку пошел мыться’ [ВНС: 150]. *Prihäne män’ pähut sugmha* ‘Мальчик пошел чесать голову’ [ВНС: 150].

Младописьм. *Konz minei oli 40 vot, minä udes mänin opendamhas* ‘Когда мне было 40 лет, я снова пошел учиться’ (Kodima, 2019, N 9, s. 4), *Om hüvä, miše sinäki toid, mäne magadamha päčile!* ‘Хорошо, что и ты принес, иди спать на печь’ (Kodima, 2019, № 6, s. 8).

Примеры показывают, что в конструкции с глаголом *mända* используется форма III инфинитива. Такова же ситуация в родственных прибалтийско-финских языках.

2) *Lähtta* ‘отправляться’ – еще один продуктивный глагол движения. Используется в связке с иллативной формой III инфинитива.

Ср. вепс. *I läkspa bolad sōmha randad möto* ‘И пошли бруснику есть по берегу’ [Setälä, Kala 1951: 7], *Läks’ nece mužik gul’aimaha i kulišti voinan* ‘Пошел этот мужик гулять и слышал войну’ [Setälä, Kala 1951: 7], *Läks’ D’agibaban tütrenke ajamaha merele* ‘Отправился с дочерью Бабы Яги в поездку (зд. форма ‘ехать’) на море’ [Setälä, Kala 1951: 13], *Lähtem d’umalanno molimahaze* ‘Пойдем к Богу молиться’ [Setälä, Kala 1951: 14].

Сев. вепс. *Läks’ kadelnitsanke kat’maha ikoniden edehe* ‘Пошел с кадилом окуривать перед иконами’ [Sovijärvi, Peltola 1982: 10], *Pidab lähtta toižhe prihodaha rod’mahaze* ‘Нужно отправиться в другой приход рожать’ [Sovijärvi, Peltola 1982: 10].

По результатам опроса вепских жителей Прионежского района (с. Рыбрека, Другая Река, Каскесручей) были выявлены также случаи употребления I инфинитива с глаголом *lähtta*. Опрашиваемые называли оба варианта: *Lähten hougaita = lähten čarmaha* ‘Пойду рубить дрова’, *Lähten kerada marjad = keradamha marjoid* ‘Пойду собирать ягоды’, *Minä lähten kiitta = vaumičemha* ‘Пойду готовить’. Эти примеры современного бытования свидетельствуют о явном русском языковом воздействии – переносе соответствующей русской модели в вепский язык.

Юж. вепс. *Lähtob ajamha ka otab kaks’ kalušt’* ‘Поедет (зд. ‘отправится ехать’), да возьмет две палки’ [OBR: 251].

Младописьм. *Abidas Stič čingub i lähteb magadamha* ‘От обиды Стич скулит и идет спать’ (Kodima, 2015, N 6, s. 8). *Konz pereh lähteb elämaha verhaze maha, se süveneb toižehe kul’turaha, verhaze kel’he* ‘Когда семья уезжает жить за границу, она углубляется в другую культуру и язык’. *Vaiše siloi, konz ristit om külläine, hän lähteb midä – se lugemaha, vai kundel-maha, vai kacmaha* ‘Только тогда, когда человек сытый, он идет что-то читать, слушать или смотреть’ (Kodima, 2018, N 5, s. 3). *Äi norid mehid läksi elämaha lidnoihe* ‘Много молодых людей отправилось жить в город’ (Kipinä, 2020, N 6, s. 15). *Mecnik varjoiči nädan, rikoi sen da läksi ecmaha edeleze* ‘Охотник выследил куницу, убил ее и пошел охотиться дальше’ (Kipinä, 2019, N 3, s. 16).

3) Opeta ‘учить’. Глагол *opeta* также является глаголом, требующим III инфинитива в прибалтийско-финской языковой системе [ISK § 479]. Однако, как показывают примеры, в вепском языке при финитном глаголе *opeta* встречается параллельное использование обеих инфинитивных форм. С точки зрения прибалтийско-финского синтаксиса, глагол *opeta* требует III инфинитива, однако двуязычность вепсов и влияние русского языка приводят к переходу на русскую модель и употреблению конструкции с I инфинитивом:

Ср. вепс. *Oi, sinä gor’a, mina sindei opendan sut’t’as* (I инф.) ‘Ой, ты бедный, я научу тебя судиться’ [OBR: 28]. *I most pakitas saudatan: – Openda miid’ vānmaha* (III инф.) ‘И снова попросили солдата: научи нас играть’ [BHC: 177].

Сев. вепс. *Opendamoi kudoda, ombelta, opendamoi pajatamha, kudomaha* (I инф.) ‘Учусь вязать, шить, учусь петь, вязать’.

Opendaške lemmaha, itšeim maksašt nāhmaha (III инф.) ‘Научи-ка летать, себя любимого видеть’ [Sovijärvi, Peltola 1982: 26].

Младописьм. *Minä opendan händast poimimaha, kudomaha, – sanui ak* ‘Я научу ее вышивать, вязать, – сказала женщина’ (Kodima, 2016, N 1, s. 7). *Igor’ openzi heid nāhmaha fotosüzetoid jogapäivälizēs külän elos* ‘Игорь научил нас видеть фотосюжеты в ежедневной жизни деревни’ (Kipinä, 2018, N 12, s. 4).

4) Zavodida ‘начинать’. Глагол *zavodida*, обозначающий начало действия, заимствован из смежных русских говоров: *заводить* ‘начинать делать что-либо’ [СРНГ 9: 323–324]. В вепском языке в основном употребляется в связке с формой I инфинитива, что свидетельствует о восприятии в вепское бытование не только самого глагола, но и его синтаксической специфики. Так же, как и в русскоязычной конструкции, в вепском языке глагол *zavodida* используется с формой I инфинитива:

Ср. вепс. *Kevādou minä zavodin kalatada aigoiš* ‘Весной я начал рыбачить рано’ [OBR, 76]. *Zmei zavodi imbri lähtken kaida* ‘Змей начал вокруг источника копать’ [OBR: 97]. *Nu I zavodimej päzda orgho hil’l’äšti* ‘Ну и начали потихоньку вниз спускаться (зд. ‘попадать’)’ [OBR: 8]. *Narod zavodib kidastada* ‘Народ начал кричать’ [OBR: 9]. *Zavodin vedäda* ‘Начал вести’ [OBR: 11].

Сев. вепс. *Zavodin stiraida, lugeda, zavodin lugeda, midä se tehta* ‘Я начала стирать, считать, что-то делать’. *A potom necen tütren zavodi abidiita, emindam se* ‘А потом эту дочь стала обижать, мачеха эта’ [BHC: 40]. *A hö zavottihe eläda* ‘А они начали жить’ [BHC: 53].

В северновепском ареале отмечены случаи связки с иллативной формой III инфинитива: *No minä zavodimej metsastamha* ‘Но я начал охотиться’ [Sovijärvi, Peltola 1982: 36]. Надо полагать, что такая ситуация может быть спровоцирована карельским языковым воздействием, которое, как известно, отличает северновепский диалект от других вепских диалектов [Зайцева,

Муллонен 2018: 98]. В данном случае глагол *zavodida* эквивалентен карельскому глаголу *ruveta* ‘начинать что-то делать’, в сочетании с которым всегда используется иллативная форма III инфинитива, ср. кар. *Ilda rubioo tulemah* ‘Вечер будет наступать’, *Hammašta rupei kivistämäh* ‘Зуб будет болеть’ [KKS]. Интересно, что по данным Словаря вепского языка [СВЯ 1972] соответствующий глагол *rubeta* в значении ‘торопливо делать что-либо’ известен средневепским говорам, где используется в сочетании с I инфинитивом: *rubeta rata* ‘торопливо работать’, *Kuna hän rubedab astta?* ‘Куда он идет торопливо?’.

Юж. вепс. *Händikhan rikoba, zavodiba nil’kta* ‘Волка убьют, начнут шкуру снимать’ [ВНС: 152], *Kondi zavodi heidenost kääda* ‘Медведь начал к ним ходить’ [ВНС: 149].

Младописьм. *No sid’-žo Iisus zavodi pagišta heidenke* ‘Но тогда же Иисус начал говорить с ними’ [Uz’ Zavet 2006: 95], *Sid’ Iisus zavodi starinoita openikoile, miše Mehen Poigale tarbiž äi mokitas* ‘Затем Иисус начал рассказывать ученикам, что Человеческому сыну нужно много мучиться’ [Uz’ Zavet 2006: 100].

Анализ источников показал, что форма I инфинитива и иллативная форма III инфинитива образуют конструкцию вместе с финитным глаголом движения, а также с другими глаголами, требующими в прибалтийско-финских языках вопроса «куда?». Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что русская интерференция приводит к определенному разрушению традиционной прибалтийско-финской конструкции, предполагающей использование III инфинитива.

Сравнительный анализ диалектных вариантов и литературной нормы показал, что синтаксические функции рассматриваемых инфинитивов одинаковы во всех говорах вепского языка, формы иногда отличаются друг от друга фонетически. При этом все диалектные зоны испытали на уровне синтаксиса значительное русское языковое влияние, вызванное смежным проживанием и двуязычием вепсов. Однако это влияние в целом не нарушает традиционную прибалтийско-финскую синтаксическую функцию: инфинитив служит дополнением к сказуемому, выраженному русским по происхождению глаголом, тем самым дополняя ряд прибалтийско-финских конструкций с инфинитивом.

Литература и источники

ВНС 1996 – Вепские народные сказки: сборник / сост.: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. 261 с.

Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Л.: ЛГУ, 1972. 208 с.

Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепского языка (на материале «Лингвистического атласа вепского языка» // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 85–103.

ОВР – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л., 1969. 297 с.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2018.

Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki, 2015. 350 s.

Hakulinen L., Karlsson F. Nykysuomen kielen lauseoppia. Helsinki: SKS, 1995. 426 s.

ISK – Iso suomen kielioppi. Auli Hakulinen, Maria Vilkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen & Irja Alho. Verkkoaversio. Helsinki, 2008. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki, 1926. 146 s.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943. 576 s.

KKS – Karjalan kielen sanakirja.

Setälä E., Kala J. Näytteitä Äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki, 1951. 483 s.

Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki, 1982. 171 s.

Uz’ Zavet. Новый Завет на вепском языке / переводчик Н. Г. Зайцева. Петрозаводск: Карелия, 2006. 614 с.

Vilkuna M. Suomen lauseopin perusteet. Helsinki, 2003. 348 s.

Ylikoski J. Remarks on Veps purposive non-finites // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 2004. P. 231–276.

M. V. Kosheleva
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

***TEHTA OR TEHMAHA: DISTRIBUTION OF SYNTACTIC FUNCTIONS
OF THE I AND III INFINITIVES IN THE VEPSIAN LANGUAGE***

This article discusses constructions with two productive infinitive forms in the Vepsian language: adverbial function of the I infinitive and the illative form of the III infinitive. The aim of the research is to analyze general semantic patterns and search for differences in the use of these forms in traditional dialects and the written language norm. The Veps speech samples recorded in different years by Finnish and Russian scientists, and Vepsian artistic and journalistic texts were used for the research.

Keywords: syntax, infinitives, the Vepsian language, I infinitive, III infinitive.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ

В статье рассматривается проблема этноязыковой идентификации такой дискуссионной группы коренного населения Карелии, как карелы-людики. Российские ученые причисляют язык людиков к одному из наречий карельского языка, тогда как финляндские языковеды объединяют людиковские говоры в самостоятельный прибалтийско-финский язык, а самих людиков выделяют в отдельный этнос, отличный от карелов. Проанализировав этноязыковую идентификацию людиков в историческом аспекте, их этническое самосознание и взаимоотношения с соседними карельскими группами, автор приходит к выводу, что самих людиков можно охарактеризовать как субэтнос карельского народа.

Ключевые слова: людики, карелы, субэтнос, этническая идентичность, этноним.

В 1940-е гг. финляндский языковед А. Турунен сформулировал так называемый «людиковский вопрос» (фин. *luudiläiskysymys*), заключающийся в следующем: что же представляет собой язык карелов-людиков – самостоятельный язык прибалтийско-финский группы или часть карельского или вепского языков [Turunen 1946: 3]? С тех пор «людиковский вопрос» является предметом научных споров среди ученых России и Финляндии, которые высказывают различные мнения по поводу языка карелов-людиков и их этнического статуса.

Первые исследования людиковских говоров проводились в XIX в. многими начинающими финно-угроведами Финляндии: А. Шёгреном, Д. Европеусом, Э. Лённротом, А. Алквистом, А. Борениусом и др. Ученые относили людиковские говоры то к вепскому (особенно это касается михайловского диалекта, обладающего наиболее выраженным вепским субстратом), то к карельскому, то к людиковскому языку. Создатель «Словаря людиковских говоров» (1944) Ю. Куйола первым начал классифицировать людиковские говоры в качестве самостоятельного прибалтийско-финского языка, в состав которого михайловские говоры он включил несколько позднее [Пахомов 2014: 210–214]. Во второй половине XX в. П. Виртаранта закрепил статус людиковского языка как самостоятельного в языкознании Финляндии, а самих людиков отнес к отдельному прибалтийско-финскому народу [Virtaranta 1963, 1964, 1976, 1984]. Идеи П. Виртаранта нашли свое развитие в трудах лингвиста М. Пахомова, который отмечает, что вопрос об этническом статусе людиков во многом зависит от решения проблемы их языковой идентификации [Рахов 2017: 24].

В России карелов-людиков со второй половины XIX в. представители власти Олонецкой губернии относили больше к карелам, чем к вепсам, хотя и отмечали их «чуждое» происхождение и «значительное отличие от языка олонецких карелов» [НА РК: 80]. Первым выделил фонетические отличия петрозаводского говора (читай: людиковского) от других диалектов карельского языка учитель петрозаводской гимназии и краевед К. М. Петров в 1867 г. Он писал, что «мягче всех говорят олончане, за ними повенчане и, наконец, жители Петрозаводского уезда, которые по выговору ближе к *чудицам* (то есть к вепсам. – С. М.)» [Пашков 2010: 184]. В 1940-х гг. известный российский финно-угровед Д. В. Бубрих отнес людиковские диалекты к карельскому языку, отмечая, что людики сами себя идентифицируют как *люуди*, *люудикуйт*, а их язык содержит наибольшее количество вепских черт, что связано с этнической историей данной группы [Бубрих 1947, 1971]. Концепция языковеда получила широкое признание как в отечественной науке, так и в соседних постсоветских странах, в том числе и в среде эстонских лингвистов [Рахов 2017: 107, 128]. Новейшее исследование российских и финляндских языковедов, основанное на сравнительном анализе фонетических и морфологических систем карельских диалектов и говоров, подтвердило теорию Д. В. Бубриха о единстве карельского языка, куда входит и людиковское наречие [Новак и др. 2019].

Тем не менее до сих пор в трудах российских ученых нет единого мнения о том, к какому виду подразделения этноса относить карелов-людиков: субэтносу (см., напр. [Пеллинен 2014: 155]) или этнолингвистической группе (см., напр. [Сурхаско 1972: 107]). Чаще всего в русскоязычных работах о языке лудиков можно встретить нейтральные термины по отношению к лудикам: «одно из подразделений карельского этноса» [Муллонен 2011: 229; Родионова и др. 2017: 7], «этническая группа» [Захарова, Кузьмин 2015: 27; Агапитов 2017: 153] или «диалектная группа карельского этноса» [Иванова 2013: 30].

Что же касается самосознания самих носителей лудиковских говоров, то у них сохраняются два самоназвания, равнозначные для народа: общий для карелов *kard'alaine* 'карел' и локальный *lyudiläine, lyudikkö* 'лудик' [Grünthal 1997: 77; Рягоев 2003: 188]. Свой язык карелы-лудики называют *lyudin kiel', lyudikiel'* 'лудиковский язык' и отмечают, что говорят «по-лудиковски» («*pagižemme l'yuud'ikš*») [Virtaranta 1963, I: 4; Pahomov 2017: 50].

Но не всегда у лудиков наблюдался дуализм в самосознании. По утверждению А. П. Баранцева, этноним «карел», изначально неизвестный ни лудикам, ни ливвикам, стал активно распространяться на последних с XIX в. [Баранцев 1976: 28]. В диалектологических вопросниках, составленных в Пряже в 1941 г. в ходе работы над «Диалектологический атласом карельского языка» Д. В. Бубриха, самоназвание местных карелов было зафиксировано как *l'yuud'ikiit* ('лудики'), а рядом приписано уточнение: «в последнее время стали называть себя *karjalaizet* (то есть 'карелы'. – С. М.)» [НА КНЦ 1: 2]. Данное положение о недавней «карелинизации» лудиковского субэтноса подкрепилось во время экспедиции автора статьи к кондопожским лудикам в 2016 г., в ходе которой некоторые информанты, преимущественно 1930-х г. р., отмечали, что их родители были лудиками, а сейчас они – информанты – являются карелами [ФА ИЯЛИ].

Если при интервьюировании носителей лудиковского наречия пользоваться русским языком или другим наречием карельского языка, вызывающим для лудиков сложности в коммуникации (например, собственно карельским наречием), и спросить об их самоидентификации, то опрашиваемые отнесут себя скорее всего к представителям карельского народа [Rouhe 1994: 31; Новак 2015: 153–189]. И наоборот, если задать вопрос на лудиковском наречии, то информанты назовут себя лудиками, а свой язык – лудиковским. Языковед Н. И. Богданов в своей диалектологической экспедиции среди михайловских лудиков в 1946 г. встретил информанта Ефима Филатова, который заявлял, что по-русски его национальность «карел» и его родная деревня официально называется Ташкеницы, но ее название на родном языке *Tuaškol* и ее жители используют по отношению к себе эндоэтноним *l'yuud'ikuod* или *l'yuud'ilaazed* 'лудики', а также *kujar'vilaazed* 'михайловские' [НА КНЦ 2: 48].

Как утверждают финляндские исследователи, тот факт, что носители лудиковских говоров при контакте с другими этнолингвистическими группами карельского народа уже в начале XX столетия использовали русский язык, свидетельствует о том, что карельский язык, в том числе и ливвиковские говоры, являются для лудиков чужой языковой средой [Pahomov 2017: 277–286]. Данное утверждение характерно в большей степени для михайловских лудиков, обладающих чертами этнолокальности. Их карельское самоназвание *kujar'vilaazed* совпадает с названием со стороны соседних карелов и восходит к названию одного из главных водоемов на земле михайловцев – Лоянское (люд. *Kujärv*). Несмотря на дружеские отношения михайловских лудиков со своими соседями, олонецкие ливвики часто отзываются о них с некоторой долей пренебрежения, отмечая, что «михайловские не так говорят, как мы, и понимать их трудно» [НА КНЦ 3: 3], и называют последних «ненастоящими» или «еврейскими» карелами. Как отмечает К. К. Логинов, такое уничижительное прозвище им дали не столько из-за того, что михайловцев считали «торгашами» или же «хитрыми людьми», сколько из-за особенностей их языка и культуры, отличающихся от соседей [Логинов 2008: 267]. Стоит отметить, что по отношению к другим диалектным группам лудиков не наблюдалось такого явного отчуждения ливвиков и собственно карелов, что вызвано скорее всего тем, что диалекты пряжинских и кондопожских лудиков содержат меньшее количество вепских черт. Важно и то, что эти диалектные группы издавна поддерживали тесные брачно-праздничные связи с соседним карельским населением, тогда как девушки из ливвиковских деревень Олонецкого района неохотно выходили замуж в михайловские поселения

[НА КНЦ 4, д. 4: 15]. Еще одна причина замкнутости Михайловского куста деревень в том, что он в XV–XVI вв. входил составной частью в Важинский погост, географически тяготевший больше к территории Присвирья, то есть не был, как сегодня, административно связан с Олонецким районом Карелии, населенным преимущественно ливвиками [Рагонов 2017: 54].

Своих карельских соседей людики тоже обособливают: ливвиков называют «олончанами» (*anukselaažed*) или «карелами» (*karjalaažed*), а собственно карелов Сегозерья – «лаппи» (*lappi* – кар. ‘саамы’) (а те, в свою очередь, называли соседних людиков вепсами) [НА КНЦ 4, д. 1: 47; Рагонов 2017: 78]. В данных наименованиях сохранились следы этнического прошлого этих регионов.

Таким образом, носителей людиковского наречия можно классифицировать как субэтнос карелов, поскольку все критерии соответствуют теории этнических групп, предложенной этнологом Ю. В. Бромлеем: чувство собственной языковой обособленности и признание обособленности другими народами на уровне языка, наличие самоназвания (людик) и общего этнического сознания (карел), а также относительное единство территории [Бромлей 1973]. Позднее еще одним критерием у Ю. В. Бромлея для выделения субэтноса стало определение специфики традиционной культуры [Бромлей 1981: 49] – исследованию этого вопроса посвящена кандидатская диссертация автора данной статьи.

Примечание

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190092-2).

Список сокращений и условных обозначений

кар. – карельский язык; люд. – людиковское наречие карельского языка; НА КНЦ – Научный архив Карельского научного центра РАН; НА РК – Национальный архив Республики Карелия; ФА ИЯЛИ – Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Литература и источники

Аганитов В. А. К вопросу о происхождении этнонима людики // Федосовские чтения: материалы научно-практической краеведческой конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой (Петрозаводск, 27–28 апреля 2017) / сост. и науч. ред. А. С. Лызлова. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 153–157.

Баранцев А. П. К вопросу о происхождении южнокарельских диалектов // Происхождение Карелии: докл. семинара. 30.06–20.07. 1976 г. Йоэнсуу. Сер. гектограмм А. № 24Б. Йоэнсуу: [б. и.], 1977. С. 85–100.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография: научная монография. М.: Наука, 1973. 285 с.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. 52 с.

Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками (к 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха). Вып. 5. Л.: Наука, 1971. С. 3–22.

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В. Историко-культурный потенциал людиковской топонимии // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа / ред. А. Ю. Жуков, Ю. В. Литвин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 25–51.

Иванова Л. И. Фольклор карелов-людиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3. С. 30–33.

Логинов К. К. Этнолокальные группы Карелии // Малые этнические и этнографические группы (Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса) / под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 256–268.

Муллонен И. И. Людики на топонимистической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада: Четвертые Шёгреновские чтения: сб. ст. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 229–239.

НА КНЦ 1 – Программа по собиранию материалов для Диалектологического атласа карельского языка / составил проф. Д. В. Бубрих. 1937 г. // НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 38. Д. 268.

НА КНЦ 2 – Малые вопросники по карельской диалектологии. Олонецкий р-н, Михайловский с/с. 1946 г. (рук. Н. И. Богданов) // НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 43. Д. 8.

НА КНЦ 3 – Тароева Р. Ф. Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонецкий и Пряжинский районы Карельской АССР летом 1957 г. // НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 282.

НА КНЦ 4 – Полевые записи сообщений информаторов и некоторые личные наблюдения по семейным обрядам и верованиям. Записи сделаны Ю. Ю. Сурхаско как во время экспедиций 1964, 1965, 1967–1969 гг., так и во время других поездок в карельские и русские деревни в период 1964–1972 гг. // НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1, 4.

НА РК – Канцелярия Олонецкой губернии. 17 ноября 1856 г. Лоянский погост // НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Ед. хр. 21/219.

Новак И. П. Фонетические маркеры пограничных ливвиковских и людиковских карельских говоров // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа / ред. А. Ю. Жуков, Ю. В. Литвин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 143–189.

Новак И. П., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.

Пахомов М. Идентификация языка людиков финляндскими исследователями в XIX – начале XX в. // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / под ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск, 2014. С. 210–214 // Режим доступа (свободный). URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/event.php?id=194&plang=r> [Дата обращения: 13.09.2020].

Пашков А. М. Карельские просветители и кареведы XIX – начала XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. 446 с.

Пеллинен Н. А. Образцы людиковской речи как исторический источник о семейной повседневности карелов (на основе «Людиковских текстов», собранных Пертти Виртаранта) // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 155–182.

Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры. Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 169 с.

Рягоев В. Д. Карельский язык и его диалекты // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 185–189.

Сурхаско Ю. Ю. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы // Советская этнография. 1972. № 4. С. 102–107.

ФА ИЯЛИ – Аудиозаписи экспедиции к северным людикам (Петровское и Кончезерское сельские поселения) Кондопожского р-на РК, август 2016 г. Собиратели: И. Ю. Винокурова, Ю. В. Литвин, С. А. Минвалеев, М. В. Заозерный // ФА ИЯЛИ. Кассеты № 3829–3847.

Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki: SUS, 1997. 283 s.

Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: University of Helsinki, 2017. 311 s.

Rouhe Y. Vunukkajahdissa lyydien mailla // Yliopisto. 1994. N 14. S. 28–32.

Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I: Konsonantit. Helsinki: SUS, 1946. 338 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osat I–V. Helsinki: SUS, 1963, 1964, 1976, 1984.

S. A. Minvaleev

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

REGARDING THE ETHNIC IDENTIFICATION OF THE LUDIANS ISSUE

The article deals with the problem of ethno-linguistic identification of such a debatable group of the indigenous population of Karelia as the Ludic Karelians. Russian scientists classify Ludian as one of the dialects of the Karelian language, while Finnish linguists combine Ludian's dialects into an independent Baltic-Finnish language, and distinguish the Ludians as a separate ethnos, different from the Karelians. After analyzing the ethno-linguistic identification of Ludians in the historical aspect, their ethnic identity and relationships with neighboring Karelian groups, the author of the article comes to the conclusion that the Ludians can be described as a subethnos of the Karelians.

Keywords: Ludians, Karelians, subethnos, ethnic identity, ethnonym.

БРАЧНЫЕ СВЯЗИ В ТУЛМОЗЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КАРЕЛИИ И ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ТУЛМОЗЕРСКИХ ЛИВВИКОВ (КОНЕЦ XVII – СЕРЕДИНА XVIII ВВ.)

Тулмозерская волость является пример формирования этнической группы ливвиков и становления тулмозерского диалекта ливвиковского языка. С помощью метода статистического табличного анализа массовых данных Третьей ревизии 1763 г. раскрыт механизм складывания устойчивых брачных связей волости и его роль в этнолокальной консолидации тулмозеров и влияние на этническое становление соседей – олонецких ведлозерских ливвиков и ливвиков Северного Приладожья. Показано, как через брачные отношения происходило «перетекание» черт «ливвиковости» (этнокультурных и языковых характеристик, черт и особенностей ливвиков) из более восточных олонецких волостей на западно-олонецкие и северо-ладожские ливвиковские волости.

Ключевые слова: карелы-ливвики, этнолокальная группа, брачные связи, замужество, волость, деревня, Олонецкий уезд, Третья ревизия.

История становления карелов-ливвиков и роль в этом процессе брачных связей ливвиковских волостей изучена слабо. В основном брачными отношениями в крестьянских сообществах занимались этнологи. Их исследования показали, что брачные связи крестьянского населения как России, так и Карелии отличались ареальной устойчивостью. Как правило, невест и женихов выбирали не в своей деревне, а в тех деревнях своей волости и соседних волостей, с которыми у каждой волости имелись отлаженные брачные связи [Сурхаско 1977; Логинов 2010: 214–215].

В историографии бытует мнение: поскольку карельские деревни были малодворны, в них было недостаточно подходящих по возрасту пар [Сурхаско 1977: 63]. Думается, однако, что главным всё же был *жесткий религиозный запрет* вступать в брак с родственником «до седьмого колена» (по отцовской линии) – так достигалось максимальное генетическое разнообразие внутри малочисленных популяций. Поэтому повсюду в небольших поселениях, в которых почти все являлись друг другу родственниками, женихи находили невест обычно в другой деревне и даже в другой волости, где «не-родственников» оказывалось в разы больше, чем в родном поселении.

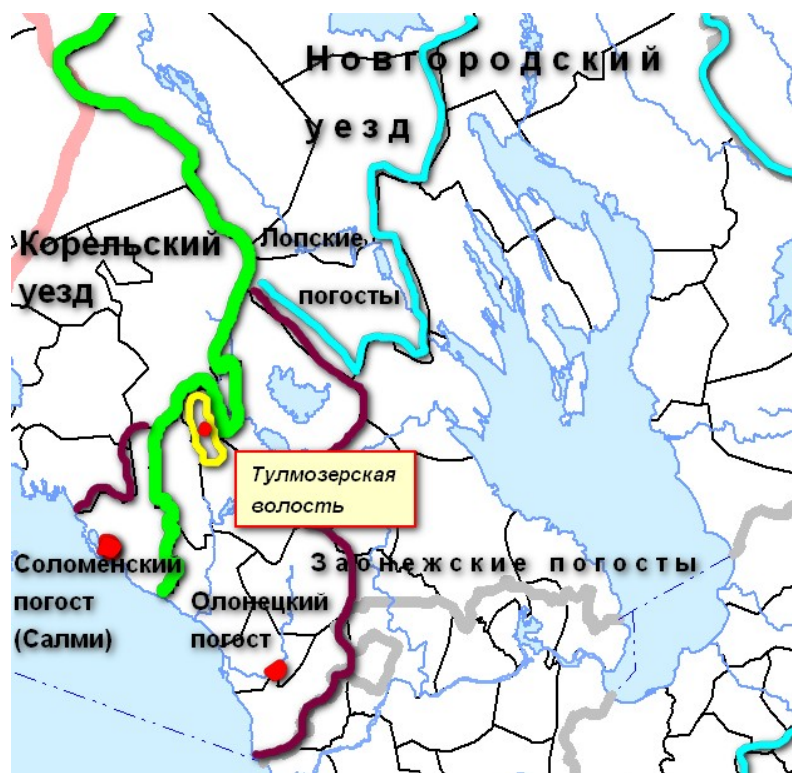
Материалы полевых сборов XIX–XX вв., впрочем, можно распространять на более раннее время лишь гипотетически. Между тем для избранной нами темы первостепенно время с конца XVII в. и XVIII в., когда и шел весьма интенсивно процесс этнической консолидации ливвиков. Но Петровская эпоха изучалась историками, демографами и социологами в основном в свете социально-экономической и социально-политической проблематики, даже в специальных работах на демографо-социологические темы и по этнической истории (см., напр.: [История крестьянства... 1993; Kirkinen et al. 1994; Чернякова 1998; Дегтярев 2006]).

Проблема брачных предпочтений крестьян заключается и в том, что иногда они воздействовали на процесс становления отдельных этнических и локальных групп, наработку ими собственных этнокультурных особенностей и черт, на появление на уровне не только *погостов* (районов), но и их волостей, особых говоров и даже диалектов. Поэтому встает конкретная задача изучения степени (меры), в которой брачные предпочтения локальных крестьянских сообществ приводили к значимым этнокультурным сдвигам.

В данной статье исследуется взаимосвязь брачных связей крестьянского «мира» со становлением отдельной этнокультурной группы на примере карелов-ливвиков Тулмозерской волости. Волость эта находилась на северо-западе обширного Олонецкого погоста одноименных уезда и губернии. Тулмозеро занимало погранично-транзитное положение. С запада волость

границила с землями приладожских карелов, на севере к ней близко подходила другая область проживания карелов – олонецкие Лопские погосты.

Первоначально Тулмозерье заселили собственно карелы, которые на рубеже XV–XVI вв. переселились в Олонецкий погост тогдашнего Новгородского уезда из соседнего Соломенского (Салминского) погоста Корельского уезда (*владычни деревни на Туле озере Соломенского погоста, а тянут к Олонцу*) [ПКОП 1563: 71–73]. Но на олонецких землях и в Сямозерье, после двух шведских интервенций в Карелию (конец XVI и начало XVII в.), начался интенсивный процесс становления новой этнической общности – *карелов-ливвиков* – из бежавших от шведов карелов Приладожья и местного вепсского населения. Ливвики выработали новое наречие карельского языка – ливвиковское. Особенно активно этнокультурное и языковое формирование ливвиков происходило во второй половине XVII в. и в XVIII в. В данном общем интенсивном этнокультурном процессе тулмозеры также выработали собственный диалект ливвиковского наречия карельского языка, и в целом они признаны наукой этнической группой карелов-ливвиков [Диалектологический атлас... 1997; Народы Карелии 2019].

Более того, даже оставшееся в Северном Приладожье собственно карельское население также со временем трансформировалось в карелов-ливвиков. И напротив, тверские карелы сохранили собственно карельское наречие. Они являлись потомками переселявшихся в Россию в конце XVI – середине XVII вв. приладожских карелов. Следовательно, по крайней мере, в середине XVII в. приладожские карелы принадлежали еще к собственно карелам, а не к карелам-ливвикам. Между тем мы не располагаем сведениями из источников о раннем массовом переселении в Северное Приладожье олонецких ливвиков. И тому имелись веские объективные причины.

С 1610 по 1710 г. эти земли принадлежали Шведскому королевству, и связи российского Олонца со шведским Приладожьем были строго ограничены. После освобождения Приладожья, с 1710 г. его земли стали поместью-вотчинными. Теперь карелы Салминского, Суоярвского, Сердобольского и Имбилахтинского погостов стали крепостными российских помещиков, а Суйстамо (Шуйстамский погост) получил в вотчину петербургский Александро-Невский монастырь. Государство отнюдь не желало расставаться с налогами с олончан – государственных крестьян, поэтому переселения их на вотчинно-поместные земли исключались. В 1809 г. Приладожье вошло в состав нового Великого княжества Финляндского, автономного в Российской

империи, что также сдерживало переселенческие планы. Но прямые, непосредственные связи Олонца с Приладожьем после 1710 г. всё же наладились. Они могли появиться только через сферу семейно-брачных отношений.

Ливвиковские новации как в языке, так и в культуре в целом собственно карелы, как тулмозеры, так и приладожские, могли воспринять только извне, посредством долговременного интенсивного движения населения. Но нам неизвестны случаи залповых переселений на Тулмозеро большого числа ливвиков из других волостей. Кроме того, местные мужчины, как и повсюду в крестьянской среде, были «привязаны» к своей земле, к хозяйству и поэтому в подавляющем большинстве случаев всю жизнь оставались проживать в родных деревнях. Иное дело – женщины. Именно они с замужеством покидали родительский кров и переселялись в дом мужа – в своей ли деревне, в другую деревню волости, в иную волость, погост, уезд и даже губернию.

Таким образом, исследовать роль (место) брачных связей с этническим становлением ливвиков необходимо по источникам, которые в массовом порядке зафиксировали брачную практику Тулмозерской волости с конца XVII в. и до середины XVIII в. Такие документы имеются – это ревизские сказки Тулмозерской волости по Третьей ревизии (1763). Дело в том, что именно с Третьей ревизии в России велся учет женского населения; она зафиксировала даже пожилых женщин, родившихся на рубеже 1670–1680-х гг. и вступивших в брачный возраст в конце XVII в.

На 1763 г. волость включала 34 деревни, которые группировались в четыре *десятка деревень*: Палалахтинский, Погоский, Робокольский и Колатсельский. Данное членение в рамках крестьянского самоуправления наследовало традиционную разбивку волостей и погостов на *четверти, трети* и т. д. [Жуков 2019: 74–96.]. Кроме того, с середины XVII в. повсюду в олонечких деревнях, кроме крестьян, проживали еще и посадские (мещане) города Олонца; только в 1787 г. большинство их было расселено по городам губернии, остальные стали крестьянами своих волостей [Жуков 2018: 23–42]. Поэтому в Третьей ревизии население Тулмозерской волости фиксировалось в двух *книгах* ревизских сказок: одна составлялась на государственных крестьян старостами десятков, а другая – посадскими старостами [Рев. 3-1: 147–208 об.; Рев. 3-2: 359 об.–370]. Конечно, в ревизии отмечены только дожившие до 1763 г. замужние женщины. Но количество их браков (539) является вполне достаточным для надежного анализа брачных предпочтений Тулмозерской волости между концом XVII в. и 1763 г.

Работа выполнена нами с помощью статистического метода табличной фиксации и анализа данных массового переписного характера. Но при анализе ревизских сказок и их табличной фиксации имеется трудность: если они фиксировали женщину, взятую в жены из другой волости или тулмозерку, отданную в замужество в другую волость, то ее имя фиксировалось один раз, но если речь шла о браке крестьянской девушки внутри волости, то фиксация происходила дважды: и как взятую в жены, и как отданную в замужество. Поэтому в части подсчета внутриволостных браков полученный результат (то есть число фиксаций имени женщины-крестьянки) нам пришлось делить на два. В браках же между посадскими внутри волости посадские женщины фиксировались единожды – как чьи-то жены. Впрочем, иногда имя женщины-крестьянки, вышедшей замуж в своей волости, отмечалось один раз (погрешности источника), и поэтому общий подсчет по деревне и даже по четверти может содержать статистическую погрешность в 0,5 брака. Фактически такого не могло быть, что и доказывает общее число браков по волости: это целое число. Немногие случаи единичной фиксации имени крестьянки во внутриволостных браках не влияют сколько-нибудь существенно на итоговый результат наших подсчетов.

Наконец движение женщин между волостями характеризует еще один параметр – соотношение взятых в жены из какой-либо волости и выданных замуж туда. Эти подсчеты мы не поместили в таблицы, чтобы не загромождать их излишне. Данные подсчеты соотношений содержатся после анализа сведений таблиц.

Представленная работа состояла из *пяти этапов*. На *первом* мы подсчитывали данные по каждой деревне, отдельно по двум переписным книгам (крестьянской и посадской). Например, по ревизским сказкам государственных крестьян находим в деревне Палалахта 55 фиксаций имени замужней женщины [Рев. 3-1: 147–152 об.]:

Таблица 1. Тулмозерская волость, Палалахтинский десяток. Деревня Палалахта

Лл.	Взяты в замужество...		Выданы в замужество...	
	Из волости (погоста)	Из деревни	В волость (погост)	В деревню
147	Тулмозерская в.	Суна [1926 г.: Сона–Suona]		
147			Олонецкий п., Ведлозерская в.	Кинелма [1926 г.: Кинерма]
147 об.	Олонецкий п. Горская в.	Пертозеро		
-//-			Тулмозерская в.	Кохту-селга
-//-	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-			Тулмозерская в.	Палалахта
-//-	Тулмозерская в.	Березов наволок		
147 об.-148	Тулмозерская в.	Нехпойла		
148	Олонецкий п. Нялмозерская в.	Пихты-лахта		
-//-			Кексгольмский у. Салминский п.	Гюрюла
-//-	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-			Кексгольмский у. Сердобольский п.	Имбилахта
-//-			Олонецкий п. Видлицкая в.	Кондуша
148 об.	Тулмозерская в.	Пяллала		
-//-	Тулмозерская в.	Власовская		
-//-	Тулмозерская в.	Кирьявала		
-//-			Тулмозерская в.	Палалахта
-//-			Тулмозерская в.	Палалахта
149			Тулмозерская в.	Гаройла
-//-			Тулмозерская в.	Робогола
-//-			Тулмозерская в.	Палалахта
-//-	Тулмозерская в.	Палалахта		
149 об.			Тулмозерская в.	Палалахта
-//-			Олонецкий п. Кукшегорская в.	Чимойла
-//-	Кексгольмский у. Салминский п.	Оружозеро		
-//-			Тулмозерская в.	Колатсельга
-//-			Олонецкий п. Ведлозерская в.	Пулчой
-//-	Тулмозерская в.	Кирьявала		
150	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-	Олонецкий п. По Туксе-реке	Рышкалицы		
-//-			Олонецкий у. Ведомство Петрозаводской канцелярии Салменижская в.	Улялега
-//-			Тулмозерская в.	Радила
-//-			Кексгольмский у. Шуштамский п.	Лепюсюрья
-//-	Тулмозерская в.	Палалахта		
150 об.	Тулмозерская в.	Пажала		
-//-			Кексгольмский у. Сердовольский п.	Сюскова
-//-	Олонецкий п. С Вары	Сисоева		
-//-	Олонецкий п. Горская в.	Верхний Конец		

Лл.	Взяты в замужество...		Выданы в замужество...	
	Из волости (погоста)	Из деревни	В волость (погост)	В деревню
151			Олонецкий п. Ведлозерская в.	Куйкин-наволок
-//-	Тулмозерская в.	Погоская		
-//-	Тулмозерская в.	Мандера		
-//-	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-			Тулмозерская в.	Ребойла
151 об.	Тулмозерская в.	Леписта		
-//-	Олонецкий у. Ведомство Петрозаводской канце- лярии Сямозерская в.	Есойла		
-//-	Олонецкий п. По Низовской реке	Кочила		
-//-	Тулмозерская в.	Мандера		
152	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-			Тулмозерская в.	Березов наволок
-//-	Олонецкий п. Нялмозерская в.	Папуева		
-//-	Тулмозерская в.	Кирьявала		
-//-	Тулмозерская в.	Кохтусельга		
-//-			Тулмозерская в.	Палалахта
152 об.	Тулмозерская в.	Палалахта		
-//-	Тулмозерская в.	Пажала		

Такие же исходные таблицы составили по каждой тулмозерской деревне.

На *втором этапе* мы фиксируем уже численные значения по каждой деревне, объединяя данные крестьянских и посадских сказок. При этом помним о делении на два внутриволостных результатов по бракам крестьянок. Уже на данном этапе важно указать точную ареальную территорию брачных связей и процентное соотношение между ними:

Таблица 2. Тулмозерская волость, Палалахтинский десяток. Деревня Палалахта
[Рев. 3-1: 147–150 об.; Рев. 3-2: 359 об.–361 об.]

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Всего
		Взятые в жены	Выданные замуж	Взятые в жены		Выданные замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи в Тулмозерской в.: д. Палалахта	1 1 1 1 1 1 1 1 1	1 1 1 1 1 1 1	1	1 1 1 1 1	1 1	1 1	20/2+3 = 13 (21,5 %)
2	Замужество женщин в другие деревни внутри Тулмозерской в.:							
3	Палалахтинского десятка	1 1	1					3/2=1,5
4	Погоского десятка	1 1 1 1 1	1 1	1	1	1	1 1	10/2+2=7
5	Робогольского десятка	1 1 1 1 1 1 1	1 1				1	9/2 =4,5
6	Колатсельского десятка	1 1	1 1	1	1			5/2+1=3,5
7	Итого внутри Тулмозерской в.	23/2 = 11,5	13/2 = 6,5	3	6/2 = 3	3	5/2 = 2,5	29,5 (48,8 %)
8	Брачные связи с др. волостями Олонецкого п.:							
9	Ведлозерская в.		1 1 1	1				4
10	Нялмозерская в.	1 1			1			3
11	Горская в.	1 1		1			1 1	5
12	Видлицкая в.		1					1
13	Каванская в.					1		1
14	Кукшегорская в.		1		1			2
15	По Туксе-реке	1						1
16	По Низовской реке	1						1
17	С Вары	1						1
18	Олонецкий п.: другие				1		1	2

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Всего
		Взятые в жены	Выданные замуж	Взятые в жены		Выданные замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
19	Итого с др. волостями Олонецкого п.	7	5	2	3	1	3	21 (34,7 %)
20	Ведомство Петрозаводской канцелярии: Сямозерская в.	1						1
21	Ведомство Петрозаводской канцелярии: Салминижская в.		1					1
22	Олонецкий уезд, итого	19,5	12,5	5	6	4	5,5	52,5 (87 %)
23	Салминский п.	1	1				1	3
24	Суйстамский (Шуштамский, Шустамский) п.		1					1
25	Сердовольский п.		1				1	4
26	Кексгольмский уезд, итого	1	4				3	8 (13 %)
27	Итого	20,5	16,5	5	6	4	8,5	60,5 (100 %)

На *третьем этапе* мы объединяем все наши подсчеты по деревням в четыре таблицы по каждой из тулмозерской четверти (табл. 3–6):

Таблица 3. Тулмозерская волость, Палалахтинский десяток – сводная

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (% к их общему числу)
		Взятые в жены	Выданы замуж	Взятые в жены		Выданные замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи Палалахтинского десятка: внутри своих деревень	4	3	1	2	2	1	13 (19,3 %)
2	Замужество женщин в другие деревни десятков Тулмозерской в.:							
3	Палалахтинского десятка	2	0,5					2,5
4	Погоского десятка	4	1	1	0,5	1	1	8,5
5	Робогольского десятка	4	1				0,5	5,5
6	Колатсельского десятка	1,5	1	1	0,5			4
7	Итого в Тулмозерской в.	15,5	6,5	3	3	3	2,5	33,5 (49,6 %)
8	Брачные связи Палалахтинского десятка с др. олонецкими волостями:							
9	Ведлозерская в.		3	1				4
10	Нялмозерская в.	2			1			3
11	Горская в.	3	2	1			2	8
12	Видлицкая в.		1					1
13	Каванская в.					1		1
14	Кукшегорская в.		1		1			2
15	По Туксе-реке	1						1
16	По Низовской реке	1						1
17	С Вары	1						1
18	Олонецкий п.: другие				1		1	2
19	Брачные связи с др. волостями Олонецкого п., итого	8	7	2	3	1	3	24 (35,6 %)
20	Брачные связи Палалахтинского десятка с волостями Ведомства Петрозаводской канцелярии:							
21	Сямозерская в.	2						2
22	Салминижская в.		1					1
23	Олонецкий уезд, итого	25,5	13,5	5	6	4	5,5	59,5 (86,1 %)
24	Брачные связи Палалахтинского десятка с погостами Кексгольмского уезда, в т. ч.:							
25	Салминский п.	1	1				1	3
26	Суйстамский (Шуштамский, Шустамский) п.		1					1
27	Сердовольский п.		2				2	4
28	Кексгольмский уезд, итого	1	4				3	8 (11,9 %)
29	Итого	26,5	17,5	5	6	4	8,5	67,5 (100 %)

Таблица 4. Тулмозерская волость, Погоский десяток – сводная

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (% к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы замуж	Взяты в жены		Выданы замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи Погоского десятка: внутри собственных деревень	6	3,5	1	0,5			11 (6,3 %)
2	Замужество женщин в другие деревни десятков Тулмозерской в.:							
3	Погоского десятка	11	6,5	1		1	0,5	20
4	Палалахтинского десятка	7	3	2	0,5		0,5	13
5	Робогольского десятка	5	5,5					10,5
6	Колатсельского десятка	2,5	2		0,5	2	0,5	7,5
7	Итого в Тулмозерской в.	31,5	20,5	4	1,5	3	1,5	62 (35,4 %)
8	Брачные связи Погоского десятка с др. олонецкими волостями:							
9	Ведлозерская в.	24	8	1			1	34
10	Нялмозерская в.	7	3					10
11	Горская в.	4	4		1			9
12	Видлицкая в.	1	2					3
13	Крошнозерская в.	1						1
14	Кукшегорская в.	1						1
15	Мачозерская в.	1						1
16	Тулокская в.	1						1
17	По Мегреге-реке		1					1
18	По Низовской реке	6	2					8
19	По Верховской реке		1					1
20	С Вары		1					1
21	Олонецкий п.: другие	3	1			1		5
22	Брачные связи с др. волостями Олонецкого п., итого	49	23	1	1	1	1	76 (43,4 %)
23	Брачные связи Погоского десятка с волостями Ведомства Петрозаводской канцелярии:							
24	Сямозерская в.	1						1
25	Др. деревни Ведомства	3	1					4
26	Андомский п., Гаукская в.				1			1
27	Важинский п., Пидемская в.		1					1
28	Пудожский п.	1						1
29	Лонские погосты, в т. ч.:							
30	Линдозерский п.	1						1
31	Шуезерский п.	1						1
32	Город Олонец, Солдатская слобода					1		1
33	Олонецкий уезд, итого	87,5	45,5	5	3,5	5	2,5	149 (85,1 %)
34	Брачные связи Погоского десятка с погостами Кексгольмского уезда, в т. ч.:							
35	Салминский п.	2	8		1		1	12
36	Суйстамский (Шуштамский, Шустамский) п.	2	5					7
37	Сердовольский п.	1	1					2
38	«Ис Корелы»	1						1
39	Кексгольмский уезд, итого	6	14		2		1	23 (13,2 %)
40	Новгородский уезд: на Сясе-реке		3					3 (1,7 %)
41	Итого	93,5	62,5	5	5,5	5	3,5	175 (100 %)

Таблица 5. Тулмозерская волость, Робогольский десяток – сводная

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (% к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы замуж	Взяты в жены		Выданы замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи Робогольского десятка: внутри собственных деревень	5	3,5					8,5 (6 %)
2	Замужество женщин в другие деревни десятков Тулмозерской в.:							
3	Робогольского десятка	12	9				0,5	21,5
4	Погоского десятка	6	3,5					9,5
5	Палалахтинского десятка	4	4					8
6	Колатсельского десятка	4,5	7					11,5
7	Итого в Тулмозерской в.	31,5	27				0,5	59 (41,5 %)
8	Брачные связи Робогольского десятка с др. олонецкими волостями:							
9	Ведлозерская в.	10	2					12
10	Нялмозерская в.	13	3				2	18
11	Горская в.	4						4
12	Видлицкая в.	2						2
13	По Низовской реке	1						1
14	С Вары	3						3
15	Олонецкий п.: другие	1	1					2
16	Брачные связи с др. волостями Олонецкого п., итого	34	6				2	42 (29,6 %)
17	Брачные связи Робогольского десятка с волостями Ведомства Петрозаводской канцелярии:							
18	Сямозерская в.	1						1
19	Вешкельская в.	2						2
20	Салминижская в.	1						1
21	С Вары	1						1
22	Лопские погосты, в т. ч.:							
23	Линдозерский п.	1	1					2
24	Паданский п.	1						1
25	Семчезерский п.	1						1
26	Олонецкий уезд, итого	73,5	34				2,5	110 (77,5 %)
27	Брачные связи Робогольского десятка с погостами Кексгольмского уезда, в т. ч.:							
28	Салминский п.	4	4					8
29	Суйстамский (Шуштамский, Шустамский) п.	5	13					18
30	Сердовольский п.		1					1
31	Шуезерский п. (Суоярви)	3						3
32	Пирозерский п.	1						1
33	Кексгольмский уезд, итого	13	19					32 (22,5 %)
34	Итого	86,5	53				2,5	142 (100 %)

Таблица 6. Тулмозерская волость, Колатсельский десяток – сводная

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (% к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы замуж	Взяты в жены		Выданы замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи Колатсельского десятка: внутри собственных деревень	8	5		4		2,5	19,5 (12,6 %)
2	Замужество женщин в другие деревни десятков Тулмозерской в.:							
3	Колатсельского десятка	11,5	5,5		0,5		1,5	19
4	Палалахтинского десятка	2	1,5	1	0,5		3,5	8,5
5	Погоского десятка	3	1,5	2	1			7,5
6	Робогольского десятка	7,5	4,5		2			14
7	Итого в Тулмозерской в.	32	18	3	8		7,5	68,5 (44,3 %)

№ п/п	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (% к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы за муж	Взяты в жены		Выданы за муж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
8	Брачные связи Колатсельского десятка с др. олонецкими волостями:							
9	Ведлозерская в.	7	7	3	1	1	2	21
10	Нялмозерская в.	2	2				2	6
11	Горская в.	4	2				2	8
12	Кукшегорская в.						1	1
13	По Низовской реке и Нижней Седоксе	2	2					4
14	Тулокская в.	1						1
15	С Вары	1	1					2
16	Олонецкий п.: другие	1			2		2	5
17	Брачные связи с др. волостями Олонецкого п., итого	18	14	3	3	1	9	48 (31,1 %)
18	Брачные связи Колатсельского десятка с волостями Ведомства Петрозаводской канцелярии:							
19	Сямозерская в.		1		2		2	5
20	Салминижская в.	1						1
21	Вешкельская в.	1			1			2
22	Лопские погосты, в т. ч.:							
23	Панозерский п.	1						1
24	Селецкий п.	1						1
25	Ребольский п.	1						1
26	Олонецкий уезд, итого	55	33	6	14	1	18,5	127,5 (82,5 %)
27	Брачные связи Колатсельского десятка с погостами Кексгольмского уезда, в т. ч.:							
28	Салминский п.	1	2		1		7	11
29	Суйстамский (Суезерский, Шуштамский, Шустамский) п.	1	8				1	10
30	Сердовольский п.		2				2	4
31	Кексгольмский уезд, итого	2	12		1		11	26 (16,9 %)
32	Санкт-Петербург, за солдата Ингерманландского полка					1		1 (0,6 %)
33	Итого	57	45	6	15	2	29,5	154,5 (100 %)

На *четвертом этапе* мы объединяем все полученные данные в итоговую таблицу брачных связей Тулмозерской волости на 1763 г.

Таблица 7. Брачные связи Тулмозерской волости, по данным Третьей ревизии 1763 г.

№ строки	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (в т. ч. в % к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы за муж	Взяты в жены		Выданы за муж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
1	Брачные связи в Тулмозерской в.: замужество внутри своей деревни	23	15	2	6,5	2	3,5	52 (9,6 %)
2	Замужество женщин в деревни других десятков Тулмозерской в.:							
3	Палалахтинского десятка	15	9	3	2		4	33
4	Погоского десятка	24	12,5	4	1,5	2	1,5	45,5
5	Робогольского десятка	28,5	20		2		1	51,5
6	Колатсельского десятка	20	15,5	1	0,5	2	2	41
7	Палалахтинский десяток	15,5	6,5	3	3	3	2,5	33,5 (6,2 %)
8	Погоский десяток	31,5	20,5	4	1,5	3	1,5	62 (11,5 %)
9	Робогольский десяток	31,5	27				0,5	59 (10,9 %)
10	Колатсельский десяток	32	18	3	8		7,5	68,5 (12,7 %)

№ строки	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (в т. ч. в % к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы замуж	Взяты в жены		Выданы замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
11	Итого брачные связи между деревнями Тулмозерской в. [Σ строки 11 = Σ строк 1–6 = Σ строк 7–10]	110,5	72	10	12,5	6	12	223 (41,4 %)
12	Брачные связи Тулмозерской в. с др. волостями Олонецкого п.:							
13	Ведлозерская в.	42	20	5	1	1	3	72
14	Нялмозерская в.	24	8		1		4	37
15	Горская в.	15	8	1	1		4	29
16	Видлицкая в.	2	3					5
17	Каванская в.					1		1
19	Крошнозерская в.	1						1
20	Кукшегорская в.	1	1		1		1	4
21	Мачозерская в.	1						1
22	Тулокская в.	2						2
23	По Туксе-реке	1						1
24	По Мегреге-реке		1					1
25	По Низовской реке (р. Олонке) и р. Нижней Седоксе	10	4					14
26	По Верховской реке (р. Верхний Олонец)		1			1		2
27	С Вары	5	2					7
29	Олонецкий п.: другие деревни	5	2		3		3	13
30	Брачные связи Палалахтинского десятка с др. волостями Олонецкого п., итого	8	7	2	3	1	3	24 (4,5 %)
31	Брачные связи Погоского десятка с др. волостями Олонецкого п., итого	49	23	1	1	1	1	76 (14,1 %)
32	Брачные связи Робогольского десятка с др. волостями Олонецкого п., итого	34	6				2	42 (7,8 %)
33	Брачные связи Колатсельского десятка с др. волостями Олонецкого п., итого	18	14	3	3	1	9	48 (8,9 %)
34	Брачные связи Тулмозерской в. с др. волостями Олонецкого п., итого [Σ 34 = Σ 12–26 = Σ 27–30]	109	50	6	7	3	15	190 (35,6 %)
35	Брачные связи с др. погостами, волостями и городами Олонецкого у., в т. ч.:							
36	Ведомства Петрозаводской канцелярии, в т. ч.:							
37	Вешкельская в.	3			1			4
38	Салминижская в.	2	1					3
39	Сязозерская в.	4	1		2		2	9
43	С Вары	1						1
44	Др. деревни Ведомства Петрозаводской канцелярии	3	1					4
45	Брачные связи Тулмозерской в. с волостями Ведомства Петрозаводской канцелярии, итого	13	3		3		2	21 (3,9 %)
46	В других Заонежских погостах:							
47	Андомский п., Гаукская в.				1			1
48	Важинский п., Пидемская в.		1					1
49	Пудоожский п.	1						1
50	Итого в Заонежских погостах	1	1		1			3 (0,6 %)
51	В Лопских погостах:							
52	Линдозерский п.	2	1					3
53	Паданский п.	1						1
54	Панозерский п.	1						1

№ строки	Адм. деление, поселение	Крестьянки, чел.		Посадские женщины, чел.				Σ (сумма): всего замужних женщин (в т. ч. в % к их общему числу)
		Взяты в жены	Выданы замуж	Взяты в жены		Выданы замуж		
				Пос.	Кр.	Пос.	Кр.	
55	Ребольский п.	1						1
56	Селецкий п.	1						1
57	Семчезерский п.	1						1
58	Шуезерский п.	1						1
59	Итого в Лопских погостах	8	1					9 (1,7 %)
61	Город Олонец, Солдатская слобода					1		1
62	Итого с др. погостами, волостями и городами Олонецкого уезда [Σ 62 = Σ 36–61]	22	5	4	1	2		34 (6,3 %)
63	<i>Брачные связи деревень Палалахтинского десятка с поселениями Олонецкого уезда, итого</i>	25,5	13,5	5	6	4	5,5	59,5 (11 %)
64	<i>Брачные связи деревень Погоского десятка с поселениями Олонецкого уезда, итого</i>	87,5	45,5	5	3,5	5	2,5	149 (27,6 %)
65	<i>Брачные связи деревень Робогольского десятка с поселениями Олонецкого уезда, итого</i>	73,5	34				2,5	110 (20,4 %)
66	<i>Брачные связи деревень Колатсельского десятка с поселениями Олонецкого уезда, итого</i>	55	33	6	14	1	18,5	127,5 (23,7 %)
67	Брачные связи деревень Тулмозерской в. с поселениями Олонецкого уезда, итого [Σ 67 = Σ 11+34+62 = Σ 63–66]	241,5	126	16	23,5	10	29	446 (82,7 %)
68	<i>Брачные связи с деревнями в Кексгольмском уезде, в т. ч.:</i>		1		1		1	3
69	Салминский п.	8	15		2		9	34
70	Суйстамский (Шуштамский, Шустамский) п.	8	27				1	36
71	Сердовольский п.	1	6				4	11
73	Шуезерский п. (Суоярви)	3						3
74	Пирозерский п.	1						1
75	«Корела»	1						1
76	<i>Брачные связи Палалахтинского десятка с погостами Кексгольмского уезда, итого</i>	<i>1</i>	<i>4</i>				<i>3</i>	<i>8 (1,5 %)</i>
77	<i>Брачные связи Погоского десятка с погостами Кексгольмского уезда, итого</i>	<i>6</i>	<i>14</i>	<i>2</i>			<i>1</i>	<i>23 (4,3 %)</i>
78	<i>Брачные связи Робогольского десятка с погостами Кексгольмского уезда, итого</i>	<i>13</i>	<i>19</i>					<i>32 (5,9 %)</i>
79	<i>Брачные связи Колатсельского десятка с погостами Кексгольмского уезда, итого</i>	<i>2</i>	<i>12</i>	<i>1</i>			<i>11</i>	<i>26 (4,8 %)</i>
80	Брачные связи Тулмозерской в. с погостами Кексгольмского уезда, итого [Σ 80 = Σ 68–75 = Σ 76–79]	22	49	3			15	89 (16,5 %)
81	Новгородский уезд: на Сясе-реке		3					3 (0,6 %)
84	Санкт-Петербург, за солдата Ингерманландского полка					1		1 (0,2 %)
86	Итого в Палалахтинском десятке	26,5	17,5	5	6	4	8,5	67,5 (12,5 %)
87	Итого в Погоском десятке	93,5	62,5	5	5,5	5	3,5	175 (32,5 %)
88	Итого в Робогольском десятке	86,5	53				2,5	142 (26,3 %)
89	Итого в Колатсельском десятке	57	45	6	15	2	29,5	154,5 (28,7 %)
90	Итого в Тулмозерской в. [Σ 90 = Σ 67+80+81–85 = Σ 86–89]	263,5	178	16	26,5	11	44	539 (100 %)

Сведения Третьей ревизии позволили выявить 539 браков девушек и женщин (повторным браком) Тулмозерской волости Олонецкого погоста в период с конца XVII в. по 1763 г. Обозначился довольно четкий ареал брачных предпочтений тулмозерского крестьянского сообщества как внутри волости, так и по отношению к своим соседям. Богатый статистический материал выводит нас к *пятому этапу* – подробному и доказательному анализу брачных предпочтений тулмозеров.

Наш анализ начнем с описания времени рубежа XVII–XVIII вв., когда в олонецком приграничье со Швецией образовалась настоящая демографическая «яма», что имело долговременные последствия, важные для нашего анализа. Во-первых, конец XVII в. отличался крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями, сократившими население местных деревень. Эпицентр кризиса («Великий голод») находился в шведской Финляндии, но его окраинные области захватывали Приладожье и северо-западные земли России, особенно приграничье, в том числе олонецкие волости [Мигома 1991]. Из причин убыли олончан в мирное время отметим также их активное участие в старообрядческих массовых самоожжениях – «гарях» [Пулькин 2013].

Но, конечно, главной причиной демографической катастрофы первой четверти XVIII в. в олонецком приграничье следует считать тяжелые реалии Северной войны России со Швецией 1700–1721 гг. Оба противника прежде всего разорили и опустошали приграничные земли друг друга. В Северном Приладожье боевые действия в форме обоюдных военных рейдов велись в 1701–1710 гг., пока древние земли Великого Новгорода – Выборг и Корельская земля – не были отбиты окончательно у шведов. Кроме того, имели место мобилизации рекрутов в армию и приписка олончан к работам на новых военных производствах Лодейнопольской верфи и Петровских заводах, а также на строительство Санкт-Петербурга.

Сошлемся на сведения олонецкой переписи 1707 г. Так, в разоренной тулмозерской деревне Невпойла осталось 2 крестьянских двора, а 5 дворов были сожжены: «те вышеписанные позженные и разоренные дворы позжены и разорены в прошлом 703-м г. от приходу швецких неприятельских воинских людей, а тех вышеписанных дворов и дворовых мест жители от шветов побиты (убиты. – А. Ж.), а иные многие в полон взяты, а достальные тое волости от того швецкого разорения сошли в мир (нищенствуют. – А. Ж.) з женами и з детми безвестно, деревенские их участки в пуге». Всего перепись зафиксировала в Тулмозерской волости только 75 жилых дворов, 78 дворов «пустых» и сожженных «мест дворовых» в 19 поселениях, из которых две деревни оказались полностью заброшенными (остальные 14–15 селений волости перепись даже не упомянула) [ПК 1707: 370–381 об.]

Тем не менее перенос линии государственной границы на запад позволил олончанам, в том числе тулмозерам, распространить ареал семейно-брачных отношений на карельские земли Северного Приладожья.

Результаты нашего исследования проясняют один из главных путей складывания ливвиковских этнокультурных групп и их диалектов – через семейно-брачные отношения крестьян из местных деревень между собой и из деревень соседних ливвиковских волостей, особенно ближайших. В самом деле, итоги Третьей ревизии однозначно свидетельствуют, что 223 женщины (41,4 %, или 2/5 от всех замужеств, – *строка 11*¹) связали судьбу с мужчинами своей волости.

Вместе с тем доля браков внутри своих деревень оставалась низкой (9,6 % – *строка 1*). Кстати, по этнографическим данным, у карелов-людиков (соседей ливвиков) сваты также чаще всего приезжали из других деревень [Тароева 1956: 20]. И на Тулмозере с конца XVII в. по 1763 г. 171 свадьба (31,7 % от всех: *строки 3–6*) игралась между соседями по волости. Подсчеты доказывают, что к 1763 г. сложилась устойчивая система брачных предпочтений внутри волости. И в целом, несомненно, многочисленные замужества внутри своей волости сплачивали тулмозерское волостное сообщество, консолидировали его, в том числе в этнокультурном и языковом плане. Следовательно, в Тулмозерской волости шел активный процесс складывания тулмозерского этнокультурного сообщества и тулмозерского диалекта ливвиковского наречия карельского языка.

¹ Здесь и далее в тексте указаны номера строк табл. 7.

Не менее значим материал и о замужествах тулмозерок в других волостях, равно как и о взятии тулмозерами в жены девушек из иных волостей. Прежде всего обращает на себя внимание факт заключения этих браков с представителями *почти исключительно ливвиковских волостей*. *То есть ливвики вступали в браки с ливвиками* (строки 12–40, 68–73) – это территории Олонецкого погоста, приписанных к канцелярии Петровских заводов Вешкельской, Салменижской и Сямозерской волостей, а также Северное Приладожье – погосты Кексгольмского уезда.

Среди данных земель первое место удерживают олонецкие ливвиковские волости: всего 190 браков, или 35,6 % от всех. Показательно и распределение браков между отдельными олонецкими волостями. Совершенно естественно, что заключая браки «на стороне», тулмозеры роднились прежде всего со своими ближайшими соседями – ведлозерами, нялмозерами и горянами: на них приходится четверть всех браков – 138 браков, или 25,6 % (строки 13–15).

Между тем проведенный лингвистами сравнительный кластерный анализ грамматических систем наречий, диалектов и говоров карельского языка [Карельский язык 2019] показал, что с точки зрения морфологической системы *между тулмозерскими и ведлозерскими говорами (территория Ведлозерской и Нялмозерской волостей, восток Горской волости – Кинелахта) обнаруживается минимальное число отличий в сравнении с говорами остальных ливвиковских диалектов*, что подтверждает наличие между их носителями тесных связей. Поэтому закономерно, что между тулмозерским и ведлозерским диалектами ливвиковского наречия лингвисты зафиксировали отсутствие каких-либо существенных отличий на уровне морфологии и отчасти в фонетике: в именной словоизменительной системе [Kartat 113–138 (nominat)], в глагольной словоизменительной системе [Kartat 139–185 (verbit)], консонантизм [Kartat 42–112 (konsonantit)]. Данные тесные связи доказывает и наше исследование – уже в части брачных связей тулмозеров с другими ливвиковскими волостями: лидируют с очень большим отрывом Ведлозеро, Нялмозеро и Горы.

Но совершенно неожиданно значительное число браков – 14 (2,6 %) – приходится на олончан, живших на центральных землях Олонецкого погоста – по нижнему течению реки Олонки (по Низовской реке). Между Тулмозером и Нижней Олонкой лежали земли Ведлозерской, Горской, Видлицкой, Кукшегорской, Тулокской, Мачозерской и Туксинской волостей, из них вклад пяти последних (как и остальных олонецких волостей) в брачные связи Тулмозера совсем незначителен (строки 16–29). Вполне очевидно, что тулмозеры стремились породниться с зажиточным населением Нижней Олонки, несомненно, попутно заимствуя новации в ливвиковском наречии, которое особенно бурно складывалось именно на самых густозаселенных центральных ливвиковских землях.

Вклад в брачные отношения Тулмозерской волости с волостями канцелярии Петровских заводов (Сямозерской, Вешкельской, Салменижской и др.) – территории сямозерского диалекта ливвиковского наречия – также оказался незначительным: всего 21 брак (3,9 %).

И совсем уж единичные случаи браков характеризуют брачные связи тулмозерских ливвиков с собственно карелами из всех Лопских погостов (строки 51–59).

Поэтому и в целом главное, ведущее значение в брачных отношениях тулмозеров со всем Олонецким уездом (всего 446 браков, 82,7 % – строки 63–67) играли связи внутри самой Тулмозерской волости, и олонецких волостей, заселенных носителями ведлозерского диалекта ливвиковского наречия карельского языка. Не случайно между двумя диалектами наблюдаются параллели (заимствования) в грамматике.

Кроме олонецких волостей, карелы-ливвики проживали и в Кексгольмском уезде Выборгской губернии, то есть в Северном Приладожье. Подобно им, в ливвиков «превратились» постепенно и их соседи – карелы Северного Приладожья. Тулмозерская волость предоставляет нам ясный, однозначный пример главного способа такого «превращения». До 1/6 браков тулмозеров были заключены именно с карелами Северного Приладожья: 89 браков, или 16,5 % от всех. Лидировали, конечно, ближние к Тулмозеру Салминский и Суйстамский погосты (строки 69–80).

Значимый интерес представляют и подсчеты (уже вне таблиц) соотношений взятых на Тулмозеро «со стороны» девушек и выданных замуж в другие волости. Так, в погостах Приладожья в жены были взяты 25 девушек (4,64 % от всех заключенных браков), а отданы в жены

туда 64 тулмозерки (11,87 %). То есть в Приладожье уехали в 2,56 раза больше девушек, чем было взяты в жены тулмозерами приладожских карелок.

Для олонекских волостей соотношение обратное: на Тулмозеро переселились 122 девушки (22,63 %), а были выданы в замужество в другие олонекские волости 68 девушек (12,62 %). Иными словами, тулмозеры в 1,8 раза чаще женились на девушках из других олонекских волостей, чем выдавали туда замуж своих. То же соотношение – 1,8 раза – характеризует связи с наиболее близкими волостями (Ведлозерской, Нялмозерской и Горской): было взято замуж 90 девушек (16,7 %), в то время как туда в замужество уехала 51 тулмозерка (9,46 %). Но зато с важнейших для формирования ливвиков земель по Нижней Олонке в жены за тулмозеров вышли 10 девушек, а выехали туда 4 тулмозерки (разница в 2,5 раза).

Прибавим к этим подсчетам и данные по ливвиковским волостям, приписанным к канцелярии Петровских заводов: взяты в жены 16 девушек (3 %), уехало в приписные волости 5 девушек (1 %). И вновь, как и в случае с олонекскими волостями, мы видим превышение – уже в 3 раза – числа приехавших невест над выданными туда замуж.

Данные подсчеты доказывают, что тулмозеры чаще – в 1,8–3 раза – брали замуж девушек из иных олонекских (ливвиковских) волостей, чем выдавали в них своих девушек. Но в случае с Северным Приладожьем ситуация оказалась обратной: замужества в его деревни случались в 2,56 раза чаще, чем принятие в жены девушек оттуда. Таким образом, посредством браков происходило как бы *перетекание «ливвиковости»* (этнокультурных и языковых характеристик, черт и особенностей ливвиков) с востока на запад: из более восточных волостей в пограничную с Приладожьем Тулмозерскую волость, а из нее – в Северное Приладожье, которое постепенно становилось ливвиковским. Конечно, Тулмозерская волость была небольшой (34 деревни), и ее влияние выглядит незначительным. Но ведь крестьяне и других ливвиковских олонекских волостей также активно роднились с карелами Северного Приладожья, которые постепенно сменяли язык с собственно карельского наречия на карело-ливвиковское. Мы же на примере Тулмозерской волости в XVIII в. исследовали сам механизм брачных связей, который проявился весьма значительно в многоплановом процессе наработки ливвиками своей новой этничности.

Всего Третья ревизия зафиксировала 539 браков тулмозеров. При этом к 1763 г. самым пожилым тулмозеркам исполнилось 80–82 г. и больше, то есть они родились на рубеже 1670–1680-х гг., а в брачный возраст вступили в конце XVII в.

Ведущий вклад в брачные отношения тулмозеров – 446 браков, или 82,7 % – внесли связи внутри самой Тулмозерской волости и с другими олонекскими волостями. Брачные связи внутри Тулмозерской волости занимали первое место (41,4 %) среди всех замужеств тулмозерок. Несомненно, брачные узы сплачивали тулмозерское крестьянское сообщество, помогали формироваться этнокультурным характеристикам и особенностям тулмозеров, в том числе тулмозерскому диалекту ливвиковского наречия карельского языка.

На втором месте среди брачных предпочтений Тулмозерской волости оказались связи с другими ливвиковскими волостями: олонекскими и канцелярии Петровских заводов. Особенно выделялись семейно-брачные отношения с соседними с Тулмозером волостями – Ведлозерской, Нялмозерской и Горской (139 браков – 25,6 %). Они были заселены носителями формировавшегося ведлозерского диалекта ливвиковского наречия. При этом тулмозеры в 1,8–3 раза чаще брали замуж девушек из олонекских и других ливвиковских волостей, чем выдавали замуж в них своих девушек. Поэтому закономерно, что между тулмозерским и ведлозерским диалектами ливвиковского наречия языковеды зафиксировали тесные связи в грамматике, отсутствие каких-либо существенных отличий в морфологии и отчасти фонетике.

Шестая часть всех браков (89, или 16,5 %) приходится на возродившиеся после 1710 г. брачные связи с Северным Приладожьем, в котором также формировались диалекты ливвиковского наречия. При этом тулмозеры в 2,56 раза чаще выдавали своих девушек туда, нежели брали невест оттуда.

Брачные отношения с не-ливвиковскими деревнями Лопских погостов (с собственно карелами) и иными погостами и городами Олонекского уезда, то есть с карелами-людиками, вепсами и русскими, были единичными и не влияли сколько-нибудь существенно на формирование этнокультурного сообщества тулмозеров.

Итак, в XVIII в. посредством браков происходило породнение между собой тулмозеров и других этнических групп формировавшихся ливвиков. Брачные связи непосредственным образом способствовали как бы перетеканию «ливвиковости» (этнокультурных и языковых характеристик, черт и особенностей ливвиков) с востока на запад: из более восточных волостей в граничащие с Приладожьем олонецкие волости, в том числе в Тулмозерскую, а из них – в Северное Приладожье, становившееся постепенно ливвиковским.

Следовательно, все эти женщины, остававшиеся в замужестве в Тулмозерской волости, или уезжавшие для замужества в другие олонецкие волости и в Приладожье, или приезжавшие оттуда в жены на Тулмозеро, – участвовали в создании обширной базы для этнокультурных и языковых заимствований и ассимиляций. Тулмозерская волость, на примере брачных связей, убедительно освещает процесс формирования этнокультурной общности карелов-ливвиков в конце XVII в. до середины XVIII в. А уже в следующем, XIX в. и в первой половине XX в., по разнообразным историческим, этнологическим, социологическим и филологическим данным, все этнокультурные группы карелов-ливвиков и их диалекты окончательно сформировались.

Примечание

Работа выполнена в рамках плановой темы: АААА-А18-118030190093-9 «Карелия в условиях войны и мира (от Средневековья до наших дней). Исследования и материалы».

Литература и источники

Дегтярев А. Я. Избранные труды по русской истории. Т. 1. М.: Издательский дом «Парад», 2006. 518 с.

Диалектологический атлас карельского языка / Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В.; Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Научно-исследовательский центр языков Финляндии / ред. Л. Сарвас. Helsinki: SUS, 1997. 10 с.+209 с. карт.: ил.

Жуков А. Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: г. Олонец в XVII–XVIII вв. (1,3 а.л.) // Альманах североевропейских и балтийских исследований Nordica. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. № 3. С. 23–42. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36757124>

Жуков А. Ю. Ребольский погост в XVI–XVIII вв. Самоорганизация крестьянского мира и формирование этнокультурной общности карелов: потенциал междисциплинарных исследований // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 339 с. (Studia Nordica III). С. 74–96.

История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Наука, 1993. 664 с.

Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетических и морфологических систем / Ирина Новак, Мартти Пенгтонен, Алекси Руусканен, Леа Сиилин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.

Логонов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 424 с.

Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Periodika, 2019. 752 с.

ПКОП 1563 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 57–254. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.

ПК 1707 – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го г. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.

Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.

Рев. 3-1 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Ч. II. Д. 2402. 1763 г. 3-я ревизия. Государственные крестьяне Олонецкого погоста. Л. 147–208 об.

Рев. 3-2 – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. II. Д. 2388. 1763 г. 3-я ревизия. Посадские олончане в деревнях. Л. 359 об.–370.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 239 с.

Тароева Р. Ф. Материалы этнографической экспедиции в Петровский район КАССР. 1956. (рук. Р. Ф. Тароева): Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 40.

Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. 296 с.

Heikki Kirkinen, Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Karjalan kansan historia. Porvoo-Helsinki-Juva: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1994. 605 s.

Kartat 42–112 (konsonantit) <http://karjalankieliopit.krc.karelia.ru/atlas/klusterit/konsonantit/index1.html> – Консонантизм в карельском языке.

Kartat 113–138 (nominat) <http://karjalankieliopit.krc.karelia.ru/atlas/klusterit/nominat/index1.html> – Именная словоизменяющая система карельского языка.

Kartat 139–185 (verbit) <http://karjalankieliopit.krc.karelia.ru/atlas/klusterit/verbit/index1.html> – Глагольная словоизменяющая система карельского языка.

Muroma S. Suurten kuolovuosien (1696–1697) väestönmenetys Suomessa. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1991. 306 s.

A. Iu. Zhukov

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

MARRIAGE TIES OF THE KARELIAN VOLOST OF TULMOZERO AND ETHNIC CONSOLIDATION OF LIVVI KARELIANS OF THE TULMOZERO (LATE 17th – MID-18th CENTURIES)

Volost of Tulmozero is an example of the folding of the ethnic group of Livvi Karelians and the folding of the dialect of Tulmozero of Karelian language. The method of statistical tabular analysis of mass data of the Third revision of 1763 reveals the mechanism of the formation of stable marital connections in the volost and its role in the ethnological consolidation of habitans of the Lake Tulmozero territory and the impact on the ethnic formation of neighbors – Livvi Karelians of Vedlozero and Livvi Karelians of the Northern Ladoga region. It is shown how ethnocultural and linguistic characteristics, traits and peculiarities of Livvi Karelians from the eastern volosts of Olonets to the West volosts of Olonets and North Ladoga took place through marriage relations.

Keywords: Livvi Karelians, ethnocultural group, marriage connections, marriage, volost, village, Olonets district, Third revision.

**ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ МИРА:
СЛОВО КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕПСОВ В ПРЕДАНИЯХ

Фольклорная традиция вепсов сохранила предания, в которых отразились представления этноса о появлении конкретных поселений и их наименований, а также возникновении мест погребений предков в результате борьбы с пришлыми врагами.

Рассматриваемые предания содержат как черты, являющиеся общим региональным наследием, так и особенности, отражающие местное своеобразие, связанное с историей формирования локальных групп вепского народа, их взаимодействием с окружающей природной и этнической средой.

Ключевые слова: предания, историческая память, вепсы, локальные особенности.

Несмотря на то, что предания региона проживания вепсов и сопредельных территорий стали собираться еще в XVIII в., их систематизация и научное изучение началось только со второй половины XX в. и связано с именами Н. А. Криничной [Криничная 1978, 1991], В. В. Пименова [Пименов 1965, 1968], А. А. Панченко [Панченко 1998], С. А. Штыркова [Штырков 2012] и ряда других ученых.

Сделанные в прошлом записи, как правило, не фиксировали этническую среду бытования преданий, поэтому они обычно рассматриваются как общее наследие проживающих в регионе этнических общностей и являются составной частью севернорусского фольклорного наследия [Криничная 1978: 3].

В то же время произведения, собранные у вепсов или отражающие их взаимодействие с русским населением сопредельных территорий, являются важным источником для исследования представлений народа о собственном историческом прошлом. Кроме использования этого источника В. В. Пименовым [Пименов 1965, 1968], в дальнейшем обращение к нему было эпизодическим, и только в последнюю четверть века появились работы, анализирующие его [Егоров 1997, 2003, 2020; Башкарев 2020].

Так как до недавнего времени у вепсов не существовало письменности на родном языке, то и свое историческое прошлое они осмыслили в рамках устной традиции. В настоящее время вепсы являются билингвами, что обуславливает бытование фольклорных произведений, в том числе и преданий, как на вепском, так и на русском языке.

Рассмотрим две группы преданий вепсов. Одна группа представлена рассказами, в которых отражаются представления о заселении и освоении края и одновременно объясняется местная топонимия, а другая – это произведения об иных этнических или социальных общностях. Предания, отражающие представления вепсов о своем народе, его возникновении, объясняющие названия как эндо-, так и экзотнонимов, были детально рассмотрены в других работах [Егоров 1997, 2020].

Хотя часть преданий, бытующих у вепсов, имеет аналоги среди произведений, зафиксированных у соседних русских, но и в них проявляются особенности, характерные для локальных групп вепского этноса.

Так, в преданиях о заселении и освоении края отражается специфика природно-географических условий и связанных с ними особенностей расселения вепсов. Как правило, персонажами этих рассказов являются братья, которые основывают поселения, образующие «гнездо» близлежащих деревень, что является характерной особенностью традиционных поселений вепсов. Таково, например, средневепское предание о появлении деревень на берегу Сарозера: *«В свое время приехали в эти края, от барицины сбежали, два брата: Нестер и Киприян. <...> Вместе сначала они в Сарозере обосновались, а потом из-за чего-то у них вышел раздор, и Нестер ушел на гору жить. Вот из-за этого стала одна деревня Киприяновская, а другая – Нестерова Гора»* [ПМА 2003, аудиозапись 32].

Сходный мотив характерен и для южновепсского предания о появлении поселений в районе Боброзера: «*Этот барин в Белячихе хозяйничал <...> там подружился с вдовой <...>, оставил ей сына, и назвали его Максимом. И сын здесь жил сколько-то и Максиму Гору поэтому поставил. <...> На Фёдоровой Горе его же родительские братья там сидели, двоюродные братья, соседний барин хозяйничал также, оставил там сына, Фёдора, так видишь, Фёдорова Гора назвали*» [ПМА 1996].

У северных вепсов, район расселения которых имеет свою специфику, связанную с близостью Онега, происхождение наименования с. Шелтозеро объясняется следующим образом: «*Шелтозеро – это по-русски, а по-вепски оригинальное название звучит как Šoutarv, в переводе „грести до озера“*». Наши предки сюда пришли именно по водным путям. Река, по которой они плыли в эти места, они ее назвали: „Река, по которой мы греем до большого озера Än'järv', до Онежского озера“. И название реки перешло впоследствии на название села» [ПМА 2020, аудиозапись 20200805100753].

Одной из наиболее многочисленных групп являются предания, в которых повествуется об общностях, обозначенных различными этнонимами и соционимами, как литва, татары, турки и паны, бояре, и выступающими обычно по отношению к вепсам как противоборствующая сторона.

При этом предания о панах зафиксированы только на востоке вепсского ареала – на северо-западе Вологодской области. «Паны» представляются как люди, жившие здесь до «светопреставления». Жители Войлахты, от которых была записана информация, связывают с ними заколдованный клад, добыть который можно необычным способом: «*В Панъярвут спрятан у панов сундук с золотом. <...> Если сесть на берегу, придумать и спеть то ли сорок, то ли шестьдесят частушек, то сундук найдешь. У панов в доме стеклянные двери были*» [ПМА, 1992. Этнографические материалы дневника Северорусской археологической экспедиции 1992 г., л. 32].

Отметим, что ареал распространения произведений этого цикла охватывает обширные территории Русского Севера и Верхнего Поволжья [Смирнов 1921: 27–29; Криничная 1991: 79–86; Киселев 2003].

Образ «панов» представляется весьма сложным. Наряду с деталями мифологического свойства в их описании, возможно, прослеживаются черты как аборигенного, еще довепсского населения, так и вооруженных групп Смутного времени начала XVII в., которые занимались разбоем на территориях, где и бытуют соответствующие предания.

В других районах проживания вепсов в качестве врагов в преданиях фигурируют литва, татары, турки и бояре. Такие предания обычны для районов расселения южных и части средних вепсов. Отметим, что похожие фольклорные произведения известны соседнему русскому населению и тихвинским карелам. При этом в них имеются и некоторые локальные особенности. Если у южных вепсов в образе врагов выступают турки (реже татары), то у средних вепсов, русских и тихвинских карелов это литва.

У вепсов указанная группа преданий позволяет исследователям выявить средневековые могильники их предков, которые местным населением называются *koumišt/kaumišt/kāmišt* или *käpišt*. В основе первого наименования лежит лексема *koum/kaum/kām* со значением «могила», а сам термин означает «кладбище». Археологическое исследование таких памятников у южновепсской д. Чайгино в 1991 г. было осуществлено А. Н. Башенькиным. Результаты показали, что захоронения в могильниках производились в период с XI по XVI вв. [Башенькин 1994].

Хотя в последующий период погребения стали совершаться на кладбищах, расположенных на погостах, местное вепсское население по-прежнему продолжало поминать своих предков, совершало обряды, гарантирующие семейное благополучие, сохранность скота в пастбищный период [ПМА; Винокурова 1988: 11–13]. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что эти курганно-жальничные могильники принадлежат непосредственным предкам вепсов.

У южных вепсов возникновение таких могильников связывается с нападением татар или турков: «*Когда-то турки пришли откуда-то на нашу землю и стали бесчинства творить. Детей малых на колы изгороди сажали, у женщин груди отрезали, насиловали их. И решили тогда жители погибнуть и всё с собой взять, ничего врагу не оставить. Вырыли они глубокую*

яму, врыли столбы в нее, на столбах помост устроили, землей его покрыли. Оделись во всё самое лучшее – в одежду праздничную, женщины – кольца, серьги, украшения надели. Собрались все на этом месте и, как только враги подошли, подрубили столбы и похоронили себя под землей. Место это “*kāmišt*” называется» [ПМА, 1991. Дневник записей материала по южным вепсам 1990–1991 гг., л. 35]. Кроме того, южными вепсами таким же образом трактуется и появление так называемых «*neičiden korad*» («девичьих ям») и «*neičten mägi*» (девичьей горы) [ПМА 1996].

У соседних с южными корвальских вепсов в преданиях вместо нападающих турков фигурирует литва: «*За Чубовым, по дороге к Чидову, находится Рятой пуст. Там раньше была деревня, теперь растут большие деревья. Говорили, что литва шла. Кто-то сказал, что люди плохие идут, издеваются над людьми. Так все жители в яму пошли и себя засыпали*» [ПМА, 1994. Тетрадь полевых записей, л. 27].

Если в предыдущих фольклорных текстах предки вепсов выступают как потерпевшая от нашествия сторона, то у средних приоятских вепсов зафиксировано предание, согласно которому местные жители одерживают верх над врагами – «боярами»: «... когда-то <...> очень давно <...> бояре собрались захватить наши места. Собрались вепсы из Шондович, Пёлдуш, Озер – чтобы биться не на жизнь, а на смерть. И нашелся среди них один человек, который взялся показать боярам дорогу, но завел в топь. Они и потонули. И будто бы потом, и даже в наши дни, на том месте, на чистой воде люди находили драгоценные кресты ...» [Вострухин, 1988: 107].

Таким образом, в фольклорной традиции вепсов сохранились произведения, отражающие представления о возникновении конкретных поселений и их наименований, объясняющие появление мест погребения своих предков через борьбу с пришлыми врагами. При этом очевидно как наличие общего фольклорного наследия, так и локальных различий, связанных с особенностями формирования этнолокальных групп вепсского населения.

Список сокращений и условных обозначений

д. – деревня, л. – лист, ПМА – полевые материалы автора.

Литература и источники

Башенькин А. Н. Средневековые могильники южных вепсов: тезисы докладов международной конференции к 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 99–102.

Башкарев А. А. Представления об интервентах в преданиях южных и шимозерских вепсов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 96–104.

Вострухин В. Что вепсы нам? Что мы вепсам? // Молодой коммунист. 1988. № 9. С. 107–112.

Егоров С. Б. Предания вепсов о Петре I // Петербург и Россия. Петербургские чтения – 97 / Ответственный редактор Ю. В. Кривошеев. СПб.: Петровский фонд, 1997. С. 127–131.

Егоров С. Б. Предания, легенды и мифологические рассказы вепсов // Мифология и религия в системе культуры этноса: материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. науч. ред. В. М. Грусман, А. В. Коновалов. СПб.: Кронос, 2003. С. 128–129.

Егоров С. Б. Отражение этнокультурного взаимодействия в преданиях населения Межозерья: IV Всероссийский конгресс фольклористов: Тула, 1–5 марта 2018 г.: сб. науч. ст. в 3 т. Т. 3 / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; ред. А. Б. Ипполитова. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2020. С. 26–34.

Киселев А. В. «Паны» в устной традиции русского населения Ярославского Поволжья XIX–XX вв.: историко-этнографические основы и параллели // История и культура Ростовской земли, 2003: Гос. музей-заповедник «Ростов. Кремль». Ростов: [б. и.], 2004. С. 326–340.

Криничная Н. А. Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / отв. ред. С. Н. Азбелев; Карельский филиал Института языка, литературы и истории АН СССР. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1978. 256 с.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука [С.-Петербург. отд-ние], 1991. 328 с.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998. 305 с.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1965. 264 с.

Пименов В. В. Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР // Советская этнография. 1968. № 4. С. 30–42.

Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники (этнографические очерки Костромского края) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXVI. Кострома, 1921. 49 с.

Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

S. B. Egorov
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

REFLECTION OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE VEPSIANS IN THE LEGENDS

The Vepsian folklore tradition has kept legends that reflect the ideas of the ethnos about the origin of specific settlements and their names, as well as the emergence of ancestral burial places as a result of the struggle with enemies.

The legends under consideration contain both features that are a common regional heritage and features that reflect local originality associated with the history of the formation of local groups of the Vepsian people, their interaction with the natural and ethnic environment.

Keywords: legends, historical memory, Vepsians, local features.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕПССКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ ОТ УКУСА ЗМЕИ

В статье рассматриваются заговорные тексты, которые использовали вепсы при лечении укуса змеи. Они отличаются по своей структуре от большинства лечебных заговоров, в которых просматривается влияние русской традиции, и представляют собой, вероятно, более древние формы жанра. В них выделяются обращение к источнику недуга, а также угроза или требование забрать боль. Фиксируются два типа обращений: 1) использующие иносказательные именованья; 2) перечисляющие разные виды змей.

Ключевые слова: заговорный текст, вепсский фольклор, структура заговора, иносказательное именованье, аллитерация.

В вепсской заговорной традиции среди произведений лечебно-магической направленности выявляется значительное число текстов от укуса змеи – *madon (gadan) kokaiduses*. Это говорит о частоте таких случаев, подтверждаемой наличием различных профилактических ритуалов по защите от змей в обрядовой практике вепсов [Винокурова 2015: 266–267]. При укусе змеи было принято обращаться за помощью к знающему человеку, который прибегал к магическим действиям с произнесением заговора.

Анализируемые тексты в большинстве случаев имеют отличную от других заговоров структуру. Повсеместно распространены заговоры, выстроенные по схеме, характерной для соседствующей русской традиции: **зачин** (общий для большинства текстов), **основная часть**, также называемая эпической или сюжетной (в ней дается описание места, где происходит встреча со сверхъестественным существом, которое помогает или у которого просят помощи), в конце идет **закрепка**, или **фиксация**.

Заговоры от укуса змеи имеют иную структуру, в которой выделяются **обращение** к источнику боли (болезни), **угроза**, **изгнание болезни** или **требование** забрать боль. Возможно, подобные тексты представляют собой более ранние формы традиции, что подчеркивается также наличием в них выразительных языковых средств, характерных для древнейших пластов народно-поэтического творчества близкородственных народов.

В текстах фиксируются обращения, выраженные иносказательными, метафорическими именованьями: *Šiherič-viherič, eidaluine pajusarg, kandoiden kabičii, onziden ondustei* ‘шихерич-вихерич (шипящая-свистящая), подзаборная полоска ивовой коры, пни скребущая, дупла разоряющая’ [ФА 1]. Представленный отрывок текста демонстрирует стремление языка заговора к использованию традиционных стилистических и изобразительно-выразительных средств, таких, как аллитерация и повтор, а также вкрапления метафоры. Начальное созвучие слов, или аллитерацию, свойственную поэтике устнопоэтической традиции прибалтийско-финских народов, связывают с устойчивым ударением на первом слоге в этих языках [Staršova 1997: 19]. *Kandoiden kabičii* ‘пни скребущая’ или *paħa pajusarg* ‘злая полоска ивовой коры’ – так именуют змею в вепсских заговорах, подбирая слова по начальному созвучию.

Основой для образования обращения к змее могут выступать и дескриптивные глаголы со значением «шипеть», «шуршать»: *šiheidajad-šaheidajad* ‘шипящие-шуршащие’; *šiherič-viherič* ‘шипящий-свистящий’. В другом тексте к змее обращаются: *tühj kereine, kere-kereine* ‘плохой (пустой) клубочек, клубо-клубочек’ [ФА 2]. В подобных текстах наблюдается желание избежать употребления прямой лексики «змея», что может быть связано с неким запретом на произношение имени или являться примером особенности фольклорной речи.

Другие заговоры используют в качестве обращения перечисление змей различных видов, где главной отличительной чертой становится цвет змеи:

<i>Must mado, rusked mado,</i>	Черная змея, красная змея,
<i>Kirjuu mado, pakuine mado,</i>	Пестрая змея, желтая змея,
<i>Vaskič mado, kurdiš mado,</i>	Змея медянка, глухая змея,
<i>Minä sinun kodin tedan,</i>	Я твой дом знаю,
<i>Sinun kodi korbes,</i>	Твой дом в чаще,
<i>Pert' sinun penzhas</i>	Дом твой в кустарнике.

[ФА 2].

Подобное явление, так называемое «нанизывание цветов», встречается в заговорах разных народов, когда с одним предметом употребляют разные цвета в одном и том же тексте. Отмечается, что само перечисление цвета уже воспринималось как некое магическое воздействие. А сведенные в одном тексте цветовые эпитеты создают негативный подтекст [Панина 2013: 36–37]. По мнению исследователей, этим приемом достигается некая упорядоченность и конечность, свойственные вообще культуре и противопоставляющие ее природе [Раденкович 1989: 123].

Слово *mado* ‘змея’ фиксируется в заговорах западных вепсов (Подпорожский район Ленинградской области), хотя в разговорной речи на этой территории преобладает лексема *gad* ‘змея’, обладающая славянскими корнями. Она была довольно давно заимствована вепским языком из русских народных говоров [ЛАВЯ: 207–209].

У восточных вепсов (Бабаевский район Вологодской области) записан рассказ о том, как женщину укусила змея и ее лечили заговариванием: *Hän miniin madon kokaidust abut*: «*Must kü, hahk kü, kirg'au kü, vauged kü, vaskne kü, tundod, kus kodi, koivus kodi, aidakočkus elo, pahust paha, mäno maha...*» ‘Она заговорила у меня укус змеи: «Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, знаешь, где дом? На березе дом, в закоулке житье. Злобное зло, уходи в землю...» [ОВР: 121]. Интересен момент употребления разных слов со значением ‘змея’ в бытовой речи информанта и в фольклорном тексте. Лексема *kü* с семантикой ‘змея’ зафиксирована у белозерских вепсов, а также ее измененный вариант (*kija, kihi*) выступает в заговорных текстах северных вепсов [ЛАВЯ: 208]: *Kija, kija, kijakaine, hahk kija, vouget kija, kird'av kija, must kija...* ‘Змея, змея, змейка, серая змея, белая змея, пестрая змея, черная змея...’ [ÄN: 34]. Любопытно, что текст озаглавлен *gadam puheg* ‘заговор змеи’.

Далее за обращением к змее как источнику недуга следуют угроза и требование забрать недуг. Угроза зачастую выражается мотивом уничтожения дома, места обитания змеи и ее семьи: *minä sinun kodin tedan, sinun kodi korbes, pert' sinun penzhas...* ‘я твой дом знаю, твой дом в чаще, дом твой в кустарнике...’ [ФА 2]; *Mina tedan sinun kaik uugžomad i kadagžomad. Mina sinun kaik uugžomad i kadagžomad, i sinun poigid keikid puutan...* ‘Я знаю все твои соломенники и можжевельники. Я все твои соломенники и можжевельники, и всех твоих детенышей сожгу...’ [ФА 1].

Уничтожить змеиную семью в заговорах грозятся при помощи сжигания: *minä sinun kodin puutan, tuhkan pästan tul'l'eizele...* ‘я твой дом сожгу, золу пушу по ветру...’ [ФА 2]; *tedan minä tiiden kodin, tedan minä tiiden kanzan, tedan minä tiiden lapsid, puutan minä tiiden kodin, puutan minä tiiden lapsid...* ‘знаю я ваш дом, знаю я вашу семью, знаю я ваших детей, сожгу я ваш дом, сожгу я ваших детей...’ [ПМА: 1999].

Заговорный мотив отражен и в верованиях вепсов о том, что убитая змея должна сжигаться в огне [Винокурова 2015: 265].

В своем завершении заговорный текст может иметь различные варианты. Это и требование: *Otkat tagaz icetoi kokeiduz!* ‘Заберите обратно свой укус!’ [ПМА: 1999]. И отгон болезни: *mäno maha!* ‘уйди в землю!’ Используется также традиционная закрепка: *Igäks kaikeks. Amin.* ‘На весь век. Аминь’, или *amin', amin', amin'* ‘аминь, аминь, аминь’.

Таким образом, вепские заговорные тексты от укуса змеи, отличающиеся структурно от большинства произведений жанра, представляют собой более древние формы заговора, имеющие в основе мифологические представления и демонстрирующие архаичные выразительные средства устно-поэтической традиции.

Примечание

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

Литература и источники

Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 524 с.

ЛАВЯ – Зайцева Н. Г., Муллонен И. И., Мызников С. А., Жукова О. Ю., Бродский И. В., Шибанова Н. Л. Лингвистический атлас вепсского языка / под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: «Нестор-История», 2019. 573 с.

ОВР – Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.

Панина Т. И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 3. С. 34–49

ПМА – Полевые материалы автора. Информант: Ершова Г. П. 1933 г.р. урож. дер. Азмозеро, запись п. Курба Подпорожского р-на Ленинградской обл. 1999 г.

Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 122–149.

ФА 1 – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, номер 8. 1970 г. (Кривозеро/Ошта). Запись М. И. Муллонен, информант Л. М. Назаров.

ФА 2 – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 2660, номер 8. 1981 г. (Ладва). Запись Н. Ф. Онегина, информант П. С. Фадеева (66 лет).

Staršova T. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylierikoisuuksista. Petroskoi: Petroskoin valtionyliopisto, 1997. 51 s.

ÄN – Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1982. 172 s.

O. Iu. Zhukova

Petrozavodsk State University,

Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS

(Petrozavodsk, Russia)

LEXICAL AND STRUCTURAL-STYLISTIC FEATURES OF VEPSIAN SNAKEBITE VERBAL CHARMS TEXTS

The article deals with conspiracy texts that were used by vepsian in the treatment of a snakebite. They differ in their structure from most of the medical conspiracies, in which the influence of the russian tradition is visible, and are probably more ancient forms of the genre. They highlight the appeal to the source of the disease, as well as the threat or demand to take away the pain. There are two types of references: 1) using allegorical naming; 2) listing different types of snakes.

Keywords: verbal charms, vepsian folklore, structural parts, allegorical naming, alliteration.

ОБОЗНАЧЕНИЕ РЕБЕНКА ГРУДНОГО ВОЗРАСТА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе, опирающейся на методы и принципы этнолингвистики, проиллюстрировано многообразие именованных ребенка грудного возраста в карельском языке. Обозначения ребенка рассматриваются с точки зрения их условного деления на метафорические лексемы, именованные в соответствии с психофизическим развитием ребенка, а также по степени родства с ним.

Ключевые слова: карельский язык, этнолингвистика, языковая картина мира, мир детства.

Рассматриваемая автором с позиций этнолингвистики языковая картина детства у карелов сложна и многогранна. Данная статья написана с целью проиллюстрировать многообразие лексики, обозначающей ребенка грудного возраста в карельском языке.

Ключевой идеей этнолингвистики, методы и подходы которой актуальны для данного исследования, является мысль об интегральности традиционной духовной культуры, о содержательном (семантическом) единстве всех ее жанров и форм, при котором «одни и те же смыслы выражаются в языке, фразеологии, верованиях, обрядовых действиях, фольклорных текстах и как одни жанры и формы культуры помогают в семантической реконструкции и истолковании других» [Толстая 2000].

Следует отметить, что обращения к ребенку и связанная с его образом лексика на карельском языке в настоящее время носителями уже частично забыта или вовсе не усвоена от предыдущего поколения (исключения составляют термины родства), поэтому основная часть рассмотренного в работе материала представлена данными диалектных словарей. Каждая лексема в статье приводится в одном или двух фонетических вариантах, при этом в словарях она может иметь три и более подобных фиксации. Лексемы сопровождаются указанием на диалект, наречие (в случае, если в ареале его распространения слово широко употребимо) или повсеместность использования (когда фонетический вариант лексемы един для всех наречий).

Вообще в современном представлении понятия «младенец» и «грудной ребенок» строго не дифференцируются, при этом различают период новорожденности (первые 4 недели жизни) и грудной возраст (от 4 недель до 1 года), две последние градации очень близки устоявшимся в традиционной культуре, в том числе карельской. Выбранный для исследования период детства подразумевает хронологические рамки со второго месяца жизни ребенка до полутора лет (если была возможность, грудное вскармливание сохраняли на протяжении первых 6 постов, приходившихся на жизнь малыша). Напомним, что младенец до сорока дней в традиционной культуре воспринимается не как полноценный человек, а скорее как существо, сохраняющее связь с потусторонним миром, откуда, по народным представлениям, он явился; целью направленных на него в это время обрядов (придание внешнего облика, крещение, имянаречение и др.) является стремление удержать новорожденного в мире людей и повлиять на его судьбу [Баранов 1998: 112–116].

Лексемы, обозначающие ребенка грудного возраста в карельском языке, можно разделить на несколько тематических групп: именованные в соответствии с психофизическим развитием малыша, метафорические лексемы, а также термины родства. Остановимся на каждой из этих групп подробнее.

Именованные в соответствии с психофизическим развитием ребенка

Несмотря на то, что термины, обозначающие младенца (то есть ребенка до 6-ти недель), не находятся в непосредственном фокусе внимания данной статьи, они всё же являются интересным примером связанного с образом ребенка языкового многообразия. Итак, понятие «новорожденный» в карельском языке передается двумя основными лексемами: словом прибалтийско-

финского происхождения **с. к.** *vagahaini, vakahaini*, которое предположительно связано с корнем *vaka* ‘тихий’, ‘спокойный’, ‘непорочный’ [SKES V] и более поздним заимствованием **ливв.** *bladenčču, с. к.* *platenčča*, усвоенным из русского языка, вероятнее всего, посредством церковной лексики и молитв (см. подробнее [Пеллинен 2013: 80–84]).

Часть связанных с образом малыша лексем кажется универсальной для разных языков. Так, распространенные в традиционной культуре карелов именованья ребенка по психофизическому развитию, а не по количеству прожитых им месяцев, соответствуют бытующим в других языках, например: **ливв.** *kabalolapsi, с. к.* *kapalolapši* букв. ‘пеленаемый ребенок’; **ливв.** *kätkydniekku, с. к.* *kätytlapši* букв. ‘ребенок, находящийся в люльке’; **ливв.** *imiilapsi, nänniniekku[lapsi], с. к.* *nännilapši, rintalapši* ‘грудной ребенок’; **ливв.** *uskyniekku[lapsi], с. к.* *yškälapši* ‘ребенок, которого часто берут на руки’. Вспомним аналогичные русские именованья: «грудничок», «зыбочник», «пеленашка», «ходунок» и т. д.

Вероятно, отсутствие именованья ребенка по месяцам в первый год жизни, помимо других причин, связано также с опасением влияния злых сил. Так, называя возраст, например, двухнедельного младенца, пестунья, по народным представлениям, «раскрывает» его положение невоцерковленного существа (напомним, детей старались окрестить до шести недель) и делает его более уязвимым для болезней и несчастных случаев.

Метафорические замены термина «ребенок»

Самый удивительный и богатый пласт для изучения картины мира детства представляют так называемые метафорические замены – «устойчивые метафоры, заменявшие в частности термины родства при обозначении участников похоронного или свадебного обряда» [Чистов 1960: 13]. Ввиду неполной жанровой дифференциации карельского фольклора, а также тождественности природы явления в языке карельской колыбельной песни и заговоров, термин «метафорическая замена» кажется вполне оправданным для обозначения фигуры ребенка в указанных фольклорных жанрах, равно как и в языке пестования вообще. В колыбельных песнях автором было выявлено более 70 метафорических замен термина «ребенок», которые условно можно отнести к следующим группам: «птичья» лексика (*kanani* ‘курочка’, *utuva* ‘пух’); лексика флоры (*idoizeni* ‘мой росточек’, (*mehiläizen) kukka* ‘(медовый) цветок’); характеристика ребенка по поведению (*vakavaini* ‘спокойненький’, *hullu* ‘несмышленный’) и внешним физическим признакам (*hoikkašormi* ‘тонкопалый’, *kierošuu* ‘криворотик’); иносказания, отражающие кровную связь матери и ребенка (*kannettu* ‘выношенный’, *maksaine, maksazeni* ‘(моя) печеночка’); культурно-обусловленная лексика (*hopijaini šauvan varši* ‘серебряная трость’, *liinapaita* ‘льняная рубашка’).

Кратко остановимся на некоторых примерах метафорических замен из диалектной речи.

Наиболее яркими представляются обозначения ребенка, построенные на переносе свойств с явлений растительного и животного мира, например, **с. к.** *pul’pukka* 1) ‘кубышка желтая’ 2) ‘о чем-то маленьком и круглом’, ‘мальчик’, ‘девочка’ [ССКГК], **ливв.** *veza* 1) ‘побег растения’, ‘отросток’ 2) ‘поросль’, ‘ветка’ 3) *перен.* ‘егоза (о бойкой девочке)’ [СКЯ]. Часть метафорических замен термина «ребенок» в произведениях фольклора и в диалектной речи вообще дифференцируема по гендерному признаку. Так, метафорические замены **с. к.** *šuarva* ‘выдра’, **с. к.** *alli* ‘утка-морянка’ применимы только при обозначении девочек, а под лексемами **ливв.** *čäkki* ‘воробушек’, **ливв.** *kukki, kukkoi* ‘петушок’ подразумеваются мальчики.

Универсальны представления о здоровье грудного ребенка в связи с его умеренной упитанностью, крепким телосложением и внешней красотой. Среди многообразия обозначений ребенка встречаются лексемы, в которых перечисленные качества легли в основу номинации, напр. **клев.-кст.** *pötiläš* ‘бутуз’, ‘карапуз’; **твер.** *mäššy* ‘о здоровом упитанном ребенке (обычно грудном)’ (ср. с прил. *мясной* – ‘мясистый’, ‘толстый’ [ТСГТвер]); **твер.** *šotoška* ‘негодник (о детях)’ (ср. с прил. *šota* ‘красивый’).

Интересны метафоры, характеризующие ребенка, который родился последним в семье. В словарях приводится лексема **клев.-кст.** *kuoriš* ‘поскребыш’, отсылающая исследователями к словам *kuorra* ‘яма для хранения овощей’ и *kuopata* ‘закладывать на хранение в яму’ [SSA I]. На ассоциации с животным миром построена метафорическая замена **твер.** *rahnanpohjimmaini*

с аналогичным значением, лексема образована от слов *pahna* ‘логово’, ‘лежка зверя’ и *pohjimmaini* ‘находящийся на самом дне’. Семантика обоих примеров может быть связана с идеей указания на того, кто находится в самом дальнем углу или на самом дне, то есть тот, кого достают самым последним, с самого дна, но допустима и иная версия – с ироничным указанием на лицо, которое по месту своего пребывания и обеспеченностью пищей довольствуется ролью отнесенного в угол жилища или питающегося с самого дна ямы для хранения овощей.

Термины родства при обозначении ребенка

Освещение заявленной темы представляется неполным без обзора наиболее распространенных терминов родства, используемых для обозначения человека как во младенческом возрасте, так и на протяжении всей его жизни. Итак, малыша называли **ЛИВВ.** *lapsi*, **С. К.** *lapši* ‘ребенок’; **ПВС.** *tytär*, **ЛИВВ.** *tytärlapsi*, **С. К.** *tytärlapši*, **ПВС.** *tyttö* ‘дочь’; **ЛИВВ.** *poigu*, **С. К.** *poika*, *poikalapši* ‘сын’; **ЛИВВ.** *velli*, **С. К.** *veikko* ‘брат’; **ЛИВВ.** *sizär*, **С. К.** *čikko* ‘сестра’; **ЛИВВ.** *sevoitar*, **С. К.** *šeukku* ‘двоюродный брат’, ‘двоюродная сестра’.

Термины родства, означающие внука / внучку и племянника / племянницу в карельском языке, передаются не только утратившими привязку к полу заимствованиями из русского языка (**ЛИВВ.** *vuukku*, **С. К.** *puukka* ‘внук’, ‘внучка’; **ЛИВВ.** *plemänniekkku*, **С. К.** *plemännikkä* ‘племянник’, ‘племянница’), но и исконной лексикой, представленной двухосновными словами, первая часть которых выражена термином, означающим сына или дочь, брата или сестру в форме генитива, например: **ЛИВВ.** *tyttärenpoigu*, **С. К.** *tyttärenpoika* букв. ‘сын дочери’; **ЛИВВ.** *vellentytär*, **С. К.** *veikontytär* букв. ‘дочь брата’. Более общим понятием со значением «внук», «внучка» является слово *lapsenlapsi*, *lapsenlapši* букв. ‘ребенок ребенка’. Нужно отметить, что формы *vuukku*, *puukka* преобладают над сложными конструкциями, которые, по наблюдениям автора, используются в языке преимущественно для пояснения характера родственных отношений, то есть при уточнении, по сыну или дочери, брату или сестре ребенок приходится человеку внуком / внучкой, племянником / племянницей.

Вообще термины родства – древний и достаточно показательный с точки зрения взаимопроникновения культур пласт лексики в любом языке. В том, что в качестве основного термина, означающего внуков и племянников определенных пола и линии родства, в карельском языке используются заимствования из русского, отражается характер связей с соседствующим населением. Представляется, что русские заимствования *vuukku*, *puukka*, *plemänniekkku*, *plemännikkä* закрепились в языке ввиду их краткости, способствующей эргономичности речи.

Также к категории «термины родства» при обозначении ребенка можно отнести термины духовного родства (**ЛИВВ.** *ristinpoigu*, **С. К.** *ristipoika* ‘крестник’, **ЛИВВ.** *ristintytär*, **С. К.** *ristitytär* ‘крестница’) и термины заместительного родства (**ЛИВВ.** *pojindam*, **С. К.** *pojintima*, *poikapuoli*, *ottopoika* ‘пасынок’ и **ЛИВВ.** *tyttärindäm*, *tytärdim*, **С. К.** *tytärtimä*, *ottotytär* ‘падчерица’).

Последние из приведенных выше именовании демонстрируют словообразовательную гибкость карельского языка. Например, лексемы, соответствующие термину «пасынок», образуются не только суффиксальным способом (*pojindam*, *pojintima*), но и посредством сложения основ, при этом в языке закрепились варианты обозначений, образованных как от глагола *ottua* ‘брат’ (*ottopoika* ‘приемный сын’), так и от слова *puoli* (*poikapuoli* букв. ‘замещающий сына’).

В данной статье, как и в исследовании автора вообще, одним из главных становится вопрос о том, как в координатах языковой картины мира карелов раскрывается образ ребенка. Знакомство со множеством обозначений малыша в диалектной и поэтической речи дает представление о многоаспектности выраженной в карельском языке картины мира детства. Она обнаруживает в себе не только неотделимость от поэтического мышления, сосуществование языческих и христианских верований, исконных и заимствованных культурных ценностей, но также крепкую связь с природой, народную мудрость, наблюдательность, юмор и, конечно, любовь и внимание к ребенку.

Примечание

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

Список сокращений и условных обозначений

клев.-кст. – калевальско-кестеньгский ареал собственно карельского наречия, ливв. – ливвиковское наречие, пвс. – повсеместно, прил. – имя прилагательное, с. к. – собственно карельское наречие, твер. – тверские диалекты собственно карельского наречия.

Литература и источники

Баранов Д. А. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 112–116.

Пеллинен Н. А. Языковая картина мира детства у карелов через призму инициальной лексики // Материалы XLII Международной филологической конференции (11–16 марта 2013 г.). Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2013. С. 80–84.

СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

ССКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии – Karjalan varšinaismurtehien šanakirja / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск, 2009. 350 с.

Толстая С. М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы: лекция. – Фольклор и постфольклор: структура типология, семиотика: сайт. М., 2000. Режим доступа (свободный). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html/> [Дата обращения: 15.08.2020].

ТСГТвер – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 4 / авт.-сост.: д. фил. наук Т. В. Кириллова, канд. фил. наук Л. Н. Новикова, Т. В. Габлина, Е. В. Николаева, ассист. М. Е. Щербакова, Н. Ю. Грибовская. Тверь: ТвГУ, 2005. 190 с.

Чистов К. В. Причитания. М.; Л., 1960. 434 с.

Karjalan kielen sanakirja / Päätoimittaja P. Virtaranta. Osa 1–6. Helsinki, 1968–2005.

SSA 1 – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja, 1, A–K. Päätoimittaja Erkki Itkonen. 2. painos. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2001.

SKES V – Suomen kielen etymologinen sanakirja, V. Päätoimittaja: Itkonen, Erkki, Joki, Aulis J. & Peltola, Reino. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki, 1975.

N. A. Pellinen

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

DESIGNATION OF AN INFANT IN KARELIAN LANGUAGE: AN ETHNOLINGUISTIC ASPECT

The paper is based on the methods and principles of ethnolinguistic research and illustrates the variety of naming conventions for an infant in the Karelian language. The designations of a child are considered in terms of their conditional division into metaphors, naming in accordance with the psychophysical development of a child as well as the degree of relationship.

Keywords: Karelian language, Ethnolinguistics, Linguistic Picture of the World, World of Childhood.

ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КАРЕЛОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ЭПОСА

Статья посвящена этнографическому анализу образа традиционных средств передвижения карелов – лодки и саней, источником для которого послужил сборник эпических песен «Карело-финский народный эпос» (1994). Рассматривается значение традиционного транспорта для карела, функции средств передвижения, а также применяемый для строительства саней и лодки материал. Анализ эпических песен позволил увидеть устойчивую традицию смены вида транспорта карелами в зависимости от времени года, а также выявить использование лодки и саней в похоронной и свадебной обрядности карелов.

Ключевые слова: культура передвижения, лодка, сани, карелы, карельские эпические песни, мифология.

В 1994 г. Российской Академией наук был издан «Карело-финский народный эпос» – двуязычное издание песенной эпической поэзии карелов, финнов и ижор, составленное Виктором Яковлевичем Евсеевым [Карело-финский народный эпос 1994]. Руны, опубликованные в сборнике, собирались финляндскими и российскими исследователями на протяжении XIX–XX вв. и являются потенциально-глубоким источником по этнологии и мифологии карелов. Цель статьи – анализ рун Карело-финского народного эпоса для выявления образа традиционного транспорта карелов, отразившегося в фольклорном сознании этноса. Для анализа привлечено 20 вариантов рун, записанных преимущественно среди северных карелов.

Имея большой потенциал и широту мифологических образов, карело-финские эпические песни привлекают внимание этнологов. К эпосу обращался А. П. Конкка в поисках параллелей свадебной обрядности карелов и мифологических героев [Конкка 2015]; Т. В. Пашкова исследовала эпические песни как источник заговорных текстов от болезней [Пашкова 2018]; И. Ю. Винокурова рассматривала вопрос мифологических представлений о птицах у вепсов, привлекая материалы карельского эпоса [Винокурова 2010]. Одним из ведущих специалистов, изучающих эпические песни как отражение мировоззрения карелов, является М. В. Кундозерова [Кундозерова 2012]. В данной статье будет представлен анализ представлений карелов, связанных с лодкой и санями.

В эпосе описываются такие средства передвижения, как лодка, сани и лыжи, среди которых по частоте упоминаний и множественности образов выделяется лодка. Строителем лодки выступает Вяйнямейнен – эпический герой, первый человек, рожденный богиней Ильматар [Калева 1985: 41]. Данный сюжет является схожим с сюжетом создания Вяйнямейненом кантеле – национального музыкального инструмента. Так, лодка и кантеле являются дарами получеловека-полубога людям. При создании лодки Вяйнямейнен использовал силу словесного заговора [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 96]. Заговорная традиция была повсеместно распространена в Карелии и применялась при лечении болезней, в обрядовой магии. В качестве заветного слова использовали эпические песни, к примеру, руна о рождении железа применялась при заклятии кровотечения [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 453].

Традиционно материалом для лодки служило дерево. Для изготовления лодки-шитика использовали сосну, для долбленки более легкий материал – осину. В эпосе герой из осины шьет лодку-шитик [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 236]. Согласно исследованиям К. К. Логинова, среди народов Карелии осина воспринималась как «нечистое» дерево и не применялась в строительстве жилых помещений, исключением было только строительство лодок-долбленок [Логинов 2016: 183]. Древесина осины поддавалась распариванию и растягиванию над костром. Такое «растянутое» бревно становилось основой для финских долбленок, сверху на которые нашивались дополнительные борта [Vuorela 1977: 699–700]. Вероятно, что именно такая финская долбленка стала прототипом лодки, изготовленной Вяйнямейненом.

Согласно рунам, для изготовления лодки Вяйнямейнен использует нетипичный для строительства материал – дуб [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 235]. В карельской

эпической традиции дуб представляется как мировое дерево, возникшее в начале творения мира [Кундозерова 2012: 183]. Дуб, наделенный мистическими свойствами, использовали в обрядовой магии, к примеру, для поднятия славы – лемби [Кундозерова 2012: 88]. Лодка из дуба могла восприниматься карелами в качестве посредника между мирами живых и мертвых, объекта, на который не действовали потусторонние силы.

На лодке эпические герои преодолевали препятствия, которые не по силам пешему человеку. Отправившись в потусторонний мир, который отграничивался от мира живых рекой, герою необходим был перевозчик на лодке [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 13]. Верование, что река разделяла миры живых и умерших, отразилось в похоронной культуре карелов. В частности, в северной Карелии существовала традиция класть носовую или кормовую часть лодки, в зависимости от пола усопшего, для того чтобы покойник смог перебраться через реку смерти [Тароева 1965: 68]. С этой же целью, как отмечает Ю. Ю. Сурхаско, в древности карелы покойников хоронили в долбленых колодах [Сурхаско 1985: 74]. В тех поселениях, где кладбища размещались на островах, для транспортировки покойников использовали лодку, а в зимнее время умершего перевозили по льду на санях.

Лодка помогала эпическим героям не только попадать в загробный мир, но и возвращаться из него. Вяйнямейнен отправился к уже умершему, вросшему в землю рунопевцу Випунену – и, оказавшись в могиле покойного, был мертвецом проглочен. Для того чтобы вернуться на белый свет, Вяйнямейнен изготавливает лодку, на которой выплывает из чрева покойника [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 98].

В эпосе также происходит стирание грани между стихиями – и возникают сюжеты, когда герой передвигается по воде на санях. В частности, в руне о состязании в пении старый Вяйнямейнен сталкивается с санями Еукахайнена, и столкновение их происходит «на широкой глади моря» [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 82].

Такое смешивание стихий подчеркивает сезонность использования традиционных средств передвижений: в зимнее время года лодка сменялась санями. В карельском фольклоре сохранились загадки о лодке и санях – зеркально отражающие друг друга и подтверждающие смену вида транспорта в зависимости от времени года:

'Kesät juoksentelou, talvet makuau' 'Летом бегают, зимой спит' (лодка).

'Kesät makua, talvet juoksou' 'Летом спит, зимой бегают' (сани) [Карельские народные загадки 1982: 40].

Также в карельских загадках подчеркивается схожесть этих двух видов транспорта *'Mies veti, aisat potku, reki piti, tie hajosi'* 'Человек тянул, оглобли гнулись, сани выдержали, дорога развалилась' (лодка) [Карельские народные загадки 1982: 40].

В сравнении с лодкой образность саней в Карело-финском эпосе несколько скуднее. В эпических песнях отражается применяемый для строительства саней материал, к примеру, в руне о сватовстве кузнеца Ильмойллинена у героя сани имели «из серебра полозья, а копылки же из золота», но в дороге сани ломаются, и кузнец изготавливает полозья и копылья из ствола березы [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 182–183]. Действительно, материалом для полоза и копыльев служила береза, которую карелы заготавливали ранней весной [Тароева 1965: 73].

Средства передвижения служили маркером социального статуса. Герои отправляются за невестами на «золотых» и «красных» санях [Карело-финский народный эпос 1994, 2: 54–55]. В XIX в. лодка и дровни имелись практически в каждой карельской семье, а красивые выездные сани *«korju»*, *«kreslat»* могли позволить себе только зажиточные крестьяне [Рывкина 2019: 124]. Выездные сани применялись в свадебной традиции еще в середине XX в., информантка 1932 г.р. из д. Тереки вспоминала, как была свидетельницей одной свадьбы, где жених к невесте ехал на расписных, украшенных санях [Полевые материалы автора 2018].

Таким образом, в представлении карелов лодка – средство передвижения, созданное прародителем из сакрального материала, обладающее сверхъестественными способностями, благодаря которым является проводником в потусторонний мир. В эпосе отражается устойчивая традиция смены вида транспорта карелами в зависимости от времени года. Лодка и сани применялись в похоронной и свадебной обрядности карелов, а также отражали социальный статус владельца.

Примечание

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190092-2).

Литература и источники

Винокурова И. Ю. Мифологические представления о птицах в вепсской традиции и карело-финском эпосе // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 251–259.

Калевала: карело-финский народный эпос / собрал и обработал Э. Леннрот. Петрозаводск: Карелия, 1985. 383 с.

Карело-финский народный эпос: В 2 кн. / сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсеева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.

Конкка А. П. Сязозерская свадьба // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 289–327.

Кундозерова М. В. Мировое дерево и ландшафтные знаки-символы его локализации (по материалам карельских эпических песен и заклинаний) // Труды карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 178–184.

Кундозерова М. В. Большой дуб: происхождение мирового дерева в карельских эпических песнях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 1. С. 88–90.

Кундозерова М. В. Туонела: иной мир в системе координат мироздания карельского эпоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 28–35.

Карельские народные загадки / Ин-т языка, лит. и истории Карел. фил. АН СССР; Изд. подгот. Н. А. Лавонен / ред. Э. С. Киуру, В. Д. Рягоев. Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.

Логинов К. К. Деревья и кустарники в традиционных поверьях русских Карелии // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 175–186.

Пашкова Т. В. О некоторых болезнях с симптомами VINA и NENÄ в карельской народной медицине // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 176–190.

Полевые материалы автора, Республика Карелия, Кондопожский район, с. Кончезеро, 20.06.2018.

Рывкина Г. В. Средства передвижения // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. Ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в.: Л.: Наука, 1985. 174 с.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 222 с.

Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo [etc.]: WSOY, 1977. 776 s.

G. V. Ryvkina

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

TRADITIONAL MEANS OF TRANSPORTATION OF KARELIANS THROUGH THE PRISM OF THE KARELIAN-FINNISH EPIC

The article is devoted to the ethnographic analysis of the image of traditional means of transportation of the Karelians – boats and sledges, the source of which was the collection of epic songs "Karelian-Finnish Folk Epic" (1994). The article considers the significance of traditional transport for a Karelian, the functions of vehicles, as well as the material used for the construction of sledges and boats. The analysis of epic songs allowed us to see a stable tradition of changing the mode of transport by Karelians depending on the time of year, as well as to identify the use of boats and sledges in funeral and wedding ceremonies of Karelians.

Keywords: road culture, boat, sledge, the Karelians, Karelian epic songs, mythology.

БРАННАЯ И ОБСЦЕННАЯ ЛЕКСИКА В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются диалектные словари карельского языка как источник эмотивной, бранной, инвективной и обценной лексики. Особое внимание уделяется стилистическим пометам, которые зачастую недостаточно точно отражают эмоционально-экспрессивную оценку той или иной лексической единицы. Материалом для исследования послужили как отечественные, так и словари карельского языка, изданные в Финляндии.

Ключевые слова: диалектный словарь, словарные пометы, инвективная лексика, карельский язык, эмотивная лексика, пейоративная лексика.

Вопрос о включении бранной лексики в словари не нов. По этому поводу существуют разные точки зрения. По мнению одних лексикографов, борцов за культуру устной речи, стилистически сниженная, бранная лексика не должна присутствовать в словарях. Ее присутствие в словарях является нецелесообразным и только способствует ее закреплению в речи. Другие же придерживаются того мнения, что подобная лексика должна присутствовать в словарях ввиду ее научной ценности как неотъемлемая часть любого живого языка. Наряду с этими мнениями есть точка зрения, что включение в словари данной лексики допустимо лишь в том случае, если она является одним из значений многозначных слов.

Диалектные словари карельского языка, как и любых других языков, являются неисчерпаемым источником информации как для лингвистов, фольклористов, так и для этнографов. Словари, построенные на образцах речи, дают целостную картину того, как то или иное слово или выражение использовалось и используется в речи.

Диалектные словари, в отличие от нормативных, не призваны оберегать чистоту и правильность литературного языка, они только показывают, какие слова и выражения существуют в народных говорах и их значение.

При изучении и сборе бранной и обценной лексики диалектные словари являются одним из важнейших источников. Соблюдая полную лексикографическую объективность, они содержат «неприличные» слова, «сквернословия» и «ругательства». Составители данных словарей осознавали, что не имеют права урезывать и кастрировать «живой язык», понимали, что в языке нет плохих слов [Бодуэн де Куртенэ 1963: 236].

Для сплошной выборки данной лексики мы обратились к следующим словарям: «Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)» составитель Г. Н. Макаров, около 20 тыс. слов; «Словарь карельского языка (тверские говоры)» составитель А. В. Пунжина, около 17 тыс. слов; «Словарь собственно-карельских говоров Карелии» составители В. П. Федотова, Т. П. Бойко, 22 тыс. словарных статей; «Словарь людиковских диалектов» (Lyydiläismurteiden sanakirja, J. Kujola) и шеститомный «Словарь карельского языка» (Karjalan kielen sanakirja, Pertti Virtaranta, Raija Koronen).

Выбранные для исследования словари содержат лексикографические эмоционально-экспрессивные пометы *бран.* – бранное слово, *груб.* – грубое, *неодобр.* – неодобрительно, *пренебр.* – пренебрежительно.

Региональный «Словарь ливвиковского диалекта карельского языка», труд всей жизни Г. Н. Макарова, основоположника карельской лексикографии, является первым в ряду диалектных словарей карельского языка, составленных сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН. Несмотря на то что творческий путь составителя был недолгим и ему не суждено было увидеть выход словаря в свет, труд ученого востребован и по сей день среди лингвистов и этнографов. Данный словарь составлен на основе коткозерского говора ливвиковского наречия, носителем которого являлся и сам Григорий Николаевич, что было

благоприятствующим фактором и большим подспорьем в работе над словарем. Будучи непревзойденным знатоком и исследователем карельского языка, он не мог обойти вниманием и рассматриваемый нами пласт лексики, являющийся неотъемлемой частью живой карельской речи.

Словарь богато иллюстрирован образцами речи, собранными автором в рамках экспедиций, и включает в себя следующие интересующие нас пометы: *бран.* – 95 лексических единиц, *груб.* – 17 единиц, *неодобр.* – 16 единиц, *пренебр.* – 2 единицы. Значение стилистических помет в данном словаре не объясняется, и провести грань, например, между пометами *бранн.* и *груб.* и др. зачастую не представляется возможным. В качестве примера возьмем следующие лексические единицы: *labjopiä* бранн. ‘о глупом человеке (букв. мякинная голова)’; *taskuwšoi* бранн. ‘потаскуха’; *äblöi* груб. ‘придурок’; *hagopiä* груб. ‘пустая голова, бездельник’; *paskuharakka* неодобр. ‘о болтливом человеке, сплетница’; *prokuazu* неодобр. ‘шут, урод’.

Слова с данными пометами могут формировать как самостоятельные словарные статьи, так и быть в составе словарных статей при толковании многозначных слов, имеющих стилистически сниженные значения:

hago|piä *s* *груб.* пустая голова; бездельник; *aiga olet ~ gu tuodu et el'endä* ну ты и тупица раз этого не понимаешь; *aiga olet ~ , et kehtua ruadua* ну и бездельник ты, работать не хочешь;

čüöt||tö *s* 1. ~öi дождевой червь; *ongittua kalua ~öl* удить рыбу на червяка; ~ *segi tuadu postaw* флк. червяк и тот что-то значит ‘землю поднимает’; *aiga ~öit ollah lambahat* ну и тощие ‘черви’ эти овцы; *ср.* *hagomado, madoine* 2. *бранн.* о назойливом, докучливом человеке; *aiven olet, ~, n'äl' l'äs!* вечно ты, попрошайка, голодный!

pasku|harakku *s* 1. *с.м.* *n'ärhi* 2. *неодобр.* сорока (о болтливом человеке, о сплетнике); ~ *joga sijah eht'iw* [эта] сорока везде успеет [сунуться].

Словарь тверских говоров карельского языка был вторым в ряду диалектных словарей карельского языка, подготовленных ИЯЛИ КарНЦ РАН. Составителем данного словаря является А. В. Пунжина, тверская карелка. Большая часть материала для словаря была собрана в районах проживания толмачевских карел. В данном словаре помету *бранн.* имеет 21 лексическая единица, *груб.* – 6 единиц, *неодобр.* – 3 единицы, *пренебр.* – 8 единиц. Как и в словаре Г. Н. Макарова, здесь нет толкования помет, они просто приведены в списке сокращений, и, на наш взгляд, представленный лексический материал зачастую не соответствует пометам. Это видно на следующих примерах: *zuahoda* бранн. ‘паскуда’; *tohlo* бранн. ‘придурок’; *vedelyš* бранн. ‘потаскуха’; *longakero* груб. ‘разиня, ротозей’; *revityš* груб. ‘обжора’; *havupiä* пренебр. ‘тупица’.

Как и в словаре Г. Н. Макарова, слова с данными пометами могут формировать как самостоятельные словарные статьи, так и быть в составе словарных статей при толковании многозначных слов, имеющих стилистически сниженные значения.

В данном словаре можно обнаружить словарные статьи, не имеющие лексикографических эмоционально-экспрессивных помет, содержащие инвективную и пейоративную лексику:

huora *s* развратная женщина, распутница; *l'inna vorogatta ew, a kül'ä ~ tta* флк. нет города без злого врага, а деревни без курвы; *ср.* *šuoга*;

musta|mado *s* 1. уж (змея); ~ *ei pure, püwd'el'öw hiird'ä* уж не жалит, ловит мышей 2. *бранн.* о коварном человеке; *rikko meil'd'ä el'an'n'an l'ähin'e* ~ испортила нам жизнь ближняя подкодная змея ‘черная змея’;

ved'el'ü||š *s* *бранн.* потаскуха; *kuin mužikalla piäššä t'äšt'ä ~kšešt'ä?* как мужику избавиться от этой потаскухи?; *ср.* *huora*.

«Словарь собственно-карельских говоров Карелии», составленный В. П. Федотовой и Т. П. Бойко на основе расшифровок магнитофонных записей, сделанных сотрудниками ИЯЛИ Карельского научного центра во второй половине XX в., как и предыдущие два, является диалектным карельско-русским словарем. Стилистические пометы в словаре даются в квадратных скобках либо вместо перевода слова. Пометы [брань], [бранное слово] имеют 17 лексических единиц; [пренебрежительно] – 2 единицы; [неодобрительно] – 2 единицы; [ругательное], грубое ругательство, слабое ругательство, негрубое ругательство, ругательство – 7 единиц. Некоторые слова, которые в предыдущих словарях отмечены пометами *бранн.* или *груб.*, в данном словаре оставлены без стилистических помет: *hakopiä* ‘упрямый дурак’; *kurva* ‘потаскуха’; *havupiä* ‘тупица’.

«Словарь людиковских диалектов», изданный в Финляндии в 1944 г. под редакцией J. Kujola, является первым крупным диалектным словарем карельского языка. В словаре представлены лишь две интересующие нас пометы: *kirosana* (ругательство) – 5 единиц и *halv.* (*haventava merkitys* – пренебрежительное) – 1 единица.

Наиболее полно собственно карельское и ливвиковское наречия представлены в шеститомном карельско-финском «Словаре карельского языка» (*Karjalan kielen sanakirja*). Это самый большой диалектный словарь карельского языка, являющийся памятником карельской культуры и энциклопедией народной жизни. Трудно переоценить его значение для лингвистов, этнографов и всех ценителей родного языка. В интернете есть электронная версия данного словаря, что значительно упрощает и ускоряет работу с ним. Здесь встречаются следующие пометы: сниженный стиль – 29 лексических единиц, пренебрежительно – 721 единица, бранное слово – 147, ругательство – 287. В скобках дается дополнительная информация по использованию данной лексической единицы (важно отметить, что в электронной версии данного словаря прикреплены архивные карточки, которые дают полную картину значения той или иной лексической единицы):

emäškoinie interj. *kirosana. emäškoinie. Uhtua Vuokkin Jyskyj Rukaj | emäškoinie* (etup. miesten käyttämä *kirosana*; naisilta se lipsahtaa vain erittäin kiperässä tilanteessa). Paatene.

Основной проблемой, с которой мы столкнулись при сплошной выборке необходимой нам лексики, было то, что границы между стилистическими пометами в словарях достаточно размытые, отсутствует более точная дифференциация. Отсутствие толкования помет, передающих эмоционально-экспрессивную оценку, затрудняет понимание читателем степени инвективности той или иной лексической единицы.

В дальнейшем мы планируем провести исследование посредством анкетирования среди носителей языка на выявление степени инвективности данного пласта лексики.

Литература и источники

Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: АН СССР, 1963.

Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Федотова В. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 350 с.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s., III – 1983. 584 s., IV – 1993. 610 s., V – 1997. 634 s., VI – 2005. 782 s.

Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja* / J. Kujola. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543 s.

E. V. Karakin

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russia)

ABUSIVE AND OBSCENE VOCABULARY IN DIALECT DICTIONARIES OF THE KARELIAN LANGUAGE

This article examines dialectal dictionaries of the Karelian language as a source of emotive, abusive, invective and obscene vocabulary. Special attention is paid to stylistic markings, which often do not accurately reflect the emotional and expressive assessment of a particular lexical unit. The material for the research was both Russian and Karelian dictionaries published in Finland.

Keywords: dialect dictionary, dictionary labels, invective vocabulary, Karelian language, emotive vocabulary, pejorative vocabulary.

НОМИНАЦИЯ ВОЗВЫШЕННОГО ЛАНДШАФТА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

В работе лингвистическому анализу подвергаются обозначения возвышенностей, представляющих собой одну из микросистем ландшафтной лексики суши. Основной целью исследования является установление этапов формирования данной лексико-тематической группы с древнейших времен до наших дней. Классификация номинативных единиц производится на основе внутрисистемных признаков, характерных только для этого лексического разряда. В статье анализируются названия как исконного, так и иноязычного происхождения.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, ландшафтная лексика, обозначения возвышенностей, исконный фонд, заимствования.

Работа является первым опытом системного анализа и описания обозначений возвышенного ландшафта коми-пермяцкого языка. По своему субстанциональному признаку предмет данного исследования относится к ландшафтной лексике суши, где благодаря внутрисистемным признакам (по составу объектов номинации и предназначенному для их номинации набору лексических средств, по происхождению и т. д.) представляет собой отдельную структурную единицу. Основным источником фактического материала послужила соответствующая часть словарного фонда коми-пермяцкого языка, содержащаяся в лексикографических изданиях [КПРС; КПРС-РКПС; Рогов 2006]. Дополнительные данные получены в результате опроса некоторых носителей коми-пермяцкого языка по специально созданному для этого вопросу. Сопоставительные примеры приводятся из коми-зырянского и удмуртского языков [КРК; РКС; УРС; РУС]. Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников [КЭСК; Wichmann 1923–1924; Uotila 1938; Rédei 1988]. Состав названий иноязычного происхождения и их источники устанавливаются с помощью исходных слов из соответствующей литературы по русскому языку [Даль-1; Даль-2; СРГСУ-2; СРНГ-15; СРНГ-18; СРНГ-19; СРЯ-1; СРЯ-2; СРЯ-4].

К изучению ландшафтной лексики в пермском языкознании приступили совсем недавно. К настоящему времени по данной теме опубликовано несколько статей, из них коми-пермяцкому языку посвящена лишь одна работа [Ракин 2019].

подавляющее большинство обозначений возвышенного ландшафта коми-пермяцкого языка относится к литературному языку. Что касается диалектных слов, в работе рассматриваются лишь те из них, которые приводятся в нормативных словарях с соответствующей маркировкой: *кырыл* сев. ‘склон (возвышенности)’, *материк* пукс. ‘возвышенность, покрытая хвойным лесом’.

С точки зрения генезиса обозначения возвышенного ландшафта представляют собой многоуровневую систему. В соответствии с хронологией происхождения в составе исконного фонда различаются допермские, прапермские, пракоми и собственно коми-пермяцкие образования.

Особенностью допермского фонда обозначений является то, что здесь отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до 4-го тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 409]. Остальные группы древней лексики, пусть и в меньшем количестве, чем в других пермских языках, например в коми-зырянском [Ракин 2019], имеются.

Так, к названиям прафинно-угорского периода – начало 4-го тысячелетия – конец 3-го тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 424] – относится слово *нõрыс* ‘холм; возвышенность между двумя лощинами; бугор; пригорок; грива’, кз. *нõрыс* ‘возвышенность; холм; бугор; пригорок; кряж’ < общеп. **nõr-is* ‘гора; возвышенность; холм’; < ф.-у. **närz* ‘возвышенность’ [КЭСК: 195].

Существование финно-пермского праязыка приурочивают к периоду с конца 3-го тысячелетия до середины 2-го тысячелетия до н. э. [Основы 1974: 433]. Из числа обозначений возвышенностей к данной группе, как и к предыдущей, принадлежит одно коми-пермяцкое слово: *кыр* 'возвышенность; гора', кз. *кыр* 'обрыв; гора' < общеп. **kür-* [КЭСК: 153]; < ф.-п. **kurz* 'холм; возвышенность' [Rédei 1988: 677].

Ландшафтная лексика общепермского происхождения унаследована из прапермского языка, возникшего в результате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со 2-го тысячелетия до н. э. до VIII в. н. э. [Хайду 1985: 49]. Обозначения данной хронологической группы употребляются только в современных пермских языках:

1) *йыв* 'вершина', кз. *йыв* 'вершина', удм. *йыл* 'вершина' < общеп. **jül* 'вершина' [КЭСК: 113];

2) *мыльк* 'холм; бугор; горка; курган', кз. *мыльк* 'холм; бугор' < общеп. **mül'k* 'холм; бугор' [КЭСК: 182].

Ландшафтная лексика пракоми происхождения. Данная группа древних названий характеризуется тем, что ее формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения предков коми с удмуртами, то есть в период с IX по XI в. н. э. [Лыткин 1957: 25]. Поэтому данный разряд лексических единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках: 1) *вывтас* 'возвышенность', кз. *вывтас* 'возвышенность' < прак. **vültas* 'возвышенность'; 2) *дзиб* 'возвышенность в дремучем лесу', кз. *дзиб* 'возвышенность; холм; горка' < прак. **žib* 'возвышенность; холм'; 3) *керӧс* 'гора; возвышенность', кз. *керӧс* 'возвышенность; гора' < прак. **keres* 'возвышенность; гора'.

В диахронической иерархии анализируемой микросистемы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-пермяцкие обозначения, возникшие после отделения предков коми-пермяков от коми-зырян. Данная группа названий употребляется только в речи носителей современного коми-пермяцкого языка, на территориях проживания других родственных народов они не встречаются.

В составе собственно коми-пермяцких обозначений структурно различаются однословные обозначения и составные названия. Все однословные номинативные единицы являются производными словами, которые кроме корневой части имеют служебные морфемы: словообразовательные и формообразовательные.

Более половины производных слов образовано с помощью форманта *-ин* (*in*): *вылынӧн* 'возвышенность; бугор', образовано от *вылын* 'вверху'; *керӧсаин* 'гористое место', образовано от *керӧса* 'гористый'; *кырылаин* 'покатое место; склон горы', образовано от *кырыла* 'покатый'. Этот морфологический показатель соответствует кз. *-ин* (*in*), ср. *лӧкин* 'дебри, чаща'. Принято считать, что данный показатель появился в обоих коми языках в результате морфологизации самостоятельного слова *ин* 'место' < общеп. **in* 'место' [КЭСК: 109; Серебренников 1963: 147], восходящего к ф.-у. *ŕiz* 'место' [Rédei 1988: 592].

С помощью суффикса *-ыл* образовано диалектное слово *кырыл* сев. 'склон (возвышенности); подножие (горы, обрыва)', производящая основа *кыр* 'возвышенность; гора'.

Следующий суффикс *-ок* также представлен единственным примером в системе обозначений возвышенностей: *керӧсок* 'пригорок'. Слово образовано от *керӧс* 'гора'. Этот формант имеет деминутивное значение и является продуктивным формообразовательным суффиксом в коми-пермяцком языке [Серебренников 1963: 149; Гантман 1985: 603].

Составные названия представляют собой сочетания из двух слов, структурные типы с большим количеством частей, например, трех- и четырехчленные здесь отсутствуют. Вся совокупность составных названий возвышенного ландшафта состоит из следующих структурных моделей.

1. Структурная модель «существительное + существительное»: *керӧс увт* 'подножие горы' (*керӧс* 'гора', *увт* 'низ, нижняя часть'), *кыр йыв* 'вершина горы' (*кыр* 'гора', *йыв* 'вершина').

2. Структурная модель «прилагательное + существительное».

2.1. Названия, образованные по модели «качественное прилагательное + существительное»: *джуджыт керӧс* 'высокая гора' (*джуджыт* 'высокий', *керӧс* 'гора'), *зӧм керӧс* 'крутая гора' (*зӧм* 'крутой', *керӧс* 'гора').

2.2. Названия, образованные по модели «относительное прилагательное + существительное»: *изъя керёс* ‘скала’ (*изъя* ‘каменистый’, *керёс* ‘гора’), *керёса места* ‘гористая местность’ (*керёса* ‘гористый’, *места* ‘место, местность’).

Определенную роль в развитии и пополнении ландшафтной лексики исследуемого языка сыграл иноязычный компонент. В составе лексики возвышенного ландшафта представлен лишь один тип заимствований – названия, проникшие из русского языка. Данная группа состоит из следующих слов: 1. *Веретья* ‘грива (сухая гряда на болоте)’ < рус., ср. *веретья*, *вереть* ‘возвышенная, сухая, не поемная гряда среди болот’ [Даль-1: 180]. 2. *Гора* ‘гора’ < рус., ср. *гора* ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей’ [СРЯ-1: 331]. 3. *Грива* ‘грива (возвышенность)’ < рус., ср. *грива* ‘несколько возвышенная гряда местности’ [Даль-1: 395]. 4. *Косогор* ‘косогор’ < рус., ср. *косогор* ‘склон горы, холма’ [СРЯ-2: 112]. 5. *Креж* ‘кряж, горная гряда’ < рус., ср. *крёж* ‘возвышенное место среди леса’ [СРГСУ-2: 61], *креж* ‘крутой склон горы, скалы’ [СРНГ-15: 207]. 6. *Материк* ‘возвышенность, покрытая хвойным лесом’ < рус., ср. *материк* ‘высокое сухое место на болоте, в поле’ [СРГСУ-2: 120], *материк* ‘большой лес, тайга’ [СРНГ-18: 23]. 7. *Мыс* ‘возвышенность; большой холм; бугор’ < рус., ср. *мыс* ‘небольшая горка’ [СРНГ-19: 60]. 8. *Покат* ‘склон’ < рус., ср. *покат* ‘покатость, горный склон’ [Даль-2: 239]. 9. *Скала* ‘скала’ < рус., ср. *скала* ‘каменная глыба с крутыми склонами и острыми выступами’ [СРЯ-4: 102].

Таким образом, получены результаты лингвистического исследования словарного фонда коми-пермяцкого языка, который относится к возвышенному ландшафту. Данная микросистема в работе рассматривалась как на предметно-понятийном, так и на семантическом и структурном уровнях. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало, что основная часть коми-пермяцкой лексики возвышенного ландшафта имеет древние истоки. Иноязычный компонент представлен поздними заимствованиями русского происхождения.

Список сокращений и условных обозначений

кз. – коми-зырянский язык, общеп. – общепермский язык-основа, прак. – пракоми язык, пукс. – пуксибский говор коми-пермяцкого языка, рус. – русский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, удм. – удмуртский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Литература и источники

- Даль-1 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 699 с.
Даль-2 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 799 с.
КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
КПРС-РКПС – Коми-пермяцко-русский словарь и Русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1993. 288 с.
Кривошекова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. С. 596–621.
КРК – Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.
Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.
Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. Т. 13, № 2. Йошкар-Ола, 2019. С. 107–122.
Ракин А. Н. Ландшафтная лексика суши в коми языке (обозначения возвышенностей) // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: сборник по материалам VI Всероссийской конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / Удм. ФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 142–146.
РКС – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

- Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермязцкий словарь. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006. 403 с.
- РУС – Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1360 с.
- Серебрянников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М.: АН СССР, 1963. 392 с.
- СРГСУ-2 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1971. 214 с.
- СРНГ-15 – Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1979. 399 с.
- СРНГ-18 – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1982. 367 с.
- СРНГ-19 – Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1983. 359 с.
- СРЯ-1 – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
- СРЯ-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
- СРЯ-4 – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
- УРС – Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН УрО. Удм. ин-т. ИЯЛ, 2008. 925 с.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 s.
- Uotila T. E.* Syrjänische chrestomathy mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938. 198 s.
- Wichmann Y.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. FUF, XVI. Helsinki, 1923–1924. S. 185–212.

A. N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History
Komi RC, Ural Branch, RAS
(Syktyvkar, Russia)*

ELEVATED LANDSCAPE NOMINATION IN THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE

The linguistic analysis of the designation of hills that represent one of the microsystems of the landscape vocabulary of the Komi-Permian language, is performed. The main purpose of the research is to establish the stages of formation of this lexical-thematic group from ancient times to the present day. Classification of nominative units is made on the basis of intra-system features that are characteristic only of this lexical category. In the composition of the primordial fund, names of pre-Permian, common Permian, pra-Komi and Komi-Permian origin are identified and considered. The source of the non-primordial part, consisting of one type of borrowings, was the vocabulary of the Russian literary language and its Northern vernaculars.

Keywords: the Komi-Permian language, landscape vocabulary, designations of hills, primordial fund, borrowings.

К ВОПРОСАМ СЕМАНТИКИ МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ СААМИ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ)

Статья посвящена изучению терминологических аспектов в саамской музыкальной традиции. Обращение к семантике музыкально-этнографической терминологии становится актуальным благодаря исследованию традиционной музыкальной культуры саами в ее комплексном и междисциплинарном изучении.

Ключевые слова: музыкально-этнографическая терминология, саами, семантика, междисциплинарный, комплексный подход.

Обращение к терминологическим аспектам в изучении архаических традиций становится важнейшим стимулом для осознания изначальных истоков ранних форм функционирования музыкальной, шире интонационно-акустической сферы этносов. Одна из существенных научных проблем трактовки народной музыкально-этнографической терминологии заключена в «синкретической многозначности номинаций» (явственно это проявляется в древних текстах и архаических культурах), в рамках эстетико-культурологических и музыкальных понятий и категорий [Мациевский 2009: 9].

В методологии исследования музыкальных традиций особую роль играет междисциплинарный подход, который отражает прежде всего комплексное рассмотрение явлений традиционного искусства. В этой связи изучение семантики народных понятий и терминов взаимосвязано не только с этнографическим контекстом изучения, но и непосредственно помогает раскрыть сущность музыкального явления в его функциональных и исполнительских критериях.

В историографии изучения музыкальной традиции саами обращение к этнической терминологии музыкального искусства носит фрагментарный характер как в трудах западных исследователей, так и отечественных саамоведов. Сведения о бытовании терминов, относящихся к музыкальной традиции саами, мы можем зафиксировать в многочисленных трудах этнографов периода XVII–XXI вв. (И. Шефферуса, Э. Манкера, Н. Харузина, Н. Волкова, Л. Хомич, Н. Большаковой; музыковедов и этномузыкологов А. Лауниса, К. Тирена, Э. Эсхаймера, М. Чулаки, И. Травиной, Г. Карповой, М. Александровой и др.).

Несомненно, отдельной и центральной сферой источников в поиске музыкальной терминологии становятся *лексикографические* материалы западных и отечественных исследователей саамского языка XIX–XXI вв. (А. Генетца, Й. Фрииса, Т. Итконена, Г. Керта, Н. Афанасьевой, Р. Куруч и др.).

Благодаря активному источниковому поиску, а также контактам с учеными-лингвистами, краеведами, руководителями фольклорных коллективов Кольского полуострова (в частности, с писателем-краеведом Н. Большаковой, музыкальными руководителями коллективов В. Гуриновым и М. Медведевой, в том числе мастерами художественного профиля и музыкантами-исполнителями) первые попытки свода музыкальных терминов нашли свое отражение в кандидатской диссертации автора «Инструментальные основы музыкальной культуры саами», посвященной изучению и реконструкции традиционных музыкальных инструментов саами [Соловьев 2012].

Безусловно, научные попытки системного отражения уже имели место в описании музыкальных этнических традиций Сибири, к примеру, в работах О. Добжанской, Ю. Шейкина и др. [Шейкин 2002: 357–388; Добжанская 2007: 34–40]. Знакомство с работами исследовательницы В. Бакулы и обмен материалами, касающимися саамских названий, определили и дальнейшее направление в изучении терминологических аспектов саамской музыкальной традиции: написание «Саамско-русского словаря музыкально-этнографической терминологии» [Соловьев 2015].

Обращение к работам филологов [Сенкевич-Гудкова 1963: 131–143; Иванищева 2012; Бакула 2017] позволило перейти к системному и структурному отражению саамских музыкально-этнографических терминов и включить в словарь не только чисто музыкальную терминологию, касающуюся музыкальных сфер бытования: певческих жанров, музыкального инструментария и музыкально-хореографических форм, но и терминов, связанных с сакральной, бытовой и трудовой сферами саамской традиции.

За основу словаря был взят принцип системы *перекрестных аналитических указателей*, впервые апробированный в своих трудах известным органомедом, главой петербургской и евразийской школы современного инструментоведения И. В. Мацеевским [Мацеевский 2007: 35–386]. Суть данной системы заключается в представлении музыкальной терминологии по ряду категорий: орфографических, исполнительских, функциональных и прочих, взаимосвязанных с трудовыми, обрядовыми, художественно-эстетическими сферами бытования музыкальной традиции (инструментальной, певческой, танцевально-игровой), которые генетически тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены единством интонационно-акустического пространства этноса.

Звукоподражательная терминология, открывающая категории терминов, – одна из самых интегрированных групп, которая характеризуется пограничными связями между ономастической лексикой бытовой речи и специфическими артикуляционными приемами (речитация, гортанные звуки, вибрато, глиссандо и пр.). Они широко распространены как в певческом искусстве западных групп саами (зап.-саам. *eallijoiggus* – *звериная йойк*), так восточных (вост.-саам. *мушиитсэллэм лавл* – букв. песня-имитация) [Соловьев 2015: 11, 28]. Более того, явления имитационной природы представлены и в сфере инструментализма, в том числе аутоинструментализма (букв. музыка тела – извлечение звуков при помощи собственного тела). Так, данные имитационно-инструментальные компоненты нашли свое отражение в специфической инструментальной лексике, характеризующей различные приемы звукоизвлечения: ударить, стучать, греметь, скрести и пр.

Данная группа включает следующие категории: 1) имитации голосов и механических звериных/птичьих звуков-сигналов; 2) звукоизобразительные термины, отражающие звуковые явления физической природы; 3) звукоизобразительные термины, отражающие действия (способ звукоизвлечения, характер звучания, тембр звуковых и музыкальных инструментов); 4) звукоизобразительные термины, отражающие форму предмета, объекта.

В тесной взаимосвязи со звукоподражательной категорией терминов представлена **оленоводческая терминология**. Это сигналы пастухов-оленоводов с целью контакта с оленем, оленьим стадом, а также командные сигналы, предназначенные для бессменного помощника оленевода – пастушьей собаки. В частности, коммуникативная значимость человека и собаки отражена в певческих имитационных йойк, посвященных пастушьему псу, а также в архаичном нарративном жанре *моайнас* (вост.-саам. – рассказ, беседа, сказка, речь) с имитационным контекстом исполнения [Керт 1986: 59; Большакова 2005: 380; Соловьев 2019: 80–81].

Саамская **певческая терминология** до сих пор не была предметом изучения. Тем не менее благодаря публикациям отечественных и зарубежных исследователей мы имеем возможность изучать семантику названий, относящихся к саамской певческой традиции. В свод терминов данной группы был включен ряд певческих терминов из работы В. Бакулы [Бакула 2017: 190–202].

Певческие термины дифференцируются по следующим показателям: 1) жанровые сферы; 2) стилистические особенности (манера, процесс пения, характер и специфические приемы интонирования); 3) социальный статус исполнителя; 4) метафорическая характеристика исполнителя.

Термины музыкальных инструментов

Впервые представлены названия и понятия, отражающие сферу саамского инструментализма. Поводом нового научного обращения к саамской инструментальной терминологии послужили многочисленные письменные свидетельства зарубежных и отечественных исследователей XVII–XXI вв., а также полевые материалы автора, накопленные на протяжении длительного периода собирательской деятельности.

Для таксономического обозначения данной группы названий саамских музыкальных инструментов впервые был репрезентирован научный термин *органоним* (от греч. *οργανον* (греч.), *organum* (лат.) – орудие, инструмент; *ονομα* (греч.) – имя), предложенный известным петербургским инструментоведом Ю. Е. Бойко, а также включена собственная номинация *эргоним* в обозначение одной из подгрупп музыкального инструментария (см. органонимы группа 5).

Органонимы рассматриваются в следующих дефинициях: 1) термины, отражающие морфологию; 2) заимствованные названия у народов, находящихся в контактах на протяжении разных этапов саамской этноистории; 3) термины, обозначающие способ и приемы звукоизвлечения; 4) термины, отражающие функцию инструмента; 5) эргонимы – термины, отражающие процесс и способы изготовления музыкального инструментария, звуковых орудий, орудий труда.

Термины, отражающие элементы кинетики в танцевально-игровых видах творчества

Если охватить взглядом терминологическую лексику танцевального искусства, то мы увидим сильное влияние извне – веяние русской (восточные саами) и европейской (западные саами) культуры на позднем этапе саамской этноистории. Как отмечают исследователи, уже в середине XX в. бытовали преимущественно заимствованные танцы, получившие широкое распространение, такие, как *кадриль*, *краковяк*, *ту степ*, *полька*, *па-де-спань*. Однако умели танцевать не все. Этот факт отражает далеко не всегда полное приятие саами заимствованных элементов культуры, и не только в отношении танцев [Бакула 2017: 58–59; 199–202].

Исследователи отмечают, что среди народов циркумполярья общими элементами архаичных танцев являются те движения, которые бытовали в традиционных обрядах, в частности медвежьем празднике, сохранившемся у саами вплоть до XX в. Так, исследователи обнаружили некоторые схожие движения и жесты с хореографией обских угров (хантов и манси), у которых «медвежья церемония» имела огромное значение в традиции. Основу танцев составляют птичьи и звериные корпороимитации [The Saami 2005: 33–35].

Термины танцевально-игровой сферы дифференцированы на следующие категории: 1) тип движений; 2) название танца; 3) характер движений; 4) статус танцора-исполнителя.

Трактовка *этнографических терминов* является важнейшим звеном в постижении традиционной саамской музыкальной и шире – интонационно-акустической эстетики. Включение данных терминов отражает близкую и тонкую связь с окружающим миром в представлении саами о потусторонних силах (духах, божествах) с позиции тотальной одушевленности (аниматизма) и размытости границ между звучащей биологической и физической материей. Такая специфика позволяет выявить и осознать тонкие грани слухового, зрительного и кинетического мировосприятия.

В данную группу включены следующие категории:

1) топонимика и гидронимика, отражающая звуковые образы; 2) сакральные территории; 3) материальные предметы, атрибуты, в том числе мифологические, связанные со звуковым воплощением; 4) сакральные объекты, в том числе мифологические, а также термины онтологического пространства; 5) духи и божества, имеющие отношение к звуковой организации ритуально-магических комплексов; 6) обряды, ритуалы, в том числе социальный статус; 7) психосоматический статус *нуэйти* – саамского колдуна; 8) животный мир.

Таким образом, исследование музыкально-этнографической терминологии является образцом комплексного подхода не только в методологии изучения музыкальных традиций этносов, но и в познании семантических основ саамской традиционной эстетики.

Литература и источники

Бакула В. Б. Духовная культура саамов и ее отражение в языке. Мурманск: ООО Принт-2, 2017. 288 с.

Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Мурманск. кн. изд-во, 2005. 414 с.

Добжанская О. Э. Звук и музыкальное звучание как философско-эстетическая категория в культуре самодийских народов // *Музыковедение*. 2007. № 4. С. 34–40. (Этномузыкология).

Иванищева О. Н. Принципы лексикографирования слов в словаре лексики духовной культуры кольских саами // *Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал)*. 2012. № 9. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru> [Дата обращения: 25.09.2020].

Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский [Текст]: пособие для уч-ся нач. шк. Л.: Просвещение [Ленингр. отд-ние], 1986. 247 с.

Мацевский И. В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 520 с.

Мацевский И. В. Когнитивная музыкология: актуальность и перспективы // *Проблемы когнитивной музыкологии: сб. науч. ст.* СПб., 2009. С. 5–10.

Мацієвський І. В. Музичні інструменти гуцулів. Вінниця: Нова Книга, 2012. 464 с.: ноти, іл.

Сенкевич-Гудкова В. В. Проблема звуковой изобразительности саамского слова // *Ученые записки Карельского педагогического института*. Т. XIII. Гуманитарные науки. Петрозаводск, 1963. С. 131–143.

Соловьев И. В. Инструментальные основы музыкальной культуры саами: дис. ... канд. искусствоведения: специальность 17.00.02. СПб., 2012. 268 с.

Соловьев И. В. К вопросу о синкретизме в нарративных жанрах саамского фольклора (на примере изучения певческих традиций) // *Этническая культура и XXI в.: сб. науч. ст.* Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. С. 77–84.

Соловьев И. В. Саамско-русский словарь музыкально-этнографической терминологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 123 с.

Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Сибири: сравнительно-историческое исследование инструментов, звукоподражаний и песен: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.02. СПб., 2002. 356 с.

The Saami: a cultural encyclopedia. Vammala: Sumalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 498 p.

I. V. Soloviev

Petrozavodsk State Glazunov Conservatory

(Petrozavodsk, Russia)

SEMANTIC PROBLEMS OF MUSICAL AND ETHNOGRAPHIC TERMINOLOGY IN SAAMI MUSICAL TRADITION (INTERDISCIPLINARY ASPECT OF LEARNING)

The article concentrates on semantic aspects of terminology in saami musical tradition. It becomes relevant due to it's complex and cross-disciplinary researches.

Keywords: Saami, musical and ethnographic terminology, semantics, complex and cross-disciplinary researches.

«СЕЛЕЖНАЯ» ОЙКОНИМИЯ СЯМОЗЕРЬЯ: ХРОНОЛОГИЯ И АРЕАЛ

В статье рассматривается ареал ойконимов с элементом *-selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’ на общем фоне всех топонимов на *-selgy*. Предложена карта бытования топонимов. Выявляются причины и время появления модели. Описывается этимология названий: часть восходит к календарным и некалендарным именам, остальные – ландшафтные термины. Анализируется генезис модели *-vuari* ‘гора, поросшая лесом’ на фоне топонимов на *-selgy*.

Ключевые слова: ойконим, антропоним, топонимные модели, карельская топонимия, Карелия, карелы-ливвики.

Термин *-selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’ входит в число продуктивных элементов топонимии ливвиковской территории Карелии, в том числе Сямозерья. Он маркирует названия возвышенностей, а также расположенных на них сельскохозяйственных и лесных угодий: угод. *Ivoinselgä* (Вешкелица), гора и поля *Kangahanselgy* (Клещейла), пок. *Kiviselgy* (Метчелица), поле *Kodiselgy* (Нялмозеро), угод. *Kohtuselgy* (Вешкелица), угод. *Koivuselgy* (Вешкелица), гора и поля *Korgeiselgy* (Клещейла), поле *Ozruselgy* (Угмойла), угод. *Rajaselgä* (Вешкелица), пок. *Riihiselgy* (Рубчейла), гора *Suuriselgy* (Вешкелица), покосы и гора *Tieselgy* (Клещейла).

Компонент *-selgy* выступает не только в качестве детерминанта, как в примерах выше, но и в качестве атрибутивного структурного элемента: угод. *Sellänpellot* (Вешкелица), *Sel'l'änkangas* (Нижняя Салма), *Sel'l'änsuo* (Нижняя Салма), поля *Selgyppeldo* (Акимово), *Sel'l'änpellot* (Курмойла), уроч. *Селлян оя* ← **Sellänoja* (Вешкелица).

Целый ряд образований на *-selgy* представлен в ойконимии, то есть в наименованиях поселений Сямозерья. Названия сележных поселений строятся по двум моделям. В первом случае они воспроизводят наименования природных объектов:

Лухтансельга, кар. *Luhtanselgy*: кар. *luhtu* ‘лужа’;

Вехкусельга, кар. *Vehkuselgy*: кар. *vehku* ‘растение вахта’, растение с мощным корнем, который в голодные годы добавлялся в муку для выпечки хлеба;

Мулдусельга, кар. *Mulduselgy*: кар. *muldu* ‘почва (как правило, плодородная)’;

Корбисельга, кар. *Korbiselgy*: кар. *korbi* ‘глухой еловый лес’;

Нинисельга, кар. *Niinselgy*: кар. *niini* ‘липа’.

Вторая модель – антропонимическая, в ней сохраняются карельские варианты православных имен, а также некалендарные имена:

Кюренсельга, кар. *Kuuröinselgy*: кар. *Kuuröi* ‘Кирилл’;

Логинсельга, кар. *Loginselgy*: кар. *Login* ‘Логин’;

Тимойсельга, кар. *Timoiselgy*: кар. *Timoï* ‘Тимофей’;

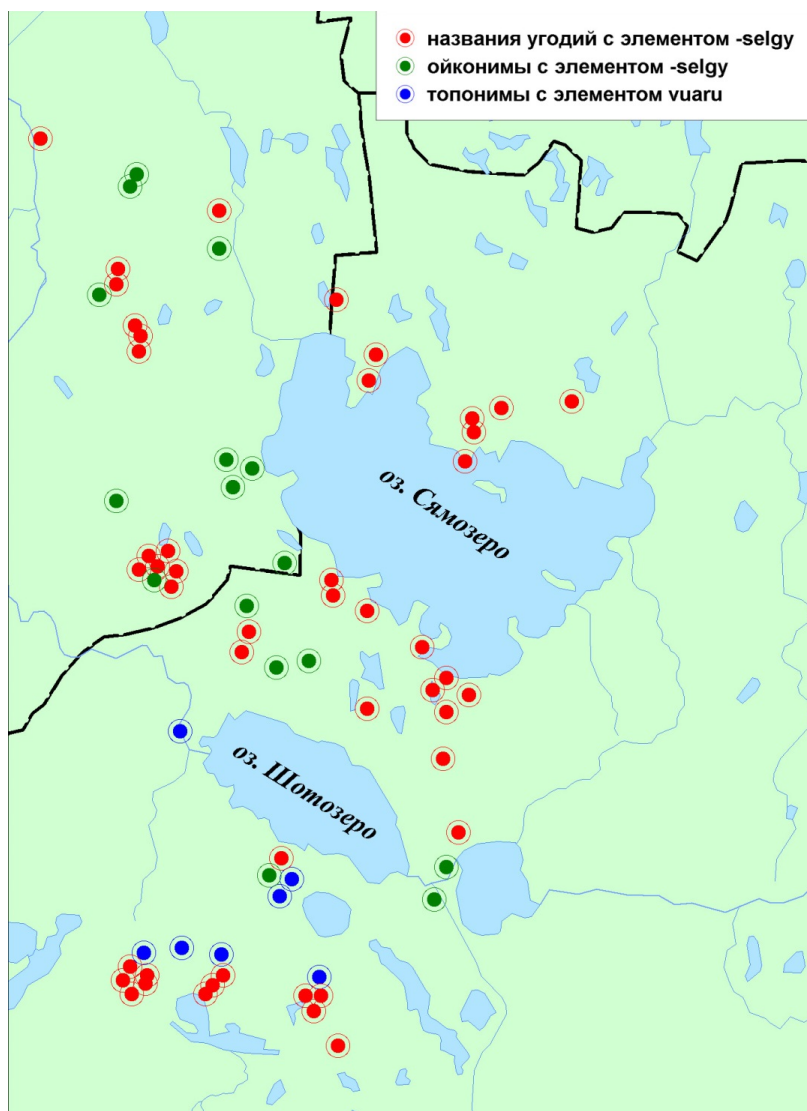
Еройнсельга, кар. *Jeroinselgy*: кар. *Eroi* ‘Еремей’;

Чалкосельга, кар. *Čalkinselgy*: видимо, от прозвища *Čalkki* ← *čalkki* ‘лошадь светло-коричневого окраса’ [KKS].

Ойконимы на *-selgy* группируются на западе и юге Сямозера (рис.). Показательно, что на востоке ареала не нашлось ни одной ойконимной фиксации, при том, что модель известна здесь (хотя и не слишком продуктивна) в качестве наименований угодий.

Почему сформировался такой ареал? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вначале разобраться в хронологии ойконимной модели применительно к Сямозерью. Сквозной анализ исторических источников показал, что она впервые фиксируется в документах начала – середины XVIII в.:

Чалко-селга [ПК 1707] (совр. *Чалкосельга*, кар. *Čalkinselgy*, *Čalkizkylä*), *На Лухты-селги в лесу* [На Лухты-селги в лесу] [ПК 1726] (совр. *Лухтансельга*, кар. *Luhtanselgy*), *Нини-селга* [ПК 1707] (совр. *Нинисельга*, кар. *Niinselgy*), *Вехку-селга* [РС 1749] (совр. *Вехкусельга*, кар.

Vehkusel'gy). Дер. Кюлюсельга (кар. *Kylyselgy*) зафиксирована первоначально в калькированном русском виде: *Новопоселенная после прежней переписи деревня Баенная селга* [РС 1749], *Баенная Сельга* [РС 1782]; карельский оригинал выходит на официальный уровень в середине XIX в.: *Кюлю сельга* (она же *Баенное озеро*) [РС 1850]: кар. *kyly* 'баня'. Документы свидетельствуют об определенной нестабильности ойконимов на протяжении столетий. Так, деревня *Аркинсельга* (кар. *Arkinsel'gy*) изначально называлась в официальных документах *Пагаколамби* [ПК 1707], затем *Пагакуламминсельга* (*Пагакуламбинсельга*) [РС 1782], а современное название фиксируется в официальных документах только в середине XIX в.: *Аркин-сельга* (она же *Пагаку ламба сельга*) [РС 1850]. Дер. *Новопоселенная после прежней переписи деревня Сенолядинная селга* [РС 1749] только в середине XIX в. приобретает в ревизских сказках вид, приближенный к современному: *Гоккойна* (она же *Сенолядинная сельга*) [РС 1850] – совр. деревня *Хоккойла* (кар. *Hokkoilu*).

Надо полагать, что освоению сележных ландшафтов как наиболее благоприятных для земледелия способствовала на первом этапе та волна освоения западного Сямозерья, которая была связана с возвращением сюда беглецов после завершения Северной войны между Россией и Швецией (1700–1721) [Жуков 2010]. В дальнейшем происходит и естественный прирост населения, способствовавший разрастанию поселенческой сети за счет заселения селег.

Появившись в начале XVIII в., модель продолжала быть активной, то есть служила базой для рождения новых ойконимов вплоть до начала XX в. Она воспроизведена, к примеру, в наименованиях ряда новых сележных поселений, возникших в конце XVIII – начале XIX вв.: *Кончи сельга* [Карта ГМ 1790] (совр. *Канчинсельга*, кар. *Kančči*), *Майсельга* [Карта ГМ 1790]

(совр. *Масельга*, кар. *Moaselgy*), *Мулдусельга* (*Мундусельга*) [РС 1782] (совр. *Мулдусельга*, кар. *Mulduselgy*), *Подкусельга* [РС 1782] (совр. *Поткусельга*, кар. *Potkuselgy*), *Геройлева гора* [Карта ГМ 1790], *Еройнсельга* [РС 1811] (совр. *Еройнсельга*, кар. *Jeroinsel'gy*).

Вновь возникшие деревни называют по данной модели и в конце XIX – начале XX вв.: *Кюренсельга* ~ *Кюрю сельга* ~ *Кюрин сельга* [НА РК 1873] (кар. *Kuuroinsel'gy*), *Логинсельга* [НА РК 1873] (кар. *Loginsel'gy*), *Везой-сельга* [СНМ 1926: 60] (кар. *Vezoiselgy*), *Тимойсельга* [НА РК 1873] (кар. *T'imoiselgy*). Их появление сопряжено с реформами землеустройства крестьян конца XIX – начала XX в. Преобладают отантропонимные названия, естественные на этапе формирования отрубков, выселков, хуторов.

Возвращаясь к проблеме западного ареала сележной ойконимии в Сямозерье, следует, видимо, полагать, что он, т. е. ареал, обусловлен несколькими обстоятельствами. Среди них ландшафтные особенности края – малочисленность сележных ландшафтов в северо-восточном Сямозерье и, возможно, связанная с этим малая освоенность данной территории, немногочисленность поселений, размещение которых на протяжении нескольких последних столетий в значительной степени определялось именно пригодными для сельскохозяйственного освоения сельгами. Еще одно важное обстоятельство – близость западного Сямозерья к Приладожью, откуда оттягивался основной поток карельского освоения после Северной войны.

Показательно, что ойконимная модель *-sel'gy* оказалась малоактивна за южными пределами Сямозерья, на водоразделе Шотозера и Ведлозера. Зато здесь представлен синонимичный термин *vuaru* ‘гора, поросшая лесом’, неизвестный на Сямозере. Зафиксировано несколько названий угодий, в том числе угод. *Paivuaru* (Клещейла), угод. *Teppanvuaru* (Погойла), пок. *Vuaranniitut* (Улялега), оз. *Vuarunjärvi* (Ламбисельга), дор. *Vuarandorogu* (Ламбисельга). Особо интересен в этом ряду ойконим *Vuaru* – название целого ряда поселений на водоразделе Шотозера и Ведлозера, объединявшихся в Савиновское общество Ведлозерской волости. Впервые топоним в виде *Vara* отмечен в переписной книге 1707 г., которая, кажется, является самым ранним документом, где зафиксированы первые пять поселений этой округи. Известно, что сам термин ск. *voara*, ливв. *vuaru* распространен прежде всего в ареале бытования собственно карельских говоров, в том числе в Приладожье, а в ливвиковских известен только на западе – территории, примыкающей к собственно карельскому Приладожью, что прямо указывает на его приход оттуда [Муллонен 2008: 34]. В этом контексте формирование компактного локального топонимного микроареала на водоразделе Шуи и Ведлозера может свидетельствовать о некоем собственно карельском следе рубежа XVII–XVIII вв. При этом новая модель не стала препятствием для собственно сележной топонимии.

Сележная ойконимия составляла в Сямозерье существенную часть ойконимического ландшафта – примерно 15 % от общего количества сямозерских ойконимов. Она формировалась на протяжении XVIII – начала XX вв. в ходе сельскохозяйственного освоения водоразделов. При этом социально-экономическим фоном служили как рост народонаселения, так и реформы землеустройства крестьян конца XIX – начала XX вв.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00068 А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций»).

Литература и источники

Жуков А. Ю. Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV – первой половине XVIII в. // «Уведи меня, дорога»: сб. ст. памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 249–292.

Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Периодика, 2008. С. 25–38.

НА РК 1873 – Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1. Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ.

ПК 1707 – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го г. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.

ПК 1726 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга именная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.

План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790. URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda

РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903. Об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м г.».

РС 1782 – НА РК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Д. 4/19. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Обжанской, Тулокской, Кукшигорской, Ведлозерской, Нялмозерской, Вешкельской волостей; 1782 г.

РС 1811 – НА РК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Д. 23/225. Ревизские сказки государственных крестьян Салменижской вотчины Часовенского, Кунгозерского старошенья, Пряжинской, Маньгинской, Сязозерской, Салменижской, Вохтозерской, Вешкельской, Святозерской волостей, приписных к Олонецким Петровским заводам; 1811 г.

РС 1850 – НА РК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Д. 62/584 Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Часовенского мирского общества, приписных к Олонецким заводам, 1850 г.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.

A. A. Afanaseva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)*

OIKONYMS WITH THE *SELGY*-ELEMENT OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY: CHRONOLOGY AND AREAL

The article considers the area of oikonyms with the element *-selgy* ‘mountain, hill’ against the general background of all toponyms that include the component *-selgy*. A map of place names is proposed. The reasons and time of the model appearance are revealed. The etymology of names is described: some of them go back to calendar and non-calendar names, while the rest are landscape terms. In conclusion, we analyze the genesis of the model *-vuuru* ‘mountain covered with forest’ against the background of place names that include the component *-selgy*.

Keywords: oikonym, anthroponym, toponymic models, Karelian toponymy, Karelia, Livvi Karelians.

СТАНОВЛЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОЙКОНИМОВ ВЕДЛОЗЕРЬЯ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

В статье представлены некоторые результаты анализа таблиц, составленных на основе комплекса письменных источников, включающих архивные и статистические материалы разного времени и содержащих сведения о названиях сельских поселений Ведлозерья в XVI–XX вв. Выявляются основные этапы формирования официальной системы ойконимов территории, определяются номинативные модели, в том числе использовавшиеся для интеграции карельских наименований в русскую официальную систему названий населенных мест, анализируются причины трансформаций ойконимов.

Ключевые слова: ойконимы, антропонимы, номинативные модели, Карелия, Ведлозерье, карелы-ливвики.

Район Ведлозерья, географически охватывающий территорию бассейна р. Видлицы, вытекающей из оз. Ведлозеро и впадающей в Ладожское озеро, располагается в южной Карелии и является частью этноязыкового ареала карелов-ливвиков. Следует отметить, что ойконимическая система указанной территории функционирует в двух разноязычных форматах – на русском языке на официальном уровне, на карельском – в устном бытовании в среде местного населения. Первая письменная фиксация деревень этой округи отразилась в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. Согласно спискам населенных мест Карелии, еще в первой четверти XX в. здесь насчитывалось около 200 деревень, что свидетельствует о хорошей освоенности края в силу благоприятных природно-географических условий для ведения сельского хозяйства. В течение XX в. список населенных мест Карелии в целом значительно сократился (ср. 2852 н. п. в 1926 г. [СНМ 1926] и 802 н. п. в настоящее время [Справочник 2015]), при этом многие названия с момента их первой письменной фиксации претерпели значительные изменения. Так, например, впервые название современного села *Колатсельга* / кар. *Kolatselgy* фиксируется в письменных источниках в форме *На Тулем-озере в лахте Левково посиденье* [ПКОП 1563], название села *Ведлозера* / кар. *Vieljärvi* – *В Охте-лаксе Фокино* [ПКЗП 1582/83].

Выявить произошедшие за четыре столетия трансформации названий населенных мест Ведлозерья удалось в ходе реализации проекта «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций». Расшифрованные данные приобретенных в рамках проекта копий документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, вкупе с уже имеющимися в распоряжении исследовательского коллектива историческими, картографическими и статистическими материалами XV–XX вв. (более 20 источников) позволили А. Ю. Жукову (одному из исполнителей проекта) построить таблицы, в которых в хронологической последовательности показан путь развития каждого ойконима рассматриваемой территории. Полевые материалы Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей ИЯЛИ КарНЦ РАН дополняют официальные данные народными карельскими вариантами наименований деревень.

Анализ табличных данных позволил установить основные этапы формирования официальных ойконимов Ведлозерья и выделить набор номинативных моделей, характерных для каждого периода.

Так, часть существовавших еще в первой четверти XX в. деревень вокруг озер Ведлозеро и Тулмозеро, согласно письменным источникам, возникает в конце XV – первой половине XVI в. (*Починок на том же озере в Кипр-наволоке* [ПКОП 1563], *На том же озере Фомкино посиденье* [ПКОП 1563], *На Тулем-озере в лахте Левково посиденье* [ПКОП 1563]).

Первые письменные фиксации деревень, как правило, включали в себя название географического объекта, при котором располагалось поселение, могли содержать имя основателя, а также указание на тип поселения: *Починок Старой на том же озере Фетково посиденье* [ПКОП 1563], *На Тулем же озере в лахте Гаврилково посиденье* [ПКОП 1563].

Заданная формула в дальнейшем может разворачиваться по-разному: 1) в качестве основного элемента в названии с течением времени закрепляется географический объект (*На том же озере на Заячье горе* [ПКОП 1563] → *Заечья Гора, Терешкино, Семеново тож* [ПКЗП 1582/83] → *Заечья гора* [ПК 1657] → *Заечья селга* [КП 1707] → *Заячья Сельга* [РС 1782]); 2) на первый план выходит антропоним (*На Тулом-озере Осташково посиденье* [ПКОП 1563] → *Пустошь, что была деревня на Туломе ж озере Осташков седенье* [ПКЗП 1582/83] → *Пустошь, что была деревня на Туломе ж озере, Осташко сиденье* [ПП 1617] → *Пустошь, что была деревня на Туломе ж озере, Осташко Яковлева сиденье тож* [ДК 1620] → *Якола / Якойла* [ПК 1657] → *Якойла* [КП 1707]); 3) в приоритете оказывается статус или тип поселения (*В Охтелаксе Фокино* [ПКЗП 1582/83] → *Пустошь, что была деревня В Охтелаксе Фомино* [ДК 1620] → *У погоста в Лахте* [КП 1647] → *В Лахте на Погосте* [ПК 1657] → *Погоская* [КП 1707] → *Погостское* [СНМ 1873] → *Ведлозерский погост* [Циркуляр 1884] → *Погост Ведлозерский* [СНМ 1905] → *Ведлозеро, погост* [СНМ 1926]).

Табличный анализ показывает, что во второй половине XVII – начале XVIII в. в системе ойконимов происходит ряд преобразований: в официальных списках вместо многочленных конструкций закрепляются карельские варианты отантропонимных ойконимов с локативным суффиксом *-ла*: ср. *На Туломе ж озере в Лахте Федково, а Кирьявала тож* [КП 1647] → *Кирьявала/Керьявала/Кирьявалы* [ПК 1657] (ср. кар. вариант *Kirjaval*); *Ивакина на Туломе-озере* [КП 1629] → *Иванина на Туломе-озере* [КП 1647] → *Ивкиля* [ПК 1657] → *Ивкилы* [ПК 1667] → *Ивкила* [КП 1707] (ср. кар. *Iukil*); *Пустошь на Туломе ж озере Данилково* [ДК 1620] → *Починок Кемкулов* [КП 1629; КП 1647] → *Кейкула* [ПК 1657] (ср. кар. *Keikkul*) и др. Следует отметить, что документ 1657 г., который вводит карельские варианты названий в официальный оборот, представляет собой перепись солдат Олонецкого уезда (см. Список литературы и источников). Вероятно, данный список не был связан с писцовыми материалами, именно поэтому в него попали народные варианты ойконимов.

Выстраивание цепочек названий в хронологической последовательности с указанием проживавших в деревнях крестьян подтвердило ряд имеющихся у исследовательского коллектива этимологий (ср., напр., название дер. *Якойла* / кар. **Juakoilu*, восходящее к имени *Juakoi* (карельскому варианту имени *Яков*), которое в 1563 г. было зафиксировано в форме *На Тулом-озере Осташково посиденье* [ПКОП 1563] → *Пустошь, что была деревня на Туломе ж озере, Осташко Яковлева сиденье тож* [ДК 1620] → *Якола/Якойла* [ПК 1657] → *Якойла* [КП 1707]), в отдельных случаях позволило предложить альтернативу уже существующим версиям происхождения ойконимов (ср. название дер. *Кирьявала* / кар. *Kirjaval*, основа которого соотносится с некалендарным приб.-фин. именем/прозвищем *Kirjava* (от кар. *kirjava* ~ *kirjavi* «пестрый; с пятнами другого цвета на основном фоне» [KKS] → «с веснушками или пятнами на лице»). В качестве иной версии происхождения ойконима предлагается обратить внимание на имя крестьянина **Кирьяна** Семенова, который, согласно документам 1582 г., проживал в дер. *На Туломе ж озере в Лахте Федкова* [ПКЗП 1582/83] → *На Туломе ж озере в Лахте Федкова, а Кирьявала тож* [ПП 1617]. Если соотносить название деревни с именем Кирьян, то неофициальный вариант названия должен был иметь форму **Kirjal* / рус. *Кирьяла*, которая обнаруживается в списках 1629 г. *На Туломе ж озере в Лахте Федково, а Кирьялово тож* [КП 1629]).

В начале XVIII в. в Ведлозерье возникает ряд так называемых сележных поселений (*Кодаселга* [КП 1707], *Мая-селга* [КП 1707], *Власьева селга* [ПК 1726]), что свидетельствует о новом этапе в развитии поселенческой сети региона – появлении селений на сельгах вследствие притока карельского населения с территории Приладожья, принесшего с собой готовую ойконимную модель с карельским термином *selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’ [KKS]. Возможно, появление данной ойконимной модели стало причиной трансформаций ряда уже бытовавших к тому времени названий: *Заечья гора* [ПК 1657] → *Заечья селга* [КП 1707]; *Пустошь, что была деревня Починок Михалков да Борисков Васковых* [КП 1629] → *Парикова селга* [КП 1707] и др.

Примечательно, что в переписи 1797 г. отразилась попытка адаптировать вошедшие в официальное употребление народные варианты с помощью соответствующих русских терминов и суффиксов: *Заячья Сельга* [РС 1782] → *Зайчья Гора* [РС 1797] → *Заячья Сельга* [РС 1811];

Лукалицы [РС 1797] → *Луккала* [РС 1811]; *Гюрсюла* [РС 1782] → *Юрселицы* [РС 1797] → *Гюрсюла* [РС 1811]. Выяснить причины появления здесь в этот период адаптационных моделей, не зафиксированных ни в более ранних, ни в более поздних письменных источниках, но отразившихся на картах (см., напр., [Карта 1790]), – задача отдельного исследования.

Еще один этап формирования ойконимической системы Ведлозерья связан с реформами землеустройства крестьян рубежа XIX–XX вв., вследствие чего в системе поселений рассматриваемой территории появляются новые образования – хутора и выселки – со своей номинативной моделью, в которой ойконим совпадает по форме с антропонимом: *Агий* / кар. *Ahi* (в основе восстанавливается вариант христианского имени *Агей* / кар. *Ahi*), *Галлей* / кар. *Hal'l'oi* (в основе, возможно, (родовое) прозвище семьи Захаровых – *Hal'l'oi* со значением «человек с седыми или серыми волосами; сидящий рыжий человек» [КТК]), кроме того, возможно возведение основы к имени *Галактион* / кар. *Hal'o* [КТК]), *Кийки* / кар. *Kiikki* (в основе возможен карельский вариант христианского имени *Кирилл*/*Kiikki* [КТК]) и др.

Таким образом, метод табличного анализа позволил выявить набор номинативных моделей, свойственных определенной территории в конкретный период, рассмотреть механизм смены ойконимических моделей и установить предпосылки появления инноваций в системе официальной ойконимии.

Примечание

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00068 А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций»).

Список сокращений и условных обозначений

дер. – деревня, кар. – карельский язык; н. п. – населенный пункт, рус. – русский язык.

Литература и источники

ДК 1620 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 979. «Подлинная дозорная книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель Обонежской пятины Заонежской половины» князя Мины Дмитриевича Лыкова, 1620 г. 950 л. Подлинник.

Карта 1790 – План Генерального Межевания Олонекского уезда. Масштаб межевой карты – 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-oloneckogo-uezda/.

КП 1629 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308. «Книга писцовая письма и меры писцов Никиты Панина, подьячего Семена Копылова дворцовым волостям, митрополичьим да монастырским вотчинным землям 136 и 137 г. [1627/28–1628/29 гг.]» 870 л. Л. 595 об.–673. Вотчина Новгородского митрополита в Олонекском погосте.

КП 1647 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. «Книги переписные государевым царевым и Великого Князя Алексея Михайловича Всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостам черным волостям, деревням и митрополичьим, и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянским и бобыльским переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьячего Якова Еуфимьева 156 и 155 г., а что в котором погосте сел государевых и починков и в них дворов крестьянских и бобыльских, и во дворах людей по имянном и з детми, и з братьею, и с племянники, и со внучатами, и с подсоседники, то писано в книге сей имянно», 1646/47–1647/48 г. 577 л. Подлинник.

КП 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го г. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апрелева за их руками». 1707 г. 550 л. Подлинник.

КТК – Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей ИЯЛИ КарНЦ РАН.

ПК 1657 – РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 5. Переписные книги солдат Олонекского уезда Ивана Семеновича Дивова 1656/57 г. 1130 л. Подлинник.

ПК 1667 – РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел – зарубежных выходцев в Олонекском и Заонежских погостах Олонекского уезда. 114 л. Л. 72–74 об. Олонецкий погост, Мундольская треть, Туломозерская волость.

ПК 1726 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.

ПКЗП 1582/83 – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / подг. к печ.; ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН, Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.

ПКОП 1563 – Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.: материалы по истории народов СССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 57–254.

ПП 1617 – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 г.». 458 л. Подлинник.

РС 1782 – НА РК. Ф. 4. Олонецкая губернская казенная палата (1765–1921 гг.). Оп. 18. Д. 4/19. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Обжанской, Тулокской, Кукшигорской, Ведлозерской, Нялмозерской, Вешкельской волостей. 1782 г. 409 л.

РС 1811 – НА РК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г. Д. 24/234. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Туломозерской вотчины Туломозерского, Ведлозерского, Крошнозерского старошений.

СНМ 1873 – XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879. 235 с.

СНМ 1905 – Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / сост. действительный член-секретарь комитета И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. 326 с.

СНМ 1926 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 г.) / Стат. упр. АКССР. Петрозаводск: Статистическое управление, 1928. 159 с.

Справочник 2015 – Справочник: Республика Карелия. Административно-территориальное устройство / Государственный комитет Республики Карелия по взаимодействию с органами местного самоуправления. Петрозаводск, 2015. 48 с.

Циркуляр 1884 – НА РК. Ф. 1. Канцелярия олонецкого губернатора (1780–1917). Оп. 17. Д. 24/34. Л. 61–78, 318–333. 1884 г. По циркуляру министра Внутренних Дел о доставлении сведений в Центральный стат. комитет относительно состава территории и населения сельского общества в Олонецкой губернии. Л. 71–72. Ведлозерская волость, Туломозерское сельское общество.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Osat 1–6. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–1997.

E. V. Zakharova

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

FORMATION OF THE OFFICIAL SYSTEM OF OIKONYMS OF LAKE VEDLOZERO TERRITORY ACCORDING TO WRITTEN SOURCES

The article presents an analysis of tables compiled on the basis of a complex of written sources, including archival and statistical materials from different times and containing information about the names of rural settlements of Lake Vedlozero territory in the 16th–20th centuries. The main stages of the formation of the official system of oikonyms of the territory are revealed, the nominative models are determined, including used for the integration of Karelian names into the Russian official system of names of settlements, the reasons for the transformations of oikonyms are analyzed.

Keywords: oikonyms, anthroponyms, nominative models, Karelia, Livvi Karelians.

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОЙКОНИМИИ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

В статье приводятся краткие сведения о начальном этапе формирования ойконимии южной Карелии. Освоение ее территории человеком началось несколько тысяч лет назад, но наиболее древними известными поселенцами региона были древние саамы и древние вепсы, проживавшие здесь еще в первой половине 1-го тысячелетия н. э.

Ключевые слова: южная Карелия, ойконимия, карелы-ливвики, вепсы, саамы.

Ойконимия – разряд географических названий, относящихся к названию любого населенного пункта (дома, хутора, части поселения, деревни, города и т. д.).

Олонецкой Карелией (кар. *Anuksen Karjal*) в узком значении¹ считается регион Республики Карелия, населенный олонецкими карелами, или карелами-ливвиками². Благодаря своему расположению в южной части современной Карелии, более мягкому климату и плодородию почв данная территория была заселена крестьянским прибалтийско-финским населением одной из первых. В ее пределах располагается, например, Олонецкая равнина (кар. *Anuksenlagei*), наиболее заселенный карелами регион республики. И в настоящее время здесь, в Олонецком национальном районе, проживает наибольшее число карелоязычного населения.

Формирование современной поселенческой системы исследуемого региона предопределялось на ранних этапах заселения физико-географическими условиями, а также типом практикуемого населением хозяйства. Карелия – озерный и речной край, эта географическая особенность сыграла важную роль на ранних стадиях освоения территории. Письменные источники XVI в. свидетельствуют, что уже на ранних этапах складывания поселенческой структуры заселялись прежде всего берега водоемов. На юге – это низовья реки Олонки и других рек южной части исследуемого ареала, севернее – берега озер, и только позднее получило распространение сележное заселение. Так, по данным списка населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г., 35 %, или 140 населенных пунктов, отмечено расположенными при реках, 62,5 % – при озерах и только 2,5 %, или 10 деревень, – при колодцах, другими словами, видимо, на возвышенностях. Значительная часть речных поселений находилась в южной части ливвиковского ареала, в пределах Олонецкой равнины. Например, от условной границы к северу от южного берега Ведлозера по берегам рек располагались только 7 населенных пунктов [СНМ 1905].

Олонецкая Карелия – регион древних этнических и языковых контактов. Освоение ее территории началось тысячи лет назад. Однако нас в контексте данного исследования интересует прежде всего период 2-го тысячелетия н. э., особенно его вторая половина, когда происходило формирование поселенческой структуры южной Карелии в пределах современного ливвиковского ареала расселения.

Начальный этап поселенческой системы связан с проживанием здесь еще в первой половине 1-го тысячелетия н. э. древнесаамского населения. К сожалению, письменных источников, подтверждающих это, в настоящее время не существует, однако топонимические данные однозначно свидетельствуют, что на территории Олонецкой Карелии неоднократно фиксируется топонимия с саамскими истоками. Саамским по происхождению является, например, и название

¹ В широком значении – это территория бывшей Олонецкой губернии, где кроме карелов-ливвиков проживали также карелы-людики, собственно карелы, вепсы и русские.

² Территория тянется примерно на 190 км от границы современной Ленинградской области на юге до окрестностей собственно карельской деревни Линдозеро Кондопожского района на севере, в меридиальном направлении протяженность ливвиковского ареала не превышает 75 км.

города, ранее села Олонец, восходящее к названию реки Олонец (кар. *Anuksenjogi*, совр. *Олонка*): ср. прасаам. *ōlō ‘паводковые воды’³ + топонимообразующий суффикс пĕē → *ōlōpĕē → Олонец.

Можно здесь отметить: впервые поселение Олонец упомянуто в 1228 г. в приписке к Уставу Новгородского князя Святослава Ольговича [Кочкуркина 2011: 19]. Считается, что первые погосты на юге Карелии появились к середине XIII в. на землях средневековых вепсов – в Посвирье и на Олонце, а также у вепских и русских крестьян-переселенцев на Заонежском полуострове. Исследование текста Обонежского ряда и летописных сведений того времени показало, что налог (десятина) с погоста на Олонце стал поступать Дому Святой Софии в Новгород с конца 1250-х гг., когда эти земли были отданы республикой Новгородскому князю в кормление [Жуков 2000: 44]. Таким образом, документально Олонец – это самое древнее из ныне существующих поселений в пределах Республики Карелия. К сожалению, о точном нахождении древнего погоста исследователям неизвестно. В то же время данные топонимии позволяют предполагать, что он мог располагаться на незаливаемом во время разлива реки Олонки месте между современным городом Олонец (кар. *Anuksenlinnu*) и деревней Ватчелицы (кар. *Vuaččilu*) Рыпушкальского сельсовета, которое носило в карельской среде название *Lapinpogostu*, букв. «лопский или лопарский погост» [НТА]. Здесь находились еще в середине XX в. километровый участок нетронутого леса и старое кладбище. От этнонимического названия может тем самым свидетельствовать о том, что наиболее ранними известными в этническом плане первоначальниками окрестностей Олонца были именно саамы-лопары, населявшие в тот период окрестности современного города.

На другие возможные древнесаамские поселения в пределах исследуемой территории могут указывать названия с топоосновой *Siid-/Cud-/Cum-* (ср. прасаам. *sijte ‘(зимняя) деревня’). Последняя являлась формой локального общинного объединения нескольких семей или родов, у которых была общая территория проживания и природопользования [Vilkuna 1971: 201–236]. Таким образом, к этой группе могут относиться порог *Siidoikoski* < **Siidakoski* (Куйтежа, Неккульская волость), а также название озера и деревни *Cuzozero*⁴ (кар. *Ol’ki*) в бывшей Коткозерской волости, которое фиксируется в ревизских сказках 1782 и 1834 гг., в том числе в форме *Cudozero* < **Siidajärvi* [РС 1782, 1834]. Кроме этого, можно отметить, что большинство карелоязычных названий бывших волостей, а также некоторых центральных деревень сельсоветов начала XX в. имеет доприбалтийско-финские истоки: ср. *Videle* (рус. Видлица), *Vieljärvi* (рус. Ведлозеро) < *vitel- (неизвестного происхождения), *Kotkatjärvi* (рус. Коткозеро) < прасаам. *kuotkō(j) ‘перешеек’, *Vuohtajärvi* (рус. Вохтозеро) < прасаам. *uktj ‘путь, дорога’, *Siämäjärvi* (рус. Сямозеро) (прасаам *sāmē ‘саам, лопарь’). Данный факт свидетельствует о том, что все они имеют древнюю историю и указывают на относительно ранние этапы освоения окрестных территорий человеком.

В начале 1-го тысячелетия н. э. территорию исследуемого региона начинает осваивать⁵ древневепское население. Свидетельством проживания вепсов в Олонецкой Карелии в конце эпохи Средневековья может являться курганная культура, обнаруженная на берегах рек Видлицы, Тулоксы, Олонки и датируемая периодом X–XIII вв. Фиксируемые здесь погребальные

³ Данный факт подтверждается, на наш взгляд, расположением низовий реки в пределах Олонецкой равнины, которая в период проживания здесь древнесаамского населения была, видимо, подвержена значительным весенним паводкам.

⁴ Форма *Cuzozero*, так же, как и русскоязычный вариант названия деревни *Сигнаволок* (кар. *Siidniemi*) у карелов-людиков, могла появиться, видимо, в результате народной интерпретации ставшего необъяснимым с точки зрения карельского языка саамского по происхождению наименования озера. Карельское поселение Сигозеро уже существовало, по крайней мере, в 1782 г. [Ревизские сказки 1782].

⁵ Видимо, наиболее активно этот процесс проходил в период между 1200 и 1300 гг., когда средняя температура в северном полушарии была выше обычного. Древние вепсы в сравнении с карелами были в большей степени связаны с земледелием [Муллонен 2019: 305], природные условия того периода были благоприятными для освоения ими новых территорий к северу от прародины и ведения там сельского хозяйства. В конце XIV в. начинается период глобального относительного похолодания, известный как Малый ледниковый период [Википедия]. Можно полагать, что продолжение вепской поселенческой активности на вновь освоенных к тому времени территориях существенно замедляется, а на севере от Олонецкой равнины и вообще приходит в упадок.

памятники аналогичны курганам Юго-Восточного Приладожья, и тем самым археологические свидетельства позволяют говорить о переселении на Олонецкую равнину населения с более южных, ныне обрусевших территорий севера современной Ленинградской области. Миграция подтверждается и языковыми фактами. Согласно данным карельской диалектологии, ливвиковское, а также людиковское наречия сформировались в результате вепско-карельского этноязыкового контактирования, происходившего в ходе миграции карелов из Приладожья на территорию южной Карелии, населенную ранее вепсами. Подтверждением служат в том числе фиксирующиеся здесь вепские топонимические модели. Можно также отметить, что погост Олонец был переписан в первой трети XIII в. в составе административного округа Обонежский ряд, который тяготел территориально к вепскому Присвирью [Муллерен 2020].

Письменных исторических источников новгородского времени по территории исследуемого региона крайне мало, а документы массового характера, как писцовые переписные книги, появляются только со второй половины XVI в., и поэтому данный факт не позволяет проследить время появления большинства населенных пунктов современной южной Карелии в вепский период истории региона. Примечательно, что рассматривавший северный ареал расселения ливвиков в Сямозерье историк А. Ю. Жуков отмечает: по данным писцовой книги 1563 г. в конце новгородского времени на этой территории находилось 58 деревень, главным образом малоили однодворных, которые располагались на месте 23 деревень⁶ начала XX в. [Жуков 2008: 48–65]. Можно думать, в то время они были населены именно вепским населением, поскольку массовое освоение карелами южной Карелии начинается только со второй половины XVI в. Интересно при этом, что кроме владений новгородских бояр, в северной части Сямозера находились также две деревни («на Масленом наволоке», совр. дер. Большая Руга и Малая Руга), которые принадлежали своеземцу Климу Копанкину или местному средневековому вепскому феодалу [Жуков 2008: 59].

Поскольку Юго-Восточное Приладожье, поделившееся в XVI–XVII вв. на карельскую Олонецкую Карелию и вепское Присвирье, было в прошлом единым этноязыковым ареалом, можно здесь ожидать в том числе и определенного сходства антропонимических основ в названиях поселений. На обеих территориях представлена, например, русская адаптационная ойконимная модель на *-ичи/-ицы*, которая использовалась здесь уже в новгородское время для введения в документооборот нерусских именованных поселений с прибалтийско-финским ойконимным суффиксом *-l(a)*, оформляющим топооснову, выраженную календарным или некалендарным именем (ср. вепс. терр. *Каргиничи*, *Киковичи*, *Кургеницы* – карел. терр. *Игаченицы*, *Кярбиницы*, *Пергиницы* и др.). Исходя из этого в будущем стоит попытаться выявить примарные названия ливвиковских деревень рассматриваемого типа и понять, могли ли они существовать здесь в вепское время или же их появление стало результатом освоения южной Карелии карелами? Одним из критериев такой выборки может быть общность антропонимических основ на обеих территориях и их отсутствие в других ареалах карельского расселения.

Данный вопрос, без сомнения, требует специального исследования. Однако обращает на себя внимание ряд названий населенных пунктов или их частей, в наименовании которых можно усмотреть возможную связь антропонимии вепских территорий и современной южной Карелии: ср. вепс. терр. *Герпеничи* – кар. терр. *Hörpäl* (Герпяля), вепс. *Канжела* – кар. *Kanzoi*, вепс. *Kingl* – кар. *Кинкиева*, вепс. *Кинницы* – кар. *Kinni*, вепс. *Кожела* – кар. *Kožal* (Кожала), *Kožoila* (Кожойла) вепс. *Куневичи* – кар. *Kun'oilu* (Куневицы), вепс. *Нуроля* – ? кар. *N'ural* (Нюрала), вепс. *Пижевичи* – кар. *Piži* (Обжа), вепс. *Юксовичи* – кар. *Juoksiilu* (Юксилицы).

Понятно, что не все из представленных выше названий существовали на исследуемой территории в вепский период истории, на что указывают, на наш взгляд, современные бесформанные формы ряда ойконимов. В то же время отсутствие представленных антропонимических основ на других карелоязычных территориях дает нам основание предполагать, что они могут

⁶ Ангенлахта, Ершнаволок, Инжунаволок, Каменьнаволок, Кангозеро, Киндасово, Кишкойла, Кожойла, Крошнозеро, Курмойла, Кяргеля, Лахта, Нижняя Салма, Погьялахта, Руга Большая, Руга Малая, Салменица, Сямозеро, Сяргилахта, Улялега, Чуйнаволок, Шапнаволок, Эссоила.

иметь, по крайней мере, общие антропонимические истоки в вепсском Присвирье и Олонецкой Карелии. При этом часть из представленных выше населенных пунктов с локативным прибалтийско-финским формантом *-la* (рус. *-ичи/-ицы*) могла теоретически быть основана непосредственно присвирскими вепсами, осваивавшими в конце эпохи Средневековья Олонецкую равнину.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00068 А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций»).

Литература и источники

Википедия – Малый ледниковый период // Режим доступа (свободный). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4 [Дата обращения: 07.09.2020].

Жуков А. Ю. Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII–XV вв.) // Православие в Карелии: материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 40–47.

Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII вв. // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 41–106.

Кочуркина С. И. Природа Олонецкой земли. Первые поселения // Древний Олонец. Петрозаводск: Версо, 2011. С. 10–20.

Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Институт ЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 304–313.

Муллонен И. И. Топонимический метод в исследовании этноязыковой ситуации в Олонецкой Карелии (рукопись), 2020.

НТА – Научный топонимический архив КарНЦ РАН.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Сямозерские деревни / История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 349–366.

РС 1782 – Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Верховской Мегрегской трети, Чилмозерской, Коткозерской волостей, г. Олонца 1782 г. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 4/21. Л. 355.

РС 1834 – Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Туломозерской вотчины Ведлозерского, Крошнозерского, Туломозерского старощений 1834 г. НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 48/455. Л. 104 об.

СНМ 1905 – Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. С. 326.

Vilkuna K. Mikä oli lapinkylä ja sen funktio // Kalevalaseuran vuosikirja 51, 1971. S. 201–236.

D. V. Kuzmin

Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS

(Petrozavodsk, Russia)

THE INITIAL STAGE OF THE FORMATION OF THE OIKONYMY OF SOUTH KARELIA

The article provides brief information about the initial stage of the formation of the oikonymy of South Karelia. The settlement of the territory by humans began several thousand years ago, but the most oldest known settlers of the region were the ancient Sami and the ancient Vepsians, who still lived here in the first half of the first millennium AD.

Keywords: South Karelia, oikonymy, Livvi Karelians, Vepsians, Sami.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО
В АРЕАЛЕ ЯЗЫКОВОГО
И ЭТНИЧЕСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

К 200-ЛЕТИЮ ТВЕРСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

Автор рассматривает полнотекстовые тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Евангелие от Матфея и Евангелие от Марка с позиций их языкового потенциала, места и роли в развитии литературного карельского языка через 200 лет после их создания.

Ключевые слова: переводные памятники XIX в., тверской диалект, карельский язык.

Тверским переводным памятникам карельской письменности Евангелию от Матфея «Геррань мійнь Шюндю-руõхтынань Святой Ювангели Матвѣйста. Карьялань кїёлѣлля» и Евангелию от Марка, выполненным носителями карельского языка священником церкви Введения Пресвятой Богородицы села Козлово Вышневолоцкого уезда Григорием Введенским и учителем Новоторжского духовного училища Матвеем Золотинским, в нынешнем, 2020 г. исполнилось 200 лет. XIX век стал веком развития образования для крестьянского сословия, веком просвещения, знаковым для многих малых народов России, так как впервые в истории они получили возможность начать работу по развитию письменности на родном языке. В статье предпринята попытка определить место и роль тверских письменных памятников среди карельских переводов религиозных текстов, изданных на протяжении XIX в., а также дать оценку их языкового потенциала в современных условиях развития карельского литературного языка.

Переводные памятники XIX в. на карельском языке

Появление переводов в начале XIX в. стало возможным благодаря осознанию российским обществом необходимости духовного просвещения народов России, приобщения их к православию на родном языке. Эта новая тенденция нашла воплощение в деятельности Русской Православной церкви и Российского Библейского общества (1813–1826), инициировавших перевод Священного Писания и православной литературы с церковнославянского языка на ряд языков народов Российской империи, в том числе и на карельский язык.

На протяжении XIX в. по благословению Священного Синода, а также при участии РБО в Санкт-Петербурге были выпущены в свет следующие переводы на карельском языке: «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» (1804), Евангелие от Матфея «Геррань мійнь Шюндю-руõхтынань Святой Ювангели Матвѣйста. Карьялань кїёлѣлля» в переводе Г. Е. Введенского и М. А. Золотинского (1820), «Карело-русский молитвенник для православных карел», составленный Е. И. Тихоновым (1870), «Начало христианского учения на карельском и русском языках» А. Логиновского (1882). Кроме того, Архангельский епархиальный комитет православного миссионерского общества издал несколько духовных брошюр в переводе М. А. Усердова, Н. К. Дьячкова, К. К. Дьячкова, П. Преображенского для карелов Кемского уезда [Баранцев 1967: 97–104]. Евангелие от Марка, переведенное теми же тверскими священниками сразу после издания Евангелия от Матфея, сохранилось в рукописном виде, и было опубликовано через 150 лет после его создания [Макаров 1971: 96–122]. Все переводы были осуществлены на основе кириллицы того времени, имеющей определенные отличия от современной графической системы.

Из перечисленных переводов на собственно карельском наречии были изданы Евангелие от Матфея (тверской диалект) и брошюры Архангельского епархиального комитета. Остальные издания представляют переводы на ливвиковском наречии. Баранцев (1967) отмечал, что наиболее совершенным по орфографии является перевод Логиновского, а тексты духовных

брошюр в переводе М. А. Усердова и др. значительно уступают по системе обозначения карельских звуков [Баранцев 1967].

Следует упомянуть о попытке издать перевод Евангелия от Матфея, выполненный воспитанниками Новгородской духовной семинарии в 1820 г., который опубликован не был, так как не получил одобрения среди священников карельских приходов и в Олонецкой епархии [Пулькин 2010: 125–126]. Исследование начала этого перевода, сохранившегося в рукописном виде, показало, что язык его – это смешение ливвиковского, людиковского и собственно карельского наречий [Рягоев 2003: 170–177].

Очевидно, что религиозные тексты, переведенные на карельский язык, относятся к разным жанрам православной литературы: Евангелие является частью Священного Писания и считается священно-богослужбным, особо почитаемым у христиан Словом Божиим. Молитвы относятся к церковно-служебным произведениям, а катехизис представляет собой проповедь и содержит наставление в православной христианской вере [Санько 2010: 49–59]. Особенностью тверских памятников карельской письменности XIX в. Евангелия от Матфея (далее ЕМф) и Евангелия от Марка (далее ЕМк) является то, что они представляют перевод канонического произведения православной богослужбной литургической литературы (Евангелия), которому присуща особая содержательно-смысловая и собственно речевая организация текста.

Языковой потенциал тверских памятников карельской письменности в условиях развития литературного языка

У основной части ученых из Финляндии [Gottlund 1832; Ahlqvist 1865; Leskinen 1939], которые откликнулись на издание перевода «Евангелия от Матфея», преобладала позитивная оценка [Макаров 1963: 77–78]. Ведущий финский языковед Эйно Лескинен через 100 лет после издания перевода ЕМф писал, что труд Введенского «...следует считать настоящим подвигом, а его исполнителя Riigo-rappi по этой причине – самым крупным специалистом в области развития карельского языка во все времена» [Leskinen 1939: 404].

Критические оценки [Sjögren 1822; Wiedemann 1864] в основном были обусловлены тем, что ученые рассматривали перевод с позиций финского языка, не считая кириллицу приемлемой для передачи карельской речи.

Тверские переводы Евангелия донесли до нашего времени карельский язык начала XIX в., а также архаичные черты карельских и финских диалектов периода Средневековья и древнекарельского языка (*muinaskarjala*), на котором говорили карелы на своей исторической родине еще в XIV–XV вв. [Leskinen 1964: 97–113; Громова 2011a: 128–130].

Важным доказанным обстоятельством является то, что наиболее ранние полнотекстовые памятники карельской письменности на собственно карельском наречии, выполненные на толмачевском говоре тверского диалекта, в языковом плане отличаются исключительной «чистотой», то есть не имеют вкраплений из других диалектов [Макаров 1963: 77–78].

Российский ученый Г. Н. Макаров [1963, 1964, 1971], проанализировавший систему обозначения звуков в Евангелии от Матфея и рукописи перевода Евангелия от Марка, а также современные исследователи отмечают адекватную передачу главных фонетических особенностей тверского диалекта [Громова 2006, 2008, 2011б; Громова, Новак 2020]. Критику вызывает сложная и недостаточно обоснованная с точки зрения фонологии система передачи карельских гласных переднего ряда *ä, ö, ü* [Громова 2008: 297–299]. Хотя имеются и некоторые другие замечания, они в целом не снижают достоинств переводов.

Грамматическая система карельского языка, которая в основном идентична современной, но содержит ряд явлений, несвойственных говорам нашего времени, в текстах переводов также представлена довольно последовательно. Системно переданы особенности глагольного наклона, времени, спряжения, падежная система именного словоизменения [Макаров 1971: 100; Громова, Новак 2020: 15–17].

С точки зрения синтаксиса в переводах сохраняется свойственный карельскому языку порядок слов, например, в генитивных именных словосочетаниях: *илмань лоппу* ‘конец света’

(ЕМф: 34: 14) [Õispuu 1992: 85–123; Громова 2006: 29–39]. Однако авторам не удалось избежать влияния синтаксиса церковнославянской Библии. Например, отмечается отсутствие вопросительной частицы в некоторых вопросительных предложениях, регулярное употребление в начале предложения союза *и*: *Тулитъ мгѣдѣ гвѣиттямьхъ?* ‘Ты пришел погубить нас?’ (ЕМк: 1: 24); *И куйнъ гѣобъ мяндихъ вѣнегеже...* ‘И когда вошли они в лодку’ (ЕМф: 14: 32) [Громова, Новак 2020: 17].

На современном этапе развития новописьменного карельского языка и формирования его литературной формы перед лингвистами стоит задача развития как разговорной, так и книжной речи, так как критериям литературности отвечает тот язык, который служит средством общения народа и предполагает возможность коммуникации во всех сферах человеческой деятельности. В этой связи возрастает роль письменных памятников, которые относятся к церковно-религиозному стилю книжной речи, так как они восполняют сегодня еще недостаточно освоенную религиозную сферу общения [Керестеш 2010: 169–175]. В тверских переводах Евангелия от Матфея и от Марка представлена православная книжная лексика, которая была заимствована из русского языка еще до переселения на тверские земли, а также исконная карельская лексика, которая в новых контекстах получает дополнительные значения, вписываясь в книжную речь. Кроме того, тексты содержат большой пласт библейской лексики: имена и названия мест, где происходили события, описанные в православных Евангелиях.

Авторы переводов разработали стратегию использования исконной карельской лексики. В случае отсутствия нужного слова они прибегали к методу описательного перевода, находя эквиваленты, отвечающие реалиям жизни тверских карелов, создавали новые слова [Громова 2007: 179–180]. Кроме того, мы рассматриваем переводные тексты как источник для восполнения лакун в разговорной речи и возвращения в язык исконных слов. Например, в переводах содержатся слова, относящиеся к бытовой лексике, которые на сегодняшний день полностью замещены заимствованиями: *кодва* ‘час’ – *Лякси гѣйн колмандена пѣвѣанъ кодвана...* ‘Вышедши около третьего часа...’ (ЕМф: 20: 3). В словаре тверского диалекта зафиксировано: *кодва* – некоторый отрезок времени; довольно продолжительное время [Пунжина 1994: 108], то есть слово утратило значение фиксированного отрезка времени.

Также переводы Евангелий позволяют восполнять и грамматические лакуны, ведь утрата той или иной категории ведет к обеднению языка. В текстах широко представлены ныне почти забытые грамматические категории, к которым следует отнести притяжательные суффиксы, формы возможностного наклонения (потенциала) и др. Например, притяжательные суффиксы *-že/-ze* употреблены в окончаниях иллатива в именах со стяженными основами на *he-*, *ha-/hä-*: *тайвагаже* ‘на небо’ (ЕМф: 11: 23; ЕМк: 6: 41), *гуднѣгеже* ‘в комнату’ (ЕМф: 7: 27). Для передачи семантики возможности и условия совершения действия в переводах оправданно употребляются именно формы потенциала: *Ken tahtonnow šäilyttiä omua hengie, hävittäy hänen...* ‘Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее...’ (ЕМф: 16: 25).

Важным шагом в популяризации переводов Евангелий стало научное издание «Тверские переводные памятники начала XIX в.» под редакцией Л. Г. Громовой и И. П. Новак (2020), которое содержит транслитерацию на латинице, что делает его доступным для различных пользователей и значительно облегчает чтение и понимание текстов.

Тверские переводы изданного в 1820 г. Евангелия от Матфея «Герранъ мѣанъ Шюндюруѣхтынанъ Святой Ювангели Матвѣѣста. Карьяланъ кѣлѣлля», а также сохранившегося в рукописи Евангелия от Марка имеют большой языковой потенциал и занимают достойное место в ряду других карельских переводов XIX в.

Данные евангелические тексты, представляя перевод сложного по языку и содержанию канонического произведения православной литературы, являются источником формирования книжной речи и способствуют становлению литературного карельского языка при активном их исследовании и использовании.

Язык переводов представляет большой научный интерес для изучения как истории карельского языка, так и процесса русско-карельского языкового взаимодействия, а также особенностей перевода религиозных текстов на бесписьменный язык.

Издание первого перевода Евангелия от Матфея на карельский язык явилось событием, ознаменовавшим рождение тверской карельской письменности, и послужило изменению статуса карельского языка от языка бытового и разговорного к языку книжному и литературному.

Литература и источники

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. М., 1967. С. 89–104.

Громова Л. Г. Тверские печатные памятники карельской письменности 19 столетия // *Folia Uralica. Debreceniensia* 13. Debrecen. 2006. С. 29–39.

Громова Л. Г. Использование кириллицы в переводном памятнике карельской письменности 19 в. (Евангелие от Матфея) // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов V. Йошкар-Ола. 2008. С. 297–302.

Громова Л. Г. Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: ТвГУ, 2011а. С. 42–54.

Громова Л. Г. Фонетические особенности языка тверского памятника карельской письменности Евангелия от Матфея // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010, 14.VIII.2010. Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011б.* С. 127–134.

Громова Л. Г., Новак И. П. История тверских полнотекстовых переводов XIX в. «Евангелия от Матфея» и «Евангелия от Марка» на карельский язык // Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. / под ред. Л. Г. Громовой, И. П. Новак. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. С. 7–16.

Керестеш Л. Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae. Piliscsaba, 2010.* S. 127–192.

Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 176–184.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Прибалтийско-финское языкознание 39, 1963. С. 70–79.

Макаров Г. Н. Рукопись переводного памятника карельского языка начала прошлого века (Евангелие от Марка) // Прибалтийско-финское языкознание 5, 1971. С. 96–122.

Пулькин М. В. Переводы Евангелия на карельский язык в XIX – начале XX в. // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета 4, 2010. С. 123–131.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Рягоев В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–177.

Санько А. Э. Современные издания православной литературы. Сборник 92, I–II. М.: Наука, 2010. С. 49–59.

Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. / под ред. Л. Г. Громовой, И. П. Новак. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.

Ahlqvist A. Mateuksen Evankeliumi Karjalan kielessä // *Suomi* 4. Helsinki, 1865. S. 1–112.

«Геррань мийнь Шюндю-руо́хтынань Святой Ю́вангели Матв́йста. Карьялань кёлл́лля». Пийтери, 1820. 96 с.

Gottlund C. A. Tiijustuksia niihen Venäjässä löyävien Karjalaisten kielestä // *Otava II. Tukholma, 1832.* S. 226–303.

Gromova Liudmila. Karjalan kirjakieli Tverin alueella // *VIRSU III: Suomalais-ugrilaisia kohdekieliä ja kontakteja. Studies languages* 42, Joensuun yl-sto, Humanistinen tiedekunta. Joensuu, 2007. S. 173–186.

Leskinen E. Tietoja v. 1820 Tverin-Karjalan murteella ilmestyneen Matteuksen evankeliumin kääntäjästä // *Virittäjä* 3. 1939. S. 401–404.

Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // *Virittäjä* 3. 1964. S. 97–113.

Õispuu J. Nominikäyttöä tverin karjalan murteelle käännettyssä "Matveista svätoi Jovangelissa" // Eesti keele ja kirjanduse kateedri töid 111. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaukool, 1992. S. 85–123.

Sjögren A. J. Recension // *Mnemosyne* IV. 1822, Turku. Maji: S. 141–156; Juni: S. 165–169.

Wiedemann F. J. Das Evangelium des Matthäus in Süd-karelischer Mundart Revidirt von F. I. Wiedemann. London, 1864.

L. G. Gromova
Tver State University
(Tver, Russia)

**ON THE OCCASION OF THE 200th ANNIVERSARY OF TVER TRANSLATED
MONUMENTS OF KARELIAN SCRIPT OF THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY**

The Author examines the full-text Tver translated monuments done in the Karelian script in the early 19th century, namely the Gospel of Matthew and the Gospel of Mark, from the standpoint of their linguistic potential, place and role in the development of the literary Karelian language 200 years after their creation.

Keywords: translated monuments of the 19th century, Tver dialect, Karelian language.

**«КАЛЕВАЛА» В КОМПОЗИЦИИ О. В. КУУСИНЕНА:
СОЗДАНИЕ, ПЕРЕВОД, ИЗДАНИЯ
(ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)**

В 1949 г. с целью популяризации «Калевалы» О. В. Куусинен создал сокращенный вариант на финском языке. Книга стала подарочным изданием к столетию «Калевалы». Во второй половине XX в. среди литераторов поднимался вопрос о новом переводе эпической поэмы Э. Леннрота, и в 1960-х гг. был осуществлен ее перевод в композиции О. В. Куусинена. Попытка коллектива переводчиков приблизить текст к современному русскому языку вызвала неоднозначные оценки, в результате было издано две редакции (1970 и 1974 гг.).

Ключевые слова: архив, эпическая поэма Э. Леннрота «Калевала», О. В. Куусинен, литературный перевод.

В 1949 г. проходило празднование 100-летия первого полного издания эпической поэмы Э. Леннрота «Калевала». Инициатором торжеств являлся председатель Президиума Верховного Совета КФССР Отто Вильгельмович Куусинен. В рамках праздничных мероприятий Карельское государственное издательство выпустило книгу «Kalevalan runoutta» – «Поэзия Калевалы», которая также известна как «Калевала» в композиции О. В. Куусинена.

Позже О. В. Куусинен в своих письмах и частных беседах указывал, что он подготовил это издание для «массового читателя», сократив текст поэмы [НА РК 1: 37]. Из более чем 22 тысяч строк «Калевалы» Э. Леннрота было оставлено около 12 тысяч. Новый вариант состоял из трех частей: в первую вошли сюжеты о рождении мира и отдельных явлений и вещей, во вторую – эпические песни о деяниях героев Калевалы, третья объединила лирические песни. Как считал О. В. Куусинен, заговоры и свадебные песни слабо связаны с основным содержанием эпической поэмы и были включены Э. Леннротом с целью их сохранения [Куусинен 1970: XLII]. При этом Отто Вильгельмович подчеркивал, что внося небольшие изменения в произведение, он старался избегать механического сокращения [НА РК 1: 37]. По мнению О. В. Куусинена, полный текст поэмы тяжел для усвоения широким кругом читателей и даже из сокращенного варианта можно было бы удалить «многие поэтически излишние строки» [НА РК 5: 4–5].

Само издание 1949 г. стало одним из первых, которое Сортавальская типография напечатала на оборудовании для многоцветной печати. Иллюстраторами выступили ленинградский художник В. И. Кудров, выполнивший рисунки к титульным листам, и карельские мастера Г. А. Стронк и Н. А. Родионова, оформившие переплет, форзацы и орнаменты. Предисловие для книги, а также и для издания на русском языке, выпущенного Государственным издательством художественной литературы (г. Москва), написал О. В. Куусинен. В издании 1970 г. статья была воспроизведена полностью, взгляд автора продолжал определять основные подходы к изучению поэмы.

Вопрос о новом переводе «Калевалы» на русский язык поднимался еще в 1949 г. Перевод Л. П. Бельского считался устаревшим и не отражающим истинное звучание поэмы. Советский прозаик эстонского происхождения Р. Минна утверждал, что переводчик не смог передать особой роли иронии в рунах: «В этом свойство и поэзия вообще национального характера финно-угорских народов – в легкой усмешке благоговения, в легкой подбодряющей насмешке над ближним, чуть заметная ирония, юморок – даже когда герою трудно. И т. д. и т. п. – это азы национального склада». Также, по его мнению, в переводе необходимо было избежать использования русских идиом («мать сыра земля») и словосочетаний, звучащих как современные («на больших полях воздушных») [НА РК 1: 34, 35].

В конце 1950-х гг. в частных беседах с литераторами О. В. Куусинен высказывает идею о новом переводе поэмы Э. Леннрота, предлагая вначале перевести его собственный, сокращенный

вариант, а затем и полностью «Калевалу». По мнению Р. Минна, цель этой работы О. В. Куусинен видел в том, чтобы познакомить с произведением не только широкие массы, но и русскую интеллигенцию, которая «плохо знает эпос, считая его архаичным, труднодоступным» [НА РК 1: 37]. В 1958 г. О. В. Куусинен обратился с предложением о переводе вначале его композиции, а затем и полностью «Калевалы» Э. Леннрота к А. Н. Тимонену как к председателю правления Союза писателей КАССР, который впоследствии «с разрешения Карельского обкома КПСС» провел работу по поиску переводчиков, для чего даже был устроен открытый конкурс [НА РК 6: 10]. Окончательное решение о том, кто будет делать новый перевод, принимал О. В. Куусинен. Для работы были привлечены А. И. Титов, Н. Г. Лайне, А. Г. Хурмеваара и М. В. Тарасов, между которыми автор композиции распределил части для перевода [НА РК 5: 2, 4, 33; Хурмеваара 1972: 92–93].

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся документы, отражающие историю создания перевода «Калевалы» в композиции О. В. Куусинена, в первую очередь личные фонды Алексея Ивановича Титова и Николая Григорьевича Лайне (псевдоним, настоящая фамилия – Гиппиев), в которых сохранились документы по работе над поэмой: черновики переводов, рабочие материалы, в том числе – о сравнении нового варианта с переводом Л. Бельского. Кроме того, в ряде других фондов имеются письма, критические замечания и другие документы по работе над переводом «Калевалы» в композиции О. В. Куусинена.

А. Г. Хурмеваара и А. И. Титов сразу же приступили к переводу, Н. Г. Лайне и М. В. Тарасов, работавшие в паре, присоединились позже. О ходе работы Союз писателей КАССР информировал Карельский обком КПСС: так, например, к 13 марта 1963 г. было переведено 8 рун [НА РК 9: 1].

В одном из выступлений по радио М. В. Тарасов и Н. Г. Лайне рассказали о том, что главная их цель – показать сложность и красоту народных рун. Так как они оба имеют практику перевода (у Н. Лайне с русского на финский, у М. Тарасова – на русский язык, в том числе и произведений сказительниц XX в.), они работают в паре, постоянно консультируясь друг с другом. Поэты подчеркивали, что старый перевод неточен, задача переводчиков – передать звучание рун на русском языке [НА РК 2: 1–5].

До конца жизни (до 1964 г.) О. В. Куусинен следил за работой переводчиков. Известно, что он дал рекомендации по метрике русского текста, стремясь приблизить его к финскому языку, но от этой идеи сами переводчики отказались, поскольку языки имеют разную систему ударения и новый перевод в результате использования в таком виде потеряет современное звучание [НА РК 5: 13–15, 33; Хурмеваара 1972: 92–93, 100].

С середины 1960-х гг. ни Союз писателей КАССР, ни Карельский обком КПСС не контролировали работу коллектива переводчиков, в чем А. Н. Тимонен видит одну из причин появления недочетов в переводе [НА РК 5: 34.]

Новые переводы публиковались в местной прессе в течение 1960-х гг. Ряд публикаций сопровождали рисунки Т. Г. Юфы, которая одновременно в 1962–1963 гг. выполнила серию графических работ на сюжеты поэмы, впоследствии представленные на ретроспективной выставке о карельском изобразительном искусстве в Петрозаводске и Нойбранденбурге в 1972 г. [НА РК 7: 18 об., 26]. Т. Г. Юфа стала оформителем и книжного издания, выпущенного издательством «Карелия» как подарочное [НА РК 4: 103, 166].

Новый перевод был издан в 1970 г. и встречен неоднозначно. В сообщении для Агентства печати новостей корреспондент Н. Леонтьева указала, что новый перевод отличается высокой художественностью, близок современному читателю, в том числе благодаря сокращению текста за счет изъятия заклинаний и заговоров, «как не отражающих сущность карельского народа» [НА РК 3: 1–2]. Одновременно высказывались мысли о недоработанности текста.

Второе издание перевода «Калевалы» в композиции О. В. Куусинена вышло в 1974 г. с доработанными переводчиками текстами. Поэт и журналист А. А. Иванов указывал, что даже после правок по высказанным ранее замечаниям некоторые руны («Рождение огня», «Похищение Кюллики») кажутся скорее подстрочниками, чем литературными переводами. Кроме того, рецензент указывал на наличие «лишних» строк – повторов одной и той же фразы,

на небрежность редакторов и допущение ими, например, разночтений в именах (использование одновременно двух вариантов второго имени Вяйнямейнена: Увантолайнен и Сувантолайнен). Но в целом новую редакцию 1974 г. он признавал приемлемой [НА РК 8: 13–16].

В конце 1980-х гг. взгляд О. В. Куусинена на поэму Э. Леннрота «Калевала» вновь оказался в центре внимания литераторов: в газете «Ленинская правда» от 24 февраля 1989 г. была опубликована статья Э. С. Киуру и О. И. Мишина, в которой авторы выступали против «догматизации» мнения О. В. Куусинена о поэме. Как и в 1970-е гг., исследователи указывали на «подмену» в представлениях читателей о «Калевале», о структуре и масштабе произведения, которых композиция О. В. Куусинена вводит в заблуждение [Киуру, Мишин 1989: 4]. Впоследствии исследователи представили свой перевод поэмы Э. Леннрота.

Э. Леннрот в XIX в. провел большую работу по собиранию рун и составлению из них своей поэмы. Можно сказать, что О. В. Куусинен прошел обратный путь, от единого текста к отдельным рунам. Независимо от оценок труда самого составителя, работа над его композицией «Калевалы» (издание, перевод, иллюстрации) объединила многих известных деятелей культуры нашей республики.

Литература и источники

Киуру Э. С., Мишин О. И. Догма не должна торжествовать // Ленинская правда. 1989. № 46. 24 февраля. С. 4.

Куусинен О. В. Эпос «Калевала» и его творцы // Калевала. Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О. В. Куусинена. Петрозаводск: «Карелия», 1970. С. VIII–XLIV.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-107. Лайне Николай (Гиппиев Н. Г.), поэт, заслуженный работник культуры КАССР и РСФСР. Оп. 1. Д. 28/270.

НА РК 2 – НА РК. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 23/175.

НА РК 3 – НА РК. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 32/333.

НА РК 4 – НА РК. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 21/288.

НА РК 5 – НА РК. Ф. Р-1075. Тимонен А. Н., писатель. Оп. 2. Д. 199.

НА РК 6 – НА РК. Ф. Р-2923. Союз писателей Карельской АССР. Оп. 2. Д. 37/72.

НА РК 7 – НА РК. Ф. Р-2980. Карельское отделение Союза художников РСФСР (Союз художников КФССР, Союз художников КАССР). Оп. 1. Д. 18/255.

НА РК 8 – НА РК. Ф. Р-3489. Иванов А. А., поэт. Оп. 1. Д. 3/40.

НА РК 9 – НА РК. Ф. Р-3674. Титов А. И., поэт. Оп. 1. Д. 2/15.

Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России. К истории перевода. Петрозаводск: «Карелия», 1972. 101 с.

E. V. Evseeva

*The National Archive of the Republic of Karelia
(Petrozavodsk, Russia)*

O. KUUSINEN'S COMPOSITION OF "THE KALEVALA": ORIGINS, TRANSLATION, EDITIONS (ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)

In 1949 with the aim to disseminate widely "The Kalevala" epic poem Otto Kuusinen published cut version of the text rendered in the Finnish language. The book was presented in the form of gift edition. In second half of the 20th century the issue of new "The Kalevala" translation occupied many letaratural minds and in 1960s O. Kuusinen's rendition was published. The attempt to cooptate the text to the current standart of the Russian language provoked mixed feedback resulting in two separate editions of the epic poem dated 1970 and 1974.

Keywords: archive, E. Lönnrot's epic poem "The Kalevala", O. Kuusinen, literary translation.

**ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ В КРИТИКЕ С. П. ДЯГИЛЕВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ФИНСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ XX в.**

Организатор «Русских сезонов» С. П. Дягилев свои первые статьи посвятил теме национального в финском искусстве. Вдохновленный примером финских живописцев, он призывал русских художников быть верными своему национальному духу, доказывал, к каким высоким результатам может привести единение художника с особенностями его страны. Статьи С. П. Дягилева стали своеобразной программой развития русско-финских художественных связей XX в.

Ключевые слова: образ Финляндии, русско-финские культурные взаимоотношения, С. П. Дягилев.

Сергей Павлович Дягилев (1872–1929), знаменитый организатор «Русских сезонов» в Париже, основатель общества «Мир искусства», видный художественный критик, в начале своей творческой деятельности был увлечен живописью Финляндии. Вторая статья, которую он написал в своей жизни, была посвящена творчеству Альберта Эдельфельта: «Финляндский художник Эдельфельт» (1896).

Дягилев открыл миру искусство России. По словам Александра Бенуа, «обожал Россию и всё русское до какого-то фанатизма» [Бенуа 1982: 5]. Но дягилевское чувство любви к родине созрело и окрепло не без влияния финнов. Отношение финских художников к своей земле потрясло двадцатидвухлетнего критика, впервые познакомившегося с их живописью в 1896 г. на выставке в Нижнем Новгороде.

О Дягилеве написаны сотни книг. Дружеские и творческие контакты Дягилева с финскими художниками также становились предметом изучения как в России (статьи В. Г. Бондаренко, М. И. Безруковой, Л. В. Суворовой [Бондаренко 1977: 218–236; Безрукова 1995: 6–9; Суворова 2013]), так и в Финляндии (исследования Аймо Рейтала, Илианы Мехиас, Райнера Кнапаса, Сани Контула-Веб [Reitala 1979: 5–6; Mejjias-Ojajärvi 2006: 212–213; Кнапас 2019: 6–43; Kontula-Webb 2019: 78–108]). В работе рассматриваются образ Финляндии в его статьях и та роль, которую сыграла финская живопись в формировании основных идей молодого Дягилева, его художественная критика, ставшая своеобразной программой в русско-финских культурных отношениях XX в.

Не раз бывавший в Финляндии Дягилев восторгался не столько северной природой, сколько тем, как ее изображали финские художники на своих картинах, тем, как живо передан «серый финляндский денек», как блестяще показаны «снеговые эффекты», как «солнечно и холодно» написаны пейзажи северной зимы. Именно «прозрачной поэтичной свежестью и искренним культом природы», пишет Дягилев [Дягилев 1982, I: 52], Эдельфельт обратил на себя внимание зрителей.

По мнению критика, проведя полжизни в Гельсингфорсе, полжизни в Париже, Эдельфельт сумел, «не утрачивая национального характера, соединить в себе оригинальные черты своей страны с чисто французским блеском и утонченностью техники» [Дягилев 1982, I: 52]. Будучи академическим реалистом, Альберт Эдельфельт не отказывался принимать участие в выставках «Мира искусства», публиковал репродукции своих работ в дягилевском журнале, а в 1897 г. побывал в гостях у Дягилева в Петербурге. Эдельфельт привлек к участию в выставках, организуемых Дягилевым, многих финнов, помог убедить А. Галлен-Каллела выставиться в России.

С творчеством Аксели Галлен-Каллела Дягилев также познакомился на выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., а через год увидел его картины на выставке финских художников в Гельсингфорсе и был потрясен: «Финляндцы удивительны, двое-трое молодых великолепны

по изяществу и тонкости. Бойтесь конкурировать с ними и старайтесь затмить их» [Дягилев 1982, II: 28], – пишет он А. Бенуа 8/20 октября 1897 г., имея в виду Аксели Галлен-Каллела, Ээро Ярнефельта, Магнуса Энкелля. Тогда же Дягилев пригласил финнов участвовать в знаменитой выставке русских и финских художников, открывшейся в январе 1898 г. и давшей начало обществу «Мир искусства».

В. В. Стасов с «роковыми следами усталости и глубокой беспощадной старости», по выражению Дягилева, неистовствовал. Выставка была раскритикована, А. Галлен-Каллела ниспровергнут. Дягилев, будучи моложе Стасова на 50 лет, с величайшим тактом и в то же время с юношеской дерзостью дал отповедь великому критику, защищая финского художника. 29 января 1898 г. он послал открытое письмо В. В. Стасову, которое, однако, осталось «закрытым», ибо газеты не осмелились его напечатать. «Припомните, кто раньше вас проклял этих бедных, ни в чем не повинных художников, вспомните грозные слова этих обличителей – еретиков в искусстве, которые замуровали Врубеля и предали позорному осмеянию Галлена, и ужаснитесь, в ряды кого вы записались, с кем вы мирно и дружно идете рука об руку» [Дягилев 1982, I: 75], – восклицал Дягилев, заранее прося у Стасова прощения. Но «толкач и тормоз», по меткому словцу П. Гнедича, русского искусства, не простил молодому критику этого письма, слов о «беспощадной старости» и призыва «умолкнуть». Обиднее всего, что пресса испугалась «жареного» материала, лишив русскую публику возможности следить за полемикой двух гигантов. Письмо осталось в архиве. Но финны отблагодарили объединителя художественных сил России и Финляндии, устроив в его честь прием с концертом Роберта Каянуса, когда Дягилев вместе с Дмитрием Филосовым и Львом Бакстом приехал на открытие очередной выставки финских художников в октябре 1898 г. Он выступил с приветственной речью, сказал, что «русским художникам есть чему учиться у финнов и искусство обеих стран должно развиваться вместе» [Reitala 1979: 6].

Критик посвятил этой выставке отдельную статью «Выставка в Гельсингфорсе», где прежде всего обратил внимание на интерес финского народа к своим художникам, «интерес, вызываемый не только в среде самих художников, но и среди публики, совершенно непричастной к художественному миру и наполнявшей зал музея в день ее открытия. Нам можно было бы поучиться у финнов их солидарности и их любви к своему национальному искусству» [Дягилев 1982, I: 80].

Дягилева восхитило и то, что благодаря поддержке правительства, благодаря музейным и частным заказам молодые финские художники целые зимы проводят в Париже и Италии, хорошо знают музеи Флоренции и мастерские Парижа.

Французская и флорентийская школы, по мнению критика, оставляют след на оригинальной живописной технике финских художников, но совсем не касаются их патриотических чувств. Сила мастеров кисти Финляндии разных убеждений и стилей, считает Дягилев, «заключается в их врожденной любви к своему суровому народному типу, в трогательном отношении к своей бескрайней природе и, наконец, в восторженном культе финских сказаний» [Дягилев 1982, I: 80]. Критик подчеркивал подлинность любви к родине, не самой, на его взгляд, красивой, и к национальному народному типу, не самому, на его взгляд, симпатичному. Он не восхищался в духе романтиков XIX в. гордостью и суровостью финнов, но был в восторге от востребованности художника этим суровым народом, от некоего мистического единства финского художника и финского общества.

Дягилев прекрасно осознавал, что народность можно понимать по-разному. Он как раз делает на этом акцент, считая, что «тот же народнический элемент, который так долго тормозил нашу живопись, помог им (финнам. – Е. С.) окрепнуть и встать на ноги. Это случилось потому, что они вникли в дух своего народа, а не грубо фотографически относились к его неприглядным сторонам» [Дягилев 1982, I: 80]. Ставя русским художникам в пример финнов, Дягилев призывал их показывать истинную поэзию и величие русского народа, радовался за наметившийся поворот в русской живописи «к сознанию национальной силы» [Дягилев 1982, I: 80]. Дягилев мечтал и делал всё возможное, чтобы русская и финская живопись развивались в единстве. Он сразу отделил финскую живопись от скандинавской, отнесся к ней с большой симпатией и интересом: «Финляндская живопись не похожа на скандинавскую: в ней

нет наивности Норвегии, деланной простоты Дании и европейского лоска Швеции. Она не похожа и на русскую живопись, но мне думается, что единение этих двух искусств могло бы привести к тем результатам, которых и мы и они так желаем. <...> Соединив силу нашей национальности с высокой культурой наших ближайших соседей, мы могли бы заложить основание для нового расцвета и для совместного и близкого шествия нашего на Запад [Дягилев 1982, I: 81].

«Шествие» началось уже в 1899 г., когда вышел первый номер журнала «Мир искусства», редактируемый Дягилевым, с репродукциями картин А. Эдельфельта и А. Галлен-Каллела, открылась новая международная выставка под таким же названием... и произошел очередной скандал из-за А. Галлен-Каллела. На сей раз Дягилев защищал финского живописца от Ильи Ефимовича Репина. Заручившийся поддержкой блистательных спонсоров княгини М. Тенишевой и С. Мамонтова, Дягилев пишет Репину открытое письмо, которое публикует в десятом номере собственного журнала «Мир искусства»: «... Вы без запинки обзывали идеи Галлена бредом сумасшедшего, а его искусство каракулями дикаря <...> Поверьте, подвиг Ваш невелик, ибо теперь нет легче задачи, как кидать грязью во всех этих Сомовых и Галленов. Нет задачи более благородной, и Вы, конечно, вплетете себе новые листы в Ваш увядавший было венок. За развенчание Маковского и Верещагина не аплодируют – Вы это отлично знаете» [Дягилев 1899].

Мог ли тогда И. Репин даже предположить, что ему будет суждено провести остаток жизни и умереть в Финляндии, а Галлен-Каллела станет его другом?

Но вернемся к Дягилеву. Что же его привлекало в творчестве Аксели Галлен-Каллела, за какие ценности в произведениях финна он бесконечно шел в бой с самыми знаменитыми деятелями русского искусства? На эти вопросы критик ответил сам в заметках о финляндском художественном отделе на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Главным, конечно, для Дягилева был бесспорный талант Галлен-Каллела, умение художника передать родную природу, увидеть поэзию в однотонном будничном северном пейзаже: «Никто с такой поэзией и силой не передает финской природы, зимы, озер и лесов, как этот оригинальный художник. В однотонном северном пейзаже он находит такое разнообразие и такую яркость колорита, которые впору лишь лучшим пейзажистам „ослепительного юга“» [Дягилев 1982, I: 120].

Критик, правда, был не рад тому, что финны в Париже пожелали выставить свои произведения отдельно от русских. Он не переставал мечтать о совместном шествии на Запад и даже мимо Запада. Северные художники, чувствующие природу, по мнению критика, менее всего космополитичны, «в застенчивости северных людей и кроется та причина, что самые близкие к природе, те, кто дороже, кто интереснее по нежности своего чувствования, – все те прошли и проходят мимо Запада: в Норвегии – Веренскиольд, в Швеции – Лильефорс, в Финляндии – Ярнефельт, в России – Левитан» [Дягилев 1982, I: 116].

Творчество Галлен-Каллела, по мнению Дягилева, тоже стоит в стороне от космополитичных течений Запада. Критик называет Галлен-Каллела «сыном своей народности, своей природы, своего эпоса» [Дягилев 1982, I: 175]. В статье «Несколько слов о С. В. Малютине» Дягилев сравнивает двух художников и надеется, что «искусство будущего, искусство Севера, со всей неисчерпаемой красотой его народа, быта и природы, будет иметь свои законы и свою логику», что возникнет «новое северное возрождение» с «новой эстетикой» [Дягилев 1982, I: 175]. У Финляндии, по мнению Дягилева, вообще нет художественного прошлого, «какой бы то ни было истории искусств; у нее всё в настоящем и даже скорее в будущем, очень близком и многообещающем будущем» [Дягилев 1982, I: 180].

Дягилев постоянно призывал русских художников использовать в своем творчестве народные традиции, быть верными своему национальному духу и не отставать в этом от финнов. Каждый раз, приезжая из Финляндии после посещения ежегодных выставок, Дягилев подхлестывал русских художников, рассказывая, что «несмотря ни на какие бытовые условия, художники-финляндцы живут ... интенсивной здоровой художественной жизнью», что нам, «гигантам по сравнению с крошечной северной страной близлежащих соседей, делается неловко за нашу спячку и за мертвенность нашей художественной жизни» [Дягилев 1982, I: 181].

Однако «совместного шествия» ни на Запад, ни мимо Запада не получилось. Не соглашась с политикой царского самодержавия, финские художники перестали участвовать в выставках «Мира искусства». А Дягилев начал готовить знаменитые «Русские сезоны», привлекая к воплощению своих замыслов блистательные русские таланты, мгновенно очнувшиеся от «спячки и мертвенности художественной жизни». Перед Дягилевым стояла великая цель – показать русское искусство миру, и он даже не обиделся на финнов за отказ участвовать в совместных выставках. Но при подготовке «Русских сезонов» в Париже он всегда вспоминал сезоны финские, показавшие ему, к каким результатам может привести «единение художника с драгоценнейшими особенностями его страны» [Дягилев 1982, I: 175]. Во многом благодаря деятельности Дягилева русские художники, обратившись в своем творчестве к истокам родной истории, легендарной и реальной, создали шедевры, покорившие Европу в начале XX в.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-012-00171 А «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX – начала XXI вв. в условиях приграничья»).

Литература и источники

- Безрукова М. И. Дягилев и северная Европа // Творчество. 1995. № 1–2. С. 6–9.
- Бенуа А. Отношение Дягилева... // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 5.
- Бондаренко В. Г. А. Галлен-Каллела в оценке русских писателей и художников // Скандинавский сборник. 1977. № 22. С. 218–236.
- Дягилев С. П. Выставка в Гельсингфорсе // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 80–81.
- Дягилев С. П. Выставка «Blanc et Noir» // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 180–181.
- Дягилев С. П. Заметки [об ученической выставке и финляндском художественном отделе на Всемирной выставке в Париже] // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 120–122.
- Дягилев С. П. Несколько слов о С. В. Малютине // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 173–176.
- Дягилев С. П. Ответ В. В. Стасову // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 73–76.
- Дягилев С. П. Памяти Левитана // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 115–119.
- Дягилев С. П. Письмо по адресу И. Репина // Мир искусства. 1899. № 10.
- Дягилев С. П. Финляндский художник Эдельфельт // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 52–54.
- Суворова Л. В. Жанровая живопись Великого княжества Финляндского (1809–1917) как художественный феномен: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013.
- Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. М.: Изобразительное искусство, 1982. В 2-х т. Т. 1. 493 с. Т. 2. 493 с.
- Knaras R. Albert Edelfelt Pietarissa // Albert Edelfelt ja Romanovit. SPb: Suomen Pietarin instituutti, 2019. S. 6–43.
- Kontula-Webb S. Albert Edelfelt hovitaitelijana venäjällä // Albert Edelfelt ja Romanovit. SPb: Suomen Pietarin instituutti, 2019. S. 78–108.
- Mejias-Ojajärvi I. Venäjän maalaus-taide ikoneista avantgarden kynnykselle. Helsinki: WSOY, 2006. 240 s.
- Reitala A. Ystävyttä politiikan varjossa // Taide. 1979. N 6. S. 5–7.

E. G. Soini

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

**THE IMAGE OF FINLAND IN THE CRITICISM OF S. P. DIAGHILEV
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-FINNISH CULTURAL RELATIONS
OF THE 20th CENTURY**

The famous founder of the Ballets Russes, S. P. Diaghilev devoted his first articles to the theme of 'the national' in Finnish art. Inspired by the example of Finnish painters, Diaghilev called on Russian artists to be faithful to their national spirit and not to lag behind the Finns in this, proving what high results can bring the "artist's unity with the most precious features of his country". S. P. Diaghilev's journalism became a kind of development program for Russian-Finnish artistic and literary relations of the 20th century.

Keywords: the image of Finland, Russian-Finnish relations, S. P. Diaghilev.

РЕЧЬ ДЕТЕЙ В ВОЕННОМ РОМАНЕ КАУКО РЁУХКЯ «MAAN KORVESSA KULKEVI»

Речь детей в романе рассматривается в статье как средство раскрытия образов героев-детей. Цель заключается в определении степени реализации детских типажей и в установлении причины выбора автором определенной языковой формы при имитации речи детей. В статье осуществляется лингвистический и литературоведческий анализ двух коммуникативных ситуаций. Устанавливается, что нерегулярная проработка «диалекта глаз» способствует выделению псевдодетского образа Пирьо на фоне других детских образов.

Ключевые слова: Кауко Рёухкя, военный роман, речь детей, «диалект глаз», образ.

Роман «Maan korvessa kulkevi» (2018; далее – «Бредущий в чаше») – четвертый военный роман финского рок-музыканта и писателя Кауко Рёухкя (Kauko Röyhkä, р. 1959). Тема романа – Лапландская война между финнами и немцами 1944–1945 гг. Две главные сюжетные линии:

- 1) история дезертировавшего из немецкой армии Дитера Кёльблинга (около 20 лет), идущего из финской Лапландии к шведской границе;
- 2) история детей – Пирьо (12 лет) и Иивари (4 года), идущих из области Саво в Лапландию.

Война как ситуация крайнего выбора и глубочайшего кризиса традиционно служит в романах Рёухкя фоном для переживания личной трагедии творческой личностью, чувствующей себя посторонней и одинокой в окружающей ее действительности. Такими личностями в романе «Бредущий в чаше» являются Дитер Кёльблинг и, с учетом некоторых особенностей, девочка Пирьо.

Как детские типажи реализуются автором на уровне речи героев романа и насколько детскими являются? По собственному признанию Рёухкя, о детях в 1-м лице ему было бы трудно писать, поэтому повествование о них ведется в романе от 3-го лица [KRLS URL: мин 09:42–09:48], однако включает диалоги с участием детей и размышления героини. Поскольку с точки зрения прагматики и функционирования языка контекст и котекст имеют решающее значение, в статье будут рассмотрены две конкретные коммуникативные ситуации.

Первая глава о Пирьо открывается сценой ссоры девочки с деревенскими мальчишками. Пирьо, Иивари и их мать, учитель музыки, переехали из Хельсинки в коммуну Сийлиньярви в Северном Саво после того, как их дом был разрушен во время бомбежки. В деревне их не любят, потому что семья Пирьо – сектанты. Отец, учитель математики, находится в тюрьме за отказ служить в армии. Деревенские мальчишки дразнят Пирьо «американской шляхой»:

«– Amerikan huora! <...> huutaja on Viinikan paksu poika.

– Tuus tänne, Pirjo sanoo. <...> – Saat amerikankarkin.

– Miksi?

– Jos pyydät anteeksi.

– En pyyä. Ei sulla ole mittään.

– No ei sitten.

<...>

– Oota! Näytä se.

– En tietenkään näytä.

– Ei sillä oo mittään, sanovat toiset pojat yhteen ääneen.

<...>

– Pysähy! <...> – Anna ny se karkki.

Pirjo mottaa poikaa keskelle leveää naamaa. <...>

– Amerikan huora! huutavat kaksi muuta vielä pari kertaa, mutta puhti on poissa.» [Röyhkä 2018: 9–10].

Для речи Пирьо характерны:

- разговорная императивная пресс-форма *tuu*, содержащая указывающую на приказ и немедленное его исполнение и одновременно на фамильярный характер отношений участников диалога разговорную энклитику *-s*: *tuus* ('иди-ка');
- литературная личная форма глагола, сохраняющая звук /d/: *pyydät*;
- литературная лексикализованная транслативная форма, сохраняющая конечный [i]: *anteeksi*;
- манипулятивная коммуникация: *No ei sitten* ('Ну нет тогда'); *En tietenkään näytä* ('Не покажу, конечно');
- неискренность как способ достижения коммуникативной цели («наказание обидчика»), расходящаяся с явной интенцией, выраженной речевыми актами с директивной импликацией (завуалированным приказом): *Saat amerikankarkin, jos pyydät anteeksi* ('Получишь американскую конфету, если попросишь прощения').

Для речи Вииникка характерны:

- бранная лексика: *huora*;
- опущение звука /d/, свойственное восточным диалектам финского языка: *en pyyä, oota, pysähy*;
- разговорный вариант местоимения 2-го л. ед. ч. *sä* с основой *su-*: *sulla*;
- удвоение согласного перед долгим гласным, свойственное диалектам Саво: *mittään*;
- отбрасывание конечного [t] в частице *nyt*, свойственное разговорной речи: *ny*;
- литературная лексикализованная транслативная форма, сохраняющая конечный [i]: *miksi*;
- литературная отрицательная форма глагола *olla* в презенсе индикатива активного залога: *ei ole*;
- эмфатическая инверсия – вынесение отрицательного глагола *ei* в позицию перед семантическим субъектом в начало предложения с целью усиления негативной поляризации: *Ei sulla ole mitään* ('Нет у тебя ничего');
- императив в функции приказа как основной речевой акт, обусловленный присвоением себе говорящим роли авторитета: *oota, näytä, pysähy, anna*;
- частица *nyt* в директивном предложении после императивной формы как маркер повторяемости приказа («требование конфеты») и его реактивности на уже происходящее действие («несогласие адресата приказа дать конфету»), как маркер интенции говорящего («намерение получить конфету») и аффективного состояния говорящего («сильное желание получить конфету здесь и сейчас»), всё это в особенности в сочетании с указательным местоимением *se*: *Anna ny se karkki* ('Дай сейчас же эту конфету');
- простой синтаксис.

В приведенном диалоге Рёухкя создает оппозиции «город – деревня», «культура – природа», «логичное – эмоциональное», «сложное – простое»: противопоставляются горожанка Пирьо, говорящая литературно и рационально, и враждебная по отношению к ней среда – сельская местность, представители которой говорят на диалекте и импульсивно. Таким образом, в первой же сцене знакомства с Пирьо возникает тема одиночества героини и формируется образ изгоя.

Далее по сюжету дети отправляются в странствие. Между ними происходит диалог [Röyhkä 2018: 62–65], смысл которого сводится к уговорам Пирьо по отношению к Иивари двигаться дальше (в целях экономии места диалог здесь опущен). Выделим в нем особенности речи детей.

Для речи Пирьо характерны:

- разговорная форма презенса индикатива 1-го л. мн. ч.: *me tarvitaan*;
- разговорная лексика: *häivytään*;
- директив в форме декларатива как категорический приказ, сообщающий адресату, что тот будет делать, и не предполагающий контроля за исполнением приказа со стороны адресата, и одновременно как «последнее предупреждение» в ситуации, когда адресат не признает авторитета говорящего: *Nyt tulet mun mukaani* (букв. 'Сейчас идешь со мной');

- частица *nyt* в директивном декларативном предложении в позиции перед финитной формой глагола как маркер приказа, интенции («намерение двигаться дальше») и аффективного состояния говорящего («раздражение»): см. пример в предыдущем пункте;
- императив как основной речевой акт (необязательно в функции приказа): *jää, opettele, sano*;
- литературная форма презенса индикатива активного залога глагола *tulla: tulet*;
- разговорный вариант местоимения 1-го л. ед. ч. *mä* с основой *mu-*: *mun*;
- отбрасывание притяжательных суффиксов в послелогох, используемых с генитивными формами личных местоимений, свойственное разговорной речи: *mun mukaan*;
- бранная и пренебрежительная лексика: *vitun pottunokka*;
- эллиптический синтаксис, свойственный разговорной речи: [On] *Pakko, koska sinä olet niin tyhmä* («Вынуждена, потому что ты такой глупый»);
- литературная форма личного местоимения: *sinä*;
- литературная личная форма глагола *olla* в презенсе индикатива активного залога: *olet*;
- литературная форма иллатива 3-го инфинитива: *lausumaan*;
- манипулятивная коммуникация: *Jää sitten siihen* («Ну и оставайся здесь тогда»); *Opettele ensin lausumaan se* («Научись сначала выговаривать это [название деревни]»);
- юмор: *Sano ärrän kierrän orren ympäri* («Скажи На горе Арарат растет красный виноград (при переводе использован аналог. – Я. Н.) – Ei ole asiaa Siilinjärvelle tuolla pojalla» («Нечего такому парню в Сийлинъярви делать»);
- простой синтаксис, за исключением последней развернутой реплики перед неожиданной сменой сцен в ходе развития сюжета-«бродилки».

Для речи Иивари характерны:

- дефект речи – произнесение звука /v/ вместо /r/: *Sinä kivosit*;
- разговорные формы презенса индикатива 1-го л. мн. ч.: *me lähdetään*;
- лексика детского дискурса: *kiltti täti ja setä*;
- усечение конечного [i] в кондициональных формах, свойственное разговорной речи: *veis*;
- несогласование подлежащего и сказуемого в числе, свойственное разговорной речи: *kiltti täti ja setä veis*;
- литературные формы личных местоимений: *sinä, minä*;
- литературная лексикализованная транслативная форма, сохраняющая конечный [i]: *miksi*;
- обилие вопросов (8/18 реплик персонажа), свойственное детскому дискурсу;
- простой синтаксис.

Пирьо и Иивари – дети из одной городской среды. В этой паре противопоставляются характеры: сильная, цельная личность Пирьо, тянущая за собой слабого, избалованного Иивари. Прием маркирования комичности героя с помощью дефекта речи уже использовался Рёухкя в дебютном романе «*Tien laidalla Waterloo*» (1980; «Ватерлоо на обочине дороги»). Вероятно, Рёухкя использует дефект речи в своих произведениях как маску, обозначающую безобидный персонаж. Таким образом, в двух представленных коммуникативных ситуациях речь маркирует соотношение героя и среды и героев одной среды между собой, это способствует формированию нужных автору образов на этапе завязки сюжета.

К приведенным диалогам применимо понятие *eye dialect*, то есть ‘диалект глаз’. Термин означает визуализацию устной речи (напр., *сиводня* в русском языке). В финноязычном тексте к приему можно прибегать для записи диалектной и разговорной речи, не входящей в литературный язык, и устной речи литературного языка, некоторые фонетические особенности которой не отображаются в орфографии. Иллюзия устной речи реализуется только при взаимодействии языкового выбора и языковых компетенций автора со знанием языка читателем и его ожиданиями, обусловленными знанием конвенций отображения устной речи на письме [Juutinen 2019: 23–24].

В масштабах всего романа «Бредущий в чаше» языковая форма речи персонажей не является самоцелью. По этой причине «диалект глаз» в речи детей проработан пунктирно и нерегулярно, перемежаясь в диалогах с литературной нормой, что свидетельствует о стремлении автора к сохранению читаемости текста. Принимая во внимание метатекст творчества Рёухкя, можно заключить, что Пирьо – ребенок лишь условно, в своей же сущности она – типичная для творчества Рёухкя аутоотелическая личность, метафизическая абстрактная женщина, дарующая сомневающемуся главному герою спасение и освобождение одним лишь своим появлением у него на пути, то есть это то «вечно женственное, влекущее нас ввысь», а значит, и речь ее в отличие от речи Иивари детская лишь условно. Будучи более реалистичными, образы остальных детей в представленных примерах обладают более колоритной и вместе с тем типичной детской речью, создающей декорации для раскрытия на их фоне смысла образа Пирьо.

Литература и источники

Juutinen I. Savolaismurteen illuusio Antti Heikkisen romaanissa Pihkatappi: Kolmen foneettisen piirteen tarkastelua: диссертация на соискание ученой степени магистра философии // Режим доступа (свободный). Turku, 2019. 91 p. URL: <https://www.utupub.fi/handle/10024/148574> [Дата обращения: 25.07.2020].

KRLS – Kauko Röyhkä Lapin sodassa // [Сайт государственной телерадиокомпании Финляндии YLE] / Режим доступа (свободный). Систем. требования: Audio. Дата публикации: 31.08.2018. URL: <https://areena.yle.fi/1-4492936> [Дата обращения: 19.06.2020].

Röyhkä K. Maan korvessa kulkevi. Helsinki: Like, 2018. 327 p.

Ia. V. Novikova

*St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)*

CHILDREN'S SPEECH IN KAUKO RÖYHKÄ'S WAR NOVEL "MAAN KORVESSA KULKEVI"

The paper deals with children's speech in the novel "Maan korvessa kulkevi" (2018) as means of revealing images of children. The goal is to define the degree of portraying children's types and to find the reason why the author has made certain solutions while imitating the speech. The method of the research is linguistic and literary analysis of two communicative situations. As the result, it is stated, that unpolished irregular eye dialect serves to highlighting a pseudo child image of Pirjo.

Keywords: Kauko Röyhkä, war novel, children's speech, eye dialect, image.

ЖАНР ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЙОХАННЫ СИНИСАЛО «ТРОЛЛЬ» И ЦИКЛА ПОВЕСТЕЙ «ЛАБИРИНТЫ ЕХО» МАКСА ФРАЯ

Городское пространство является неотъемлемой частью жизни и средой обитания для большинства современных людей. Город накладывает отпечаток на человека так же сильно, как и природа, однако он подчиняется исключительно потребностям человека. В статье подробно рассматриваются особенности финского и русского городского фэнтези на примере романа Йоханны Синисало «Тролль» и повестей из цикла «Лабиринты Ехо» Макса Фрая. Изучается специфика отображения города в контексте финского и русскоязычного городского фэнтези. Рассматриваются основные типологические черты, объединяющие эти произведения. Проводится параллель между финским и русским городским фэнтези, делается вывод о том, что Й. Синисало и М. Фрай вовлекают читателя в свои произведения, делая городскую среду местом действия. Оба города играют роль персонажей, формируя собственное отношение к главному герою произведений. Оба текста устанавливают противопоставление повседневной жизни в городе и некоего сверхъестественного мира, ожидающего своего открытия.

Ключевые слова: финская литература, фэнтези, городское фэнтези, город, Й. Синисало, М. Фрай.

Ученые-литературоведы всегда интересовались опытом других литературных традиций. Недавние исследования в области читательской рецепции привели к появлению множества работ, посвященных этой проблеме [Белавина 2011: 94–101; Богданова 2016: 134–145]. Несмотря на то что в сравнительном литературоведении Финляндии и России [Кашкаров 2015: 373–381] проводились исследования рецепции [Стрелец 2013: 50–53], мало что известно о взаимном восприятии жанра фэнтези среди этих народов. В данной статье рассматривается жанр городского фэнтези на примере романа Йоханны Синисало «Тролль» и цикла повестей «Лабиринты Ехо» Макса Фрая.

За последние несколько десятилетий отношение к литературе фэнтези изменилось. Безусловно, многие читатели осознают, что покупают произведение жанра фэнтези, однако для ученых-филологов определение границ этого жанра оказалось сложной задачей. Определению жанра фэнтези посвящено множество работ [Хоруженко 2015: 21–29]; в контексте данного исследования следует сказать, что фэнтези-литература включает в себя нечто «фантастическое», чего не существует в реальной жизни. Интертекстуальность также является очень важной частью литературы фэнтези. Жанр фэнтези представляет собой синтез очень многих понятий. Фольклор и различные мифологические традиции являются важным источником образов и мотивов для писателей-фантастов.

В финских народных сказках присутствует большое количество типов сверхъестественных существ. Согласно одной из классификаций, сверхъестественные существа делятся на две группы: первая включает мертвых существ, призраков и духов, а другая – так называемых «природных» существ. Более того, «природные» существа могут быть разделены на существ, предпочитающих одиночество, и существ, живущих в коллективе. Существо-одиночка в фольклоре Финляндии – это обычно эльф, который заботится об определенном месте: доме, мельнице, озере, ручье или лесе. Почти в каждом месте есть свой эльф, однако он несет свою службу в одиночестве. Напротив, тролли и подземные тролли – существа социальные. Они очень похожи на людей; у них есть семьи, и они живут так, как раньше жили люди [Naavio 1942: 10–11].

Истории о троллях рассказывают в основном в южной и западной Финляндии. Считается, что финские тролли живут в лесах; обычно их дома находятся в горах. Рядом с местом, где живут тролли, люди иногда могут слышать музыку, смех и разные голоса, а также звуки, характерные для повседневной, обычной жизни. Тролли в основном ведут себя дружелюбно по отношению к человеку. Однако тролли также могут красть детей и зачаровывать заблудившихся в лесу путников [Leppälahti 2011: 170–171].

Финские сказки и легенды учат нас, что нужно всегда быть начеку, имея дело с нечеловеческими существами, такими, как эльфы и подземные тролли. Произведения фэнтези часто заимствуют этот мотив: встреча человека с нечеловеком всегда таит в себе опасность для человека.

Городское пространство является неотъемлемой частью жизни и средой обитания для большинства современных людей. Город накладывает отпечаток на человека так же сильно, как и природа, однако он подчиняется исключительно потребностям человека. Городское фэнтези отличается от других произведений этого жанра тем, что автор помещает место действия произведения в мир читателя – фактически герой произведения и читатель начинают делить одно и то же пространство [Bergue 2016: 46–47]. Достоверность описываемых событий увеличивается за счет приведения названий реальных мест того или иного города. Читатель, таким образом, может не только узнать место действия, но и понять, что всё описанное в книге происходит параллельно с его жизнью – в то же самое время и в том же самом месте. Кроме того, городское фэнтези всегда оставляет у читателя надежду на то, что он сможет попасть в этот иной, фэнтезийный мир [Хоруженко 2017: 130–137].

Роман Йоханны Синисало «Тролль» выступает иллюстрацией подобного приема. Действие романа начинается с того, как главный герой, Ангел, находит раненого детеныша тролля рядом с мусорным баком и берет его домой, чтобы вылечить. Ангел успешный коммерческий фотограф из финского города Тампере. Он просматривает Интернет и городскую библиотеку, чтобы узнать больше о троллях – что они едят, их естественное происхождение и почему его тролль продолжает выглядеть нездоровым. В конце концов он находит средство от паразита, вызывающего болезнь, и тролль выздоравливает. Ангел эмоционально привязывается к нему и даже называет его Песси, в честь тролля из детской книги. Однако вплоть до самого конца романа Ангел задается вопросом: насколько он разумный – тролль?

В романе поднимается и исследуется тема противопоставления природы и человека и, следовательно, естественного и искусственного. Город как искусственное, неестественное пространство рассматривается в качестве убежища от дикой природы. Построенный, развитый и управляемый человеком город является символом господства людей над окружающей средой и, следовательно, того, как они видят себя в окружающем их мире. Как человек использует город, чтобы защититься от природы, так и животные должны использовать лес для защиты от города, который для них является враждебной средой.

Роман Синисало опирается на ряд художественных и научно-популярных источников в ходе исследования Ангелом биологии и преданий о троллях. Ангел читает статьи с веб-сайтов и из газетных архивов, а также книги по биологии, мифологии и фольклору, которые воспроизводятся на страницах романа в виде отдельных частей, отличных от повествования персонажей.

Однажды, когда Ангела не было дома, к нему заглядывает один из его друзей. Тролль, живущий у главного героя, атакует и убивает человека. Когда Ангел приходит домой, он видит мертвое тело и решает сбежать с троллем в лес.

Там он узнает, что тролли – это не животные, а разумная раса существ. Возможно, этот лес можно найти на карте, но как дом троллей он совершенно неизвестен людям. Таким образом, лес воспринимается читателем как другой мир. Отношения между Ангелом и маленьким троллем также меняются со временем. Сначала Ангел заботился о тролле как о домашнем животном, но, наблюдая за троллем, Ангел всё больше и больше понимал: перед ним разумное существо, и это заставляло его задумываться о том, насколько же они отличаются друг от друга. В лесу, когда Ангел и Песси входят в мир троллей, они держатся за руку – и история заканчивается. Открытый финал.

Почему же этот роман принадлежит к городскому фэнтези? Прежде всего, город Тампере играет активную роль в сюжете как на идейном, так и композиционном уровне. С одной стороны, город Тампере выступает узнаваемой средой для любого городского жителя, а в тексте имеются многочисленные описания городской среды. Герой хочет сбежать из ненавистной городской среды еще до встречи с троллем, что отсылает нас к идее эскапизма, характерной для жанра городского фэнтези в целом [Хоруженко 2017: 134]. Город является местом, из которого они сбегают в другой, более естественный мир.

Повести из цикла «Лабиринты Ехо» Макса Фрая (псевдоним писательницы С. Ю. Мартынич и художника И. В. Степина) также принадлежат к жанру городского фэнтези. Большая часть описываемых событий происходит в пространстве города. В тексте присутствуют многочисленные лирические описания города Ехо, в котором поселяется Макс, главный герой произведения. Согласно мнению Е. А. Сафрон, город может выступать в роли предмета-помощника или даже самостоятельного персонажа, поскольку он обладает своим собственным настроением и помогает своим жителям колдовать и творить заклинания [Сафрон 2018: 230–234].

Главный герой цикла повестей, сэр Макс, является примером типичного городского жителя, привыкшего пользоваться дарами цивилизации мегаполиса: читать газеты, пить кофе по утрам, ходить в кино. В один прекрасный день ему снится сон про то, как он получает приглашение на работу сыщиком в вымышленном городе Ехо, на что он не раздумывая соглашается. Любопытный факт – герой перемещается из мира реального в мир Ехо посредством как раз городского трамвая, словно проводится черта между реальным и вымышленным городом.

Город Ехо изображается в качестве географического центра одного из материков фантастического мира. Его называют «Сердцем Мира», где каждый житель получает способность к магии [Фрай 2017: 5]. В этом смысле город может восприниматься как рай, в котором герой выступает одновременно гостем и хозяином. На протяжении всего повествования мы видим противостояние между родным городом Макса и Ехо: возвращаясь в мир планеты Земля, Макс сразу оказывается в ноябре, «под морозящим дождем» [Сафрон 2018: 231], а в эпизодах, где действие происходит в Ехо, хорошая погода всегда сопутствует героям. В городе Ехо развито искусство приготовления пищи, и каждый горожанин посвящает этому немало времени и сил.

Эскапизм, традиционно свойственный жанру фэнтези, присутствует на протяжении всего цикла повестей. Прежде всего, он находит свое отражение в обычности главного героя в реальном мире и его одаренности в городе Ехо. В мире Земли Макс живет достаточно безликой жизнью. Он не имеет постоянных дружеских и романтических связей и не планирует создавать семью. Работа для него является лишь способом заработка, да и то хватает на жизнь от зарплаты до зарплаты. Тогда как в мире Ехо герой оказывается в центре всеобщего внимания: в нем просыпается талант выдающегося мага и сыщика, он кажется всем необычайно остроумным, а прекрасные дамы мечтают стать его возлюбленными.

Жанр городского фэнтези невероятно популярен как в России, так и в Финляндии. Авторы обеих стран вовлекают читателя в свои произведения, делая городскую среду местом действия своих произведений, однако реализуют свои идеи по-разному. Оба текста явно объединены одним жанром. Оба города играют важную роль в развитии сюжета. Синисало создает город-символ, означающий торжество человека над природой, где всё подчинено и контролируется человеком. Писатель делает город непригодной средой обитания для многих животных, ведущих естественный образ жизни. Автор ставит своего героя перед выбором, остаться ли в ненавистном ему городе или сбежать в лес, где можно вернуться к естественному образу жизни, жить которым невозможно в городской среде. Для Макса Фрая же вымышленный город представляется раем, ведь уже на первых страницах мы видим побег главного героя в город Ехо. В повестях наблюдается четкое противопоставление мира реального и фэнтезийного. Город играет более существенную роль, наделяя героя силой и помогая ему в преодолении трудностей.

Можно утверждать, что оба города играют роль персонажа, формируя собственное отношение к главному герою. Кроме того, нельзя игнорировать идею бегства от действительности, оба текста четко устанавливают противопоставление повседневной жизни в городе и некоего сверхъестественного мира, ожидающего своего открытия. И финская, и русская культуры решают разные проблемы, но используют один и тот же жанр городского фэнтези.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-012-00171 А «Взаимопротяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX – начала XXI вв. в условиях приграничья»).

Литература и источники

- Белавина Е. М.* Поль Верлен: от рецепции текста к поэтике перевода // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 94–101.
- Богданова Е. С.* Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
- Кашикарров А. П.* Финская литература в зеркале русского восприятия // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 373–381.
- Сафрон Е. А.* Мир Echo Макса Фрая: мифологема города в литературе фэнтези // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 230–234.
- Стрелец Л. И.* Коммуникативная основа читательской рецепции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (134). С. 50–53.
- Фрай М.* Чужак. М.: АСТ, 2017. 640 с. (Лабиринты Echo).
- Хоруженко Т. И.* Русское фэнтези: на пути к метажанру: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.
- Хоруженко Т. И.* Тайный город, или Город тайн: фэнтези на стыке с конспирологическим романом // Уральский филологический вестник. 2017. № 3. С. 130–137.
- Bergue V.* On the Fringe between Fantasy and Fantastique / Gothic Fiction: The Invention of Urban Fantasy // Yearbook of Eastern European Studies. 2016. N 6. С. 46–60.
- Haavio M.* Suomalaiset kodinhaltijat. Helsinki: WSOY, 1942. P. 10–11.
- Leppälahti M.* Meeting between Species // Nonhuman Creatures from Folklore as Characters of Fantasy Literature. 2011. P. 169–177. URL: https://www.researchgate.net/publication/284461639_Meeting_between_Species_Nonhuman_Creatures_from_Folklore_as_Characters_of_Fantasy_Literature
- Sinisalo J.* Ennen päivänlaskua ei voi. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi, 2000. 268 s.

G. Iu. Sumarokov

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

THE GENRE OF URBAN FANTASY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY LITERATURE OF FINLAND AND RUSSIA IN JOHANNA SINISALO'S NOVEL "THE TROLL" AND MAX FRY'S NOVELS OF "LABYRINTHS OF ECHO"

Urban space is an integral part of life and habitat for most modern people. The city leaves an imprint on a person as much as nature, but it is subject exclusively to human needs. The article examines in detail the features of Finnish and Russian urban fantasy in Johanna Sinisalo's novel "The Troll" and Max Fry's stories of "Labyrinths of Echo". The specificity of displaying the city in the context of the Finnish and Russian-speaking urban fantasy is studied. The main typological features uniting these works are considered. A parallel is drawn between Finnish and Russian urban fantasy, it is concluded that J. Sinisalo and M. Fry involve the reader in their works, making the urban environment a place of action. Both cities play the role of characters, forming their own attitude towards the protagonist. Both texts establish the opposition of everyday life in the city and some supernatural world awaiting to be discovered.

Keywords: Finnish literature, fantasy, urban fantasy, city, J. Sinisalo, M. Fry.

РУССКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЧЕЛЯ ВЕСТЁ «МИРАЖ 38»

В статье анализируются упоминания о России и русской культуре, встречающиеся в романе «Мираж 38» шведоязычного писателя из Финляндии Челя Вестё. Роман продолжает традиционную для шведской литературы Финляндии линию изображения замкнутой среды, получившей метафорическое название «тесная комната». Вместе с тем отличительной чертой данного произведения является сочетание множества сюжетных линий. Писатель складывает сложную мозаику повествования, вплетая в нее упоминания о России XIX и XX вв. Благодаря данному рода вкраплениям не только расширяется повествовательное поле произведения, но и осуществляется попытка извне описать жизнь соседнего с Финляндией государства.

Ключевые слова: шведоязычная литература Финляндии, Чель Вестё, Советский Союз.

Финляндия и Россия имеют общее прошлое. После 1917 г. и выхода Финляндии из состава Советского государства контакты народов не прекратились. Политические, экономические связи оказали большое влияние на историю обоих государств. Не менее важны культурные взаимоотношения, которые проявляются в том числе в литературе. Русские мотивы можно обнаружить в произведениях финских писателей разных эпох. Е. Г. Сойни в монографии «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX в.» комплексно рассматривает подобные контакты.

В современной литературе описание исторических событий также не обходится без русских мотивов. Чель Вестё, шведоязычный писатель из Финляндии, приобрел известность благодаря романам, в которых искусно сплетает воедино исторические события и художественный вымысел. Сам писатель в интервью финской телерадиокомпании «Yle» высказался так: «исторический роман...не должен быть лекцией по истории. Есть много причин того, что в этой книге («Мираж 38». – *И. М.*) 300, а не 500 страниц, как в предыдущих, теперь у меня лучше получается вписывать исторический контекст в повествование» [Hur skriver]. Ч. Вестё отмечал, что мог сознательно допускать некоторые хронологические неточности, однако всегда серьезно относился к описанию «войны, смерти и насилия» [Hur skriver].

Роман Ч. Вестё «Мираж 38» (2013) охватывает период продолжительностью в восемь месяцев упомянутого в названии 1938 г., присутствующие ретроспективы расширяют временные рамки до 1918 г. Благодаря тому, что в романе несколько персонажей, находящихся в центре внимания, писатель получает возможность с разных сторон осветить отношение финляндского общества к историческим событиям, на фоне которых разворачивается повествование. Не случайно роман получил несколько премий, в том числе в 2014 г. – Литературную премию Северного совета с комментарием: «прозаическое произведение, наполненное духом времени, воплощает в жизнь критический момент в истории Финляндии, влияющий и на нашу современность» [Kjell Westö]. Важным в романе «Мираж 38» является вплетение в сюжет упоминаний о советско-финляндских взаимоотношениях на примере жизненных перипетий главного героя, адвоката Класа Туне.

Ранее он был дипломатом и работал в Финском консульстве в Москве. Туне находился в должности в течение 10 месяцев 1936 г. и покинул свой пост раньше срока. Ко времени повествования жизнь в Москве осталась для главного героя в прошлом. Как он сам признается, из Москвы в Хельсинки пришлось вернуться, поскольку «больше не было работы... Все контакты были заморожены. Никакой торговли, никакого культурного обмена, никакого туризма» [Westö 2013: 65]. Клас Туне после возвращения из Москвы оставил дипломатическую службу и возобновил деятельность своего адвокатского бюро. Упоминания о событиях прошлого и реалиях жизни в Советском Союзе возникают в беседах персонажей романа и воспоминаниях главного героя.

Упоминания о Советском Союзе являются неотъемлемой частью повествования. На развитие сюжетной линии они не оказывают непосредственного влияния, но без них непонятен контекст. Советско-финляндские политические взаимоотношения неоднократно упоминаются на страницах книги, короткие фразы становятся своеобразными «якорями», придающими сюжету весомость и правдоподобие. Как уже было указано, достоверность и точность в описании событий, связанных с войной, важны для писателя.

Такого рода упоминания можно условно обозначить как «объективные», поскольку они соотносятся с реальными событиями. Таким же образом в романе возникают имена Достоевского и Гоголя, Стравинского, Шаляпина и др., что показывает уровень образования, эрудиции героев. Но есть и упоминания о советской действительности иного толка. Их мы обозначим как «субъективные». Их отличие в том, что описания представлены читателю от лица главного героя, пропущены через призму его восприятия. Наиболее яркой иллюстрацией этого является описание жизни Класа Туне в Москве.

Описание столицы Советского Союза в романе «Мираж 38» приобретает негативный оттенок: здесь завершились и дипломатическая карьера, и брак Туне. Его жена отказалась переезжать, поскольку «не верит большевикам, особенно таким, как Сталин» [Westö 2013: 22]. Москва 1930-х гг. в романе предстает мрачным, безрадостным городом: «Запах ... дешевых духов, лежалой одежды и дезинфицирующих средств. Люди в ужасе. Нет, не в ужасе. Они в панике. Никто не говорит с иностранцами, малейшая оговорка может привести на Лубянку» [Westö 2013: 66]. Читая подобное описание города, нельзя не вернуться к упоминаниям о Достоевском и Гоголе. Писатель знаком с их творчеством, что доказывает сделанная им отсылка к русской литературе. Главный герой романа посещает в психиатрической больнице своего друга. По пути туда Туне против своей воли представляет, как подобные заведения могут быть устроены: он «не понимал, откуда всплыли эти страшные картины, но инстинктивно соотносил их со снегом и холодом. Возможно, думал он в попытке рационализировать эти мысли, на него повлияли Достоевский или Гоголь, или еще кто-то из уже почивших русских, а возможно, кто-то из пролетарских писателей Швеции, и их описания страданий бедняков подошли под настроение» [Westö 2013: 239]. Опираясь на эту отсылку, мы можем предположить, что и в описаниях Москвы Чель Вестё мог испытать влияние русской литературы, переложив почерпнутые из нее знания о Петербурге на столицу Советского Союза.

По своему положению Туне, как сотрудник дипломатического представительства, сталкивается с существующим в советском обществе разделением: нищета и роскошь сосуществуют в одном городе: «Европейский лоск бального зала отеля „Метрополь“, шампанское и омары для посвященных в том городе, где люди одевались в лохмотья, а полки магазинов зияли пустотой» [Westö 2013: 184].

Странны и чужды Класу Туне символика революции и размах проводимых праздничных мероприятий. Чель Вестё пишет об эпохе 1930-х гг., обладая большим багажом знаний. В его распоряжении и исторические сведения о дальнейшем развитии событий, и многочисленные документы, о которых современники описываемых событий не могли знать, и художественная литература. В романе «Мираж 38» праздничный парад описывается так: «Красный, красный, красный повсюду, прожекторы освещали широкие центральные улицы и пустынные площади, школьников и студентов, маршировавших прямыми рядами с флагами в руках» [Westö 2013: 184]. После парада герой обращает внимание на развевающийся при полном штиле флаг над Кремлем (как подсказал его коллега, это происходит благодаря установленной ветровой машине): «Туне посмотрел на освещенный прожекторами неустанно реющий флаг. Осенним вечером он выглядел удивительно, словно лужа крови, текущая с небес» [Westö 2013: 86].

Вновь при помощи нескольких не самых пространственных описаний Чель Вестё создает картину столицы Советского Союза. Благодаря своему положению главный герой его книги может увидеть как внешнюю сторону жизни, в которой у части населения есть всё, чего они желают, а население с радостью марширует, празднуя годовщину революции, так и изнанку. Он видит людей, которые бедствуют, которые запуганы, и при этом сам должен быть весьма осмотрительным, чтобы оставаться в безопасности в условиях контроля со стороны советских властей.

Совокупность всех факторов подтолкнула ранее успешного дипломата досрочно оставить свой пост. Этого поступка не поняли ни коллеги, ни знакомые: внешне его карьера складывалась весьма благополучно, однако главный герой с его чувствительностью и либеральными взглядами не мог смириться с окружающим миром: «Я начал ненавидеть весь город, признал Туне. – Хотя не сам город. Атмосферу в нем» [Westö 2013: 65].

Лишь немногие описания добавляют положительные черты к образу Москвы. Туне, обладая тонкой и чувствительной душой, обращает внимание на окружающую его природу: «Река блестит словно серебряная. Последние солнечные лучи освещают красным купола церковей, сумерки длинные и прохладные» [Westö 2013: 67]. Лето же в воспоминаниях главного героя выглядит иначе: «Предыдущее лето, единственное, что он провел в Москве, последние недели перед возвращением в Хельсинки, ужасная жара, запах гари, белый тополиный пух, лежащий после цветения деревьев вдоль улиц липким снегом» [Westö 2013: 166].

Обобщив воспоминания главного героя о Москве и москвичах, можно сделать вывод, что Чель Вестё для описания исторического фона подбирает факты таким образом, чтобы создать необходимую для литературной выразительности атмосферу, имея в своем распоряжении весь багаж знаний об эпохе сталинизма, накопленный за XX в. Далеко не все описанные факты соответствовали действительности. Несомненно, что столь мрачное описание Советского Союза главным героем романа – результат ряда причин. Он оказался в чуждой среде. Страх, который Туне видит вокруг себя, побуждает его покинуть Москву. Возможно, он просто не может жить в большом городе: «Внезапно ему пришло в голову, что он вообще не был городским человеком... Урбанистическая цивилизация уничтожала человека, делала его не только тревожным и нервным, но и слабым, капризным. Городская культура уводила человека от его изначальной природы, где он жил с небольшим количеством схожих с ним по духу людей, сохраняя свое тело и свои здоровые инстинкты» [Westö 2013: 187]. Важно отметить, что в это время писатель прослеживает зарождение в Советском Союзе нового, индустриального мира, нового уклада жизни. Для Туны этот мир не подходит. Несоответствие политических воззрений также порождает внутренний конфликт. Проявив немного гибкости, Туне мог бы отработать положенный срок в Московском представительстве и вернуться в Хельсинки с хорошим послужным листом. Однако он делает иной выбор и оставляет свой пост досрочно. Писатель усугубляет драму, параллельно его герой переживает кризис в личной жизни, понимая, что супруга в скором времени оставит его. Безусловно, это также накладывает трагический отпечаток на восприятие им окружающего мира и своего будущего.

Упоминания о Советском Союзе в романе Ч. Вестё «Мираж 38» можно объединить в три группы: воспоминания главного героя о нескольких месяцах жизни в Москве, сведения о политических взаимоотношениях СССР с Финляндией и общекультурные факты. Политике в произведении уделяется немного внимания, она становится фоном, на который накладываются воззрения литературных персонажей. Согласие или несогласие с тем, что происходит внутри страны и за ее пределами, выявляет их характеры и иллюстрирует срез царивших в финляндском обществе настроений в период 1930-х гг. Основное внимание Ч. Вестё уделяет описанию шведского населения Хельсинки: как происходит взаимодействие Класа Туны с окружающими, в том числе с друзьями. В его воспоминаниях преобладают негативные оттенки. Подобные чувства возникают по объективным и субъективным причинам. С объективной точки зрения, несколько месяцев в Москве стали для Туны испытанием из-за несовпадения шведского и советского менталитета и отношения к идеям коммунизма с их реальным проявлением в действительности Москвы 1930-х. С субъективной – это время было периодом личностного кризиса героя, что наложило отпечаток на восприятие им действительности. Подводя итог, отметим: появление в биографии главного героя романа «Мираж 38» эпизода, связанного с жизнью в Москве, обогащает произведение в сюжетном плане. Отношения с Советским Союзом играли важную роль во внешней политике Финляндии в 1930-х гг., поэтому выбор автором места службы для главного героя отнюдь не случаен. Одновременно он расширяет географические рамки произведения, объясняет политическую подоплеку ситуаций, происходящих с героями романа, и показывает в этом контексте их характеры.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-012-00171А «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX – начала XXI вв. в условиях приграничья»).

Литература и источники

Hur skriver man en historisk roman / Svaetichin K., Granquist D., Sandelin P. [Electronic resource] / URL: <https://svenska.yle.fi/artikel/2013/08/21/hur-skriver-man-en-historisk-roman-kjell-westo> (accessed: 27.05.2020).

Kjell Westö fick Nordiska rådets litteraturpris 2014 för «Hägring 38» [Electronic resource] / URL: <https://www.norden.org/sv/news/kjell-westo-fick-nordiska-radets-litteraturpris-2014-hagring-38> (accessed: 27.05.2020).

Westö K. Hägring 38. Stockholm, Bonniers, 2013. 299 p.

I. S. Matashina

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

RUSSIAN MOTIVES IN KJELL WESTÖS ROMAN "MIRAGE 38"

The article analyzes the references to Russia and Russian culture found in the novel "Mirage 38" by the Swedish-speaking writer from Finland, Kjell Westö. The novel continues the line of depicting a closed environment, which has received the metaphorical name "cramped room", which is traditional for Finnish Swedish literature. At the same time, the distinguishing feature of this work is the combination of many plot lines. The writer puts together a complex mosaic of narrative, weaving in it references to Russia in the 19th and 20th centuries. Thanks to this kind of inclusions, not only does the narrative field of the work expand, but an attempt to describe the life of Finland's neighboring state is made.

Keywords: Swedish literature in Finland, Kjell Westö, Soviet Union.

**ОТ КАРТОТЕКИ
ДО ЯЗЫКОВОГО КОРПУСА**

ВОЛЖСКИЙ ГОВОР НА СТРАНИЦАХ МАРИЙСКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ ЁДОНА БЭКЕ (ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА)

Статья посвящена анализу волжского говора лугового наречия марийского языка в многотомном словаре Ёдона Бэке. Рассматриваются некоторые лексические значения слов, которые заимствованы из татарского языка и разделены на разные тематические группы.

Ключевые слова: волжский говор, луговое наречие, марийский язык, татарское заимствование.

Волжский говор лугового наречия марийского языка охватывает два района Республики Марий Эл: Волжский и Звениговский. Этот говор по-своему оригинален. С одной стороны, в этом говоре немало одинаковых слов с йошкар-олинским говором, с другой стороны, близок и моркинско-сернурскому говору марийского языка, а также есть схожесть в чем-то и с горным наречием и северо-западным наречием марийского языка. Для остальных говоров лугового наречия они нехарактерны [Казанцев 1985: 141]. Предки вышеназванных мари на левый берег Волги пришли в XIV–XVI вв. [Казанцев 1985: 155].

Известно, что в речи различных групп мари известны диалектные зоны, ареалы которых не совпадают с границами современных диалектов. В горном и северо-западном наречиях марийского языка очень много заимствованных слов из чувашского языка по сравнению с другими наречиями, что видно на всех уровнях. В йошкар-олинском, горном и северо-западном наречиях марийского языка влияние татарского языка невелико, но оно есть в волжском говоре марийского языка. Носители этого говора переняли слова из казанского наречия [Казанцев 1985: 156].

Материальная культура

1. Слова, связанные с домом, постройками: *рэгэнчэ-омарта* ‘срубленная ель для перевозки мха’; *пашкыч* ‘лестница’; *чарлак* ‘балкон, веранда’; *д’актэм* ‘улья’; *конгыра* ‘колокольчик’; *тун’о* ‘задвижка’; *шёрга* ‘капкан’.

2. Предметы домашней обстановки, посуда и кухонная утварь: *сёс кёртнё* ‘оцинкованное железо’; *корвок* ‘ковш’; *патрак* ‘ножницы’; *пурса-олымбал* ‘место перед печкой, где готовят кушать’.

3. Пища, напитки, слова, связанные с их приемом и приготовлением: *татк* ‘кусочек’; *шаган* ‘лук’; *чыгыт* ‘еда’; *чомар* ‘еда’; *пёрас* ‘медовуха’; *пуламык* ‘каша’; *пурса-лапаш* ‘маточное молоко’, *сүгү* ‘осетровая икра’.

4. Одежда, материалы для одежды, обуви: *акча* ‘монеты, которые используются для украшения’; *пэжэм* ‘рукавицы’; *пёрмё* ‘складка’; *валэнгэ* ‘валенки’.

5. Природа

5.1. Животный мир (фауна).

В области животноводства финно-угорские слова в марийской лексике занимают значительное место. Большое место в животноводческой терминологии принадлежит заимствованиям из других языков, в том числе из татарского, носители которого, будучи издревле скотоводческим народом, научили мари многому в этой отрасли хозяйственной деятельности:

а) слова, связанные с названием домашних животных: *кайар* ‘дикая лошадь’; *мачэ* ‘кот, кошка’; *азу* ‘клык’;

б) слова, связанные с названием зверей, насекомых, рыб: *нлргл’о*, *чээк* ‘ласточка’; *члртак* ‘щука’; *кайора* ‘утка-нырок’; *клрлак*, *клрл’ак* ‘чайка’; *кочама млкын’о* ‘головастик’; *пёрмё* ‘слепень’; *члгтанкудо* ‘раковина, ракушка’; *кыртцак* ‘чехонь’; *чара-ватрэнгэ* ‘летучая мышь’; *шыла* ‘судак’; *шынгыртыш* ‘скворец’.

5.2. Растительный мир (флора).

Марийский язык располагает сравнительно богатой и развитой системой ботанических терминов, служащих для обозначения разных видов растений (деревьев, кустов, трав, ягод и т. д.): *ти-пилиш* ‘вьюнок полевой’; *лўэрычык* ‘цветение воды’; *почкалдыш* ‘крапива’; *ўэ* ‘ива’; *эзэл’э* ‘желудь’; *кутлукиш* ‘васильки’; *пушка* ‘свекла’.

6. Человек и общество:

- а) слова, связанные с болезнями, их предшествованием: *шэдэркан-олмо* ‘оспа’; *айар* ‘тяжело’; *эмганаиш* ‘заболеть’; *сокнаиш* ‘сохнуть’; *пўрнаиш* ‘ранить’;
- б) лексика, связанная с анатомией и физиологией: *топак*, *шлма-топак* ‘нёбо’; *парйалдам* ‘пот’; *пычык* ‘кукиш’; *таишка* ‘лицо’; *нара* ‘глаза покраснели’;
- в) слова, связанные с поведением человека, с его характером, разными чертами: *клтэ*, *кытэ* ‘скупой’; *лўрка* ‘человек низкого роста’; *н’оката* ‘высокий человек’; *нўмой* ‘неуклюжий, неловкий’; *чорката* ‘обидчик’; *чоршо* ‘очень быстрый’; *майра* ‘бестолковая’; *тата* ‘дурак’; *латышка* ‘летяга’; *карчык* ‘старуха’;
- г) лексика, связанная с умением и навыками, а также с характером и умом человека: *л’лвык-л’лвык коштаиш* ‘неопрятная, неаккуратная’; *йовыр* ‘щеголь, франт’; *йывырт*, *йывыиш* ‘скрытно’; *тата* ‘бродяга’; *туло* ‘толстый’;
- д) слова, обозначающие внутреннее состояние: *шова* ‘уважающий человека’; *йымыж* ‘сердце болит’; *йокрак* ‘осторожно, грустно’;
- е) отметим несколько слов – неопределенную форму глагола – связанных с поведением человека, с его характером и т. д.: *н’орийаиш* ‘ныть, нюнить’; *лангаланаиш* ‘бездельничать’; *н’ыжклаиш* ‘хныкать’; *н’амайаиш* ‘пачкать грязью’; *сўсараиш* ‘отстегнуть’; *сўралаиш* ‘бороздить’; *ашындараиш* ‘вспоминать’; *вазатылаиш*, *вазартылаиш* ‘выбирать’; *эл’дыртаиш* ‘обрадовать’; *йыкланаиш* ‘мучиться’; *йуишутатаиш* ‘бормотать’; *йуишумандаиш* ‘шептать’; *чываркаланаиш* ‘обугливаться’; *сўргаиш* ‘ругать’; *ўнгыртатаиш* ‘не работать’; *пунджалтаиш* ‘скользить’; *тўнлаиш* ‘наблюдать’; *шўдаиш* ‘звать’; *тыпыртатаиш* ‘толкаться’; *тувулаиш* ‘охранять’;
- ж) другие неопределенные формы глагола, обозначающие действие: *сазергаиш* ‘тупиться’; *йараиш* ‘занимать’; *капланаиш* ‘собираться’; *чыгаиш* ‘глотать’; *сўсараиш* ‘отстегивать’; *ужактараиш* ‘продать’; *шыгалаиш* ‘поставить заплатку’; *шииштаиш* ‘валять’; *нумуштаиш* ‘смолить’.

7. Детская лексика: *авэм* ‘мама’; *авэннэм* ‘мама’; *изийэ* ‘маленький’.

8. Лексика, связанная с рыболовством: *шылангиэ* ‘обратная сторона рыболовного крючка’; *чокма* ‘колотушка’; *чэкмарь*, *вазэ* ‘удочка’; *сўрака*, *сўрага*; *шылангиэ* ‘рыболовный крючок’; *члмбак*, *йагыр* ‘якорь’; *силым* ‘сеть’.

9. Лексика, связанная с явлениями природы: *члгла* ‘дорога, покрытая недавно выпавшим снегом’; *эрт* ‘место, где и зимой не мерзнет вода’; *вўгыжан* ‘старое дерево’; *вочанга* ‘сырое дерево’; *шан* ‘расколотый лед’; *туло* ‘сильный ветер’; *тонгата* ‘пень’.

10. Слова, обозначающие время: *кашэ* ‘некоторое время’; *кэртэ* ‘давно’; *алэ маткэ* ‘до этого времени’.

11. Имена прилагательные: *йыштыра* ‘рассыпчатый’; *йугата* ‘прохладный’; *лаплан* ‘мощный’; *май* ‘хороший’; *шэдэркан* ‘подходящий’; *йаргата* ‘жидкий’; *кычырчык* ‘трудоемкий’; *пажник* ‘зубчатый’; *чыката* ‘подходящий’; *чылий* ‘целый’; *чыртэм* ‘упрямый’; *нўчка* ‘мягкий’; *тып* ‘полный’.

Мы рассмотрели лишь несколько тематических групп заимствований волжского говора лугового наречия марийского языка. Вне выделенных семантических классов остались еще многие слова.

На основании вышеизложенного материала можем подчеркнуть тот факт, что нет, пожалуй, такой области в жизни и деятельности человека, где бы марийский народ не испытывал культурного влияния своих соседей – тюркоязычных народов. Материалами послужили слова, которые были зафиксированы в деревнях Кукшенеры, Большие Моламасы, Именца, Ошытъял.

Литература и источники

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола, 1985. 159 с.

Соловьёв В. И. Волжский и йошкар-олинский говор в диалектном словаре Ödöna Беке (лексический анализ): магистерская диссертация. Йошкар-Ола, 2018. 82 с.

Beke Ödön. Mari nyelvjarasi szotar (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) Neu redigiert von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von Janos Pusztay. Bibliotheca Ceremissica. Tomus I–IX. Savariae, 1995–2001.

V. N. Maximov
Mari State University
(Yoshkar-Ola, Russia)

VOLZHSKY DIALECT ON THE PAGES OF ÖDÖNA BEKE'S DICTIONARY (BORROWED VOCABULARY)

The article is devoted to the analysis of the Volga dialect of the Meadow Mari dialect of the Mari language in the multi-volume Mari dialectological Dictionary by Ödöna Beke which was published in 1995–2001. Some lexical meanings of words which are borrowed from the Tatar language and divided into different thematic groups in this article.

Keywords: Volga dialect, Meadow Mari dialect, the Mari language system, Tatar borrowings.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В НОВОПИСЬМЕННОМ КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена формированию карельской письменной традиции. Показаны изменения, которые претерпел карельский язык на пути перехода от устных диалектных форм к кодифицированным письменным формам. Особое внимание уделено происхождению новейшей лексики, ее формированию и употреблению в речи.

Ключевые слова: новописьменный язык, продуктивные суффиксы, словари младописьменного карельского языка, новейшая терминология, Открытый корпус вепского и карельского языков (ВепКар).

Карельский язык располагает богатым лексическим составом, имеет широкие выразительные возможности, тем не менее он относится к языкам с прерванной письменной традицией. В 1930-е гг. предпринимались попытки по созданию карельской письменности, однако в силу ряда экстралингвистических факторов эта работа была прервана почти на полвека. Новые возможности по созданию письменности на основе латинской графики появились лишь в конце 1980-х гг.

Особенности функционирования карельского языка в домашне-бытовой сфере общения на протяжении многих десятилетий обусловили естественное развитие тех групп лексики, которые отражали в основном хозяйственный уклад жизни карелов. К моменту воссоздания письменности на карельском языке практически совершенно отсутствовали слова, отражающие реалии современной общественной жизни. Появилась настоятельная необходимость в нормировании карельского языка, в пополнении его лексического фонда, в разработке новейшей терминологии для более полного отражения реальной действительности.

С этой целью в 1999 г. постановлением Правительства Республики Карелия была создана Термино-орфографическая комиссия (ТОК), в задачи которой входили упорядочение словотворческой работы и орфографических правил на младописьменных языках, фиксация лексических новообразований и их последующая кодификация, анализ и корректировка орфографических правил и т. д. Результатом работы комиссии стали бюллетени по новейшей лексике и терминологии. Всего было создано и издано четыре бюллетеня: «Лингвистическая терминология» [2000], «Школьная лексика» [2000], «Общественно-политическая лексика, I–II» [2003–2004], «Лексика флоры и фауны» [2005], которые поставили карельский язык на совершенно новую ступень развития. Весь этот богатый лексический материал послужил базой для создания карельской письменности.

В так называемый новейший период (с 1989 г. по настоящее время) в стенах нашего института создавались словари, грамматики, буквари, учебные пособия младописьменных языков Карелии [Нагурная, Родионова 2011: 34].

Первые словари младописьменного карельского языка были предназначены прежде всего для учащихся школ и вузов. В словари была включена не только исконная лексика карельского языка, но и отчасти была дана терминологическая и прочая лексика, отсутствовавшая в языке ранее. В них были сделаны первые попытки по закреплению орфографических норм карельского языка. Однако эти первые словари обладали небольшим объемом и, соответственно, не могли обслуживать коммуникативные функции современного общества. По мере развития младописьменного языка потребовались словари нового типа.

В 2011 г. был издан «Большой русско-карельский словарь» (авторы Т. П. Бойко и Л. Ф. Маркианова), словник которого включил около 20 тысяч наиболее употребительных слов и фразеологических оборотов современного русского языка. Свообразным ответом на «Большой русско-карельский словарь» стал «Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие)»,

изданный в 2016 г. и содержащий более 18 тысяч слов. Создание таких словарей свидетельствует о новом этапе языкового строительства и является важным шагом в развитии младописьменного языка, так как словарь закрепляет норму, утверждает письменную форму языка, что непосредственно находит отражение на процессе преподавания и овладения языком. Наличие письменности повышает статус карельского языка как для тех, кто им владеет, так и в среде тех, кто соприкасается с языковыми и этноязыковыми проблемами. Такие лексикографические издания оказывают несомненную помощь в проведении целенаправленной и научно-обоснованной языковой политики.

Основной проблемой при составлении словарей был выбор лексики. Прежде всего, в них вошла вся общеупотребительная лексика карельского языка, однако современные реалии потребовали особо обратить внимание на создание общественно-политической, школьной лексики, а также лексики, относящейся к сфере информационных технологий. В качестве орфографических норм в области лексики выбирались те варианты, которые широко употребляются в говорах ливвиковского наречия и известны многим носителям языка. При формировании фонетических и грамматических норм также прежде всего учитывалась широта распространения явления. Из многообразия фонетических вариантов слов или грамматических вариантов форм для младописьменного языка нужно было выбрать те, которые являются логически более стройными и наиболее понятными и осваиваемыми в процессе обучения.

Большинство новых слов в карельском языке образовано по правилам карельского словообразования суффиксальным способом. Суффиксальная система карельского языка чрезвычайно богата, большинство продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются производные слова, находятся в активном употреблении и хорошо понимаются носителями языка [Маркианова 2003: 68].

Самыми продуктивными стали суффиксы, образующие слова абстрактного и обобщенного значения, то есть ту лексику, в которой язык особо нуждался в связи с расширением его функций, например, *-us, -ys; -hus, -hys; -vus, -vys*: *vajahus* ‘дефицит’ < *vajai* ‘неполный’, *hienohus* ‘изысканность’ < *hieno* ‘тонкий’, *yhtehys* ‘всеобщность’ < *yhtehine* ‘общий’, *hendovus* ‘субтильность’ < *hendo* ‘слабый, хилый’.

В новообразованиях коллективного значения широко использовался суффикс *-sto, -stö*, например: *laittehisto* ‘оборудование’ < *laiteh* ‘прибор’, *lehtistö* ‘пресса’ < *lehti* ‘газета’, *syväinvezistö* ‘внутренние воды’ < *vezi* ‘вода’, *linnahaldivosto* ‘городской муниципалитет’ < *haldivo* ‘власть’, *kylänhaldivosto* ‘сельский муниципалитет’.

Один из древнейших наиболее распространенных суффиксов карельского языка *-niekku*, являющийся практически единственным заимствованным суффиксом, оказался исключительно продуктивным при создании новых отыменных существительных со значением какого-либо рода деятельности, например: *neroniekku* ‘виртуоз’ < *nero* ‘мастерство, умение’, *ozaniekku* ‘участник’ < *oza* ‘часть, доля’, *virguniekku* ‘слушающий’ < *virgu* ‘должность, служба’.

При номинации новых понятий широко использовались словообразовательные форманты *-ndu* и *-mine*, образующие имена от глаголов и обозначающие процесс или результат действия, например: *kaičendu* ‘страхование’ < *kaita* ‘страховать’, *muutandu* ‘трансформация’ < *muuttua* ‘трансформировать, менять’, *hyväksymine* ‘апробация’ < *hyväksyä* ‘одобрить’.

Распространенным способом образования новых лексем стало словосложение, когда части слов могут включать элементы как исконного, так и заимствованного происхождения, например: *piämiäry* ‘кворум’ < *miäry* ‘мера, единица измерения’, *bumuagudengu* ‘ассигнация’ < *dengu* ‘купюра’.

Лексико-семантический способ образования новых слов подразумевает изменение семантики слова. В карельском языке семантическими неологизмами стали имена существительные, например: *pilku* ‘запятая’ < ‘пятнышко, зарубка’, *vainu* ‘инстинкт’ < ‘нюх’, *kuhkuttai* ‘агитатор’ < ‘подстрекатель’, *tuhmus* ‘бескультурье’ < ‘простота, глупость’, *käskyläine* ‘курьер’ < ‘прислуга’.

У имен прилагательных также произошло расширение семантики, например: *jyrky* ‘категоричный’ < ‘крутой, решительный’, *hieno* ‘изысканный’ < ‘тонкий’, *huigietoi* ‘аморальный’ < ‘бессовестный’, *mavutoi* ‘банальный’ < ‘безвкусный’.

Процесс расширения семантики коснулся и некоторых глаголов, например: *suittua* ‘аккумулировать’ < ‘собирать, копить’, *miärätä* ‘квалифицировать’ < ‘мерить’, *karkottua* ‘депортировать’ < ‘выгонять’, *kyzellä* ‘анкетировать’ < ‘спрашивать’.

Ориентиром для создания новой лексики также послужили ранее изданные словарные материалы и словари близкородственных языков: вепсского и финского. Около 10 % всего словарного фонда составили авторские новообразования, например: *počinhändäine* в значении ‘символ @ в электронной почте’, *kallivopiirroksset* ‘петроглифы’, *terävyn’okkupohju* ‘конусообразный’, *marjanpoimindubruja* ‘комбайн для сбора ягод’, *pitkykino* ‘полнометражный фильм’, *čoke* ‘точка’ и т. д. Частично были привлечены финские заимствования, которые прочно вошли в карельский язык, например: *yliopisto* ‘университет’, *ystävy* ‘друг’, *mustopačas* ‘памятник’, *tiedokoneh* ‘компьютер’, *painomerki* ‘знак удара’, *luondo* ‘природа’ и др.

Важно отметить, что при возрождении и развитии языка происходит также довольно активный процесс перехода забытых или полузабытых слов в разряд активной лексики. Некоторые слова быденного языка получили новые, зачастую терминологические значения, например, многозначное слово *tappuli*, одним из значений которого было ‘широкое место на дороге, где можно было обогнать или посторониться’, в составе сложного слова *välitystappuli* получило значение ‘объезд, полоса обгона’, а у слова *talloh*, означающего ‘коллективную помощь, работу сообща’, появилось новое значение ‘субботник’, ‘воскресник’. Невозможно было уйти и от заимствований из русского языка, в первую очередь это касается интернациональной лексики. В бюллетенях республиканской термино-орфографической комиссии из всего состава общественно-политической лексики на ливвиковском наречии около 40 % составляют интернационализмы: *aspektu*, *aspirantu*, *biljardu*, *dokumentu*, *indeksu*, *projektu*, *seminuaru*, *žurnualu* и т. д.

Нужно сказать, что слова, созданные путем заимствования, полного или частичного калькирования, не всегда становятся понятными носителям языка, например: *mahalaukku* ‘желудок’, *sävelmy* ‘мелодия’, *säveldäi* ‘композитор’. У носителей языка вызвало вопросы новое понятие *šorpikku* ‘вилка’, образованное по финской модели *haarukka*.

К настоящему времени готов к изданию Орфографический словарь ливвиковского наречия карельского языка, в который вошло более 23 тысяч слов. В 2012 г. был издан Орфографический словарь вепсского языка. Данные орфографические словари представляют собой особый вид словарей, которые содержат не только перечень слов, но и в конце каждой словарной статьи имеют перевод основного значения карельского или вепсского слова на русский язык. Такой метод построения орфографического словаря связан с тем, что не все пользователи в достаточной степени владеют карельским или вепсским языком, также в него включено большое количество сложных слов, которые отсутствуют в иных словарях, что может вызвать затруднение при их понимании. В круглых скобках даются словоизменительные характеристики глаголов и имен. В словарной статье, посвященной глаголу, представлены также словоизменительные характеристики активных и пассивных причастий, которые являются в карельском языке наиболее сложными грамматическими формами.

Приведенных в орфографическом словаре сведений достаточно, чтобы правильно образовывать любую необходимую грамматическую форму имени или глагола. В словарных статьях по глаголам дополнительно представлен справочный материал по их управлению. Для этого приведены вопросы, указывающие непосредственно на падеж, который употребляется с данным глаголом. Таким образом, данный словарь предложено назвать грамматико-орфографическим.

Новейшим направлением работы лингвистов является корпусная лингвистика. Надежным источником при исследовании языковых, фольклорных, этнографических материалов может стать Корпус карельского языка. Корпус пользуется спросом исследователей как выверенная информационно-справочная система по языку, в котором все диалектные тексты даются с подробной паспортизацией в электронной форме. Корпус карельского языка включает собственно карельское, ливвиковское и людиковское наречия, два из которых обладают в настоящее время

собственными младописьменными формами. В настоящее время на базе Открытого корпуса вепсского и карельского языков ведется работа по переводу словарей в электронный формат. Разработаны программы генерации словоформ, в том числе для систем глагольного и именного словоизменения ливвиковского наречия карельского языка, что существенно облегчит дальнейшую работу по семантической разметке текстов корпуса. Эти материалы найдут применение в практике преподавания новописьменных вариантов карельского языка.

Примечание

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Литература и источники

Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2011. 400 с.

Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2016. 352 с.

Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2011. 138 с.

Лексика по фауне и флоре. Республиканская термино-орфографическая комиссия. Бюллетень № 10. Петрозаводск, 2005. 63 с.

Лингвистическая терминология. Республиканская термино-орфографическая комиссия. Петрозаводск, 2000. 31 с.

Маркианова Л. Ф. Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Szombathely, 2003. 74 с.

Общественно-политическая лексика: А–О. Республиканская термино-орфографическая комиссия. Петрозаводск, 2003. 129 с.

Общественно-политическая лексика: П–Я. Республиканская термино-орфографическая комиссия. Петрозаводск, 2004. 255 с.

Школьная лексика. Республиканская термино-орфографическая комиссия. Петрозаводск, 2000. 53 с.

T. P. Boyko

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

ABOUT SOME TRENDS OF MODERN WORD FORMATION (BASED ON DICTIONARIES OF THE NEWLY WRITTEN KARELIAN LANGUAGE)

The article is devoted to the formation of the Karelian written tradition. The changes that the Karelian language has undergone on the path of transition from oral dialect forms to codified written forms are shown. Special attention is paid to the origin of the newest vocabulary, its formation and use in speech.

Keywords: new-written language, productive suffixes, dictionaries of the early-written Karelian language, modern terminology, Open Corpus of Vepsian and Karelian languages (VepKar).

МАТЕРИАЛЫ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ СОЗДАНИЯ НОРМИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СЛОВАРЯХ НОВОПИСЬМЕННОГО КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Лексикографическая работа – одно из важнейших направлений деятельности научных сотрудников сектора языкознания Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Важную роль в фиксации лексических возможностей карельского языка сыграли словари, относящиеся к изданиям диалектной лексикографии. Уникальный материал диалектных словарей послужил платформой для создания нормированной лексики в словарях младописьменного языка.

Ключевые слова: карельская диалектная лексикография, фразеологический словарь, диалектный словарь, нормированная лексика, новописьменный язык.

Лексикографическая работа являлась и сейчас является одним из важных направлений деятельности научных сотрудников сектора языкознания Института ЯЛИ КарНЦ РАН. В секторе составлялись разные типы словарей: двуязычные словари литературного финского языка, диалектные словари карельского и вепсского языков, фразеологические словари, словари новописьменных языков, орфографические словари.

На протяжении многих лет в секторе трудились широко известные составители двуязычных финско-русских и русско-финских словарей: М. Э. Куусинен, В. М. Олыккайнен, И. В. Салло, А. И. Флинкман, Х. И. Лехмус, Ю. Э. Коппалева. Ими была составлена целая серия словарей литературного финского языка. Двуязычные словари письменных литературных языков всегда были очень востребованными.

Также в секторе языкознания были составлены и изданы диалектные словари, иллюстративный материал для которых был собран самими авторами во время многократных экспедиционных выездов в места проживания карелов и вепсов. Составлением диалектных словарей занимались известные ученые М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Г. Н. Макаров, А. В. Пунжина, В. П. Федотова, Л. Ф. Маркианова, Н. Г. Зайцева.

М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен был подготовлен и издан в 1972 г. «Словарь вепсского языка», который в настоящее время является раритетным. По словам Н. Г. Зайцевой, ведущего специалиста-вепсолога, – это лучшее произведение, посвященное вепсскому языку, являющееся одной из классических, фундаментальных работ по прибалтийско-финскому языкознанию.

Основоположником карельской диалектной лексикографии, внесшим огромный вклад в ее развитие, да и в целом в развитие карельского языка, является ученый-кареловед Г. Н. Макаров. Результатом многолетнего труда Г. Н. Макарова стал региональный Словарь ливвиковского диалекта карельского языка, изданный в 1990 г., который включает около 20 тысяч словарных статей. И сегодня этот словарь является одним из самых популярных у пользователей. Именно он положил начало упрочению и развитию карельского лексического тезауруса и стал настольной книгой лексикографов.

Один из крупнейших диалектных словарей, содержащий около 17 тысяч словарных статей, – «Словарь карельского языка (тверские говоры)», составленный старшим научным сотрудником сектора языкознания института А. В. Пунжиной, был издан в 1994 г. Основной лексический иллюстративный материал, отражающий духовную и материальную культуру тверских карелов, был собран в полевых условиях самой А. В. Пунжиной. Этот словарь и сейчас пользуется большим спросом в Тверской области как у носителей языка, так и у всех, кто изучает карельский язык или интересуется им.

В 2009 г. увидел свет «Словарь собственно-карельских говоров Карелии (Karjalan varšinaismurtehien šanakirja)», составленный сотрудниками сектора языкознания В. П. Федотовой

и Т. П. Бойко, содержащий около 22 тысяч словарных статей. В основу этого словаря взята лексика собственно карельского наречия, распространенного на территории северной и средней Карелии. При составлении словаря использованы расшифровки магнитофонных записей, сделанных сотрудниками института во время лингвистических и фольклорных экспедиций в северную и среднюю Карелию, широко использованы архивные материалы, также в качестве иллюстративного материала приводятся примеры из народных песен, причитаний, рун, сказок, дано много фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Кроме того, в секторе составлялись тематические словари, содержащие диалектный материал, посвященный одной теме, одному какому-либо разделу лексики. В 2000 г. был издан «Фразеологический словарь карельского языка», составленный старшим научным сотрудником сектора языкознания В. П. Федотовой, в котором представлена диалектная метафорическая фразеология с иллюстрациями на всех трех наречиях карельского языка. Этот словарь можно назвать кладезем карельской народной мудрости. В 2001 г. на основе этого словаря был издан «Краткий фразеологический словарь карельского языка», предназначенный для учащихся школ и студентов вузов. Из-под пера В. П. Федотовой вышел «Словарь дескриптивных глаголов карельского языка», который также является уникальным изданием, содержащим более 1000 описательных глаголов карельского языка. Такого типа изданные словари – большая редкость для прибалтийско-финской науки.

В 2007 г. был издан «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков», подготовленный коллективом авторов, он представляет именованья примерно 1500 понятий на 24 карельских, 6 вепсских и 5 саамских диалектах и говорах. Словарь является прологом в лингвистике и служит своеобразным ориентиром в отборе материалов, на основе которых формируется орфографическая норма новописьменного языка.

Главная задача диалектных словарей – это максимально полный охват лексики в той грамматической и фонетической огласовке и форме, которая функционирует на территории конкретного диалекта и говора, как, например, в «Словаре карельского языка» Г. Н. Макарова дана лексика коткозерского диалекта, а в словаре А. В. Пунжиной представлены два наиболее обширных по территории распространения и числу говорящих на них – толмачевский и весьегонский говоры.

Основная цель, которая ставилась при составлении диалектного «Словаря собственно-карельских говоров Карелии», – это максимально полный охват исконной лексики ареалов северной и средней Карелии (нынешние Калевальский, Лоухский, Беломорский, Кемский, Медвежьегорский, Муезерский, Сегежский и Суоярвский муниципальные районы). В шеститомном словаре «*Karjalan kielen sanakirja*», изданном в Финляндии, собственно карельские материалы представлены менее подробно. Поэтому при составлении «Словаря собственно-карельских говоров Карелии» авторы неоднократно выезжали в районы северной и средней Карелии как для сбора недостающих материалов, так и для проверки имеющихся расшифровок магнитофонных записей. В словарных статьях приводятся формы фонетических вариантов с конкретной паспортизацией, напр.:

kiertyä *v* клв-кст, юшк, **kierdää** онд, **kierd'ia** пдн, **kierdyä** руг, ткш, **kierd'yä** тнг 1) крутить, вращать; *kierrä ruögyä* (клв) крути колесо; *mua kiertäy ympärä päiväšesta* (клв) земля вращается вокруг солнца; 2) совершать обход стада в Егорьев день с целью сохранения его во время пастбы; *oma karja tanhuošša kierret'ää, kun enzi kerda piäššet'ää meččää* (ТК:303) свое стадо в хлеву обходят, когда первый раз выпускают в лес; 3) сучить, скручивать пряжу, вить веревку; *kierd'yä langat* (ТГ) сучить пряжу; 4) обходить, огибать; *kierrämmä lätäkön* (клв) обойдем лужу; *meren kierrät, vain ihmist'ä et kierrä* (ТК:165) море обойдешь, лишь человека не обойдешь [пословица];

manšikka *s* клв-кст, **mančikka** гкл, мдс, онд, ткш, **manžoi** прз, **man'čikka**, **manzikka** тнг земляника; *mečän aukeikolla ol'i äijän manšikka* (клв) на лесной поляне было много земляники.

Карельский язык на протяжении многих десятилетий функционировал в домашне-бытовой сфере общения, поэтому развивались те группы лексики, которые отражали в основном хозяй-

ственный уклад жизни карелов. В этих словарях представлены богатейшие пласты лексики по флоре, фауне, различным промыслам, обрядам, традициям и т. п., напр.:

лексика рыболовного и охотничьего промысла:

rahenuottu ‘невод для подледного лова’; *sordim* ‘прорубь для подводного лова’; *potkuverko* ‘ставная сеть’; *čipčat, ravvat, rida* ‘капкан’ и т. п.;

лексика фауны и флоры:

kondii, leveiočču, mötti ‘медведь’; *böbökkü, pöpökkü, puutoukku, šittuböröi* ‘жук’; *mado, n’oliško, n’oloi, n’ulizii, vedeliškö* ‘змея’; *ledoforheiny, rauduheiny* ‘тысячелистник’; *iivanheiny, kargei-iivananheiny* ‘лютик едкий’;

обрядовая лексика:

ristindät, ristiežet ‘крестины’; *čirpipiirai* ‘угощение по завершении жатвы, праздник урожая, пожинки’ и т. п.

Особо хочется отметить глагольные словарные статьи в диалектных словарях. Кроме основной глагольной статьи, в словарях приводятся глаголы с оттенками однократности, моментальности, каузативности, фреквентативности действия, выраженные отдельными суффиксами, это указывает на то, что авторы диалектных словарей прекрасно владели своими языками, были знакомы со всем многообразием суффиксов карельского языка и оттенками их значений, напр.:

haikostua v. зевать; **haikostella** v. freq. (многократный) зевать, позевывать; **haikostellakseh** v. refl. (многократный) зевать; **haikostuakseh** v. refl. (однократный) зевнуть; **haikostuttua** v. impers. (безличный) зеваться.

Эти материалы являются богатой базой для возможных будущих исследований языка.

Авторы диалектных словарей стремились представить семантику заглавного слова особенно подробно и давали очень тонкую разбивку на значения. У некоторых лексем выделено до десятка и более значений, напр.:

andua 1) давать, отдавать; 2) давать, позволять; 3) давать, выделять, производить что-л.; 4) давать, платить; 5) давать, образовать что-л.; 6) отдавать, иметь какой-л. привкус; 7) давать, ударять;

piä 1) голова; 2) ум; 3) глава; 4) конец, край чего-л.; верх; 5) ручка, головка, шляпка; 6) головка льна, конопля; 7) голова (единица счета скота).

Словарные статьи в диалектных словарях снабжены огромным количеством иллюстраций с использованием фольклорного и этнографического материала.

Следующий тип словарей, которые особенно активно составляются в секторе в последние годы, – это словари младописьменных языков – «Русско-вепсский словарь» [2009], «Новый вепско-русский словарь» [2010], «Большой русско-карельский словарь» [2011] и «Большой карельско-русский словарь» [2016] (составлены на основе материалов ливвиковского наречия карельского языка). На материале собственно карельского наречия карельского языка составлен «Русско-карельский словарь» [2015].

К настоящему времени закончена работа над составлением орфографического словаря карельского языка.

Словари новописьменного языка унаследовали от диалектных словарей богатый лексический тезаурус с тонко выраженной семантикой, при этом составителями учитывались нормы и правила, характерные для нормированных вариантов карельского и вепсского языков.

Примечание

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Литература и источники

Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011. 400 с.

Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2016. 352 с.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Русско-вепсский словарь. Петрозаводск: Периодика, 2009. 319 с.

Зайцева Н. Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск: Периодика, 2010. 511 с.

Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) = Venäjä-viena šanakirja / составители: П. М. Зайков, В. И. Каракина, М. А. Спицына, Н. Н. Архипова, Т. И. Медведева, Н. А. Пеллинен, И. П. Новак, Г. Е. Леттиева. Петрозаводск: Периодика, 2015. 360 с.

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / составитель Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Словарь карельского языка (тверские говоры) / составитель А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007. 346 с.

Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии (Karjalan varšinaismurtehien šanakirja). Ижевск, 2009. 349 с.

Федотова В. П. Словарь дескриптивных глаголов карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 2002. 165 с.

Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.

Федотова В. П. Краткий фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2001. 240 с.

T. P. Boyko

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

MATERIALS OF DIALECT DICTIONARIES AS A PLATFORM FOR CREATING NORMALIZED VOCABULARY IN DICTIONARIES NEW WRITTEN KARELIAN LANGUAGE

Lexicographic work is one of the most important areas of activity for researchers in the Department of Linguistic of the Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS. Dictionaries related to editions of dialect lexicography played an important role in fixing the lexical possibilities of the Karelian language. The unique material of dialect dictionaries served as a platform for the creation of standardized vocabulary in dictionaries of the early-written language.

Keywords: Karelian dialect lexicography, phraseological dictionary, dialect dictionary, standardized vocabulary, newly written language.

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО
ВОСПРИЯТИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОГО КОРПУСА MokshEr)**

Предметом изучения в данной статье явились глаголы зрительного восприятия в эрзя-мордовском языке с точки зрения их семантических характеристик. Целью данного исследования является описание структуры семантического поля глаголов зрительного аспекта восприятия; определение ядерных и периферийных глагольных единиц; анализ системы значений выделенных глагольных лексем на материале эрзянского языка.

Ключевые слова: категория восприятия, глаголы зрительного восприятия, семантика, эрзя-мордовский язык.

Восприятие человеком мира и окружающей действительности как самый значимый вид его жизнедеятельности представляет несомненно важный интерес в сфере психологии, философии, языкознания, литературоведения и других наук. Восприятие – это живое, активное взаимодействие с миром, окружающей средой, направленное на приспособление человека к среде и к его выживанию.

Важнейшей сферой языка, где вербализуются и интерпретируются основные механизмы и результаты процесса восприятия, безусловно, является глагольная лексика. Глаголы лексико-семантической группы чувственного восприятия представляют собой своеобразные структуры, несущие разнообразную информацию об объектах реальной действительности; при этом они не только называют предметы реальности, но и передают информацию о психоэмоциональном состоянии и о его эмоциональном отношении к предмету речи.

Глаголы восприятия заполняют пробелы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями свойств, процессов, состояний, ситуаций, без которых не представляется полноценное существование. В зависимости от ведущей роли сенсорной системы, которая играет главную роль в восприятии, различают зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые восприятия.

Наряду с основным процессом восприятия группа сенсорных глаголов классифицируется на основе значения «способность субъекта воспринимать», которое возможно противопоставить по шкале нецеленаправленности/целенаправленности процесса. В данной статье мы основываемся на методе типологического исследования глаголов восприятия, проведенного А. Вибергом на материале нескольких языков и разработавшего классификацию [Viberg 1984, 2001]. В дальнейшем этот метод был успешно применен финским лингвистом Т. Хуумо на материале финского языка, что позволило представить сенсорные глаголы в виде трехуровневой системы с учетом их характерных семантических особенностей [Huomo 2006].

Методологической основой данного исследования явились работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные изучению как общих вопросов категории восприятия и мышления [Васильев 1981], так и проблем классификации и семантической характеристики глаголов восприятия на материале одного языка [Архипова 2000; Huomo 2005, 2006; Мосина 2014], а также с привлечением языкового материала двух или более языков [Viberg 1984, 2001; Моисеева 2005; Каксин, Чертыкова 2009].

Материалом для настоящего исследования послужили глагольные лексемы, обладающие семантикой зрительного восприятия в современном эрзянском языке, выделенные из современных толковых словарей эрзянского языка. Анализ многозначности и различных семантических оттенков данной группы глаголов проводился на языковом и текстовом материале,

представленном в виде примеров на эрзянском языке. Языковые примеры взяты из лингвистического корпуса MokshEr, содержащего тексты различной тематики и функционального стиля [MokshEr].

В качестве основного метода исследования в данной работе были использованы описательный и компонентный методы анализа.

Как показывают типологические исследования, проведенные на материале нескольких языков, основные перцептивные глаголы восприятия могут образовывать трехуровневую систему, в которой каждая сенсорная область различает интранзитивный глагол, который выражает общую способность воспринимать, или «восприимчивость»; транзитивный, но неагентивный глагол, выражающий чувственное восприятие, или «способность восприятия», и транзитивный агентивный глагол, также выражающий чувственное восприятие, но при этом намеренно, целенаправленно использующий способность восприятия [Viberg 1984, 2001; Nuomo 2006].

Глаголы зрительного восприятия в эрзянском языке, являющиеся предметом настоящего исследования, отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятия окружающего мира органами зрения. Учитывая приведенную иерархическую классификацию глаголов, указывающую на способность субъекта воспринимать мир, в эрзянском языке трехуровневая система глаголов зрения представляется следующим образом: *неявомс* ‘виднеться’ (интранзитивный глагол, выражающий общую способность воспринимать) ~ *неемс* ‘видеть, увидеть’ (транзитивный неагентивный глагол, указывающий на нецеленаправленность процесса восприятия) ~ *ваномс* ‘смотреть, направлять взгляд’ (транзитивный агентивный глагол, указывающий на целенаправленность процесса восприятия):

1. *Пирявкс ды вишка ортыне, конань томбальде неяви велень ульцясь.* [MokshEr] ‘Забор и небольшие ворота, за которыми **виднеться** сельская улица’.
2. *Мезть кевкстнят, или а неят, кодамо мон бояравась?* [MokshEr] ‘Чего спрашиваешь, или **не видишь**, какая я боярыня?’
3. *Промза ваны валдо тештнень пелев ды яла арси.* [MokshEr] ‘Промза **смотрит** на яркие звезды и всё размышляет’.

С синтаксической точки зрения глаголы зрительного восприятия в эрзянском языке четко делятся на две группы, интранзитивные (*неявомс* ‘виднеться’) и транзитивные (*неемс* ‘видеть, увидеть’, *ваномс* ‘смотреть, направлять взгляд’), которые в свою очередь подразделяются на агентивные (*ваномс* ‘смотреть, направлять взгляд’) и неагентивные (*неемс* ‘видеть, увидеть’).

С семантической точки зрения можно отметить, что интранзитивные глаголы восприятия и транзитивные неагентивные глаголы схожи, поскольку и те и другие выражают нецеленаправленность процесса восприятия, в котором воспринимающий, или субъект восприятия, играет исключительно роль испытывающего, наблюдателя. Отличие, конечно, состоит в том, что в случае с интранзитивными глаголами воспринимающий субъект остается имплицитным, то есть агент при таких глаголах отсутствует, однако подразумевается [Nuomo 2006]. Транзитивные глаголы, выражающие преднамеренную способность восприятия, будучи агентивными, обозначают действие, направленное на то, чтобы сенсорный орган воздействовал на конкретный объект для его обнаружения. Поэтому субъект при данных глаголах рассматривается в качестве агента.

1. Интранзитивный глагол *неявомс* ‘виднеться’: *Тикишень потсто сон эль неяви.* [MokshEr] ‘Из-под сена его еле **видно** (букв. ‘он еле **виднеться**’)’.
2. Транзитивный неагентивный глагол *неемс* ‘видеть, увидеть’: *Шкань ютазь несъ теитерь, кона эйтэнзэ кекшнесъ чувто экис.* [MokshEr] ‘Спустя время (**он**) **увидел** девушку, которая пряталась от него среди деревьев’.
3. Транзитивный агентивный глагол *ваномс* ‘смотреть, направлять взгляд’: *Истятнень лангс Михаил Алексеевич ваныль чирьстэ ды нулгодезь.* [MokshEr] ‘На таких вот **Михаил Алексеевич смотрел** косо и с отвращением’.

Кроме вышеперечисленных, зрительное восприятие в эрзянском языке может передаваться множеством других глагольных единиц, прямо или косвенно. Таковыми являются глаголы: *невтемс* ‘показать, указать; выглядеть’ (производные *невтнемс* ‘показывать (многokr.)’, *невтекин-немс* ‘показывать (многokr.)’, *невтевемс* ‘показываться (возм., возвр.)’, *невтезевемс* ‘показаться (начинат.)’); *варишамс* ‘осмотреть, взглянуть’ (производные *варишнемс* ‘посматривать, заглядывать (многokr.)’, *варишакшиномс* ‘присматривать, навещать (многokr.)’, *варишавомс* ‘оглянуться (возм., возвр.)’, *варишазевемс* ‘оглянуться (начинат.)’, *варишавтомс* ‘заставить оглянуться (понуд.)’), *ванномс* ‘осматривать, изучать’, *ванстнемс* ‘присматривать, осматривать’: *Вана кода невтеви произведения сонть те таркась*. [MokshEr] ‘Вот как **показано** (букв. ‘**показывается**’) в произведении это место’; *Мейле, ламо иень ютазь, Вена невтекинизе кедензэ: сивезь таркасонть сон кичкерель*. [MokshEr] ‘Потом, по прошествии многих лет, Вена **показывал** свою руку: в сломанном месте она была кривой’; *Варишавинь атянть лангс*. [MokshEr] ‘**Оглянулся** на отца’.

Проведенное исследование группы перцептивных глаголов с семантикой «зрительное восприятие» в эрзянском языке позволило нам достичь поставленных целей, а именно представить глаголы зрительного восприятия в виде трехуровневой системы, а также определить ядерные лексемы и выявить периферийные единицы представленного поля.

Таким образом, с точки зрения словообразования можно отметить, что транзитивные неагентивные глаголы восприятия – это своего рода базовая группа, морфологически и, возможно, также семантически, категория сенсорных глаголов без характерных особенностей. С точки зрения семантики данные глаголы занимают промежуточное положение между интранзитивными и агентивными транзитивными глаголами восприятия, поскольку они имеют общие признаки и тех и других: с интранзитивными глаголами их объединяет отсутствие агентивности, а с транзитивными глаголами тот факт, что в их структуре возможны два участника: объект восприятия (воспринимаемое) и субъект восприятия (воспринимающий).

Ситуация, описываемая глаголами зрительного восприятия, заключается в том, что в ней должны участвовать (как минимум) два участника: объект восприятия (воспринимаемое) и субъект восприятия (воспринимающий). Несмотря на то что в случае с интранзитивными глаголами участвует только объект восприятия, в их значении содержится субъект восприятия, хотя и имплицитно. В этом случае воспринимающий в принципе будет оставаться обезличенным, хотя на основании контекста его можно интерпретировать как участника речевой ситуации.

Литература и источники

Архипова Ю. Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 22 с.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.

Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Когнитивная основа семантической классификации глаголов восприятия в разноструктурных языках // Культура народов Причерноморья. 2009. № 168. Т. 1. С. 331–334.

Моисеева С. А. Семантическое поле восприятия в западно-романских языках: монография. Белгород, 2005. 258 с.

Мосина Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке: дис. ... докт. филол. наук. Мордов. гос. ун-т. Саранск, 2014. 231 с.

Ниито Т. Näkökulmia suomen kielen aistihavaintoverbeihin. Emakeele Seltsi aastaraamat. 2006, 52. S. 69–86.

Ниито Т. Kognition kieli: miten suomen kieli käsitteistää aistihavainnon // Sananjalka 47. Turku, 2005. S. 7–41.

MokshEr – MokshEr. Syatko (Сятко): лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Электронный ресурс]. Turku, 2010.

Viberg Åke. The verbs of perception: A typological study // Linguistics 21. 1984. P. 123–163.

Viberg Åke. Verbs of perception // Language typology and linguistic universals. Vol. 2 / Ed. by Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oester-reicher, Wolfgang Raible. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 1249–1309.

N. M. Mosina
National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)

**SEMANTICS OF VISUAL PERCEPTION VERBS IN ERZYA-MORDVIN
LANGUAGE (BASED ON THE MokshEr LANGUAGE CORPUS)**

The subject of this paper is visual perception verbs in the Erzya-Mordvin language from the point of view of their semantic characteristics. The purpose of this research is to describe the structure of the semantic field of verbs of one aspect of perception, namely visual: to determine the nuclear and peripheral verbal units on the material of the studied languages; to describe the system of meanings of verbal lexemes in the Erzya and Finnish languages, to analyze the polysemy of the studied verbal group in each of the above languages.

Keywords: category of perception, visual perception verbs, semantics, the Erzya-Mordvin language.

СОЗДАНИЕ КОРПУСА ОБРАЗЦОВ МАРИЙСКОЙ РЕЧИ

В статье представлены методика и первые результаты работы по созданию аудиокорпуса марийского языка, распознавания и синтезатора марийской речи. В настоящее время создается аудиобазы голосов носителей марийского языка разных возрастов, пола, которые представляют различные марийские говоры. Работа ведется в рамках разработки Национального корпуса марийского языка.

Ключевые слова: аудиокорпус, речевые технологии, распознавание речи, синтез речи.

На фоне активного развития технологий в различных сферах актуальными являются речевые технологии, которые уже присутствуют в нашей жизни и продолжают ускоренно развиваться.

Спектр задач речевых технологий можно разделить на три направления: синтез речи, распознавание речи и голосовая биометрия. В настоящее время широко используются технические средства, которые имеют функцию распознавания речи; они находят применение в компьютерах, автомобилях, смартфонах и т. д. А в такие голосовые помощники, как Google Now, Яндекс Алиса, Apple Siri, Amazon Alexa и Xiao Ai, кроме распознавания речи, внедрены синтез речи и элементы искусственного интеллекта.

Распознавание речи – «это автоматический процесс преобразования речевого сигнала в цифровую информацию (напр., текстовые данные)» [Синтезатор речи]. Техническая система выполняет команду, содержащуюся в произнесенных словах, или набирает диктуемый текст. Таким образом, система распознавания речи не только упрощает пользование той или иной техникой, но и становится надежным помощником для людей с ограниченными возможностями. Поэтому рационально будет говорить как об актуальности данной системы, так и об ее общепользовательности и практичности.

В условиях постепенного исчезновения языков национальных меньшинств вопросы распознавания, синтеза речи и других речевых технологий становятся насущными не только для носителей исчезающих языков, но и для исследователей. К сожалению, разработка вышеуказанных технологий для недоминирующих языков продвигается недостаточными темпами. На данный момент распознавание и синтез речи реализованы для татарского языка, по линии поддержки людей с нарушением зрения ведутся работы над синтезаторами речи для чувашского языка. Опираясь на официальные источники, можно сказать, что для остальных языков, кроме русского, который является единственным доминирующим языком в России, подобные технологии не разрабатываются.

С одной стороны, внедрение языков малочисленных народов в речевые технологии хочется рассматривать как их «новую жизнь», а с другой – как необходимый формат пользования различной техникой для людей с нарушением зрения и двигательной активности.

В настоящее время ведется активная работа по созданию Национального корпуса марийского языка. К концу 2020 г. количество словоупотреблений в корпусе первого порядка достигнет 20 миллионов словоупотреблений. По окончании проекта корпус будет размещен по адресу: [corp.marii.ru] и будет доступен всем желающим.

В рамках проекта также разрабатывается аудиокорпус марийского языка: для того чтобы создать систему распознавания речи и другие продукты, использующие речевые технологии, необходимо собрать аудиокорпус с образцами марийской речи. Предполагается, что это будет своего рода аудиобазы, где будут храниться голоса носителей марийского языка разных возрастов, пола, которые представляют различные говоры марийского языка. Для максимальной эффективности и результативности работы при сборе будут задействованы обе литературные нормы марийского языка: луговая и горная. В качестве текста для записи используется сборник

марийских народных сказок «Сорок одна небылица» («Нылле ик шоя» – на луговой литературной норме марийского языка, «Ныллѣ ик алталымаш» – на горной литературной норме марийского языка).

Разработчики публично выразили надежду на сопричастность каждого марийца к созданию аудиокорпуса. Каждый желающий может принять участие в реализации проекта. Необходимо скачать файлы, которые надо озвучить, записать на цифровой диктофон или смартфон и выслать записанные файлы на почтовый адрес: marisong@yandex.ru. (При этом неважно, как человек читает: бегло или выразительно, есть у него какие-либо дефекты речи или нет.)

Для тех, кто будет читать на луговой литературной норме марийского языка, – «Нылле ик шоя» в формате: pdf, docx, fb2, epub или mobi, а на горной литературной норме марийского языка – «Ныллѣ ик алталымаш» в формате: pdf, docx, fb2, epub или mobi, подробная инструкция и ссылки для скачивания размещены: [Образцы марийской речи].

В конце каждого текста сказки записывающий производит его паспортизацию, указывая фамилию, имя, отчество, год рождения, место записи, а также дает разрешение на использование записи под любой свободной лицензией.

Исходные файлы не будут выкладываться в свободный доступ, а будут храниться отдельно. Сами записи со сказками, без вышеуказанной дописки об имени, годе рождения, разрешении на использование записи и места проживания, будут отдельными треками выкладываться в сеть под свободной лицензией.

Параллельно с распознаванием речи проводятся работы по созданию синтезатора речи, который будет создан способом «на основе правил». Одним из главных моментов является выбор эталонного голоса, который планируется синтезировать. В качестве мужского эталонного голоса нами выбран голос актера Марийского национального театра драмы им. М. Шкетана Павла Ефимова, а женского эталонного – голос народной артистки Республики Марий Эл Светланы Строгановой. К настоящему времени уже ведется студийная запись выбранных голосов. Текстом для чтения служат литературные произведения марийских писателей. Записи войдут в аудиокорпус, о котором упоминалось ранее.

Файлы 001.wav, 002.wav, 003.wav – это аудиофайлы по предложениям, прошедшие монтаж звуковым редактором. Предложения могут быть как короткие, так и длинные, но они все заканчиваются точкой, знаком восклицания или вопросительным знаком. Файлы 001.txt, 002.txt, 003.txt – текстовые файлы с текстами соответствующих предложений. На данный момент в нашем аудиокорпусе [Облако Mail.ru.] собраны более 10 часов записи голоса Павла Ефимова и около 3 часов голоса Светланы Строгановой. Работа с записью голоса и монтажом еще продолжается, так как запланировано достичь необходимого объема аудиокорпуса – более 10 часов записи мужского и женского голосов.

Стоит обратить внимание на сайт bible.is – здесь собраны аудиозаписи Библии на разных миноритарных языках. Если поставить «non-drama», то можно скачать аудио без звукового сопровождения, это аудио можно обработать как указано выше и также использовать в качестве «сырья» при создании синтезатора речи. Из этого источника был использован голос Павла Ефимова, который озвучивал Послание Святого апостола Павла. Для того чтобы добавить дополнительные часы записанного голоса, мы создали марийский подкаст, где публикуются аудиокниги: [Марий йогын]. Для записи аудиокниг также задействовали Павла Ефимова, Светлану Строганову и других чтецов. После завершения записи материал редактируем и оформляем таким же образом, как указано выше, и получаем более 10 часов аудиозаписи.

На следующем этапе предполагается освоение высокоуровневого языка программирования Python и обучение нейросети со скрытыми моделями Маркова.

Литература и источники

Марий йогын // Российская социальная сеть «ВКонтакте». Режим доступа (свободный). URL: https://vk.com/mari_podcast [Дата обращения: 14.08.2020].

Облако Mail.ru. Режим доступа (свободный). URL: <https://cloud.mail.ru/public/2CZR/5eCFZaUqG/> [Дата обращения: 12.08.2020].

Образцы марийской речи // Mari-Lab. Режим доступа (свободный). URL: http://mari-lab.ru/index.php/Образцы_марийской_речи [Дата обращения: 12.08.2020].

Синтезатор речи // Википедия. Режим доступа (свободный). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Распознавание_речи [Дата обращения: 11.08.2020].

corp.marnii.ru – находящийся в разработке сайт корпуса марийского языка.

A. V. Chemyshev

*Mari Research Institute of Language, Literature and History
named after V. M. Vasiliev
(Yoshkar-Ola, Russia)*

THE CREATION OF THE CORPUS OF THE MARI SAMPLES OF THE SPEECH

The article presents the methodology and first results of work on creating an audio corpus of the Mari language, recognition and synthesizer of the Mari speech. Currently, an audio database of voices of Mari speakers of different ages and genders representing different dialects of the Mari language is being created. The work is being carried out within the framework of the development of the national corpus of the Mari language.

Keywords: audio corpus, speech technologies, speech recognition, speech synthesis.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЕЙ НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА (СЛОВАРЬ СРАВНЕНИЙ И СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ)

На базе Национального корпуса марийского языка с 2016 г. осуществляется работа над созданием словарей нового типа. В 2019 г. был издан «Словарь сравнений марийского языка». Выборки составлялись по структурным параметрам – с учетом способов и средств оформления образных сравнений в марийском языке с помощью корпус-менеджера AntConc. В настоящее время ведется работа над словарем эпитетов марийского языка. В него войдут народно-поэтические, общеязыковые и индивидуально-авторские эпитеты.

Ключевые слова: Национальный корпус марийского языка, лексикография, словарь, сравнения, эпитеты.

На базе Национального корпуса марийского языка с 2016 г. осуществляется работа над созданием словарей нового типа. В 2019 г. был издан «Словарь сравнений марийского языка» [ССМЯ]. Лексикографический труд был подготовлен в рамках Республиканской целевой программы «Государственная национальная политика РМЭ на 2013–2020 гг.» авторским коллективом в составе Л. А. Абукаевой, А. В. Чемышева, А. А. Митрусковой.

Составители словаря поставили перед собой несколько задач: 1) представить марийский язык в его своеобразии, яркости, богатстве; 2) продемонстрировать возможности Национального корпуса марийского языка в области лексикографии; 3) обеспечить всех, кто пишет на марийском языке и изучает его, экспрессивными средствами в целях совершенствования творческих способностей.

В словаре представлены образные сравнения из текстов марийского фольклора: молитв, заговоров, легенд, преданий, сказок, песен, пословиц, загадок, примет. При репрезентации компаративных конструкций из фольклорных текстов в словарь включался один из множества структурных вариантов. Приведем в качестве примера одну из словарных статей:

АЧА отец, родитель. *Лаптыра тумо гай ачам ыле, эгельыже олмеш ончен куштыш.* МКМ. Был у меня отец, как раскидистый дуб, вырастил (меня) как жёлудь. *Пунчо роша гай ачам кодеш, чара роша гай авам кодеш.* МКМ. Как сосновая роща, отец мой остается; как опустевшая роща, мать моя остается. *Порт покшелне шогышо ачаемже – кава гыч вольшо Юмо гай.* МКМ. Мой батюшка в терему – словно сошедший с неба Бог. *Каван гае ачам уло.* МКМ. Есть у меня отец, статью как стог [ССМЯ: 20–21].

Основу иллюстраций словаря составили примеры из произведений марийской литературы, главным образом прозы и поэзии, в меньшей степени драматургии, причем в Национальном корпусе марийского языка имеются произведения как классиков марийской литературы и признанных писателей, так и начинающих авторов.

Иллюстрации из произведений научно-популярного и публицистического стилей были извлечены из сборников, журналов «Марий алманах», «Марий ўдырамаш», «Ончыко», «Родина верч», «У вий», «У илыш», а также газет «Марий коммуна», «Марий Эл», «Кугарня», «Ямде лий».

Способы сбора и первичной обработки материала обеспечили его репрезентативность. Выборки были составлены А. В. Чемышевым с помощью корпус-менеджера AntConc из Национального корпуса марийского языка первого порядка (на время составления словаря в нем насчитывалось более 11 миллионов словоупотреблений). А. А. Митрусковой была осуществлена первичная обработка материалов и снята грамматическая омонимия. Отбор иллюстраций из всего оставшегося объема материалов, их перевод и дальнейшую обработку, работу по составлению словаря произвела руководитель проекта Л. А. Абукаева. На завершающем этапе работы проверку орфографии выполнил А. В. Чемышев.

Выборки составлялись по структурным параметрам, а именно с учетом способов и средств оформления образных сравнений в марийском языке. Наибольшую сложность представлял сравнительный падеж, который оформляется с помощью окончания *-ла* (напр., *лывыла* 'как/точно/словно/будто/что бабочка'), поскольку грамматическая омонимия указанной падежной формы возникает с глагольными формами (*ойла* 'говорит'), формами множественного числа существительных (*олала* 'города'), наречиями (*эрла* 'завтра'). Однако проблема, которая на начальном этапе представлялась практически неразрешимой, была успешно решена А. В. Чемышевым на завершающем этапе работы.

Другие структурные параметры в отношении грамматической омонимии практически не создавали больших трудностей, среди них: 1) послеложные конструкции (послелогои *гай/гае/гане/гаяк* 'как, словно, точно, будто, что, подобно'; *семын/семинак* 'как, словно, точно, подобно'); 2) конструкции, оформленные при помощи частиц *чылт/чылтак* 'будто, как, словно, как будто, точно'; *ялт/ялтак* 'точь-в-точь, словно, как, как будто, точно'; *лач/лачак* 'точно, словно'; 3) союзные конструкции (сравнительные обороты и придаточные сравнения, вводимые с помощью союза *пуйто* 'будто'); 4) конструкции, оформленные по моделям: «имя существительное + *деч/дечат/дечын* + имя существительное»; «имя существительное в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; 5) конструкции, построенные по модели «инфинитив в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»; 6) конструкции, осложненные вводными словами, напр.: (*Ўдыр-влакын*) *Мур йўкышит тыматле моткочак, шонет, леве йўр опталеш* (М. Казаков) '(У девушек) Голоса такие ласковые, думаешь, проливается теплый дождь' [ССМЯ: 81].

Представлены в словаре и образные сравнения, оформленные с помощью лексем *ушеш-тараиш* 'напоминать', *ушагаиш* 'быть похожим', *сынан* 'определенного вида', *тўсан* 'определенного цвета; с внешностью, видом, лицом', а также отрицательные сравнения: *Нўлпў вожым ушештарыше йошкар вуян пўрбен ончыко лектын шогале*. А. Юзыкayн. Мужик с красной головой, напоминающей корень ольхи, вышел вперед [ССМЯ: 39]; *Чучеш, пуйто ший гай сынан ои тўсым вела сур пылтомыш*. В. Абукаев-Эмгак. Кажется, будто серое небо льет белый цвет, подобный серебру [ССМЯ: 337]; *Ончо, тудын шинчаже могае, чылт фара гай. Тиде ўдыр огыл – тул*. Н. Лекайн. Смотри, какие у нее глаза, точно как фары. Это не девушка – огонь [ССМЯ: 405].

Основные принципы работы над словарем изложены в его предисловии [ССМЯ: 4–8].

В настоящее время этим же коллективом ведется работа над словарем эпитетов марийского языка. Работа не простая, поскольку у составителей нет формальных критериев отбора материала из корпуса, который на сегодняшний день насчитывает 20 миллионов словоупотреблений. Исходный принцип заключается в следующем: в качестве искомых вводятся имена прилагательные и наречия, которые могут употребляться в переносном значении, используя в функции эпитетов. В этом большую помощь оказывает 10-томный «Словарь марийского языка» [СМЯ].

В основу концепции словаря эпитетов марийского языка положен также и традиционный метод создания выборки, то есть в начале работы список эпитетов был создан на основе анализа поэтических сборников современных марийских поэтов. Такой «усиленный» подход не только позволит обеспечить полноту охвата материалов, а следовательно, и их репрезентативность, но и подтвердит правильность выбранной методики. Так, например, в марийском языке существительные в роли эпитетов не отличаются продуктивностью. Следовательно, отсутствие такого типа иллюстраций в создаваемом словаре в целом не исказит картину экспрессивных возможностей марийского языка. Следует отметить, что подобные допущения неизбежны при охвате большого объема материала и при привлечении в качестве основных методов обработки эмпирического материала компьютерных технологий.

На сегодняшний день выработана концепция словаря эпитетов марийского языка, параллельно ведется работа по созданию выборок, селекции материалов, переводу примеров и составлению словарных статей. Так будут выглядеть словарные статьи создаваемого словаря:

Йӱштӧ прил. перен. холодный; строгий, недоброжелательный. *Манам: йӱштӧ мут сусыртен.* А. Иванова. Скажу: ранило холодное слово. *Чонышкем йӱштӧ мутым ит кышке: Мый кертам эркын-эркын йӱкшен.* З. Дудина. Не бросай мне в душу холодные слова: я могу со временем охладеть. *Тыге йӱштӧ мутым колалын, Танет чытырналтын кая.* Г. Сабанцев. Так, услышав холодное слово, вздрогнет твоя подруга.

Из примера видно, что словарную статью возглавляет не определяемое слово, как это мы можем наблюдать в Словаре эпитетов русского литературного языка [СЭРЛЯ], а эпитет. Кроме того, однотипные, на первый взгляд, сочетания эпитетов и определяемых слов из иллюстративных материалов словаря не исключаются, поскольку в более широком контексте раскрываются их своеобразие, яркость, а также индивидуальные особенности стиля того или иного автора. В словарь войдут народно-поэтические, общезыковые и индивидуально-авторские эпитеты.

Авторский коллектив надеется, что словари сравнений и эпитетов, так же, как и Национальный корпус марийского языка, будут способствовать сохранению и развитию марийского языка.

Литература и источники

СМЯ – Словарь марийского языка. Марий мутер / МарНИИЯЛИ. Т. 1–10. Йошкар-Ола, 1990–2005.

ССМЯ – *Абукаева Л. А., Чемышев А. В., Митрускова А. А.* Словарь сравнений марийского языка. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. 493 с.

СЭРЛЯ – *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

L. A. Abukaeva

*Mari Research Institute of Language, Literature and History
named after V. M. Vasiliev
(Yoshkar-Ola, Russia)*

EXPERIENCE IN CREATING DICTIONARIES BASED ON THE NATIONAL CORPUS OF THE MARI LANGUAGE (DICTIONARY OF COMPARISONS AND DICTIONARY OF EPITHETS)

Since 2016, work has been carried out on the creation of dictionaries of a new type on the basis of the National Corpus of the Mari language. In 2019, the "Dictionary of Comparisons of the Mari Language" was published. The samples were compiled according to structural parameters – taking into account the methods and means of formatting figurative comparisons in the Mari language using the AntConc corpus manager. Currently, work is underway on a dictionary of the epithets of the Mari language. It will include folk poetry, general language and individual author's epithets.

Keywords: National Corpus of the Mari language, lexicography, dictionaries, comparisons, epithets.

ОТ КОРПУСА ВепКар К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЕ

Статья посвящена Открытому корпусу вепского и карельского языков ВепКар. Описаны функциональные возможности системы, организация данных и количественные характеристики корпуса. Рассказано о приложениях корпуса в международных проектах. Доступные в ВепКар инструменты лингвиста и дальнейшие планы работ дают основание считать корпус лингвистической платформой.

Ключевые слова: вепский язык, карельский язык, корпусная лингвистика, лингвистический корпус, корпусный менеджер.

Корпусная лингвистика – это раздел компьютерной (прикладной) лингвистики, описывающий принципы и методы построения лингвистических корпусов (корпусов текстов) и методы использования корпусных данных [Захаров 2005: 3; Кибрик и др. 2019: 407]. Корпус можно рассматривать как *метод поиска* на больших массивах текстов. С помощью корпусов можно оценить частотность языковых конструкций, выявить образцы сочетаемости слов.

Под лингвистическим корпусом текста обычно понимается «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров 2005: 3]. Помимо языковых данных в понятие «корпуса текстов» также включают систему управления текстовыми и лингвистическими данными, так называемый корпусный менеджер, который содержит «программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме» [Захаров 2005: 3].

Открытый корпус вепского и карельского языков (ВепКар, <http://dictorpus.krc.karelia.ru/>) ведет свою историю с 2009 г. История проекта описана в статье [Крижановский и др. 2019]. Далее приведены характеристики этого лингвистического корпуса.

Открытый корпус вепского и карельского языков

Разрабатываемый корпус ВепКар обладает следующими характеристиками:

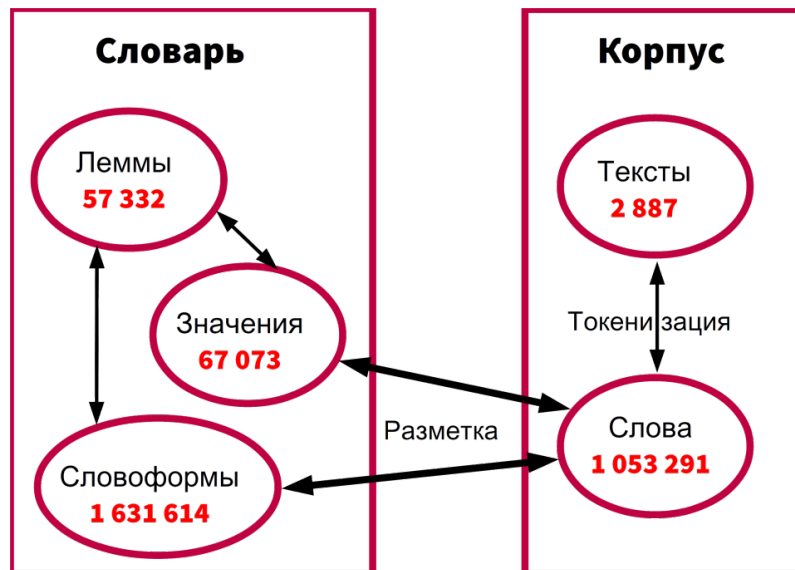
- является многоязычным корпусом;
- является полнотекстовым корпусом;
- предоставляет пользователям доступ к полным текстам документов;
- относится ко всему языку, то есть включает различные жанры и стили;
- включает разметку:
 - метатекстовую (название текста, дата создания, автор, жанр, место записи и др.);
 - морфологическую (у слов в текстах указаны части речи и морфологические признаки);
 - семантическую (слова в текстах связаны со значениями словарных статей).

Архитектура и количественные характеристики корпуса

Корпусным менеджером в проекте ВепКар является комплекс программ с открытым исходным кодом `dictorpus`, доступный для разработчиков онлайн (<https://github.com/compronavt/dictorpus>). Система поддержки корпуса создана на платформе Laravel, язык программирования PHP. Данные хранятся в базе данных MySQL.

Проект ВепКар (рис.) включает корпус текстов и связанный с ним словарь. На сентябрь 2020 г., в корпусе свыше 2800 текстов на 26 диалектах вепского и карельского языков, свыше миллиона словоупотреблений. У некоторых текстов есть параллельный перевод на русский язык, десяток текстов сопровождается видеозаписью. Словарь корпуса содержит свыше 57 тысяч

словарных статей со словоформами на 18 диалектах. Толкования слов в основном даны на русском и английском языках, хотя есть возможность давать толкования на вепском, наречиях карельского и финском языках.

Организация данных ВепКар, объем корпуса и словаря (на сентябрь 2020 г.)

Текст автоматически размечен на 71 %, то есть для 754 тысяч слов в текстах система нашла соответствие в словаре: известны начальная форма (лемма), часть речи и другие морфологические признаки. Теперь работа экспертов состоит в проверке разметки и снятии омонимии. Подробнее о структуре и разметке корпуса рассказано в работе [Крижановский и др. 2019].

Приложения корпуса ВепКар в международных проектах

Отметим важность и востребованность работ по развитию корпуса текстов. Во-первых, в соревновании «Оценка методов обработки малоресурсных языков», проведенном в феврале – марте 2019 г. в рамках международной конференции «Диалог», использовались размеченные данные корпуса ВепКар в формате CONLL [Klyachko et al. 2019]. Результаты соревнования и данные корпусов доступны онлайн (<https://lowresource-lang-eval.github.io>).

Во-вторых, данные корпуса с 2019 г. включены в международную морфологическую базу данных UniMorph (<https://github.com/unimorph>) [McCarthy 2020]. Экспорт данных в общепринятые форматы (CONLL, UniMorph) важен для привлечения к исследованию вепского и карельского языков международного научного сообщества. В последние годы становится практикой, когда новые методы и алгоритмы вычислительной лингвистики проверяются не на одном-двух языках, а на множестве языков, например, с привлечением базы UniMorph, включающей 110 языков. Таким образом, теперь в эту сотню языков, активно исследуемых научным сообществом, входят вепский язык и три диалекта карельского языка.

Лингвистическая платформа ВепКар

За последние пять лет корпус ВепКар значительно увеличился в объеме и в функционале и сейчас включает:

- частично размеченные тексты;
- многофункциональные словари (толковые, переводные, обратные, тезаурус и др.).

Большой объем работы лингвистов и программистов связан с разработкой и наполнением словарей. Сформулированы правила словоизменения и реализованы алгоритмы генерации словоформ для вепского языка, ливвиковского и собственно карельского наречий. Это значительно ускорило наполнение словаря и увеличило разметку корпуса.

В дальнейшем планируется добавить в проект:

- этимологический словарь,
- ономазиологический словарь (добавлены данные из Сопоставительно-ономазиологического словаря диалектов [СОСД 2007], планируется связать их удобным интерфейсом и поисковым функционалом),
- аудиофайлы со звучанием слов в словарных статьях,
- географическую привязку слов.

Система VepKar включает в себя инструменты, позволяющие лингвисту выполнять:

- импорт и экспорт данных в различные форматы (напр., Universal Dependencies, CONLL);
- тестирование и проверку данных;
- выборки для анализа данных (поиск дублей, группы слов с одинаковыми флексиями, частота встречаемости аффиксов в словаре и т. д.).

Ввиду этого, а также указанного выше планируемого списка работ мы можем говорить о переходе от корпуса к лингвистической платформе.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-012-00117 А «Проблемы создания корпусов языков малочисленных народов России на примере Открытого корпуса вепского и карельского языков»).

Литература и источники

Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. СПб.: СПбГУ, 2005. 48 с. URL: <http://bit.ly/38fbzvH>.

Кибрик А. Е., Федорова О. В., Татевосов С. Г. и др. Введение в науку о языке. М.: Буки Веди, 2019. 672 с. URL: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/9215/8507/9636/AEK_et_al_corrected_2020.pdf.

Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Родионова А. П. Архитектура корпусного менеджера и разметка текстов корпуса VepKar: материалы II международной научной конференции «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы» (Уфа, 27–29 ноября 2019 г.). 2019. С. 19–23. URL: http://resources.krc.karelia.ru/math/doc/publ/vepkar_ufa_2019_preprint.pdf.

СОСД – Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 348 с.

Klyachko E. L., Sorokin A. A., Krizhanovskaya N. B., Krizhanovsky A. A., Ryazanskaya G. M. LowResourceEval-2019: a shared task on morphological analysis for low-resource languages // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue" (Moscow, May 29 – June 1, 2019). 18 (25). 2019. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf#page=52.

McCarthy A. D., Kirov C., Grella M. et al. UniMorph 3.0: Universal Morphology // Proceedings of The 12th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille, France: European Language Resources Association, 05/2020. P. 3922–3931. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/2020.lrec-1.483>.

N. B. Krizhanovskaia, A. A. Krizhanovskii

*Institute of Applied Mathematical Research KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

FROM THE VepKar CORPUS TO THE LINGUISTIC PLATFORM

The article is devoted to the Open corpus of Veps and Karelian languages (VepKar). The functional capabilities of the system, data organization and quantitative characteristics of the corpus are described. The applications of the corpus in international projects are presented. The corpus can be considered as a linguistic platform due to the corpus linguistics tools and further works.

Keywords: Vepsian language, Karelian language, corpus linguistics, linguistic corpus, corpus manager.

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ЯЗЫКОВОЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ
В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**«ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО»
У ТВЕРСКИХ КАРЕЛОВ В 30-е гг. XX в.**

В период формирования письменного литературного языка одним из важных этапов становится процесс пополнения лексики новыми словами. В данной статье рассматриваются способы интеграции в карельский язык общественно-политической и общеупотребительной лексики, заимствованной из русского языка. Объектом исследования являются статьи из первого номера газеты «*Kolhozoin puoleh*», выход которой стал одним из первых результатов карелизации в 30-е гг. XX в. у верхневолжских карелов.

Ключевые слова: карельский язык, лексика карельского языка, терминологическое строительство, история письменности.

В процессе исследования истории карельской письменности 30-х гг. прошлого века автором были изучены несколько документов, хранящихся в архивах Твери и Москвы, которые и подтолкнули к написанию данной статьи. Так, А. А. Беляков [Беляков 1932, 1980] подробно перечисляет трудности, возникавшие при создании первых книг и газеты на карельском языке, а А. А. Милорадова [Милорадова 1936] рассматривает способы «терминологического строительства».

Целью исследования является анализ лексики первого номера газеты «*Kolhozoin puoleh*», который вышел 24 февраля 1931 г. [Kolhozoin puoleh]. Необходимо отметить, что использованные в статье примеры приводятся в соответствии с их написанием в источнике.

При изучении первой карельской газеты особо важно было учитывать условия, в которых она создавалась. Язык не имел нормативной базы: толковых и орфографических словарей и справочников, грамматик и единого свода правил. Первый справочник по орфографии вышел лишь в 1935 г. [Беляков 1935]. Авторам статей, которые зачастую имели невысокий уровень грамотности, отсутствовали навыки письменного использования родного языка, приходилось полагаться лишь на свою интуицию.

Проанализировав языковой материал газеты, можно выделить ряд проблем, связанных с отсутствием орфографии и норм карельского языка, а также небольшим опытом авторов и технических сотрудников газеты в использовании письменной речи.

1. В текстах статей встречается много разного рода опечаток:

– неправильно использованы визуально сходные латинские графемы:

Uelikoderžavnoi [Velikoderžavnoi], *Uoigalla* [Volgalla], *enzimazeh* [enžimazeh], *yksinäzet muan ruadaät* [yksinäzet muanruadaät], *kolhoznikkoin häh* [näh], *hälgiä* [nälgjä], *kuin çanou* [šanou], *krasnoarmeigoida* [krasnoarmeïçoida];

– латинские буквы заменены кириллическими: *yksi* [yksi], *croiteljstvan* [sroiteljstvan], *boljševikoin* [boljševikoin], *kylakot* [kulakot], *massovoi* [massovoi].

2. Наблюдается вариативность написания одного и того же слова или однокоренных слов: *šuuven/šuvren/šuvvrembi*; *raionoissa/raionašša*.

3. Нарушение правила гармонии гласных, в соответствии с которым в одном слове не могут использоваться одновременно гласные переднего и заднего рядов (за исключением сложных слов). Нарушение этого закона происходит как в исконных карельских словах, так и в заимствованиях:

– в карельской лексике нарушение гармонии гласных происходит непоследовательно, одновременно с ошибочным написанием встречается правильное: *muö/myo/myö*, *havitända/hävittä*, *enämmäljdi/enämmäljdi*, *tallä/tällä*, *pidäu/pidäy*, *hänešša*, *jalgimäzina/jälgi-mäne*;

– в заимствованных словах буквы, обозначающие звуки переднего ряда, используются для выражения мягкости предшествующего согласного, аналогично русским буквам я, ю, ё после согласных: *Srednöilla Uoigalla, kylin hozäistvoida, Oktäbrin Revoljuçii, fevralälla/ fevralillä, proizvodäşcoiksi*.

При этом для передачи мягкости можно было использовать специальную букву – j, соответствующую мягкому знаку в русском языке, а для букв я, ю, ё – сочетания ja, ju, jo, что позже будет введено как правило орфографии [Беляков 1935: 7–11, 19]: напр., *Oktjabrya* [Беляков 1935: 113]; *revoljuçija* [Беляков 1935: 151].

Что касается пополнения лексического состава языка, то, как и в дореволюционное время, в годы советской власти основным способом было заимствование слов из русского с адаптацией к фонетическим и грамматическим законам карельского языка.

Большой массив неологизмов, вошедших в язык, составили названия органов власти, общественных и экономических явлений, наименования различных групп людей: *Çentralnoi komitetta kommunisticeskoin bolşevikoin partin* ‘Центральный комитет коммунистической большевистской партии’; *Krasnoi Armija* ‘Красная армия’, *krasnoarmeičat* ‘красноармейцы’, *moni şadua krasnoarmeiskoloida kolhozoida* ‘несколько сот красноармейских колхозов’; *Oktäbrin revoljuçii* ‘Октябрьская революция’; *komsomolşat* ‘комсомольцы’; *sovietan vluasti* ‘советская власть’, *sovietan sjezda* ‘советский съезд’; *pergamah pravoiloida opportunistoida* ‘бить по правым оппортунистам’; *imperialistat* ‘империалисты’; *velikoderžavnoit şovinistat* ‘великодержавные шовинисты’; *kolhoza* ‘колхоз’, *kolhoznikat* ‘колхозники’; *kulakka* ‘кулак’; *brigada* ‘бригада’; *şploşnoi kollektivizaçija* ‘сплошная коллективизация’; *selşovetta* ‘сельсовет’, *predsedatelä selşovetan* ‘председатель сельсовета’ и т. д.

Редко встречаются названия учреждений, в которых частично используется карельская лексика: *Moskun rahvahan oraşşunda otdiela* ‘Московский отдел народного образования’.

Из русского также были заимствованы аббревиатуры, которые получили в советское время широкое распространение. Данный способ словообразования нехарактерен для карельского языка, в отличие от создания слов сложением основ: *Mosoblispolkoma* ‘Мособлисполком’, *rik* ‘РИК’, *Narkomprosa* ‘Наркомпрос’, *soçsorevnovanjja* ‘соцсоревнования’; *inspektora soçvosa / soçvesan inspektorua* ‘инспектор соцвосо’; *izbaccuoloiiloilla* ‘избачам’.

В словосочетаниях неологизмов с общеупотребительной лексикой русское заимствование сочетается со словами из карельского языка: *massovoi politiceskoit ruado* ‘массовая политическая работа’; *kylyturno-politiceskoit ruado* ‘культурно-политическая работа’; *bolşevikoin keviä* ‘большевистская весна’; *kapitolistoin rannoissa* ‘в капиталистической стране (стороне)’; *kylän hozäistvat / şjolan hozajistvoida* ‘сельское хозяйство’.

Интересны случаи использования заимствований и синонимичных им слов, образованных от карельских или получивших дополнительное значение.

Viizivuudine ‘пятилетка’: *3-ş vuoži viizivuudistä* ‘3-й год пятилетки’; *Pätiletka missä proletariatta stroiu soçializmua, vьpolnäicou pätiletkua* ‘Пятилетка, где пролетариат строит социализм, выполняет пятилетку’.

Ruavotta olija / ruavottaolija ‘безработный’: *vediä strahuinda ruavotta olijoilla boljnicoin kassoissa* ‘введение страхования для безработных в больничных кассах’; *şyottändä ruavottaolijoin lapşie tuakunnan şcottuh* ‘питание детей безработных за счет государства’; *Bezrobotnoi – ei ole dengua bezrobotnoiloih varoin* ‘нет денег для безработных’; *dolžнь olla annettu bezrobotnoloilla* ‘должны быть отданы безработным’.

Keşkikerdane ‘середняк’: *ştobi organizuija kaikie kazakkoida, kolhoznikkoida, keyhie, keşkikerdazie karielojda kolektiviziruija kylän hozäistvoida* ‘чтобы организовать массы [всех] батраков, колхозников, бедняков, середняков карелов за коллективизацию сельского хозяйства’; *Serednäka pidäy organizuija keyhäh i serednäkan massat torah kulakoloinke* ‘Нужно организовать бедняцкие и середняцкие массы на борьбу с кулачеством’.

Hävitändä/hävittiä ‘ликвидация/ликвидировать’ (от *hävittiä* ‘уничтожить, истребить’ [СКЯ 1994: 65]): *havitändä kulakkoloida kuin klassua* ‘ликвидация кулачества как класса’; *ştoby unnäh hävittiä jallet naçionaljnoida ei yn[h]enmuzehuşta* ‘чтобы совсем уничтожить следы

национального неравенства»; *Likvidiruija* – *Likvidiruija kulakot, kuin klassa* ‘Ликвидировать кулачество как класс’.

Некоторые неологизмы, созданные на карельском языке, при первом употреблении даются в тексте совместно с заимствованиями, а далее используются самостоятельно.

Leibävaruštämizet (*hlebozagotovkat*) *kolhoznikat loppiettäh täyveldäh i srokkah, annettäh muakunnalla* (*gosudarstvalla*) *300 ližänkena puudua juvija* ‘Хлебозаготовки колхозники выполнили полностью и в срок сдали государству 300 с лишним килограммов зерна’; *Kiät poisj kaiki ruadajoida i muanruadajoida muakunnašta* – SSSR ‘Руки прочь от отечества (государства) всех рабочих и крестьян – СССР’.

Kaikiopaššunda šidä valmistaja gruppua i nellä kuuhizet ruadaie valmissanda kursat kaiki kiopaššundah varoin vseobucah ‘Затем подготовительная группа и четырехмесячные курсы для подготовки работников по всеобучу’; *kaikkiopaššannalla kaiki lapšie 8–11 vuodeh šua* ‘всеобучем все детское население 8–11 лет’.

Намного реже использовали термины, созданные на основе карельского языка, но как раз они вызывают наибольший интерес.

Yksinäne muanruadaja ‘единоличник’: *Kyljvö pluana vielä eu veetty kolhozoih i yksinäzih muanruadaih šua* ‘Посевной план еще не доведен до колхозов и единоличников’.

Niin že pidäy perguu u važamie lymmytäie ‘Так же решительно надо бить и по «левым» загибщикам’.

Molemmat nämä kiännynnat leninskoista naçioljnoista politikašta ‘Оба эти уклона от ленинской национальной политики’; *vaštah kaikilla kiännnyksillä* ‘против всяких уклонов’; *torota kalduannanke partin politikkuu i miriccennänkena kalduamizenkena* ‘бороться с уклонами от политики партии и примиренчеством с уклонами’. В данных примерах термин «уклон» образован от разных глаголов: *kiändiä* ‘поворачивать’ [СКЯ, 1994: 105] и *kaldauduo* ‘1. клониться, 2. отклоняться от чего-л.’ [СКЯ, 1994: 84].

Ynnäh unahukšekši leninän nevvomizeh ‘полным забвением ленинских указаний’; *tällä neuvonnalla meilä pidäy omašša ruavošša rukovodstvucicie* ‘этими указаниями мы должны руководствоваться в своей работе’.

Таким образом, отсутствие норм карельского языка, низкий уровень грамотности и отсутствие навыков письменной речи у авторов объясняют большое количество ошибок и варьирование в написании слов в первом номере газеты «*Kolhozoin puoleh*». Также наблюдается преобладание заимствованной из русского языка лексики над неологизмами, созданными на базе исконных карельских основ.

Литература и источники

Беляков А. А. Итоги и перспективы издания карельской литературы: доклад на совещании карельских работников в г. Лихославле: машинопись, копия. 1932 // ГАТО Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 36. 28 л.

Беляков А. А. Русско-карельский орфографический справочник для карельских школ. М.: Учпедгиз, 1935. 190 с.

Беляков А. А. Создание и ликвидация карельской письменности: рукопись, машинопись. 1980 // ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 24. 46 л.

Милорадова А. А. Терминологическое строительство у карел Калининской области: рукопись. 1936 // Архив РАН (Москва). Ф. 677. Оп. 5. Д. 134. 33 л.

СКЯ – Словарь карельского языка: тверские говоры / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Kolhozoin puoleh. 24.02.1931. № 1 // Режим доступа (свободный). URL: <https://fennougrica.kansaliskirjasto.fi/handle/10024/88348> [Дата обращения: 13.09.2020]

**"THE CONSTRUCTION OF THE TERMINOLOGY"
OF TVER KARELIANS IN THE 30s OF THE 20th CENTURY**

During the formation of the written literary language, the process of replenishing vocabulary with new words becomes one of the important stages. This article examines the ways of how the socio-political and commonly used vocabulary borrowed from Russian become incorporated into the Karelian language. This research focuses on articles published in the first issue of the newspaper "Kolhozoin puoleh" whose release may be considered one of the first results of 'karelization' in the 30s of the 20th century of the Karelians living in the Upper Volga region.

Keywords: Karelian language, Karelian language vocabulary, terminology development, story of written language.

**«ЗАПИСАНА РЕЧЬ, ЕЙ ЗАБВЕНИЯ НЕТ»
(ИЗ ИСТОРИИ ВЕПСКОЙ И ИЖОРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТЕЙ)**

Статья посвящена истории создания в 1930-х гг. в Ленинградской области письменностей для вепсов и ижоры, организации обучения в школах на родном языке в рамках реализации государственной политики просвещения национальных меньшинств. Данный период истории вепсов и ижоры внес значительный вклад в изучение их языков и культур, но привел к трагическим последствиям для многих его участников.

Ключевые слова: вепсы, ижора, родной язык, национальные меньшинства, Ленинградская область.

Становление системы образования в РСФСР/СССР проводилось с учетом многонационального состава населения страны. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., было выделено 195 этнических групп, а доля нерусского населения составляла 47 % (78 млн) [Козлов 1982: 285]. Первым документом, реализующим принципы национальной политики, провозглашенные советской властью в «Декларации прав народов России»: равенство и суверенность народов России, их право на самоопределение, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп», в области школьного образования стало Постановление Народного комиссариата просвещения от 31.10.1918 г. «О школах национальных меньшинств» [Постановление 1918].

В соответствии с ним все народы страны имели право *«обучения на своем родном языке обеих ступеней Единой трудовой школы и в Высшей школе»*, но с обязательным изучением языка большинства населения региона. Национальные школы являлись государственными и должны были открываться везде, *«где есть ... не менее 25-ти учащихся для одной и той же возрастной группы»*. Организация национальных школ возлагалась на созданный в Наркомпросе специальный отдел по просвещению национальных меньшинств с сетью подведомственных учреждений на местах. Отдел несколько раз менял свой статус: в 1921 г. он был преобразован в Совет по просвещению *народов нерусского языка* (Совнацмен). В марте 1924 г. Совнацмен принял решение, обязывающее в губерниях разработать двух-трехгодичный план перевода школ на родной язык в регионах со значительным числом национальных меньшинств. Такие планы, к сожалению, могли ускорить перевод обучения на родные языки с уже имеющейся развитой письменной традицией. В 1925 г. прошла реорганизация Совнацмена, он стал Центральным Советом по просвещению национальных меньшинств (Центросовнацмен), который в 1929 г. был преобразован в Комитет по просвещению национальных меньшинств. В 1931 г. в положение о комитете были внесены изменения, свидетельствующие об усилении внимания к бесписьменным народам. В числе первоочередных задач указывается *«содействие подъему культурного уровня отсталых национальностей»*, к которым относили бесписьменные народы и имеющие более низкий уровень образования по сравнению с общими показателями по регионам. Данная работа должна была проводиться *«на основе единого плана всей культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств РСФСР»* [Постановление 1931]. По всей вероятности, данное решение было следствием принятия 25 июля 1930 г. правительством СССР Постановления *«О всеобщем начальном образовании»* [Постановление 1930], которое у национальных меньшинств, несомненно, значительно успешней можно реализовать при организации преподавания на родных языках. Таким образом, через двенадцать лет после принятия решения о национальной школе, гарантирующей обучение на родном языке для всех народов, ее стали создавать и для бесписьменных народов, в последующем часто с трагическими последствиями для создателей. Такой оказалась и история ее создания для бесписьменных народов Ленинградской области.

Вопрос о необходимости создания письменностей для вепсов и ижоры и организации преподавания на данных языках впервые был поставлен в Ленинградской области только в конце 1920-х гг.

В 1927 г. в состав Ленинградской области в результате административно-территориальной реформы включили пять губерний (Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Череповецкую и Мурманскую), в двух из них, Ленинградской и Череповецкой, проживала большая часть вепского населения. Центром новой области стал Ленинград. Реформа проводилась с целью замены губерний на огромные области и края с разделением их вместо уездов на округа, состоящие из районов, а районы – из сельсоветов. Население Ленобласти было разделено на девять округов, из них Мурманский округ с проживающими там саами (лопарями) и коми-ижемцами был отделен от основной части Ленобласти Карелией [Тархов].

По данным переписи 1926 г., население Ленобласти составило 6,4 млн, из них 5,8 – русские и 605 тыс. (9,5 %) являлись представителями более 30 национальностей, которые значительно различались по уровню образования, занятости и степени укорененности в регионе.

В Ленинградском облисполкоме был создан Отдел национальных меньшинств под руководством П. М. Янсона. В 1929 г. был опубликован обзор работы отдела за год, содержащий важные статистические данные о национальных меньшинствах области, предложения по решению их проблем в различных сферах [Национальные меньшинства... 1929]. Отдел в целях улучшения обслуживания компактно проживающих национальных меньшинств в 1928 г. завершил работу по национальному районированию. Статус национальных сельсоветов получали при условии, если в них проживало 66 % одной национальности. Приводятся сведения по этническому составу национальных районов (двух финских – Куйвазовского и Александровского и одного вепского – Винницкого) и сельсоветов по округам, с указанием численности преобладающей национальности, иной и русской. Выделялись и смешанные сельсоветы, где доля национальных групп составляла от 30 до 40 %. Национальным районированием были охвачены: финны, эстонцы, латыши, немцы, норвежцы, карелы, ижора, вепсы, ижемцы-зыряне, лопари. Национальных сельсоветов было 118, смешанных – 100 [Национальные меньшинства... 1929: 21–27]. Было решено продолжить «работу по выделению нацмен в особые административно-территориальные единицы с тем, чтобы организацию таковых закончить к 1930 г.» [Национальные меньшинства... 1929: 66]. Основной задачей национального районирования являлось создание наиболее эффективной школьной сети с преподаванием на родных языках, работы клубных учреждений, возможности ведения в таких административно-территориальных единицах делопроизводства на родных языках местного населения.

Самыми многочисленными среди национальных меньшинств области были финны. Их насчитывалось 128 тыс., из них ингерманландцев – 115 тыс., выходцев из Финляндии (финнов-суоми) – 13 тыс. Ингерманландцы являлись сельскими жителями и проживали компактно в 13 северных и северо-западных районах, а финны-суоми – в Ленинграде и городах области.

Финны оказались одним из самых грамотных национальных меньшинств области. Среди ингерманландцев грамотными были 72,1 %, среди финнов-суоми – 78,8 %. Финский язык признавали родным 74,6 %. Считалось, что культурная и языковая близость ингерманландцев и финнов-суоми дает основание рассматривать их как одно целое. Делопроизводство в национальных районах и сельсоветах велось на финском языке, на нем было организовано преподавание в школе, хотя и были большие проблемы с подготовкой полного набора учебников даже для начальной школы. На финском языке шла работа в учреждениях культуры, издавались газеты и журналы.

На фоне ситуации с финнами, украинской, белорусской, еврейской, латышской, татарской, немецкой, эстонской, польской и диаспор других народов, у которых грамотность достигала 80 %, вепсов (24 186), ижору (16 030), лопарей (1711), воедь (694) отнесли к культурно отсталым народам.

П. М. Янсон, характеризуя вепсов, пишет: «Вепсы (иначе – чухары, чудь, кайваны) – древнее финское племя, сохранилось лишь в пределах Ленинградской области и смежной с нею Карельской АССР. Расселены на границах Лодейнопольского (16 484), Череповецкого (5357)

и Ленинградского округов (2202), в глухой лесной и болотной местности. Основное занятие земледелие; побочно они занимаются рыболовством и лесным промыслом. Своей письменности не имеют, грамотных среди них – 33,5 %, родным вепсский язык считают 93 %. На территории вепсов имеется всего 8 школ». Отмечается, что «культурных работников среди вепсов мало, поэтому одной из важнейших задач является всемерное содействие со стороны советских и общественных организаций в деле развития хозяйственной и культурной жизни вепсов и выращивания новых культурных сил» [Национальные меньшинства... 1929: 11–12].

Более благоприятно оценивали положение ижоры. Ижора проживала в Ленинградском округе смешанно с финнами, русскими и водью. Своей письменности не имеют, пользуются русской; многие знают русский язык, грамотных среди них 60 %. В домашнем быту говорят на своем родном языке, близком к финскому. При переписи 88 % населения показало родным ижорский язык [Национальные меньшинства... 1929].

В отличие от ижоры – водь (694) сохранилась только в пределах Котельского района Ленинградского округа. Ее считали сильно обрусевшей, водский язык сохранялся лишь в немногих деревнях. Основное занятие – сельское хозяйство.

Два народа – лопари (саами) и ижемцы-зыряне (коми-ижемцы) Мурманского округа вели полукочевой образ жизни, занимались оленеводством, рыболовством, охотой и лесным промыслом. Основная масса лопарей – жители Норвегии, в округе – их 1706 чел., грамотных среди них 12,4 %. В пограничных районах некоторые лопари знают финский язык и пользуются финской письменностью. Коми-ижемцев насчитывалось 890 чел. Лопари и коми-ижемцы находились под опекой Комитета содействия малым народностям Севера при ВЦИКе, который оказывал им помощь в организации хозяйственной и культурной жизни [Национальные меньшинства... 1929: 12–13].

В декабре 1928 г. Президиум Ленинградского облисполкома по итогам обсуждения доклада «О работе среди национальных меньшинств» отметил «определенный сдвиг в сторону усиления работы среди наименьшинств», поручил «Облоно совместно с соответствующими научными учреждениями и общественными организациями в *6-ти месячный срок проработать вопрос о языке преподавания в вепсовских и ижорских школах* и представить свои соображения Президиуму Облисполкома» [Национальные меньшинства... 1929: 90]. К поручению обратились через два года. По всей вероятности, требование по реализации Постановления «О всеобщем начальном образовании» заставило Ленинградский областной Отдел народного образования (далее ЛООНО) в конце 1930 г. обратиться в Институт яфетидологических исследований (далее ЯИ) с просьбой представить предложения по вопросу о создании письменностей для бесписьменных народов области.

7 января 1931 г. в Учебно-методическом секторе ЛООНО состоялось совещание, посвященное вопросу выработки письменностей для бесписьменных народностей Ленинградской области. С основным докладом выступил ученый секретарь института Л. Г. Башинджагян. В архиве ЯИ сохранились тезисы его доклада «О состоянии письменности у наименов Ленинградской области» [Башинджагян 2013]. Он предложил создать письменности для всех финно-угорских меньшинств области (эврейсет, савакот, ингерикот, ватьялайсет, вепсялайсет, карьялайсет, эстиляйсет, лаппалайсет), как не имеющих свою письменность и обучающихся на финском или русском языках, отметив, что для лопарей она находится в стадии разработки З. Е. Черняковым. Настоятельной необходимостью ЯИ считает «создание письменностей для лопарей, води и вепсов, языки которых являются самостоятельными (особенно лопарский), несмотря на наличие в них значительных сходжений с т. наз. финским языком».

В отношении языка ижор, эврейсет и савакот, по мнению докладчика, возможны два способа решения вопроса. Первый и наиболее радикальный – «создание письменности для каждого из указанных языков с использованием для этой цели финского алфавита, либо отдельно для ижор и отдельно для эврейсет и савакот, поскольку языки последних групп ближе друг к другу, чем к языку ижор. Вследствие почти полного отсутствия научной разработки языков ижор, эврейсет и савакот решение данного вопроса возможно лишь на основе срочного обследования указанных языков».

«Вопрос о письменности для новгородских, череповецких и псковских корел следует рассматривать в связи с вопросом о письменности для тверских корел».

На совещании выступил также аспирант Г. Х. Богданов, изложивший «фактическое состояние вопроса». В итоге было принято решение, что работу по составлению букваря и пособий по языкам лопарей, води, ижор и вепсов совещание поручает ЯИ. Предстояло немедленно приступить к организации лингвистических экспедиций с целью сбора полевого материала, скорейшей его обработки и подготовки к осени 1931 г. букварей и учебных пособий [Королькова 2008: 153–157].

Заметка в «Ленинградской правде» о состоявшемся совещании в ЛООНО от 19 января 1931 г. «Грамота – для лопарей и ижор» вызвала конфликт между руководством ЯИ и Всесоюзным Центральным Комитетом по вопросу нового (латинизированного) алфавита при Совете Национальностей ЦИК (далее – ВЦК НА). ВЦК НА счел неприемлемым принятое решение, поскольку разработка и утверждение всех новых алфавитов «является неотъемлемой функцией ВЦК НА и всякого рода действия в данной области должны быть согласованы с нами». В ней сообщалось, что в ВЦК НА для северных народов уже выработан алфавит, какой находится в стадии утверждения, работает Комиссия по выработке алфавитов для угрофинских народов, подготовившая «алфавит для удмуртов и коми и в скором времени будет работать над алфавитами других финно-угорских народов». Просили «срочно сообщить о положении работы по разработке алфавита для ижор, лопарей и вепсов, выслать соответствующие материалы и впредь все вопросы по новым алфавитам согласовывать с ВЦК НА» [Письмо]. Письмо было направлено в ЛООНО, который переслал его в ЯИ. Вопрос был урегулирован после поездки Л. Г. Башинджагяна в Москву [Отчет: 281]. В отчете ИЯ за 1931 г. сообщается, что «по предложению ЛООНО, ЯИ в конце 1930 г. взял на себя задачу создания алфавитов и составления букварей для двух бесписьменных до сих пор народов, проживающих в Ленинградской области, – вепсов и ижор. С этой целью ЯИ снарядил в ударном порядке две экспедиции, имевшие целью собрать и разработать необходимые лингвистические материалы в их родном общественном и материальном окружении. Экспедицией к вепсам руководил аспирант Г. Богданов, экспедицией к ижорам – аспирант В. Дубов. Обе экспедиции выполнили свои задания блестяще и точно в срок. На основании собранных экспедиционных разнообразных материалов (по языку, фольклору, экономике, быту и т. д.) были составлены вепский и ижорский алфавиты, а также буквари по указанным языкам, представленные к напечатанию (к 1 авг. 1931 г.)» [Отчет ЯИ 1931: 312].

Это были рукописи ижорского учебника «*Enskirja ja lukukirja inkeröisia oppikoteja vart* / Азбука и первая книга для чтения для ижорских школ», авторы В. С. Дубов, Я. Я. Ленсу, В. И. Юнус; и вепского – «*Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig*» / Первая вепская азбука и книга для чтения», авторы Г. Х. Богданов, А. М. Михкиев, М. М. Хямяляйнен.

Экспедиции и работа над учебниками проводились «в ударном порядке». Как писал М. М. Хямяляйнен, они стремились поскорей закончить подготовку рукописи и работали над ней всё лето в его родном доме – в Лукашах.

По сообщению В. С. Дубова, экспедиция и работа над учебником заняли у них четыре с половиной месяца, два из них они провели в поле – у ижор Сойкинского полуострова. В предисловии к учебнику он пишет, что «ограниченный срок, нужно думать, отразился на работе, но, тем не менее, бригада приложила максимум усилий для выполнения ударной работы». Он благодарит за помощь в составлении учебника ижорских учителей Ф. Ф. Молодцова и В. И. Владимирова.

Оба руководителя авторских коллективов – Г. Х. Богданов и В. С. Дубов в подготовке следующих учебников не принимали участия. В. С. Дубовым был подготовлен словарь ижорского языка в объеме 4 тыс. слов, но он не был издан. Причиной стало, как сообщается, нежелание прилужской ижоры пользоваться учебниками, подготовленными на основе сойкинского диалекта [Смирнова 2002: 158]. По невыясненным обстоятельствам, учебники были опубликованы только через год: ижорский – в сентябре 1932 г., вепский – в ноябре 1932 г. Скорее всего, на их издание средства нашли только в 1932 г., когда в начале года при Отделе нацменьшинств Леноблисполкома был создан Отдел Комитета нового алфавита, подотчетный ВЦК НА

[Муллонен 1967: 107]. В нем были созданы две комиссии – вепсская и ижорская, члены которых занимались подготовкой учебной литературы, учителей, организовывали курсы по ликвидации неграмотности. Каждая из комиссий подготовила по 30 книг на вепском и ижорском языках всего за семь лет (1931–1937). Вепские учебники академик Пауль Аристе назвал «ценным неисчерпаемым источником лингвистического материала всем финно-угроведам» [Строгальщикова 2016: 33]. В полной мере эти слова относятся и к ижорским учебникам. Преподавание вепского и ижорского языков в школе продолжалось до конца 1937 г. Данный процесс подробно исследован Т. М. Смирновой [Смирнова 2002: 146–166]. Преподавание было более успешным у вепсов, язык которых не имел существенных диалектных различий.

В феврале 1938 г. было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах». В нем говорилось: «произведенной ЦК ВКП(б) проверкой установлено, что враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и автономных республик, насаждали особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, вепские, китайские и т. п.), превращая их в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях. Учитывая это, ЦК ВКП(б) признает дальнейшее существование особых национальных школ и особых отделений при обычных советских школах вредным» [Постановление 1938: 342]. Все ижорские и вепские школы в начале 1938 г. были преобразованы в советские школы обычного типа.

Решение Оргбюро ЦК ВКП(б) полностью исключало использование вепского и ижорского языков в официальных сферах, превратив вепсов и ижору на полвека в бесписьменные народы. Оно трагическим образом повлияло на судьбы многих участников «национально-языкового строительства», оказавшихся примерными исполнителями решений органов власти. Были репрессированы В. С. Дубов, преследованиям подвергались Г. Х. Богданов [Иванова 2017] и А. М. Михкиев [Коробейникова 2016: 36].

Спустя полвека эти работы перестали быть музейными экспонатами и явились основой для поддержки новой волны интереса к родным языкам, жизни и деятельности их создателей, о которых, к сожалению, еще далеко не всё известно.

Примечание

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Литература и источники

Башинджагян Л. Г. Тезисы к докладу о состоянии письменности у нацменов Ленинградской области // *Acta Linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. IX. Ч. 1. St. Petersburg, 2013. С. 275–276.

Иванова Л. И. Григорий Харитонович Богданов – общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка // *Краеведческие чтения–2017: материалы XI науч.-практ. конф.* Петрозаводск, 2017. С. 279–297.

Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 2-е изд. М., 1982. 303 с.

Коробейникова С. В. Отечественное финно-угроведение: забытые имена – А. М. Михкиев: материалы научной конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (Петрозаводск, 6–7 октября 2016 г.) / отв. ред. Н. Г. Зайцева. Петрозаводск, 2016. С. 34–36. [Электронный ресурс]. http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrih_cht_2016.pdf

Королькова Л. В. Из истории создания вепской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г. // *Вепсы: на рубеже XX–XXI вв.: по материалам межрегиональной научно-практической конференции «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития»* (Петрозаводск, 24–25 апреля 2008 г.). Петрозаводск, 2008. С. 153–157.

Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 105–109.

Национальные меньшинства Ленинградской области: сборник материалов / сост. П. М. Янсон. Л., 1929. 103 с.

Отчет – Отчет ученого секретаря ЯИ Л. Г. Башинджагяна о командировке в Москву для установления организационных связей с ВЦК НА // Acta Linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 1. St. Petersburg, 2013. С. 281–282.

Отчет ЯИ 1931 – Отчет о работе Института за 1931 г. // Acta Linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 1. St. Petersburg, 2013. С. 308–315.

Письмо – Письмо Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита в Ленинградский областной Отдел народного образования о необходимости согласования с ВЦК НА разработки алфавитов всех языков СССР // Acta Linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX. Ч. 1. St. Petersburg, 2013. С. 277.

Постановление 1918 – Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.10.1918 «О школах национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1918. № 80. Ст. 835.

Постановление 1930 – Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 «О всеобщем обязательном начальном обучении» // СЗ СССР. 1930. № 39. Ст. 420.

Постановление 1931 – Постановление СНК РСФСР от 27.01.1931 «Об утверждении Положения о Комитете по просвещению национальных меньшинств РСФСР при коллегии Наркомпроса РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. № 6. Ст. 69.

Постановление 1938 – Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24.01.1938 «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 342–343.

Смирнова Т. М. Национальность – питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб., 2002. 524 с.

Строгальщикова З. И. М. М. Хямляйнен и вепская письменность: материалы научной конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (Петрозаводск, 6–7 октября 2016 г.) / отв. ред. Н. Г. Зайцева. Петрозаводск, 2016. [Электронный ресурс]. http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrih_cht_2016.pdf.

Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет. URL: <http://geo.1september.ru/2001/21/1.htm> [Дата обращения: 10.10.2020].

Z. I. Strogal'shchikova

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

**"THE SPEECH WRITTEN DOWN SHALL NOT BE OBLIVIATED"
(FROM THE HISTORY OF VEPSIAN
AND IZHORIAN WRITING SYSTEMS)**

The article is devoted to the history of creation of writing systems for Vepsians and Izhora in the 1930s in the Leningrad region, organization of the process of teaching in schools in their native language as part of the implementation of the state policy of educating national minorities. This period in the history of the Vepsians and Izhora made a significant contribution to the study of their languages and cultures, but led to tragic consequences for many of its participants.

Keywords: Vepsians, Izhora, native language, national minorities, Leningrad region.

Ю. В. Литвин, М. В. Кундозерова
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
(Петрозаводск, Россия)

С. В. Липницкая, Е. Н. Изергина, Я. С. Шевченко (Кнурева)
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы НАН Беларуси
(Минск, Республика Беларусь)

КАРЕЛЬСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОВОЗРАСТНОЙ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЯЗЫКОВЫХ АКТИВИСТОВ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Языки, которые изначально находятся в различных условиях существования, проходят одинаковый процесс цифровизации. Несмотря на различные исходные параметры – географическую дистанцию, форму государственного устройства, статус языка в обоих регионах, в настоящее время сохраняется невысокий процент использования этнического языка в сфере повседневного общения, отсутствует преэминентность в образовательной сфере. Через анализ сетевого активизма (на примере перевода интерфейса «ВКонтакте») и материалов интервью попытаемся ответить на вопросы о возрасте, профессиях активистов, их мотивах в работе по ревитализации языков, а также определить факторы, влияющие на этническую идентичность молодежи двух регионов.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническое самочувствие, карельский язык, белорусский язык, языковой активизм, социальные сети.

Специфика языковой ситуации в Беларуси имеет некоторые точки пересечения с «карельской» и связана, прежде всего, с советским подходом к языковой политике. Отличия заключаются в промежутке 20-летней независимой истории стран, разных стратегиях государств в этой области и, соответственно, некоторых итогах. Развитие интернет-ресурсов и работа по переводу интерфейсов социальных сетей имеют большой потенциал развития карельского и белорусского языков и сохранения этнической идентичности рассматриваемых этносов.

Эмпирическую базу составляют материалы биографических интервью, результаты анкетирования коллективов по переводу интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на карельский и белорусский языки, также применялся метод включенного наблюдения на одном из «этнических» мероприятий в Карелии и мероприятиях в Беларуси, опрос участников. Первоначально мы ориентировались на молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Однако в ходе сбора данных в Беларуси и Карелии было принято решение отказаться от жесткой привязки к указанному возрастному диапазону. Так, в число опрошенных вошли как 15-летние карелы, так и те, кому исполнилось 42 года (всего пять интервью). Еще пять интервью были взяты у карелов, которые не являются этническими лидерами, однако проявляют интерес к сохранению и развитию языка, участвуют в некоторых мероприятиях. В поле зрения авторов – отдельные случаи и попытка представить объяснительные модели поведения, имеющие сходства и специфику в двух регионах.

Карельский язык получил такую возможность гораздо позже – платформа для перевода была предоставлена лишь в сентябре 2016 г., а для выхода версии в общее пользование переводчикам пришлось трудиться еще 2,5 года.

На первом этапе исследования было обращено внимание на инициативы по ревитализации этнических языков в киберпространстве на примере перевода интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на белорусский и карельский языки, опрос переводчиков и активистов. Классическая белорусская версия «ВКонтакте» (так называемая «тарашкевица») увидела свет в 2008 г. после пяти месяцев переводческой работы. В 2010 г. к этому процессу присоединились приверженцы академического варианта. В основе карельской версии интерфейса «ВКонтакте» лежит собственно карельское наречие карельского языка. Над версией классического

белорусского правописания изначально трудились 10 человек, академического – 30 человек (из которых наиболее активными были 10), карельского – 8 человек (на более постоянной основе лишь четверо). На сегодняшний день над рассматриваемыми версиями трудятся один, три и два человека, соответственно.

Анализ возраста, уровня владения языком и основной профессии действующих переводчиков выявил определенную специфику. Средний возраст карельских переводчиков – 34 года, тогда как белорусских – 26,5. Оказалось, что у карелов язык был выучен во взрослом возрасте (в университете) и их основная работа связана с карельским языком и филологией (исследователь карельского фольклора и редактор «национального» издательства). Белорусские информанты ответили, что владеют языком с детства, а по роду деятельности они не связаны с языком (преподаватель фармацевтической химии в медицинском университете, провизор, аспирант по направлению фундаментальной медицины, инженер-программист, тестировщик программного обеспечения). Таким образом, карельские переводчики – это специалисты по языку, но не носители, тогда как белорусы, напротив, – являются носителями, но не специалистами по белорусскому языку.

Большинство опрошенных переводчиков считает использование интерфейса социальных сетей на родном языке действенным или оказывающим положительное влияние на сохранение языка механизмом. В то же время, по признанию исследуемых групп, возможности развития этнических языков только посредством переводов интерфейсов социальных сетей ограничены.

Среди причин малой востребованности белорусско- и карелоязычного Интернета были выявлены малая информированность карельских информантов о работе по расширению использования карельского языка в киберпространстве, в частности, о переводе интерфейса «ВКонтакте». Двойственная ситуация сложилась в Беларуси. С одной стороны, результаты наших опросов свидетельствуют, что усилия молодых активистов по расширению пространства родного языка в социальных сетях имеют больший, чем в Карелии, отклик. С другой стороны, даже руководители сообществ в социальных сетях признают, что не знают реальный уровень востребованности белорусскоязычных версий социальных сетей.

На следующем этапе исследования одним из центральных сюжетов стало выявление факторов, влияющих на этническое самочувствие языковых активистов – как переводчиков интерфейса социальной сети «ВКонтакте», так и лиц, вовлеченных в процессы ревитализации, но несвязанных с сетевой активностью.

Отсутствие системы непрерывной преемственности в образовании на «титულных» языках в обеих республиках в прошлом и жесткое административное управление в геополитических интересах привело, в числе прочего, к тому, что в повседневной жизни карелы и белорусы стали отдавать предпочтение русскому языку. Это обстоятельство сказывается на самочувствии языковых активистов, вовлеченных в процессы возрождения этнического языка.

Анализ полевых материалов выявил два значимых и взаимосвязанных фактора предпочтения русского языка в повседневной жизни активистов в Беларуси и Карелии – языковой барьер и психологическая составляющая. «Лингвистические» причины обусловлены недостаточным, по представлению наших собеседников, уровнем языковых компетенций. Представление о недостаточном уровне языковых компетенций образует психологический комплекс, особенно выраженный у старшего поколения, что влечет за собой отказ от использования языка. У информантов, рожденных в конце 1980-х гг. и позже, может быть меньший, чем у их родителей, словарный запас, но их «карельскость» или «белорусскость» основана на внеязыковых компонентах (например, критерии места рождения). Предварительные данные мониторинга, проведенного в Карелии в 2019 г., свидетельствуют о том, что язык становится символом этноса, а не средством общения. Согласно исследованию, доля карелов, хорошо знающих карельский язык, продолжает снижаться. Одновременно с 22,5 до 26,5 % выросло число ответов «понимаю только отдельные слова», причем в этой группе высока доля 16–29-летней молодежи – 46,6 % [Современная языковая ситуация 2020: 5].

Чувство «языковой неполноценности» оказывает более широкое воздействие на этническое самочувствие. Кризисные явления в этническом самочувствии отчетливо проявляются у карельских активистов. Как было выявлено, у карелов, в отличие от белорусов, происходит

совпадение профессиональной занятости и общественной деятельности, что приводит к сокращению сил («многогранность активистов», по словам одного из этнических лидеров). Среди других факторов были названы: нехватка людей и финансовых средств, отсутствие взаимопонимания с органами власти, что влияет на поддержание мотивации заниматься общественной работой. Важнейшим фактором, влияющим на процесс расширения использования белорусского языка, в отличие от карельского, признавалось наличие у него государственного статуса.

Предрассудки и комплекс неполноценности из-за принадлежности к «непрестижной» группе в прошлом привели к кризису этнической идентичности в обоих регионах. Нехватка языковых компетенций в связи с распространением русского языка (или представление о недостаточном уровне владения языком своей этнической группой) ускорила языковой сдвиг. В то же время в интервью было обнаружено, что молодежь перестает воспринимать этнический язык как «непрестижный» или как язык сельских жителей (у карелов – отчасти в связи с высокой урбанизацией).

Несмотря на доминирование русского языка в двух регионах, происходит постепенное повышение имиджа рассматриваемых языков – в Беларуси быстрее, чем в Карелии. Данный факт может повлиять на жизнеспособность «титულных» языков, способствовать их развитию в новых форматах, включая сетевую активность.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ (научный проект № 19-59-04004 Бел_мол_а «Механизмы сохранения языка и этнокультурной идентичности титульных этносов Карелии и Беларуси: молодежные инициативы»).

Литература и источники

Современная языковая ситуация – Современная языковая ситуация у карелов Республики Карелия. Итоги социологического исследования (Отчет подготовлен в Институте языка, литературы и истории обособленном подразделении Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук») / сост.: С. Э. Яловицына, З. И. Строгальщикова, С. В. Нагурная. Петрозаводск: Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, 2020. 24 с.

Iu. V. Litvin, M. V. Kundozerova

*Institute of Linguistics, Literature and History KarRC RAS
(Petrozavodsk, Russia)*

S. V. Lipnitskaia, E. N. Izergina, Ia. S. Shevchenko (Knureva)

*The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus
(Minsk, Belarus)*

KARELIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES IN CYBERSPACE: SOCIAL, AGE AND ETHNIC CHARACTERISTICS OF LANGUAGE ACTIVISTS (EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS)

Despite the different initial parameters – the geographical distance, the form of government, the status of the language in both regions, at present there is a low percentage of the ethnic language use in the sphere of everyday communication, there is no continuity in the educational sphere. Through the analysis of network activism (using the example of the translation of the VKontakte interface) and interview materials, we will try to answer questions about the age, professions of activists, their motives in language revitalization work, as well as to determine the factors influencing the ethnic identity of young people in the two regions.

Keywords: ethnic identity, ethnic well-being, Karelian language, Belarusian language, language activism, social networks.

ОСОБЕННОСТИ УСВОЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОМ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ВТОРОГО (ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКА

В статье раскрываются особенности лексического развития детей дошкольного возраста в двуязычной ситуации. Рассматриваются этапы усвоения ребенком лексико-семантической стороны второго (эрзянского) языка, принципы и специфика словарной работы, мониторинг.

Ключевые слова: словарная работа, лексико-семантическая система, двуязычная ситуация, лексическое развитие.

В настоящее время в мировом масштабе наметились процессы, характеризующиеся стремлением народов сохранить свое этническое своеобразие, подчеркнуть уникальность языка, этнокультуры. По мнению ряда педагогов, методистов, этнографов, сохранение языков национальных меньшинств в современных многонациональных обществах возможно в основном в условиях поликультурного образовательного пространства.

Характер взаимосвязей в поликультурном образовательном пространстве отличается многообразием, разноплановостью, сложной структурой, а личность чаще испытывает неоднозначные и противоречивые воздействия, регулирование характера которых должны взять на себя педагогические работники. Эта особенность поликультурного пространства становится ключевой, когда речь идет о сохранении языка конкретного региона, который характеризуется как поликультурный, поликонфессиональный и полиэтнический. Именно таким регионом на сегодняшний день является Республика Мордовия (на территории республики нет ни одного мононационального района или города). Приобретение этнокультурного опыта способствует осознанию того, что родная культура – одна из форм культурного разнообразия. Как известно, сохранение культурного разнообразия, решение проблемы предвзятого отношения к культурным, языковым и этническим различиям, достижение межкультурной гармонии без конфликтов и стрессов является актуальным вопросом современности. Практика показывает, что одним из эффективных средств достижения поликультурности является система образования.

В дошкольных образовательных учреждениях Республики Мордовия накоплен немалый практический опыт по обучению дошкольников мордовским (мокшанскому, эрзянскому) языкам. В примерном региональном модуле программы дошкольного образования «Мы в Мордовии живем» основное содержание работы по обучению детей мордовским языкам отражено в образовательной области «Речевое развитие. Учимся говорить на мордовских языках» [Мы в Мордовии живем 2011: 104]. В основе работы по обучению второму языку находятся: общеметодические принципы работы с дошкольниками (активное общение, игра, занимательность, наглядность, повторяемость, цикличность, воспитательность, систематичность, доступность, гибкость, вариативность); принципы организации языковой/речевой игры; принципы целостной организации занятия как события; принципы учебной повседневной коммуникации; специальные методические принципы (отбор языкового материала на основе его частотности, доступности, тематической содержательности, представленности в повседневном общении), опора на родной язык, организация обучения в сравнительно-сопоставительном аспекте языков и культур, индивидуального учета уровня развития каждого из языков у детей, взаимного обогащения культур.

Как известно, ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте является игра. Естественным источником мотивов, побуждающих детей к речи на втором языке, является специально организованная игровая ситуация. Игра объединяет дошкольников, развивает у них понимание иноязычной речи, знакомит с другой культурой. Поэтому она является основным методическим приемом, служащим для реализации данной образовательной области [Щемерова 2013: 86].

Педагогу особое внимание следует уделять тем видам деятельности, где дети могут свободно двигаться и говорить. Так, закрепление навыков эрзянской разговорной речи можно осуществлять и во время умывания, одевания, приема пищи. Например, в процессе одевания на прогулку закрепляется лексика по теме «Одежда и обувь». Педагог обращается к детям на изучаемом языке, дает отдельные поручения. Навыки эрзянской разговорной речи в пределах усвоенного языкового материала можно активизировать на праздниках, утренниках, во время прослушивания радиопередач (мордовских песен, сказок и т. д.), просмотра телепередач, фильмов.

Общение в процессе труда (бытовой, в природе, ручной) помогает обогатить содержание детских представлений и речи, пополняет словарь названиями орудий и предметов труда, трудовых действий, качеств, результатов труда.

На занятиях рекомендуется использовать следующие виды работ: работа над произношением слов; работа с игрушкой или картинкой (изображением предмета); разучивание и декламация стихов; разучивание песенок; инсценировка коротких рассказов, стихов и песенок; игра в куклы; игры подвижные, спокойные, тематические; игра в сказку; слушание рассказа воспитателя по картинкам; работа с большими тематическими картинками; просмотр видеосюжетов, мультфильмов на изучаемом языке; составление предложения с использованием материальных опор; слушание аудиозаписи; составление диалогов по картине.

На одном занятии рекомендуется вводить до 8 новых слов, объединенных одной темой или связанных в предложении. В дальнейшем знание этих слов закрепляется в соответствующей игре, рассказах, песнях и др. При введении имен существительных и прилагательных используются игрушки и картинки; при введении глаголов – имитация действий или организуется подвижная игра.

В развитии словаря детей на втором языке выделяются две стороны: количественный рост словарного запаса и его качественное развитие, то есть овладение значениями слов.

Важная задача состоит в учете закономерностей освоения значений слов, в постепенном их углублении, формировании умений семантического отбора слов в соответствии с контекстом высказывания.

При подготовке к занятиям по обучению второму языку следует продумать следующее: создание пространства речевого общения (перед занятием); мотивацию и целеполагание детской деятельности; методы, приемы и формы организации детей на занятии; анализ результатов речевой деятельности; определение перспектив на будущее.

Обязательными составными частями занятия должны быть: повторение пройденного материала; лексические упражнения (введение новых слов, сравнение и сопоставление их со словами родного языка); грамматические упражнения (введение новых грамматических форм и синтаксических конструкций); рече-игровые ситуации на закрепление новых слов, словосочетаний, предложений.

Для детей определенную сложность представляет игровая задача словарных упражнений, она состоит в быстром подборе соответствующего слова. Поэтому особое внимание следует уделять подбору речевого материала, постепенности в усложнении заданий, их связи с предыдущими этапами работы над словом.

Содержание лексических упражнений должно включать различные виды классификации слов (по родовому признаку; по родовому и подрошовому признакам; по свойствам; подведение слов видового значения под родовое понятие, составление словосочетаний и предложений; распространение предложений с использованием заданных слов).

Большинство из словарных упражнений может быть одновременно направлено и на формирование грамматической стороны речи (на согласование слов, словоизменение, употребление слова в составе предложения и т. д.). Такие упражнения можно отнести к лексико-грамматическим.

Как показывает практика, во время занятия воспитатель должен использовать различные источники создания мотивации к самому процессу овладения эрзянским языком и к использованию полученных знаний в деятельностном общении вне занятия.

Следует как можно чаще организовывать речевое общение детей друг с другом в различных ситуациях (разговор по телефону; покупка игрушек в магазине и т. д.). Общение в быту помогает детям усвоить бытовой словарь, необходимый для их жизнедеятельности, развивает диалогическую речь, воспитывает культуру речевого поведения.

Необходимо придерживаться определенных требований при создании рече-игровых ситуаций: дети должны владеть достаточным языковым материалом, чтобы в каждой ситуации иметь возможность выбора разных решений; игровые правила должны исключать механическое повторение детьми высказываний друг друга; выбор языковых средств в игре, интерес к ней и творческая атмосфера могут обеспечиваться применением разнообразных видов наглядности и созданием игровой ситуации.

Ребенок только тогда может освоить значение слова, когда оно будет употребляться в словосочетаниях, предложениях, связном высказывании. Поэтому формирование словаря должно проходить в тесной взаимосвязи с развитием связной речи детей. С одной стороны, в речи создаются условия для выбора наиболее подходящих по смыслу слов, для действительного освоения лексики языка, а с другой – точность использования и разнообразие словарного запаса являются важнейшим условием развития самой связной речи.

Поскольку целью обучения является развитие устной разговорной эрзянской речи, то простое повторение или воспроизведение готовых речевых образцов не может являться показателем усвоения. Если дошкольник в состоянии самостоятельно описать картинку или ситуацию, с которой он раньше не сталкивался, при помощи ранее введенных средств изучаемого языка, то можно считать эти средства полностью усвоенными.

Необходима организация постоянного контроля за всеми аспектами развития речи дошкольников на эрзянском языке. Для обеспечения контроля после каждого года обучения желательно приводить список слов для активного усвоения. Контроль над усвоением речевого материала должен осуществляться в речевой деятельности, причем в ситуации, являющейся для ребенка новой. Мониторинг должен проводиться и в конце года (на каждом из языков ребенка), и по мере овладения языком для того, чтобы воспитатель мог контролировать понимание речи. Удобно использовать картинные словари (можно и в компьютерной форме) или составлять самостоятельно наборы карточек, по которым можно проверять, все ли слова и выражения усвоены. Воспитатели могут проверять выполнение тестовых заданий в вопросно-ответной форме.

Е. Ю. Протасова, Н. М. Родина, изучая процесс обучения дошкольников русскому языку как неродному, отмечают, что его специфика состоит в создании у детей положительного отношения к изучаемому языку, заложении основы для глубокого и гибкого изучения прочих языков, развитии металингвистических способностей, то есть способностей анализировать и интерпретировать языковые явления. Если ребенок сохранит интерес к учебе и к познанию других языков, можно считать, что цель обучения достигнута [Протасова, Родина 2011: 276].

Литература и источники

Мы в Мордовии живем: пример. регион. модуль программы дошк. образования / О. В. Бурляева и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 104 с.

Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. СПб.: Златоуст, 2011. 276 с.

Щемерова Н. Н. Развитие речевого общения дошкольников на мордовских языках: метод. пособие. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 86 с.

N. N. Shchemerova

*Mordovian Pedagogical Institute named by M. E. Evseviev
(Saransk, Russia)*

FEATURES OF LEARNING THE LEXICAL AND SEMANTIC SIDE OF THE SECOND (ERZYA) LANGUAGE BY A PRESCHOOL CHILD

The article reveals the features of lexical development of preschool children in a bilingual situation. The stages of learning the lexical and semantic side of the second (Erzya) language, the principles and specifics of vocabulary work, and monitoring are considered.

Keywords: vocabulary work, monitoring, lexical and semantic system, bilingual situation, lexical development.

МОРДОВСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО ОЗНАКОМЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРОДНОЙ КУЛЬТУРОЙ

Статья посвящена проблеме приобщения дошкольников к национальной культуре и решению культурно-воспитательных, духовно-нравственных проблем. Рассматриваются педагогические условия приобщения детей к народной культуре в процессе ознакомления с произведениями мордовского детского фольклора. Выявлены возможности произведений устного народного творчества в решении проблемы этнокультурного образования дошкольников.

Ключевые слова: дошкольное образование, народная культура, устное народное творчество, мордовский детский фольклор.

В современных условиях повышения качества современного дошкольного образования становятся актуальными разработка и внедрение в практику образования новых педагогических технологий, способствующих повышению уровня методического и технологического сопровождения организации процесса обучения, воспитания и развития детей дошкольного возраста. Исключительную важность в контексте реализации ФГОС ДО приобретает задача накопления знаний и формирования представлений у детей дошкольного возраста.

Постепенно усиливается общекультурная и духовная миссия дошкольной образовательной организации, которая призвана содействовать приобщению детей к родному языку и национальной культуре и решению культурно-воспитательных, духовно-нравственных проблем.

Работу дошкольных учреждений необходимо строить в соответствии с духовно-нравственными традициями народа, традициями народной педагогики, которая способствует развитию у детей ощущения причастности к культуре, историческому прошлому родного Отечества, начальных основ исторического сознания, осознанного отношения к святыням своего народа. Региональный, национальный и этнический материал как в содержательном плане, так и в технологическом выступает средством формирования общей культуры, развития физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирования предпосылок учебной деятельности, сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста. В решении данных вопросов незаменимым помощником становятся произведения устного народного творчества.

Издавна существует множество фольклорных произведений, специально предназначенных для детей. Такой вид народной педагогики на протяжении многих веков и вплоть до наших дней играет огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Коллективная нравственная мудрость и эстетическая интуиция вырабатывали национальный идеал человека. Идеал этот гармонично вписывается в общемировой круг гуманистических воззрений.

Мордовский детский фольклор прошел длинный путь становления, прежде чем предстать в настоящем виде. Жанры детского фольклора сохранили только те произведения, которые отвечали вкусам и запросам детей. В детском фольклоре раскрываются специфические черты менталитета мордовского народа, социальной жизни и производственно-хозяйственной деятельности.

Собирание произведений мордовской детской народной словесности и их опубликование началось во 2-й половине XIX в. В перечне имен собирателей и исследователей народной словесности на одном из главных мест стоит имя одного из первых мордовских просветителей М. Е. Евсевьева, с большим вниманием отнесшегося и к произведениям детского фольклора. В настоящее время в Центральном государственном архиве Республики Мордовия хранятся поэтические произведения мордовской детской народной словесности, которые находятся в фонде М. Е. Евсевьева. Это сборники «Эрзянь ёвкст» (Эрзянские сказки) и «Эрзянь морот»

(Эрзянские песни), которые впервые позволили обратить серьезное внимание читателей на детскую словесность. Так, в сборнике «Эрзянь морот» был выделен специальный раздел «Эйкакшонь морынеть, калядат, содамоёвксеть» (Детские песенки, коляды, загадки). В советское время начало публикации произведений мордовского детского фольклора было положено работой М. Т. Маркеловой «Саратовская мордва». Начали появляться произведения детского фольклора мордовского народа на страницах национальных газет, журналов, первых мордовских букварей. В середине XX века стали выпускаться детские журналы («Якстерь тяштенья», «Пионерэнь вайгель»), в которых печатались произведения мордовского устного народного творчества. Мордовский детский фольклор является предметом специального изучения Э. Н. Таракиной, которая провела его жанровый анализ и рассмотрела вопрос о значимости малых фольклорных форм для этнопедагогики. Экспериментальные данные ученого подтверждают, что ценность фольклорных произведений обусловлена их высокой интонационной выразительностью и жанровыми особенностями: речевыми, смысловыми, звуковыми. Для каждого возрастного периода ребенка может быть рекомендован свой фольклорный жанр как наиболее эффективный метод его развития. Интерес к изучению произведений детского фольклора не угасает до настоящего времени.

В национальном фольклоре отражена сущность детства: видеть мир таким, каким он предстает перед взором ребенка. Простота фольклорных форм не имеет ничего общего с упрощенностью. В них заложена мудрость, проявляющаяся в умении несложными средствами решать сложные задачи всестороннего развития ребенка.

Для произведений мордовского детского фольклора характерна естественная народная речь, поражающая богатством выразительных средств, напевностью. Типичны хорошо разработанные законы композиции с устойчивыми формами зачина, развития фабулы, концовки. Стилистика тяготеет к гиперболам, параллелизмам, постоянным эпитетам. Внутренняя организация имеет четкий, устойчивый характер.

В устном народном творчестве мордовского народа отражается весь свод правил народной жизни. Любое произведение функционально – оно было тесно связано с тем или иным кругом обрядов, исполнялось в строго определенной ситуации. Народный календарь точно определял порядок сельских работ. Обряды семейной жизни способствовали ладу в семье, включали в себя и воспитание детей. Законы жизни сельской общины помогали преодолевать социальные противоречия. Всё это запечатлено в разнообразных видах народного творчества.

Особое место в практике работы дошкольных образовательных учреждений занимают малые фольклорные жанры, включающие в себя колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки. В колыбельных песнях («нурсема морот» – эрз., «нюръяфнема морот» – мокш.) учтены психологические особенности малыша: монотонность и напевность успокаивают ребенка, что очень важно для физического здоровья; простота ритма готовит ребенка к восприятию голоса, слов, к пониманию языка. Обычно мордовские колыбельные состоят из зачина и самой песни. Зачин может быть таким: «Куку-балю...», «Цюлю-балю...» и др., а центральная часть обычно представляет собой монолог или кумулятивный диалог. Используя в работе колыбельные песни, педагог знакомит детей с количественными понятиями, счетом, пространственными представлениями, с частями тела человека, с названиями родственников.

В мордовском фольклоре нет специального названия для пестушек, потешек, поэтому эти жанры фольклора называют русскими словами. Основная функция мордовских пестушек – игра, физическое развитие ребенка. Наибольшее применение пестушки и потешки находят в народных праздниках с их песнями, плясками, играми.

Как и в фольклоре других народов, у мордвы самым интересным и любимым жанром является сказка. В мордовском фольклоре термин названия сказки – «ёвкс» (эрз.), ёфкс (мокш.) роднит ее с рассказом и сказанием – «ёвтамо». В таких сказках часто встречаются песенки, которые быстро и легко запоминаются детьми, в них содержится информация о природе, животных, их особенностях и повадках, обычаях, традициях.

Кумулятивные сказки (сказки-диалоги) объясняют взаимозависимость и взаимообусловленность явлений, что подготавливает детей к более сложным отношениям в обществе, мире.

Благодаря таким сказкам не только расширяются представления о мордовском народе, его культуре, речь детей пополняется новыми образными, меткими словами.

Итак, произведения устного народного творчества мордовского народа вполне доступны пониманию дошкольников. Благодаря фольклору ребенок легче входит в окружающий мир, полнее ощущает прелесть родной природы, усваивает представления народа о красоте, морали, знакомится с обычаями, обрядами. Вместе с эстетическим наслаждением он впитывает то, что называется духовным наследием народа, без чего формирование полноценной личности просто невозможно.

В процессе ознакомления с произведениями устного народного творчества у дошкольников не только расширяются кругозор, знания о культуре и истории родного края, но и формируется избирательное, эмоциональное, чуткое отношение к культурным, историческим, природным объектам, ценностям, знакомым с раннего детства.

Список сокращений и условных обозначений

эрз. – эрзянский язык, мокш. – мокшанский язык.

Литература и источники

Киркина Е. Н., Спиренкова Н. Г. Реализация этнокультурного подхода к образованию дошкольников // Перспективы науки. 2018. № 7 (106). С. 116–120.

Мордовский детский фольклор / под ред. А. И. Маскаева. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1971. 64 с.

Таракина Э. Н. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8. Детский фольклор. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1978. 240 с.

E. N. Kirkina

*Mordovian Pedagogical Institute named by M. E. Evseviev
(Saransk, Russia)*

MORDOVIAN CHILDREN'S FOLKLORE AS A MEANS OF FAMILIARIZING PRESCHOOLERS WITH FOLK CULTURE

The article is dedicated to the problem of introducing preschoolers to the national culture and solving cultural, educational, spiritual and moral problems. The article examines the pedagogical conditions for familiarizing children with folk culture in the process of familiarizing themselves with the works of Mordovian children's folklore. The article reveals the possibilities of works of oral folk art in solving the problem of ethnocultural education of preschoolers.

Keywords: preschool education, folk culture, oral folk art, Mordovian children's folklore.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Функциональный подход в обучении финскому языку как иностранному и второму родному имеет крепкие традиции, базу принципов и разнообразных приемов. В нем особо подчеркиваются коммуникативная функция языка и выбор «правильных» заданий и текстов. Подход оказался наиболее эффективным в обучении взрослых учащихся, имевших статус ингерманландских репатриантов.

Ключевые слова: функциональный подход, функциональность, финский язык, текст.

В Финляндии уже много лет применяют функциональный подход в обучении финскому языку как второму или иностранному, разрабатывают, основываясь на методе, учебные материалы для разных целевых групп – детей, подростков, взрослых и др. Все группы объединяет то, что финский язык не является для учащихся родным языком, а или иностранным, или вторым языком. Здесь следует пояснить эти термины: *второй* и *иностраннный язык*. Второй язык (фин. *toinen kieli*) – это язык, на котором официально говорят в стране пребывания учащегося, у которого родной язык не финский, а любой другой. Подразумевается, что первый язык ребенок усваивает с молоком матери, он и будет считаться родным. Например, финский язык для иммигрантов в Финляндии является вторым. Иностраннный язык (фин. *vieras kieli*) – это язык, который в стране пребывания не является официальным или государственным. Например, английский язык в Финляндии имеет статус иностранного, потому что у него нет статуса государственного [Pietilä 2014: 13–14].

Функциональный подход опирается на идею: язык – это средство общения, средство коммуникации, и целью функционального обучения является способность общаться на языке [Aalto 2009: 405, 2011: 5]. С одной стороны, надо учить коммуникации, с другой – общению учатся в разных непринужденных коммуникативных ситуациях, которые максимально приближены к повседневной жизни. Функциональный подход как метод обучения обладает совокупностью приемов и принципов, которые можно обобщить одним термином «функциональность». С помощью функциональности осуществляют на практике функциональное обучение. Это целая философия, образ мышления, применяя которое, стремятся к эффективному и практичному обучению иностранным языкам.

К тому или иному методу каждый преподаватель приходит по-разному. Этот путь может формироваться из теоретических познаний и применяться затем на практике, или личный практический опыт приводит к теории, которая накладывается на практические наработки преподавателя. Причем переход к новому методу не происходит молниеносно, и это вовсе не означает отказ от других привычных или традиционных методов и обучающих приемов, а только лишь меняется взгляд на содержание учебного материала и форму его подачи [Aalto 2011]. Так, в Петрозаводске функциональный подход применялся в языковой подготовке ингерманландских финнов, имеющих статус репатриантов. В обучении взрослых репатриантов особое внимание обращали на: 1) целевую группу; 2) цель языковой подготовки; 3) выбор наиболее эффективного метода обучения или методов; 4) роль текста.

Целевую группу составляли взрослые ученики, являющиеся по происхождению ингерманландскими финнами. Часть из них говорила на финском языке в домашних условиях, но у большинства язык был забыт. Его надо было «реанимировать». Были и такие ученики, которые вовсе не владели языком и только на курсах начинали изучать его с нуля.

Подготовка к языковому экзамену была главной целью языковых курсов. Успешная сдача экзамена выполняла первое главное условие при переезде на постоянное место жительства в Финляндию по статусу репатрианта. Цель языковой подготовки обрамляла всё обучение, диктовала определенные условия работы и создавала определенный фон. Учащихся прежде всего

учили языку (учили говорить, преодолевать языковой барьер, понимать прочитанное и прослушанное), а сдача языкового экзамена была «второстепенной» целью, итоговой проверкой знания языка. Экзамен задавал направление, по которому надо было идти.

Уже в первые годы работы по подготовке репатриантов остро встал вопрос о разработке и применении эффективного и действенного метода обучения. Это стало самой главной задачей для преподавателя. Какой метод или совокупность методов сделает учебный процесс и обучение увлекательным и полезным действием, которое помогало бы учащимся общаться на финском языке, а преподавателю – создавать «правильный» содержательный материал и придерживаться в работе одной линии развития? Ответы нашлись в функциональном обучении языкам. Вся работа строилась на его принципах, потому что для достижения цели уже было недостаточно применять один лишь формальный метод, основанный на заучивании грамматических правил и конструкций.

Далее укажем, как развивали принципы функционального обучения финскому языку. Вся работа строилась на том, что: 1) язык – это средство общения, и акцент в обучении делался на понимании речи и говорении; 2) форма, ее значение и использование образуют крепкое смысловое единство, то есть грамматические конструкции не изучали изолированно от языка; 3) создание «живой» языковой ситуации способствует естественному изучению языка; 4) взаимодействие – очень важное условие коммуникации, учащийся изучает язык вместе с другими в группе; 5) хороший устный и письменный текст способствует успешному обучению; 6) разнообразные задания и упражнения относятся к определенной теме и тексту.

Следует особо выделить роль текста. На языковых курсах разбирали примерно двенадцать тем. Текст, посвященный одной теме, был составлен в форме диалога. Жанр диалога был выбран намеренно, потому что именно в нем можно проследить за бытованием языка. В репликах заключен живой язык. Рядом в виде параллельного текста был дан перевод исходного диалога. Те учащиеся, которые не нуждались в переводе, могли его и не смотреть, но для тех, кто начинал с нуля, распределение на одной странице исходного текста и его перевода было очень эффективным. К тому же все ключевые слова, выражения и идиоматические единицы были в обоих текстах выделены. Такая подача материала помогала увидеть главное в тексте, запоминать ключевые слова, тренировала память. На них учащиеся обращали внимание уже на первых занятиях. Каждая тема была снабжена богатым лексическим и грамматическим материалом, который отрабатывался в разнотипных заданиях. Анализ грамматических конструкций всегда начинался чуть позже. Это один из самых важных принципов функционального метода. Многие учащиеся наблюдали за какой-либо грамматической формой в тексте и достаточно быстро трансформировали свои наблюдения в правило. Так, например, происходило с личными окончаниями глаголов. Если есть местоимение *minä* ‘я’, то и у глагола появляется личное окончание *-n*. Непосредственный анализ спряжения финских глаголов происходил с подачи преподавателя, который использовал наглядный материал, но учащиеся были активными участниками аналитического процесса. Вместе анализировали новую, но уже знакомую форму, вместе делали выводы.

К основному тематическому тексту-диалогу прилагались и коммуникативные задания, напр., *Olet uudessa ryhmässä, esittele itsesi ryhmälle* (‘Ты в новой группе, представь себя группе’) или *Olet ilmoittautumassa suomen kielen kurssille. Täytä ensin hakemuslomake ja kerro sitten kurssisihteerille itsestäsi (kurssisihteerinä esiintyi esim. vieruskaveri tai opettaja)* (‘Ты записываешься на курсы финского языка. Заполни бланк заявления и расскажи о себе секретарю курсов (секретарем выступает другой обучающийся или преподаватель)’). Они способствовали развитию навыков говорения. В одном тематическом цикле могли быть и небольшие тексты-диалоги, которые описывали какую-то сцену из жизни, ситуацию из повседневной жизни, напр., *Tilin avaaminen pankissa* (‘Открытие счета в банке’) или *Lippua ostamassa* (‘Покупка билета’). С помощью воспроизведения аутентичных ситуаций выполнялись определенные задачи (функции): умение начать разговор, задать вопрос, переспросить, выразить благодарность и т. д.

Все тематические тексты были связаны между собой, в них герои оказывались в разных жизненных ситуациях. Можно было с легкостью проследить, как увеличивался словарный запас каждого учащегося, усваивались новые конструкции по мере того, как он двигался вперед, из темы в тему, оказываясь в разных ситуациях.

И в заключение важно отметить, что функциональное обучение не встречается в чистом виде [Aalto 2009: 409], его принципы и приемы, напротив, можно удачно сочетать вместе с традиционным формальным и академическим обучением в вузах или с любым другим обучающим методом, который будет наиболее подходить и целевой группе, и преподавателю. Так, в обучении репатриантов был задействован и суггестивный метод Г. А. Китайгородской [Китайгородская 1986]. На курсах создавалась расслабляющая атмосфера, которая помогала усваивать материал пассивно и активно. Использовался прием повторов. Определенные задания сопровождалась классической музыкой. И финский язык уже не казался таким сложным и чужим, учащиеся начинали понимать и говорить по-фински, усваивались грамматические конструкции, развивалось воображение. Сочетание двух подходов, функционального и суггестивного, давало положительные результаты в обучении и доказало свою эффективность.

Литература и источники

Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: учебное пособие / Г. А. Китайгородская. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1986. 103 с.

Aalto E. Funktionaalisuus toisen kielen opetuksen lähtökohtana [Electronic resource] / E. Aalto, S. Mustonen, K. Tukia // *Virittäjä*. 2009. N 3. S. 402–423. Режим доступа (свободный). URL: <https://journal.fi/virittaja/article/view/4204/3921> [Дата обращения: 20.01.2019]

Aalto E. Kohti funktionaalista S2-opetusta / E. Aalto // Проблемы методики обучения финскому языку: материалы первого международного семинара по методике обучения финскому языку «Рабочая тетрадь учителя финского языка» (Санкт-Петербург, 30 марта – 1 апреля 2011 г.). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 4–13.

Pietilä P. Kielen oppiminen ja opettaminen / P. Pietilä, P. Lintunen // *Kuinka kieltä opitaan: Opas vieraan kielen opettajalle ja opiskelijalle* / Toim. P. Pietilä, P. Lintunen. Tallinn, 2014. S. 11–25.

A. A. Saikonen

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)*

FUNCTIONAL APPROACH TO THE TEACHING OF THE FINNISH LANGUAGE

The functional approach to the teaching of Finnish as a foreign language and as a second native language has strong traditions, a base of principles and a variety of techniques. It especially emphasizes the communicative function of the language and the choice of "correct" assignments and texts. The approach proved to be the most effective in teaching of adults who had the status of Ingrian Finnish returnees.

Keywords: functional approach, functionalism, the Finnish language, text.

АУДИОТЕКСТ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается аудирование – один из видов речевой деятельности при обучении иностранному языку. С помощью аудиотекста тренируется понимание, его используют для изучения лексики и грамматики изучаемого языка. На примерах финского учебника «Suomen mestari» показано, какие задания нужны для освоения материала.

Ключевые слова: иностранный язык, финский язык, аудирование, аудиотекст, понимание, учебник.

Как известно, уровень владения языком оценивается по четырем позициям. Проверяются такие навыки, как понимание речи, говорение, чтение и письмо. Некоторые думают, что главное – это умение говорить. На самом деле, чтобы вступить в диалог, надо уметь слушать – слышать и понимать. Так делает, например, маленький ребенок, прежде чем научиться говорить [Аудирование]. Освоить этот навык можно с помощью аудирования – «упражнения по восприятию иноязычной устной речи на слух» [Толковый словарь 2008: 95].

Задача слушающего – овладеть аудитивной компетентностью, то есть понять общий смысл текста и различать эмоции, и при необходимости уметь сформулировать свое отношение к ситуации [Федотова 2013: 78]. В настоящее время считается, что «развитие аудитивной компетенции должно стать приоритетным при обучении иностранному языку» [Федотова 2013: 80], потому что «четыре вида речевой деятельности в реальной коммуникации распределяются следующим образом: аудирование – 42 %, говорение – 32 %, чтение – 15 %, письмо – 11 %» [Федотова 2013: 78].

Аудирование полезно, потому что оно направлено на улучшение сразу нескольких аспектов владения языком: повторяется лексика, грамматика, осваивается интонация речи. Еще один плюс аудирования в том, что на него не всегда нужно специально выделять время. Если вы не находитесь в классе, то аудио можно слушать, занимаясь другими делами: гуляя, убираясь и т. д. [Аудирование].

Люди разные, не всем освоение этого навыка дается легко. Иногда более начитанный человек воспринимает аудио хуже, чем тот, кто читает мало. Дело в том, что образованный человек привык работать с книгой. Обычно он с легкостью начинает читать на иностранном языке. Некоторые учатся быстрее говорить, потому что им важно представить свое «я». Многие часто не умеют или не хотят слушать другого, а значит им труднее воспринимать и аудиотекст. Человек, который не любит книгу, наоборот, смотрит и слушает, как говорит учитель или что говорят вокруг, и сам, того не осознавая, осваивает этот навык быстрее.

Современный учебник по иностранному языку обычно содержит определенное количество приложенных к нему аудиозаписей. Они учат слышать, понимать и реагировать на сказанное. Современная система преподавания невозможна без аудиотекста – высказывания, устного сообщения или, более точно, звучащего текста [Гончар 2011: 117]. Уже с первого урока обучающийся должен слышать, как звучит иностранная речь. Учитель обычно не является носителем языка, в аудиозаписях текст должен начитываться только носителями. Одним из базовых принципов обучения аудированию является аутентичность текстов [Гончар 2011: 121].

Аудиотексты можно применять как для тренировки овладения лексикой, так и грамматикой. С их помощью обучающемуся будет легче понять разницу литературного и разговорного языка. Как известно, тематические тексты обычно пишутся и читаются на литературном языке, диалоги представляют собой разговорный язык. Аудиотексты могут звучать также на диалекте.

В этой статье мы рассмотрим финский учебник «Suomen mestari» (авторы С. Геринг, С. Хайнцманн и др.), который состоит из 4-х частей. Ко всем частям прилагаются разного вида аудиотексты. В первых двух частях в основном представлены тексты на литературном языке. В двух

последних частях – много диалогов, интервью на разговорном финском. В 4-й части звучит несколько аудио на диалекте.

Примером тематического аудиотекста, где закрепляется лексика, может служить текст «Поездка на дачу» [Gehring, Heinzmann 2015: 81–84], где затронута тема финской природы летом, бани, рыбалки и т. д. Это аудиовизуальный текст, он есть в учебнике, его можно читать и слушать одновременно [Толковый словарь 2008: 95], то есть задача облегчена. Текст написан и звучит на литературном языке.

Во время прослушивания или после него с аудиотекстом ведется работа. Обычное распространенное задание – ответить на вопросы по тексту или отметить, верное или неверное представленное утверждение. Если уровень владения языком позволяет, обучающегося можно попросить воспроизвести аудиотекст полностью, то есть записать его на бумагу. Такую работу лучше делать в виде домашнего задания, когда текст можно прослушать дома любое количество раз.

Лексику можно закреплять с помощью специальных заданий, например, когда в печатном тексте пропущены определенные слова и воспроизвести их можно, прослушав аудиозапись. Например, в финском учебнике по теме «Баня» [Gehring, Heinzmann 2015: 101] дается инструкция, как ее правильно посещать. С помощью аудио обучающийся должен вставить в предложения слова по этой теме: *peseytyä* ‘мыться’; *märkä* ‘мокрый’; *löyly* ‘пар’; *laude* ‘полок’; *kiuas* ‘печь’; *vihta* ‘веник’; *uida* ‘плавать’; *rentoutunut* ‘расслабленный’ и т. д.

Аудиотекстами можно активно пользоваться и при изучении грамматики. Например, при знакомстве с прилагательными дается текст с большим количеством слов этой части речи в разных формах. В аудиофайлах «Suomen mestari» есть диалог, где молодая пара выбирает в магазине свитер [Gehring et al. 2017: 203]. Прилагательные здесь описывают качество имеющихся в продаже свитеров и то, как смотрится девушка в свитере. Этот текст уже не аудиовизуальный, печатной версии нет, диалог нужно воспринимать только на слух. Учебник предлагает ответить на вопросы по тексту, но преподаватель может дать дополнительные задания, чтобы отработать грамматику. Например, выписываем простые и сложные прилагательные в начальной форме (в данном аудио их около 30). Далее разбираемся, в какой они стоят форме, в каком числе и падеже: *kokeilla tuollaista vihreätä leveähihaista puseroa* ‘померить зеленый свитер с широким рукавом’; *mä tykkään vaaleammista väreistä enemmän* ‘мне больше нравятся более светлые цвета’; *sä näytät pidemmältä ja hoikemmalta* ‘ты выглядишь более высокой и стройной’ и т. д.).

Диалоги и интервью на разговорном финском языке в большом количестве представлены в 3-й части учебника. Диалог «На художественной выставке» [Gehring et al. 2017: 50] написан так, как люди часто общаются в социальных сетях или в сообщениях, то есть сокращенно. Для иностранца, который до этого в основном знакомился с литературной формой языка, такой язык сложен для чтения. Вместе с аудио эта задача решается намного легче. Сокращения *haluaks sä* ‘хочешь ли ты’; *lähdetääns jo* ‘пойдем уже’; *no kato nyt tätäkin teosta* ‘ну посмотри теперь еще и на это произведение’; *mä ymmärrän ton* ‘я его понимаю’; *mennään sit* ‘пойдем тогда’ воспринимаются в аудиотексте естественно.

Учебник дополняют звучащие тексты на разговорном финском языке, которых нет в печатной версии. В книге даются только вопросы, на которые нужно ответить, или таблица, которую нужно заполнить. В 3-й части одна из тем посвящена охране природы. Прослушав аудио, заполняем таблицу: что люди делают или не делают на благо природы: *säästää vettä, sähköä* ‘экономить воду, электричество’; *ostaa käytettyjä tavaroita* ‘покупать бывшие в употреблении вещи’; *heittää ruokaa roskeen* ‘выбрасывать продукты в мусор’ и т. д. [Gehring et al. 2017: 42]. В этой части учебника темп речи в аудио быстрее, чем в первых двух. Здесь как будто никто уже не считается с тем, что речь предназначена для иностранца. Идет полное погружение в язык.

Важно отметить, что с самого начала аудиотексты в учебнике представляют собой аутентичную речь и достаточно трудны для понимания. В основном задача слушающего – понять лишь только то, что он знает, вычленив нужную ему информацию. То есть аудиотекст может быть длинным и содержательным, длиться 2–3 минуты даже на начальном этапе, но задание к нему дается вполне выполнимое. Примером будет аудио из 1-й части о поездке на Канарские

острова [Gehring, Heinzmann 2016: 159]. Слушающему нужно лишь понять, что семья делает там каждый день недели, обведя нужную картинку. Как правило, «привлечение зрительной опоры (рисунки, фотографии, видеоряд и т. д.) оказывает положительное влияние на процесс понимания иноязычной речи» [Федотова 2013: 83]. Считается, что даже на начальном уровне можно давать текст любой сложности. Так делается на занятиях в группе с обучающимися разного уровня: каждый найдет в тексте понятное для себя.

В 4-й части учебника мы встречаемся с «двойными» аудиотекстами. Первый из них читается на литературном языке, второй, тот же самый, на диалекте. Это открывает перед обучающимся еще один необъятный мир – мир диалектов. Пример – диалог двух женщин сначала на диалекте «саво», потом на всеобщем разговорном финском языке [Gehring et al. 2016: 203]. В учебнике есть только предыстория событий, диалог существует лишь в аудиозаписи.

В этой статье мы не затрагиваем другие возможные аудиотексты: песни, аудиокниги, новостные видеоматериалы, кино. Здесь приведены примеры только из одного учебника, в котором для отработки навыка – понимание речи – сделано всё возможное. Дальше дело за человеком, который изучает язык, и за его помощником – преподавателем.

В работе рассмотрен один из четырех навыков владения языком – понимание речи с помощью аудирования. Развитие аудитивной компетенции очень важно в обучении иностранному языку. На примере финского учебника «Suomen mestari» показано, как можно применять аудиотексты для тренировки овладения лексикой и грамматикой языка. В его звучащих текстах представлены отличия литературного и разговорного языка, происходит знакомство с диалектами.

Литература и источники

Аудирование: прекрасный способ выучить язык. Accent Language Center / пер. Е. Денискина. URL: <http://accent-center.ru/ru/articles/audirovanie-prekrasnyi-sposob-vyuchit-iazyk.html> [Дата обращения: 02.01.2019].

Вахрос И. Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков. 7-е изд. М.: Живой язык, 2007. 816 с.

Гончар И. А. Аудирование иноязычного текста как объект лингвистики и методики // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 9. 2011. Вып. 4. С. 118–120.

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

Федотова Н. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс) / Н. Л. Федотова. СПб.: Златоуст, 2013. 192 с.

Gehring S., Heinzmann S. Suomen mestari 1. 6. korjattu painos. Helsinki: OY Finn Lectura Ab, 2016. 256 s.

Gehring S., Heinzmann S. Suomen mestari 2. 3. korjattu painos. Helsinki: OY Finn Lectura Ab, 2015. 326 s.

Gehring S., Heinzmann S., Päivärinne S., Udd T. Suomen mestari 3. 2. korjattu painos. Helsinki: OY Finn Lectura Ab, 2017. 322 s.

Gehring S., Heinzmann S., Päivärinne S., Udd T. Suomen mestari 4. Helsinki: OY Finn Lectura Ab, 2016. 321 s.

M. V. Pekshieva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)*

AUDIOTEXT IN FINNISH LANGUAGE TEACHING

The article deals with listening as one of types of speech activity in foreign language teaching. Audiotext is used to practice language understanding and to learn vocabulary and grammar of the target language. The examples of the Finnish textbook "Suomen mestari" show what assignments are needed to master the material.

Keywords: foreign language, Finnish, listening, audiotext, language understanding, textbook.

KÄÄNNÖSKURSSIN TEHO: TEKSTIKONVENTIOIDEN OMAKSUMINEN KÄÄNNÖSKURSSIN AIKANA

В статье рассматривается вопрос, можно ли в рамках короткого курса по переводу повлиять на развитие переводческих навыков у студентов, особенно на владение текстовыми конвенциями. В работе сравниваются переводы инструкций (рецептов), сделанные во время курса перевода с русского языка на финский, с инструкциями, переведенными на финский язык на итоговом экзамене. Исследование показало, что во время курса перевода текстовые конвенции были частично более приближены к нормам оригинального языка текста.

Ключевые слова: перевод, обучение переводу, текстовые конвенции, текстовый жанр, инструкция.

Artikkelini käsittelee sitä, onko yhden lukukauden käännöskurssilla vaikutusta opiskelijan käännöstaitoihin. Tarkastelen tekstilajin rakenteen ja konventioiden kehittymistä; tekstilajina on ruokaohje.

Konventio tai tekstikonventio tarkoittaa sitä, miten tietyn tekstilajin tekstejä – esimerkiksi ruokaohjeita – on tapana kirjoittaa. Konventioita ovat muun muassa tekstin rakenteeseen ja vakiintuneisiin ilmaisutapoihin liittyvät seikat: esimerkiksi päiväys merkitään erikielisissä teksteissä eri tavoin. Yleensä käännöksessä on suotavaa mukautua kohdekielen normeihin [Vehmas-Lehto 1999: 107].

Tutkimusaineistona ovat Petroskoin valtionyliopiston neljännen opintovuoden suomen kielen opiskelijoiden ruokaohjekäännökset. 16 opiskelijaa osallistui kevätlukukaudella 2018 käännöskurssille venäjä–suomi. Tämä oli ensimmäinen kurssi, jolla opiskelijat käänsivät vieraaseen kieleen, mutta he olivat jo aiemmin harjoitelleet suomesta venäjään kääntämistä. Kurssiin kuului 20 kontaktiopetustuntia ja kahden tunnin loppukuulustelu.

Kurssilla opetettiin genrepedagogiikan menetelmiä soveltaen: ennen kääntämistä opiskelijat tutustuivat suomenkielisiin rinnakkaisteksteihin ja niitä analysoitiin opettajan johdolla. Rinnakkaisteksti tarkoittaa autenttista kohdekielistä tekstiä, joka funktioiltaan, aihepiiriltään ja tekstuaalisilta ominaisuuksiltaan muistuttaa tavoiteltua käännöstä mahdollisimman paljon (rinnakkais- eli paralleelitekstin käsitteestä esim. [Vehmas-Lehto 1999: 125; Jänis 2006: 55; <http://tieteentermipankki.fi/wiki/K%C3%A4%C3%A4nn%C3%B6stiede:rinnakkaisteksti>, luettu 21.1.2019]. Esimerkiksi ruokaohjeiden kääntämiseen valmistauduttaessa tutustuttiin aitoihin, kääntämättömiin suomenkielisiin ruokaohjeisiin. Lisäksi tunneilla käytiin läpi käännettävä venäjänkielinen teksti ja pohdittiin mahdollisia käännösvaikeuksia. Tämän jälkeen opiskelijat saivat parityönä kotitehtäväkseen suomentaa venäjänkielisen ruokaohjeen annettuun kohdejulkaisuun, tässä tapauksessa Seura-aikakauslehteen [Genrepedagogiikasta ks. Luukka 2004a: 145–160 ja Luukka 2004b: 15–18 sekä näissä mainitut lähteet].

Käännöksistään opiskelijat saivat yhteisen palautteen, jossa käsiteltiin yleisiä ongelmakohtia, esimerkiksi tekstien rakennetta, otsikointia, lukijan ja kohdejulkaisun huomioon ottamista sekä kielioppivirheitä. Lisäksi verrattiin opiskelijoiden käännösratkaisuja suomenkielisten rinnakkaistekstien ratkaisuihin. Opiskelijat saivat myös henkilökohtaista palautetta. Palautteen perusteella he korjasivat käännöstään, ja arvosana annettiin korjatusta versiosta.

Opiskelijat käänsivät kurssilla viisi eri tekstilajia edustavaa tekstiä, mm. uutisen ja ruokaohjeen. Myös loppukuulustelussa heidän tehtävänään oli suomentaa ruokaohje ja lyhyt kulttuuriuutinen.

Artikkelissani vertaan opiskelijoiden kurssin aikaisia ruokaohjekäännöksiä heidän loppukuulustelussa suomentamiinsa ruokaohjeisiin. Keskityn käännösten tekstuaalisiin piirteisiin. Tarkastelen sitä, millaista kehitystä kurssilla annettu palaute on saanut aikaan. Ovatko kurssin lopussa suomennetut ruokaohjeet rakenteeltaan ja konventioiltaan suomalaisempia kuin aiemmin käännetyt?

Ruokaohje tekstilajina

Ruokaohje on arkinen tekstilaji, jota tapaa mitä moninaisimmissa paikoissa: keittokirjoissa, lehdissä, tuotepakkauksissa, kokkausblogeissa, elintarvikeyritysten verkkosivuilla jne. Sen tehtävänä on antaa ohjeet siitä, miten jokin ruokalaji valmistetaan. Pietikäisen ja Mäntysen sekä Pakkala-Weckströmin mukaan ruokaohjeen välttämättömät osat ovat ruoan nimi, ainesluettelo ja valmistusohje. Suomalaisessa ruokaohjeessa osat ovat tässä järjestyksessä. Ruokaohje onkin hyvin vakiintunut genre, jolla on takanaan pitkä historia [Pietikäinen ja Mäntynen 2009: 89–100; Pakkala-Weckström 2011: 92–95].

Ohjetekstin jaksottaminen

Suomennoksissa ei aina seurattu kohdejulkaisun eli Seura-lehden konventioita, jotka ovat valtaosin yleisiä suomalaisten ruokaohjeiden konventioita (esimerkit Seuran ruokaohjeista liitteessä 1). Suomalaisessa ruokaohjeessa ohjetekstiä ei yleensä kirjoiteta yhdeksi kappaleeksi. Usein valmistusohjeen vaiheet myös numeroidaan.

Ensimmäisessä käännösversiossa kaksi kääntäjäparia kahdeksasta kirjoitti ohjetekstin yhdeksi kappaleeksi venäläisen lähdetekstin mukaisesti. Suurin osa kääntäjistä (6/8 paria) kuitenkin jaksotti tekstin kappaleiksi ja numeroi tekovaiheet eli otti huomioon nämä suomalaisen tekstin konventiot jo ensimmäisessä versiossa. Korjatussa käännöksessä kaikki noudattivat suomalaisen ohjetekstin konventioita.

Käännöskokeessa ei ollut suomalaisen rinnakkaistekstin mallia nähtävänä, vain muistutus suomalaisten ruokaohjeiden konventioiden noudattamisesta: *Muista suomalaisten ruokaohjeiden konventiot!* Venäläisen lähdetekstin ohjeet oli kirjoitettu yhdeksi kappaleeksi, ilman vaiheiden numerointia. 15 kääntäjää 16:sta jaksotti tekstin kappaleiksi ja numeroi ohjetekstin kohdat; vain yksi kirjoitti ohjeen yhdeksi kappaleeksi. Voinee siis päätellä, että nämä suomalaisen ruokaohjeen konventiot omaksuttiin kurssin aikana jo varhaisessa vaiheessa, vaikka venäläiset lähdetekstit eivät esittäneet asioita samalla tavalla.

Ainesten järjestys ainesluettelossa

Suomalaisessa ruokaohjeessa ainekset kerrotaan yleensä siinä järjestyksessä, jossa niitä tarvitaan ruokaa valmistettaessa [Pakkala-Weckström 2011: 93]. Venäläiset ruokaohjeet eivät välttämättä noudata tätä periaatetta.

Ensimmäisessä käännöksessä vain yksi kääntäjäpari kahdeksasta (1/8) noudatti tätä ohjetta tapauksessa, jossa venäläisen ainesluettelon järjestys poikkesi suomalaisesta: käännettävänä olleessa venäläisessä riisipaistosohjeessa suola mainittiin eri paikassa kuin missä se suomalaisessa ohjeessa normaalisti olisi. Tässä tapauksessa valtaosa kääntäjistä seurasi venäläisen ohjeen ainesjärjestystä. Muuten käännettävissä venäläisissä ohjeissa oli sama järjestys kuin suomalaisissa.

Käännöskokeessa limettikastikeohjeen ainesten järjestys poikkesi suomalaisen ohjeen konventioista: kastikkeen valmistuksessa tarvitaan ensimmäisenä banaania, mutta *banaani* mainitaan venäläisessä ainesluettelossa vasta neljäntenä (ks. liitettä 2, jossa on loppukuulustelussa käännetty venäläinen ruokaohje). Seitsemän kääntäjää 16:sta (7/16) noudatti suomalaista järjestystä eli nosti *banaanin* ainesluettelon kärkeen. Loput yhdeksän (9/16) seurasivat venäläisen ohjeen järjestystä. Tämä suomalaisen ainesluettelon konventio oli siis juurtunut opiskelijoiden muistiin jossain määrin, muttei niin hyvin kuin tekstin jaksottamiseen liittyvät ohjeet. Ehkä tunneilla annettussa palautteessa ei kiinnitetty ainesluettelon järjestykseen tarpeeksi huomiota.

Suomalaisessa ruokaohjeessa aineiden määrät ilmaistaan yleensä numeerisina ja mittayksiköistä käytetään lyhenteitä: *200 g kreikkalaista jogurttia*. Tiedot annetaan yleensä järjestyksessä määrä + aines [Pakkala-Weckström 2011: 93]. Näin opiskelijatkin tekivät suomennoksissaan jo ensimmäisistä käännöksistä lähtien. Vain kaksi kääntäjäparia käytti ensimmäisessä käännöksessä mittayksikkönä venäläisen lähdetekstin mukaista *lasillinen*-ilmausta. Vehmas-Lehdon mukaan [Vehmas-Lehto 1999: 108] tällaisia epätasomallisia mittoja käytetään venäläisissä ruokaohjeissa yleisemmin kuin suomalaisissa ohjeissa, vaikka niissäkin tapaa muun muassa ilmauksia *riipaus* ja *maun mukaan*.

Käännöskokeessa määrän ja aineksen järjestys saattoi kuitenkin olla epäsuomalainen: ensin mainittiin aines, sitten määrä: *kreikkalainen jogurtti 200 grammaa, banaanit 1 kpl*. Kolme kääntäjää

16:sta (3/16) menetteli näin eli seurasi venäläisen lähdetekstin esittämistapaa. Joillekin kääntäjille (5/16) venäläisestä lähdetekstistä tarttui mukaan myös *kappale*-sana tai sen lyhenne: *banaani I kappale, 1 kpl banaania*. Useimmat kuitenkin kirjoittivat suomalaisen tapaan *I banaani*. *Kappale*-sanana käyttö ei noussut esiin ensimmäisissä käännöksissä, koska niiden venäläisissä lähdeteksteissä ei käytetty tätä sanaa. Näitä tekstejä tunneilla ennalta käsiteltäessä huomio kohdistui muun muassa *lasillinen*-yksikön muuntamiseen suomalaisten konventioiden mukaiseksi. Tämä käännösongelman ennakointi tuottikin varsin hyvän tuloksen, sillä vain kaksi kääntäjäparia käytti ensimmäisessä käännöksessä mittana *lasillista*, muut muunsivat määrän numeeriseksi.

Päätelmiä

Ruokaohje on arkinen käyttöteksti, joka pyrkii ohjaamaan lukijan toimintaa kohti onnistunutta lopputulosta [Pakkala-Weckström 2011: 94]. Tällaisen käännöksen tavoitteena on käsittääkseni adekvaattisuus, hyväksyttävyyys kohdekulttuurissa: käännöksen tulisi sopeutua mahdollisimman hyvin suomalaisten tekstien joukkoon ja täyttää kohdekulttuurin kielellisten normien ja tekstikonventioiden vaatimukset (adekvaattisuuden käsitteestä esim. [Vehmas-Lehto 1999: 91–92; <https://tieteentermipankki.fi/wiki/K%C3%A4%C3%A4nn%C3%B6stiede:adekvaattisuus>, luettu 21.1.2019]). Jotta ohjeen seuraaminen olisi sujuvaa ja lopputulos olisi onnistunut, käännetyn ruokaohjeen tulisi mahdollisimman pitkälle noudattaa suomalaisten tekstien konventioita eikä se saisi herättää turhaa huomiota oudoilla ratkaisilla [vrt. Pakkala-Weckström 2011: 102]. Jos konventioita ei noudateta, tekstistä voi Vehmas-Lehdon mukaan [Vehmas-Lehto 1999: 109] tulla kummallinen, vaikea ymmärtää ja joskus jopa harhaanjohtava.

Koheniko käännösten tekstuaalinen hyväksyttävyyden lyhyen kurssin aikana? Tekstikonventiot muuttuivat osittain suomalaisemmiksi: etenkin ohjetekstin jaksottaminen ja ohjekohtien numerointi omaksuttiin nopeasti. Myös aineiden järjestys ainesluettelossa noudatti loppukokeen käännöksissä suomalaisia konventioita paremmin kuin ensimmäisissä käännöksissä. Loppukuulustelussa osalla kääntäjistä oli kuitenkin vahvaa halua seurata venäläisen tekstin konventioita sanatarkasti: *banaani I kappale*. Sanatarkka lähdetekstin konventioiden seuraaminen oli yleisintä heikoimmassa käännöksissä.

Entä onko tekstikonventioiden opettelu ja harjoittelu vain turhanpäiväistä tekstin yksityiskohtien viilailua? Vai onko sillä merkitystä esimerkiksi käännöksen sisällölle, luettavuudelle tai käytettävyydelle? Oma käsitykseni on, että teksti (ja tekstilaji) on kokonaisuus, jossa kaikilla kirjoittajan valinnoilla on merkitystä. Esimerkiksi ohjetekstin jaksottelu ja sisältökokonaisuuksien numerointi voivat vaikuttaa tekstin luettavuuteen ja helppokäyttöisyyteen yhtä lailla kuin sananvalinnan täsmällisyys ja lauserakenteen selkeys. Muun muassa Kankaanpää ja Piehl opastavat, että ohje kannattaa esittää luetelmana, jossa jokainen vaihe on omana kohtanaan. Lisäksi toiminnan vaiheet on hyvä numeroida. Perusteluksi he esittävät sen, että näin ohjeesta tulee silmällävä ja helposti seurattava [Kankaanpää & Piehl 2011: 297.]

Pietikäisen ja Mäntysen mukaan genren eli tekstilajin valinta ilmenee kielenkäytössä muun muassa jäsennyksen, tyylin, kieliopin ja sanaston valintoina. Genre läpäisee kielenkäytön ja sosiaalisen toiminnan kaikki tasot [Pietikäinen & Mäntynen 2009: 87]. Käännettäessäkin tehdään aina tekstilajiin liittyviä valintoja, eivätkä nämä valinnat ole vain tekstin ulkoisia tuntomerkkejä – esimerkiksi kappaleiden numerointia – vaan olennainen osa sisältöä. Rahdun mukaan [Rahtu 2011: 25] tekstilajista tulee ”kääntäjän kenties tärkein työkalu”, ohjaahan se kaikkea, mitä tekstissä tapahtuu. Tekstilajin ja siten myös tekstikonventioiden omaksumista tarkasteltaessa kiinnostava onkin kirjoittamisen opetusta tutkineen Krashenin huomio, että tekstin muotojen ja rakenteen hahmottamiseen tähtäävät taidot ovat hyödyllisiä ja niitä on myös mahdollista opettaa; sen sijaan esimerkiksi kieliopin opettamisella ei ole hänen mukaansa suoraa vaikutusta kirjoittamiseen [Krashen 1986: 13; Pietikäinen 2007: 140–143].

Kirjallisuus ja lähteet

Jänis Marja. Venäjältä suomeksi ja suomesta venäjäksi // Aleksanteri-sarja. 2006. 1. Vaajakoski: Gummerus Kirjapaino Oy, 2006.

Kankaanpää Salli & Piehl Aino. Tekstintekijän käsikirja. Opas työssä kirjoittaville. Helsinki: Suomen Yrityskirjat Oy, 2011.

Krashen S. J. Writing: Research, Theory and Applications. Oxford: Pergamon Institute of English, 1986.

Luukka Minna-Riitta. Genrepedagogiikka: askelia tekstitaitojen jatkumolla // Hiiden hirveä hiihtämässä: hirveä(n) ihana kirjoittamisen opetus / Luukka Minna-Riitta & Jääskeläinen Pasi (toim.). Äidinkielen opettajain liiton vuosikirja. Helsinki: Äidinkielen opettajain liitto, 2004a. XLVIII. S. 145–160.

Luukka Minna-Riitta. Tekstejä, luovuutta ja prosesseja. – Näkökulmia kirjoittamiseen ja sen opetukseen // Hiiden hirveä hiihtämässä: hirveä(n) ihana kirjoittamisen opetus / Luukka Minna-Riitta & Jääskeläinen Pasi (toim.). Äidinkielen opettajain liiton vuosikirja. Helsinki: Äidinkielen opettajain liitto, 2004b. XLVIII. S. 9–22.

Pakkala-Weckström Mari. Liian monta kokkia? Ruokareseptit opiskelijakäännöksinä // Kääntämisen tekstilajit ja tekstilajien kääntäminen / Immonen Leena, Pakkala-Weckström Mari & Vehmas-Lehto, Inkeri (toim.). Helsinki: Oy Finn Lectura Ab, 2011. S. 91–106.

Pentikäinen Johanna. Kirjoittamisen opetuksesta. Menetelmiä ja näkemyksiä // Näköaloja äidinkieleen ja kirjallisuuteen / Grünthal Satu & Harjunen Elina (toim.). Tietolipas 217. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. S. 140–159.

Pietikäinen Sari & Mäntynen Anne. Kurssi kohti diskurssia. Tallinna: Osuuskunta Vastapaino, 2009.

Rahtu Toini. Tekstilaji on työkalu // Kääntämisen tekstilajit ja tekstilajien kääntäminen / Immonen Leena, Pakkala-Weckström Mari & Vehmas-Lehto Inkeri (toim.). Helsinki: Oy Finn Lectura Ab, 2011. S. 11–27.

Tieteen termipankki 2017. <<https://tieteentermipankki.fi>>

Vehmas-Lehto Inkeri. Kopiointia vai kommunikointia? Johdatus käännteoriaan. Helsinki: Oy Finn Lectura Ab, 1999.

LIITTEET

Veriappelsiini-mozzarellasalaatti
4 annosta
Gluteeniton

2 veriappelsiinia
1 iso pallo bufala mozzarella
½ ruukku basilikaa
2 rkl pistaasipähkinöitä
paahdettuina
2 rkl oliiviöljyä
1 rkl punaviinietikkaa
ripaukset suolaa ja mustapippuria
riipaus sokeria

1. KUORI appelsiinit ja leikkaa ne viipaleiksi tai kalvottomiksi lohkoiksi. Asettele viipaleet vadille.

2. REVI päälle mozzarella ja lisää myös basilikan lehtiä. Ripotele pinnalle paahdetut pistaasipähkinät.

3. SEKOITA oliiviöljyn joukkoon punaviinietikka ja mausta seos suolalla, mustapippurilla ja ripauksella sokeria.

4. VALUTA kastike salaatille ja tarjoile.

Maa-artistokkatryffelikeitto
4–6 annosta
Gluteeniton

1 kg maa-artistokkia
1 iso jauhoinen peruna
1 keltasipuli

4 valkosipulin kynttä
3 rkl voita
1 dl valkoviiniä
n. 8 dl vettä
ripaukset suolaa ja mustapippuria
2 dl kuohukermaa
muutama tippa tryffelöljyä

1. KUORI maa-artistokat kärsivällisesti ja paloitele ne (voit myös vain pestä ne huolellisesti juurresharjalla ja käyttää kuorineen, mutta silloin keiton väristä ei tule yhtä kaunis ja vaalea). Kuori peruna ja paloitele se. Hienonna sipuli ja valkosipulin kyntnet.

2. KUUMENNA voi kattilassa ja lisää sipulit. Kuullota pehmeiksi. Lisää myös maa-artistokat ja perunat ja sekoita puolisen minuuttia. Lisää viini ja vesi. Kuumenna kiehuvaan ja keitä kunnes juurekset ovat pehmeitä.

3. KAADA keitinlientä hieman pois kattilasta mutta säästä se toistaiseksi. Soseuta keitto tasaiseksi sauvasekoittimella. Nosta kattila takaisin liedelle ja lisää kerma sekä mausta keitto suolalla ja mustapippurilla. Kuumenna kiehuvaan ja tarkista maku. Notkista keitto tarvittaessa sopivan paksuksi keitinliemellä.

4. VIIMEISTELE keitto muutamalla tipalla tryffelöljyä. ▶

www.seura.fi 04/2018 SEURA 49

Liite 1. Seura-aikakauslehden ruokaohjeet

Соус с лаймом

Ингредиенты

Йогурт греческий	200 граммов
Мед	1-2 ст.л.
Сливки	2 ст.л.
Бананы	1 штук(и)
Лайм	1 штук(и)
Соль и перец	

- Количество порций: 4
- Время приготовления: 5 минут

Банан чистим и разминаем в пюре. Перемешиваем с натуральным (несладким) йогуртом и сливками. С лайма счищаем цедру и выжимаем сок. Прежде чем снимать цедру, хорошенько промойте цитрусовые горячей водой. Соединяем с медом и вместе с цедрой добавляем к бананово-йогуртовой смеси. Приправляем по вкусу солью и перцем. Этот соус подойдет как к жареным куриным крылышкам или голеньям, так и к холодной свинине.

Liite 2. Venäläinen ruokaohje, joka käännettiin kurssin loppukuulustelussa
[<http://www.wday.ru/cooking/recipe/sous-s-laymom/>]

Anna Maija Karhu
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)

**THE EFFECTIVENESS OF TEACHING TRANSLATION:
ADOPTION OF TEXT CONVENTIONS DURING
A TRANSLATION COURSE**

The article discusses whether a short translation course has an impact on a student's translation skills, especially on the development of text conventions. The research investigated recipes translated from Russian into Finnish by Russian students. The study compares translations produced during the course with the translations produced in the final exam.

It was found that during the translation course, text conventions began to approach those of the target language.

Keywords: translation, teaching translation skills, text convention, genre, instructive text.

Научное электронное издание

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ЗАДОКУМЕНТИРОВАННОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО»
(Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.)

*Издается по решению Ученого совета Института языка,
литературы и истории КарНЦ РАН*

Редактор *Е. В. Азоркина*

Оригинал-макет, электронная версия *Н. Н. Сабанцевой*
Оформление обложки и этикетки диска *А. Н. Трифановой*

Подписано к изготовлению 18.11.2020. 1 CD-R. 43 Мб.
Тираж 300 экз. Изд. № 188.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
<https://petsu.ru>
Тел.: (8142) 71-10-01 press.petsu.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
URL: press.petsu.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html
Тел./факс (8142) 78-15-40
nvpahomova@yandex.ru